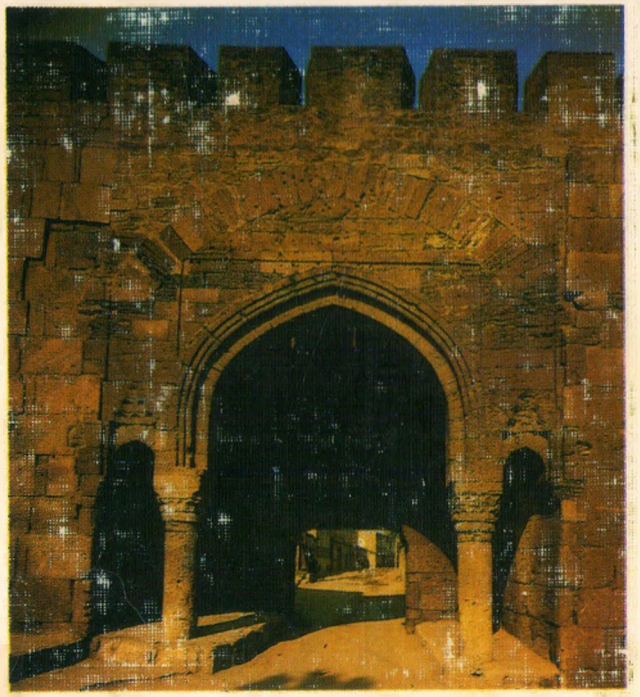
К88

А.А.Кудрявцев

Феодальный ДЕРБЕНТ



902.6 (Д2г)
К 88

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ДАГЕСТАНСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

А.А.Кудрявцев

Феодальный ДЕРБЕНТ

Пути и закономерности развития города в VI — середине XIII в.

МОСКВА «НАУКА» 1995

63.3 (2...)
К 88

Ответственный редактор
доктор исторических наук А. Р. ШИХСАИДОВ

Рецензенты:
доктор исторических наук О. Г. БОЛЬШАКОВ,
кандидат исторических наук А. Р. МАГОМЕДОВ, О. М. ДАВУДОВ

Редактор издательства Г. Д. КАПУСТИНА

На переплете: Ворота Орта-капы в южной городской стене

Кудрявцев А. А.

К88 Феодальный Дербент: Пути и закономерности развития города в VI — середине XIII в. — М.: Наука, 1993. — 320 с.
ISBN 5-02-008591-X

Книга посвящена проблемам развития одного из крупнейших военно-политических и торгово-экономических центров средневекового Кавказа. На базе обширнейшего археологического материала, нарративных источников, данных эпиграфики и нумизматики рассматриваются сложные проблемы формирования города от возникновения до монгольского завоевания. Дается характеристика Дербента как самостоятельной экономической единицы, выявляется его роль в феодализации и урбанизации дагестанского общества.

Для историков, археологов, востоковедов и всех интересующихся древней историей Кавказа.

К $\frac{0505030900-152}{042(02)-93}$ 77—91, II полугодие ББК 63.3 (2...)

Научное издание

Кудрявцев Александр Абакарович

ФЕОДАЛЬНЫЙ ДЕРБЕНТ

Пути и закономерности развития города в VI—середине XIII в.

Утверждено к печати Институтом истории дагестанского научного центра РАН

Заведующая редакцией *З. Г. Демидова*. Редактор издательства *Г. Д. Капустина*
Художник *Ф. Н. Буданов*. Художественный редактор *М. Л. Храмцов*
Технический редактор *Т. А. Калинина*. Корректоры *Р. С. Алимова, Л. А. Лебедева*

ИБ № 47863

Сдано в набор 24.12.91. Подписано к печати 20.12.92. Формат 60×90¹/₁₆
Гарнитура Литературная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 20,1. Усл. кр.-отт. 21,0. Уч.-изд. л. 23,4.
Тираж 430 экз. Тип. зак. 4364

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485 Профсоюзная ул., 90.

Московская типография № 2 ВО «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

156889

ISBN 5-02-008591-X

© Кудрявцев А. А., 1993
© Российская академия наук, 1993

г. Махачкала
научная библиотека
ДНЦ РАН

ВВЕДЕНИЕ

Города Кавказа, и особенно Дагестана, феодальной поры пока еще очень слабо изучены, и многие вопросы их сложения, путей формирования исторической топографии, социально-экономического и культурного развития остаются до настоящего времени неисследованными. Кавказ, служивший в древности и средневековье своеобразным мостом между Восточной Европой, Передней Азией и Средиземноморьем, испытывал экономическое и культурное влияние этих регионов, что нашло определенное отражение и в градостроительных традициях его обитателей.

В ходе исторического развития территории Дагестана и соседнего Азербайджана были в отличие от других областей Кавказа более тесно связаны с сасанидским Ираном и мусульманским Востоком. Это оказало существенное влияние на пути становления феодальных городов Восточного и Северо-Восточного Кавказа, воспринявших в своей планировке, структуре, динамике многие черты восточного города. Феодальный город Востока и его роль в процессе исторического развития местного общества не изучены еще с должной полнотой, и до настоящего времени во многом неясны пути становления восточного города и главные причины, приведшие к столь значительным отличиям его от города европейского.

Проблемы дагестанского феодального города, поставленные в историографии впервые и исследуемые на материалах Дербента — одного из крупнейших городов средневекового Кавказа, представляют большой интерес для изучения восточного феодального города вообще и для кавказского в частности.

Дербент, входящий в число древнейших городов нашей страны, является первым дагестанским феодальным городом, в котором проводились столь значительные всесторонние исследования и были выявлены пути и закономерности формирования от возникновения в эпоху раннего железа до периода монгольского завоевания.

С особой актуальностью в связи с проблемами изучения феодальных городов Дагестана встают вопросы их возникновения, причин появления и развития, превращения в крупные торгово-ремесленные и культурные центры, генезиса и типологии, которые были исследованы на примере Дербента.

Дербент, а точнее, Дарбанд, что в переводе с персидского означает «узел, связь, запор ворот», — второй по величине город

Дагестана, расположенный на западном побережье Каспийского моря, в одном из самых узких и стратегически важных мест знаменитого Прикаспийского пути. На протяжении многих веков он связывал степи Евразии с развитыми областями Передней Азии и Закавказья, т. е. территории обитания кочевников с известными центрами древнеземледельческой цивилизации. Дербент, расположенный у главных «ворот» этого пути, служил как бы связующим звеном между кочевым миром Предкавказья, Северного Кавказа и Прикаспия и крупными политическими объединениями закавказско-ближневосточного мира, оставаясь одновременно важнейшим военно-стратегическим оплотом последнего в борьбе с первым.

Особая роль Дербента в охране северных границ известных государств Кавказа, Ближнего и Среднего Востока нашла отражение и в названиях этого города, которых только в письменных источниках зафиксировано более двадцати.

Греко-римские историки античного периода, иранские и сирийские источники III—VI вв. именовали его Каспийскими или Албанскими воротами, армянские, албанские, грузинские раннесредневековые авторы — Воротами и городом Чор, Чол (Джол), Чага, византийцы — укреплением Тзор, Тзур (Цур), арабы — Баб ал-абвабом (Ворота ворот), Баб ал-хадидом (Железные ворота), крепостью Сул, монголы — Кахулга (Ворота), тюрки — Темир-капы (Железные ворота), русские — Дербенем или Железными вратами.

Укрепления Дербента представляют собой оборонительный комплекс, включающий северную и южную городские стены, протянувшиеся параллельно от вершины холма до берега моря (длина каждой около 3,5 км); цитадель Нарын-калу, расположенную на вершине холма (около 4,5 га); Горную стену с системой фортов и башен, протянувшуюся на 40 км в горы.

Среди многочисленных средневековых городов Дагестана и всего Кавказа Дербент выделяется своими размерами (площадь сплошной застройки в XI—XIII вв. более 150 га), впечатляющей толщиной культурных напластований (до 10 м), уникальной сохранностью мощнейших оборонительных сооружений, входящих в число наиболее значительных памятников мировой фортификации.

То, что Дербент почти полностью сохранил городские стены и цитадель, позволяющие судить о его планировке и структуре, многие элементы своей средневековой топографии и топонимики, а также наличие значительного количества нарративных и эпиграфических источников по истории города выгодно отличает его от многих других средневековых памятников Дагестана и создает наиболее благоприятные условия для изучения. Появление и дальнейший генезис городов, характеризующих определенные узловые этапы в становлении классового общества, являются наиболее ярким показателем степени его социально-экономического развития, что делает изучение процессов урбанизации данного общества крайне необходимым и актуальным.

Многолетнее комплексное историко-археологическое исследование Дербента позволило выявить основные этапы и закономерности становления дагестанского феодального города, его роль в процессах феодализации и урбанизации местного общества, охарактеризовать уровень экономического и социального развития. Сопоставление его с крупнейшими средневековыми памятниками Западного Прикаспия показало, что феодальный Дербент представляет собой наиболее характерный образец городов определенного типа, сложившихся на Северо-Восточном и Восточном Кавказе в важнейших местах Прикаспийского пути. Это позволяет впервые в историографии дать классификацию городов средневекового Дагестана и выделить особый тип кавказского феодального города, сформировавшегося в Западном Прикаспии в силу специфики исторического развития этих областей Дагестана и Азербайджана. Появившись как крупные памятники сасанидского фортификационного строительства, которые в большинстве своем возникли на базе укреплений и городов скифского и албанского времени, они благодаря активизации торговли в Прикаспии превратились в наиболее значительные средневековые города (Семендер, Дербент, Шабиран и др.).

Изучение феодального Дербента дает возможность показать на его примере особую роль города в социально-экономическом развитии дагестанского средневекового общества, в становлении и укреплении новых производственных отношений, выявить его значение как самостоятельной экономической единицы и фактора прогресса.

Проблемы, связанные с исследованиями генезиса и путей развития средневекового города, сложны и многогранны. Они включают в себя вопросы его возникновения и территориального роста, сложения городской структуры и планировки, развития экономики и товарообмена, периодизации и ориентации ремесленного производства и торговли, углубления процессов феодализации и урбанизации местного общества. Решение этих сложных вопросов истории Дербента требует привлечения широкого круга самых разнообразных источников.

Солидная источниковая база, успешная дешифровка многочисленных эпиграфических памятников Дербента и материалы многолетних археологических раскопок, проводившихся здесь в 1971—1991 гг., позволили использовать в данной работе весь комплекс этих источников, которые дополняются прекрасно сохранившейся древней фортификацией и другими архитектурными памятниками города. Комплексное использование всего круга названных источников в значительной мере восполняет недостатки каждого из них, ликвидирует существующие здесь пробелы и дает возможность успешно воссоздать основные аспекты средневековой истории Дербента.

В отличие от многих других городов Кавказа домонгольской поры Дербент был широко известен средневековым историкам и географам, и сведения о нем имеются почти во всех

Рис. 1. Общий вид города с вершины дербентского холма

нарративных источниках, посвященных данному региону. Эта группа источников включает в себя сведения византийских, сирийских, армянских, албанских, арабских, персидских, западноевропейских и местных авторов о Дербенте VI—XIII вв. При работе над письменными источниками и необходимости их сопоставления мной были использованы публикации и переводы В. В. Латышева, А. Казем-бека, В. В. Бартольда, В. Ф. Минорского, И. А. Орбели, Н. В. Пигулевской, К. П. Патканова, Н. О. Эмина, Н. А. Караулова, М. И. де Гуе, И. Крамерса, П. К. Жузе, А. П. Новосельцева, З. М. Буниятова, Б. Н. Заходера, Г. В. Цулая, С. П. Кондратьева, О. Г. Большакова, М.-С. Саидова, А. Р. Шихсаидова и др.

Сведения о Дербенте раннесредневековой поры, содержащиеся в произведениях ряда византийских, сирийских, армянских, албанских, грузинских авторов VI—VIII вв. (Прокопий Кесарийский, Малала, Феофан Исповедник, Захария Ритор, Лазарь Парбеци, Ананий Ширакаци, Себеос, Левонд и др.), весьма отрывочны и скупы. В основном они касаются отдельных вопросов политической истории города, возникновения его укреплений и их военно-стратегической роли в регионе.

Особая роль Дербента в охране северных границ Арабского халифата, о чем свидетельствует уже само арабское название города Баб ал-абваб (Ворота ворот), торгово-экономическое и политическое значение города привлекали к нему широкое внимание средневековых историков и географов. Среди многочисленных сочинений, в которых освещаются те или иные аспекты политической истории и социально-экономического развития

Дербента VIII—X вв., выделяются труды таких известных арабских авторов, как Баладзори, Я'куби, Ибн Хордадбех, Табари, Куфи, Мас'уди, Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси и др.

Это было время расцвета арабской географической и исторической науки в халифате[1]—в данный период крупнейшего государства средневекового Востока, в которое вошел Дербент и где складывались общая культура, торгово-экономические связи, язык, письменность и религия.

Особую ценность среди нарративных источников XI—XIII вв. представляют местные исторические хроники, важнейшими из которых являются: «Тарих Баб ал-абваб» (История Дербенда), «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик» (Базилик истин и сад тонкостей), «Тарихи Дербенд-наме» (История Дербенда).

«Тарих Баб ал-абваб» содержит ценнейшие материалы по политической истории Дербента X—XI вв., острой социальной борьбе внутри дербентского общества, рисует расстановку сил в нем, сословные противоречия и социальную опору противоборствующих группировок, показывает сложные взаимоотношения эмиров города с феодальными правителями Кавказа. Важны сведения источника по социальной структуре и исторической топографии феодального Дербента.

Не менее ценно для истории города недавно обнаруженное М.-С. Саидовым сочинение дербентского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммеда ад-Дербенди «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик», рисующее Дербент как один из крупных очагов суфизма на средневековом Востоке. Этот пока неизданный источник содержит очень важные сведения о городском ремесле, социальной структуре дербентского общества, составе городских низов, их идеологических представлениях, категориях ремесленников и мелких торговцев, о суфийских шейхах и уровне их влияния на городской люд Дербента.

Известная историческая хроника «Тарихи Дербенд-наме» представляет собой компилятивный труд, основанный на извлечениях из ценных арабских и персидских источников, сделанных Мухаммедом Аваби Акташи.

Несмотря на легендарность и даже фантастичность отдельных мест этой хроники, несмотря на ее явную компилятивность и тенденциозность, «Дербенд-наме» является важнейшим источником по истории города, времени его возникновения и этапов развития, социальной структуре и исторической топографии. Достоверность целого ряда сообщений этого сочинения была подтверждена археологическими исследованиями, в их числе версия о древнем возникновении города, о разновременности северной и южной стен и др.

Ряд интересных данных по истории Дербента содержится в поэтических произведениях XII—XIII вв. (Низами Гянджеви, Хакани, Муджири Байлакани и др.) и в сочинениях многих известных историков и географов этого времени (Леонти

Мровели, ал-Гарнати, Ибн ал-Азрака, Идриси, Ибн Саида Азизи, Абу-л-фиды, Рашид ад-дина, Хамдаллаха Казвини, Киракоса Гандзакеци, Вардана Великого, ал-Джуржани, ал-Бакуви и др.), а также знаменитых западноевропейских путешественников (Вильгельма Рубрука, Марко Поло).

Эпиграфические памятники Дербента, представленные многочисленным разнохарактерными надписями на его оборонительных стенах, гражданских и культовых сооружениях, также являются важным источником по истории города VI—XIII вв. Хронологически они делятся на две большие группы: пехлевийские или среднеперсидские надписи, связанные с развитием Дербента в VI—VII вв., и арабоязычные, относящиеся к VIII—XIII вв.

Пехлевийские надписи сохранились на северной стене города и стенах цитадели, их число до недавнего времени равнялось двадцати. В результате исследований экспедиции в последние годы удалось выявить пять новых надписей.

В работе используются публикации и переводы надписей Г. С. Ниберга, Е. А. Пахомова, В. Г. Луконина, М. Н. Боголюбова, В. Б. Хеннинга, С. Ю. Косумовой.

По содержанию пехлевийские надписи Дербента, в свою очередь, можно разделить на четыре подгруппы, каждая из которых включает ряд важных данных об этапах сасанидского строительства в Дербенте, производителях и руководителях работ, а в одной из надписей имеется дата возведения северной стены.

Вторую, наиболее многочисленную группу эпиграфических памятников города составляют арабоязычные надписи. В работе используются публикации и переводы Л. И. Лаврова, а также Н. В. Ханыкова, Е. А. Пахомова, А. Р. Шихсаидова, М. Х. Нейматовой и др.

В отличие от пехлевийских надписей Дербента арабоязычные были нанесены не только на стены зданий города и цитадели, но и на целый ряд других памятников, включающих культовые сооружения, общественно-бытовые постройки, надмогильные надгробия. В них содержатся сведения о социальном, экономическом, политическом, культурном развитии Дербента VIII—XIII вв.

Нумизматический материал представлен внушительным количеством медных и серебряных монет, исследование которых позволяет осветить ряд экономических аспектов истории Дербента и развития его торговых связей. Хронологически они относятся к трем периодам развития города и представлены монетами персидских (V—VII вв.), арабских (VIII—X вв.) правителей и местных дербентских эмиров (XII—XIII вв.), чекану которых принадлежит основная масса находок.

Нумизматический материал является важным источником по истории Дербента, периодизации формирования феодального города, уровню его экономического развития, политического положения в регионе, ориентации и интенсивности торговых связей.

При работе с нумизматическим источником были использованы публикации Е. А. Пахомова и М. И. Исакова, а также определения монет М. Е. Массона, Г. А. Федорова-Давыдова, А. Раджаблы, которым автор приносит глубокую благодарность.

Наиболее ценным и совершенно новым источником по истории средневекового города является археологический материал, который стал доступен в результате систематических археологических исследований, впервые начатых в Дербенте в 1971 г. экспедицией Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР под руководством автора.

В результате археологического изучения Дербента удалось исследовать многочисленные памятники фортификационной, культовой и гражданской архитектуры, получить обширную информацию о различных сферах материальной и духовной культуры обитателей феодального города. Здесь впервые в Дагестане были выявлены сложноплановые дворцовые комплексы, административные постройки, церкви, мечети, водохранилища, бани, караван-сараи, складские помещения, дома знати и торгово-ремесленного люда, ремесленные мастерские и остатки разнохарактерного производства, впечатляющая по многочисленности и разнообразию керамика, изделия из стекла, камня, металла, кости, различные орудия труда, оружие, предметы украшений.

Стратиграфические исследования, проводившиеся на всей территории средневекового Дербента и за его стенами, позволили установить внушительную многослойность его культурных отложений и проследить динамику развития города. Древнейшее ядро Дербента сформировалось на вершине холма в районе цитадели, где слои VI—XIII вв. перекрывают более ранние культурные отложения эпохи бронзы и раннего железа (непосредственно ниже слоев сасанидского времени лежат напластования албанского и скифского периодов).

Культурные отложения VI — середины XIII в. включают в себя шесть слоев, относящихся к трем историческим периодам развития города: VI — начало VIII в. (два слоя — сасанидское время), VIII—X вв. (два слоя — арабское время); X — середина XIII в. (два слоя — Дербентский эмират).

Основой для датировки каждого из выявленных слоев послужили многочисленные археологические находки — керамика, предметы вооружения и быта, украшения, архитектурный декор, монеты и отдельные изделия с куфическими надписями [2].

Всесторонний анализ разнообразных археологических материалов позволил осветить многие аспекты древней и средневековой истории Дербента, проследить динамику развития города от его возникновения до превращения в крупный торгово-экономический и политический центр. Археологические данные стали основным источником для освещения ряда узловых проблем становления феодального города, основных путей его социально-экономического и культурного развития.

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ

Проблемы средневекового города, путей его сложения и динамики развития, трактовки города как явления экономического и социального привлекают в последнее время более пристальное внимание специалистов. Однако средневековые города Кавказа, особенно Восточного и Северо-Восточного, имеющие много общего с городами средневекового Востока, изучены пока еще недостаточно.

Исследователи средневекового города в нашей стране справедливо отмечали, что, «к сожалению, вопрос о городе на Востоке, особенно о городе средневековой эпохи, не разрабатывается в советской историографии с должной полнотой, несправедливо заслоняемый проблематикой аграрных отношений»[3].

В последние два-три десятилетия в зарубежной историографии значительное место уделяется восточному феодальному городу[4], именуемому обычно западными исследователями мусульманским.

Зарубежные специалисты внимательно изучают кварталы и квартальные общины мусульманских городов, служившие основной ячейкой их социальной структуры[5], а также роль духовенства и различных религиозных братств в жизни средневекового городского общества[6]. Все эти вопросы актуальны и при исследовании закономерностей социально-экономического развития феодального Дербента, но главный упор здесь делается на изучение его экономики, социальной структуры общества, развития производительных сил и производственных отношений.

Археологическое изучение средневековых городов Дагестана началось лишь три десятилетия назад, когда под руководством В. Г. Котовича стало исследоваться Урцекское городище, хотя к этому периоду М. И. Исаковым и рядом других исследователей уже было выявлено около семидесяти городищ древнего и средневекового периодов[7]. В дальнейшем Д. М. Атаевым, М. И. Пикуль, К. А. Бредэ, М. М. Маммаевым, М. Г. Магомедовым, А. И. Абакаровым, М. Г. Гаджиевым, А. Р. Магомедовым, Г. С. Федоровым, Л. Б. Гмырей, М. С. Гаджиевым, Д. М. Магомедовым обследовался и раскапывался ряд средневековых поселений и городищ Дагестана, материалы раскопок которых нашли отражение в публикациях и отчетах.

Однако незначительные объемы раскопок на средневековых памятниках Дагестана, подавляющее большинство которых носило разведывательный характер, и почти полное отсутствие сведений об этих памятниках в письменных источниках (исключение составляет лишь Дербент) не позволили вплотную подойти к изучению проблем средневекового города Северо-Восточного Кавказа. Положение изменилось лишь с началом широких стационарных исследований в древнем Дербенте, который стал первым феодальным городом Дагестана, изученным с должной полнотой.

Интерес к древнему Дербенту и его многовековой истории возник у исследователей давно. Изучение древностей города началось со времени персидского похода Петра I в 1722 г., когда по приказу императора сопровождавшие его ученые сделали описание и чертежи фортификационных сооружений Дербента и первые зарисовки надписей на его стенах.

Среди наиболее ранних работ о Дербенте можно отметить труды Д. К. Кантемира, Ф. З. Бауэра, И.-Г. Гербера, С. Г. Гмелина, П. Г. Буткова, Е. Коцебу, Э. Эйхвальда, Р. Эркерта, А. В. Комарова и др.

Большой вклад в изучение нарративных источников и эпиграфических памятников города в дореволюционный период внесли известные востоковеды Х. Д. Френ, Н. В. Ханыков, К. К. Фезе, П. С. Савельев, И. Бартоломей, Ю. Клапрот, М. Казем-Бек, И. д'Оссон. Отдельных вопросов его средневековой истории касались такие крупные специалисты, как Б. А. Дорн, И. Маркварт, Н. А. Караулов, А. Манандян и др.

Первая попытка написать историю Дербента на основании данных ряда письменных источников и местных легенд была предпринята Е. И. Козубским (История города Дербента, Темир-Хан-Шура, 1906), но оказалась неудачной и вызвала резкую критику В. В. Бартольда, считавшего, что «задача оказалась не по силам автору».

Сам В. В. Бартольд уделял большое внимание истории Дербента и на базе доступных ему арабоязычных источников написал ряд ценных статей (Дербент, 1908; К истории Дербента, 1910; Новое известие о стенах Дербента, 1913) об отдельных периодах его политического развития, конструктивных особенностях городских стен и приемах их возведения. Однако этот крупнейший специалист выдвинул ошибочную схему формирования исторической топографии средневекового города и неверно датировал этапы сложения частей его структуры (цитадели, шахристана, рабада).

Новый этап в изучении Дербента начался в советское время, когда в обследованиях памятников города приняли участие такие крупные ученые, как А. С. Башкиров, Н. Я. Марр, И. А. Орбели, К. В. Тревер, Е. А. Пахомов, М. И. Артамонов и др.

В 1929 г. был издан наиболее полный свод пехлевийских надписей Дербента, толкование которых вызвало оживленную дискуссию, привлекшую внимание известных советских и зарубежных специалистов (Г. С. Ниберга, Е. А. Пахомова, Ф. А. Розенберга, В. Ф. Минорского и др.).

Особая заслуга в сборе и систематизации пехлевийских надписей в исследовании всей системы «длинных стен» принадлежит Е. А. Пахомову.

Заметный вклад в изучение истории возникновения дербентских укреплений, их роли в борьбе с кочевниками и в исследование политического развития города в раннесредневековый период внесли работы М. И. Артамонова (Древний Дербент // СА. 1946;

История хазар. Л., 1962) и К. В. Тревер (Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959). Однако в них повторен ряд ошибок В. В. Бартольда по исторической топографии и структуре Дербента VI—XIII вв.

Уникальным источником и ценным исследованием является опубликованная В. Ф. Минорским работа «История Ширвана и Дербенда» (М., 1963), где даны фрагменты политической истории средневекового города, его социальной структуры и стратификации, показаны острые противоречия в местном феодальном обществе.

Ряд важных вопросов идеологического и социально-экономического развития Дербента, его роли в истории Дагестана затронут в работах Р. М. Магомедова (История Дагестана. Махачкала, 1961; Дагестан. Исторические этюды. Махачкала, 1969) и А. Р. Шихсаидова (Ислам в средневековом Дагестане. Махачкала, 1969; Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975).

Значительный вклад в изучение средневековой эпиграфики города внесли работы Л. И. Лаврова, который систематизировал и издал большую часть арабоязычных надписей Дербента (Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966—1980. Т. I—III).

Описанию и изучению архитектурных памятников города, башен и стен его крепости посвящен ряд ценных работ С. О. Хан-Магомедова (Дербент. М., 1958; Ворота Дербента // АН. 1972; Джума-мечеть в Дербенте // СА. 1970 и др.), который провел квалифицированное исследование сохранившихся здесь средневековых сооружений, но ошибся, судя по нашим данным, во времени основания и первоначальном назначении Джума-мечети.

Определенные итоги изучения истории Дербента были подведены в обобщающих трудах дагестанских исследователей (Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1; История Дагестана. М., 1967. Т. 1).

Отдельных аспектов средневекового развития города касались в своих работах и другие известные специалисты: Н. В. Пигулевская, Б. Н. Заходер, З. М. Буниятов, С. Б. Ашурбейли, Я. А. Манандян, С. Т. Еремян, П. И. Спасский, Л. Н. Гумилев, М. И. Исаков, С. Ш. Гаджиева, Л. С. Бретаницкий, А. В. Саламзаде, М. Б. Бакланов, В. Г. Гаджиев, Ш. М. Ахмедов.

Работы дореволюционных и советских историков, востоковедов, архитекторов внесли весомый вклад в изучение ряда вопросов истории средневекового Дербента, но решить узловые проблемы его развития, показать пути и закономерности формирования, причины возникновения и расцвета крупного феодального города Дагестана, выявить основные этапы его социально-экономического и культурного становления позволили лишь многолетние комплексные исследования Дербентской археологической экспедиции, основные материалы и выводы которых нашли отражение в ряде монографий и статей автора.

Глава первая

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ДЕРБЕНТА

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕРБЕНТА

Дербент вошел в историческую литературу как один из немногих средневековых городов Кавказа, время возникновения которого было установлено и не вызывало сомнения у специалистов. Анализ многочисленных сообщений арабоязычных источников IX—X вв. и данные дешифровки пехлевийских надписей города дали основания отнести возникновение Дербента ко второй половине VI в. н. э., и эта дата прочно вошла в мировую историографию. Однако уже первые широкие раскопки, начатые в 1971 г. Дербентской экспедицией, позволили говорить о более раннем возникновении города и о многовековом древнем периоде его истории. Подобно большинству средневековых городов Дагестана, Дербент возник на месте древнего опорного пункта скифского и албано-сармартского времени, основанного, в свою очередь, на остатках поселений эпох ранней бронзы и перехода от бронзы к раннему железу. Этот древний опорный пункт, возникший в конце VIII — начале VII в. до н. э., оказал существенное влияние на сложение топографии феодального Дербента, а планировка и территория обживания его почти полностью вошли в состав средневековой цитадели — древнейшего ядра города. Раскопки и данные письменных источников позволили совершенно по-новому взглянуть на возникновение Дербента и периодизацию его исторического развития, выделив главные периоды в его политической истории.

В результате археологических исследований на дербентском холме прослеживаются два этапа исторического развития Дербента в древний, досасанидский период: первый — возникновение и развитие мощной крепости-убежища и крупного поселения около нее — конец VIII—I в. до н. э.; второй — дальнейшее развитие и рост древнего опорного пункта и превращение его в первый древнеалбанский город Дагестана — I—IV вв. н. э.

Несмотря на многочисленные сообщения средневековых восточных источников и местных исторических хроник о глубокой древности города, возникновение Дербента большинство исследователей связывают со строительной деятельностью знаменитого сасанидского правителя Хосрова I Ануширвана (531—579 гг.). Версия же об очень древнем возникновении Дербента прочно вошла в средневековую историческую и художественную литературу и стала традиционной, хотя основные мотивы ее носят явно

легендарный характер. В этой исторической традиции прослеживаются две основные версии основания Дербента: одна из них связывает возникновение города с именами эпических древнеиранских царей Пешдадидской (Афридон или Фаридун) и Кейанидской (Лехрасп или Лухрасиб-шах) династий [1], другая — с Александром Македонским [2]. Однако ни мифические иранские цари, ни Александр Македонский, никогда не бывавший на Кавказе, не могли быть основателями Дербента, и эти данные средневековых письменных источников не имеют под собой реальной исторической почвы, хотя в основе их, вероятно, лежит известный факт досасанидского возникновения города.

Древние источники не донесли до нас конкретных данных о Дербенте, и мы не знаем о том, был ли знаком древний мир с Дербентскими воротами и укреплениями в них.

Поход или походы скифов на рубеже VIII—VII вв. до н. э. в Переднюю Азию, когда ими использовалось для вторжения западное побережье Каспия, значительно повысили стратегическое значение этих областей, в первую очередь Дербентского прохода, и должны были привлечь к нему внимание правителей древнего Востока, страдавшего от набегов кочевников.

Так, Геродот сообщает, что «скифы господствовали в Азии двадцать восемь лет и все опустошили своим буйством и излишеством» [3]. Известный востоковед В. Ф. Минорский полагал, что попытки укрепить дербентские «ворота» предпринимались уже царями «мировой» Персидской державы Ахеменидов [4], власть которых, по сообщению Геродота, распространилась «до Кавказского хребта (ибо до этого хребта простиралось владычество персов)» [5].

Первое упоминание «Каспийских ворот» — наиболее древнего названия Дербентского прохода — относится к VI в. до н. э., его приводит известный древнегреческий автор Гекатей Милетский (VI в. до н. э.) в связи с описанием границ Мидии, хотя не исключено, что он имел в виду «ворота» в Северо-Восточном Иране. Однако Каспийские ворота, упомянутые античным историком IV в. до н. э. Харесом Митиленским, писавшим в связи с событиями VIII или VII в. до н. э., что «Гистасп владел Мидией и Нижней страной, а Зариадр — областью, лежавшей выше Каспийских ворот до Танаида» [6], вероятно, надо отождествлять, исходя из общеизвестного местоположения Танаида, с Дербентом.

В результате археологических исследований Дербентской экспедиции на вершине дербентского холма, значительная часть которого занята мощной цитаделью города сасанидской поры, под многометровыми культурными напластованиями средневекового периода были вскрыты остатки древнего укрепленного пункта, появившегося здесь задолго до распространения власти сасанидского Ирана на Дербентский проход. Раскопками было установлено, что вершина дербентского холма обживалась уже с глубокой древности, о чем свидетельствуют находки круглоплановых турлучных домов, хозяйственных комплексов, зерновых

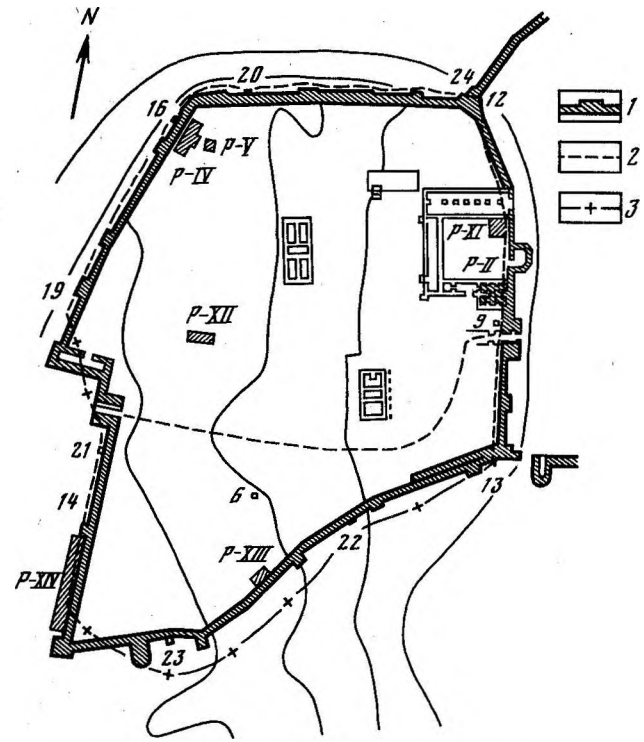


Рис. 2. План цитадели Нарын-кала (V—VI вв. н. э.) и древней крепости (рубеж VIII—VII вв. до н. э.)

1 — стены раннесредневековой цитадели; *2* — стены древней крепости; *3* — предполагаемая граница южной стены крепости

ям, каменных и бронзовых топоров, зернотерок, кремневых вкладышей серпов, очажных подставок куро-аракского типа, керамики эпохи ранней бронзы, моделей колес повозок, керамических статуэток богини плодородия [7].

Первое поселение, возникшее здесь еще в эпоху ранней бронзы (III тысячелетие до н. э.), занимало всю северо-восточную часть вершины холма, площадью около 4—5 га. Оно, как и более поздние древние поселения (эпохи поздней бронзы и предскифского времени) на дербентском холме, было надежно защищено естественными преградами, дополненными древнейшими укреплениями [8].

В начале эпохи раннего железа на вершине холма возник мощный укрепленный пункт, который, господствуя над проходом, существовал и развивался вплоть до сасанидского проникновения в IV в. и возведения иранцами здесь нового типа оборонительных сооружений, в значительной степени воспринявших планировку древней фортификации Дербента (цитадель города).

Удалось установить, что стены древней крепости были сложены из грубообработанного местного камня — ракушечника

крупного и среднего размеров, уложенного насухо с земляной засыпкой, выполненной на отдельных участках довольно небрежно. Кладка сохранилась в высоту до 1—2 м, при ширине ее местами до 6—7 м[9].

Строительный материал, приемы возведения и конструктивные особенности древнейшей фортификации Дербента резко отличаются от сасанидских укреплений города и находят себе самые широкие аналоги в оборонительных сооружениях древнего Дагестана. Характерные особенности массового археологического материала позволяют считать первые дербентские укрепления памятником местного, дагестанского строительства и связывать его основание не с именами эпических царей и прославленных завоевателей древнего Востока, а с местными обитателями этих районов Дагестана.

Убедительным доказательством этому служат исследования массового керамического материала из культурных слоев Дербента скифского и албано-сарматского времени, свидетельствующие о его несомненном сходстве с подобными изделиями многих районов Дагестана, особенно южных, и Азербайджана[10].

Таким образом, возникновение Дербента и начало сложения исторической топографии феодального города, формирование его древнейшего ядра и одной из основных частей городской структуры — цитадели относится именно к этому древнейшему периоду (VIII—I вв. до н. э.) и связаны с этой ранней крепостью, возведенной местным населением.

Появление мощной крепости на вершине дербентского холма, первого опорного пункта у знаменитых «ворот», надо, вероятно, объяснять повышением активности кочевников в степях Предкавказья в VIII — начале VII в. до н. э., когда значительно усилилось их проникновение на Древний Восток.

Геродот сообщает, что, преследуя киммерийцев, скифы вторглись на территорию Мидии «по верхней дороге, имея по правую руку Кавказские горы»[11], т. е. пройдя по берегу Каспийского моря, через Дербентский проход. Следы их пребывания отмечены у стен дербентской крепости[12] и на памятниках Прикаспийского Дагестана этого времени[13]. Уже в 70-х годах VII в. до н. э. скифы зафиксированы в ассиро-вавилонских документах[14] как крупная военная сила в Передней Азии, игравшая большую роль в политической борьбе крупнейших государств этого региона за гегемонию, что позволяет предполагать их появление в районе Дербента несколько раньше этой даты.

А. А. Иессен, исследовавший памятники Азербайджана этого периода, писал о вторжении «в конце VIII или около рубежа VII в. до н. э. скифских орд с севера в Переднюю Азию через степи Азербайджана»[15].

Стратиграфические исследования и находки у древних стен бронзовых наконечников скифских стрел наиболее архаичного типа, характерных для раннескифского периода, свидетельствуют о существовании крепости на дербентском холме уже к периоду

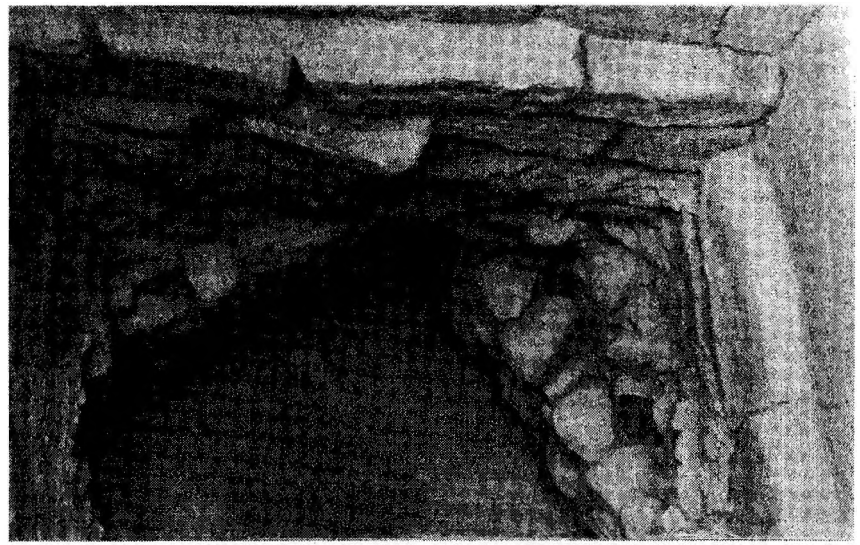


Рис. 3. Стены древней (нижние) и раннесредневековой (верхние) крепостей

рубежа VIII — VII вв. до н. э., т. е. позволяют говорить о появлении «Связи, замка ворот» — «Дербента» — 2700 лет назад.

Второй этап (I—IV вв. н. э.) древнего периода формирования исторической топографии Дербента был связан с его вхождением в состав Кавказской Албании и дальнейшим развитием фортификационных сооружений на вершине холма, застройкой территории крепости. Этот этап формирования топографии цитадели города характеризовался изменением конфигурации южной стены древней крепости и значительными новшествами в фортификационном строительстве, свидетельствовавшими о большом прогрессе, достигнутом в этой области. В оборонительных сооружениях Дербента этого времени появились квадратные башни, а крепостные стены стали возводиться из тщательно уложенного бутового камня на глинятом растворе, что позволило уменьшить их толщину без ущерба прочности конструкции сооружения. Подобное усовершенствование фортификации было одним из свидетельств дальнейшего прогресса в историческом развитии Дербента: «Недаром высятся грозные стены вокруг новых укрепленных городов: в их рвах зияет могила родового строя, а их башни достигают уже цивилизации»[16].

Планировка, значительные размеры и интерьер жилых комплексов в восточной части крепости, намного превосходящих жилища остальной территории холма, могут служить показателем социального неравенства среди населения Дербента, нашедшего отражение в архитектуре. Находки в культурных слоях этой части цитадели высококачественной лощеной посуды, предметов вооружения и украшения, импортных пастовых, каменных

V56899

и стеклянных бус, подвесок из обработанных раковин-каури и других ценившихся в эту эпоху предметов позволяют говорить о выделении восточной части крепости в особый привилегированный район, обитатели которого стояли на более высокой социальной ступени, чем все остальное население дербентского холма.

О значительном уровне социального расслоения и имущественной дифференциации обитателей дербентского холма на втором этапе развития Дербента свидетельствуют и материалы крупного могильника, где четко выделяются богатые и бедные захоронения. В первых погребенного в загробный мир сопровождали богатый инвентарь, предметы вооружения и украшения в значительной части своей импортного происхождения, зависимые люди (рабы или военнопленные и жена или наложница), любимые животные (конь, собака). Вторые отличались простотой и малочисленностью погребального инвентаря, свидетельствовавшего о невысоком при жизни положении захороненных в них людей. Важные сдвиги, отмеченные в развитии Дербента на втором этапе, могут свидетельствовать об изменении его социально-экономического статуса в структуре древнего общества данного региона.

Мощная фортификация, монументальная жилая архитектура, довольно высокий уровень социальной дифференциации его обитателей, а также развитое ремесленное производство и массовые находки значительного количества импортных изделий и монет, свидетельствующие о развитии здесь ремесла и торговли,— все это позволяет говорить о Дербенте албанского времени не только как об укрепленном пункте у известных «ворот» Кавказа, но и как об одном из самых древних городов Дагестана.

В свете археологических исследований становятся более аргументированными и правдоподобными выдвинутые в исторической литературе на основе изучения карты античного историка Птолемея предположения о локализации на месте Дербента древнеалбанского города Гелды, которые опираются теперь на многочисленные материалы раскопок[17].

САСАНИДСКОЕ ЗАВОЕВАНИЕ И ЭТАПЫ ФОРТИФИКАЦИОННОГО СТРОИТЕЛЬСТВА

Второй период истории Дербента начинается с иранского завоевания и строительной деятельности правителей Сасанидской династии, пытавшихся надежно укрепить здесь северные границы своего огромного государства. В этот период были возведены всемирно известные стены Дербента, прославившие город на весь средневековый Восток и на многие века перекрывшие важную торговую и военную трассу древности — Прикаспийский путь.

Возникнув как одна из раннесредневековых заградительных линий против кочевников в Западном Прикаспии, получивших в исторической литературе наименование «длинных стен», Дер-

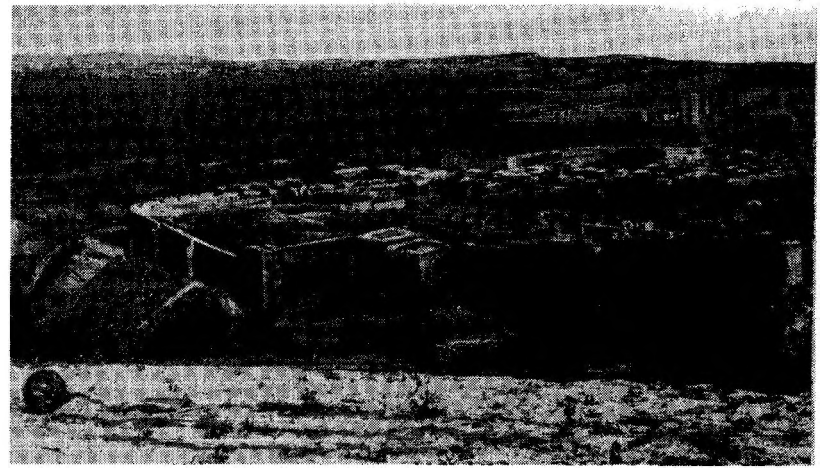


Рис. 4. Цитадель Нарын-кала, вид с юго-запада

бент, даже превратившись в крупный феодальный город, сохранил эту первоначальную фортификацию, и формирование его структуры, внутренней застройки, динамика развития и территориальный рост были на многие века определены и самым тесным образом связаны с планировкой оборонительных стен.

Возникновение «длинных стен» Дербента и процесс формирования топографии раннесредневекового города не могут быть отделены от исторических событий на Кавказе и в соседних регионах, сыгравших особую роль в развитии и превращении Дербента в крупный феодальный город, важный военно-политический и торгово-экономический центр. Речь идет о рождении нового персидского государства — сасанидского Ирана, в сферу влияния которого был втянут Кавказ, и о гуннском нашествии, во многом изменившем его этническую и политическую историю и сыгравшем большую роль в сложении здесь мощных кочевых объединений.

Род Сасанидов, по преданию ведший свое происхождение от Ахеменидов, начал в первой четверти III в. н. э. борьбу за новое объединение Ирана под властью Парса. В решительном сражении на равнинах Мидии парфяне потерпели сокрушительное поражение от персов. В битве при Ормиздакане (224 г.) решилась судьба Парфянского государства, и через два года первый представитель Сасанидской династии Арташир (226—242 гг.) торжественно вступил на престол. Но некоторое время борьба в отдельных частях огромной державы Аршакидов еще продолжалась. Особенно она обострилась на Кавказе, и Сасаниды уже тогда почувствовали особую роль Дербентского прохода в исторических судьбах Ближнего Востока. Новому Персидскому государству, едва возникшему на развалинах

Парфянской державы, пришлось вести тяжелую войну с кочевниками, пропущенными через проход враждебно настроенными к Сасанидам правителями Закавказья.

Пришедшие на помощь армянскому царю Хосрову I (204—239 гг.), принадлежавшему также к династии Аршакидов, «полчища иверцев, агван, гуннов, джигпов, лпинов, каспов и других», совершили «несколько удачных походов в Персию, где предали огню и мечу города и села» [18] и «разгромили весь край до самого Тисбона (Ктезифона)» [19]. Этот горький урок не прошел даром для правителей Ирана, и уже следующий представитель династии Сасанидов, «царь царей» Шапур I (242—272 гг.) совершил своего рода карательную акцию против Дербента.

О походе Шапура I к Дербенту стало известно из надписи магупата (верховного жреца) Ахура Мазды Картира на «Ка'бе Зороастра», в которой сообщается, что «кони и люди Шапура, царя царей», покорив государства Закавказья, дошли «до Албанских ворот, там, где Шапур, царь царей, с конями и людьми сам... разрушения и пожарища... учинил...» [20].

Победные войны Шапура I с Римом, открывшие ему дорогу в Закавказье, приходятся на середину — вторую половину III в. (256, 258—260 гг.), что соответствует хронологическим рамкам начала выявленного раскопками запустения Дербента, наступившего в результате сильного пожара во второй половине III в.[21]

Однако, несмотря на большие военные успехи персов, в результате которых, судя по надписи Шапура I, они на какое-то время захватили часть Закавказья, укрепиться в проходе Сасанидам в этот период не удалось. Даже блестящая победа над Валерианом в битве у Эдессы в Месопотамии (260 г.), когда случилось небывалое в римской истории — в плен попал сам император со всем своим окружением, не дала персам возможности полностью покорить Закавказье [22], сохранившее верность Риму [23].

В слоях Дербента этого времени нет никаких следов длительного пребывания здесь персов. Наоборот, после «разрушения и пожарищ», учиненных войсками Шапура, жизнь на дербентском холме на некоторое время замерла и весь город или большая часть его лежали в развалинах. Новое возрождение Дербента относится лишь к началу IV в. н. э., когда он быстро восстанавливается и вновь активно развивается. Но это возрождение Дербента не связано с Ираном, который в этот период, судя по данным письменных источников и археологических исследований, не имел влияния на эти области Восточного Кавказа [24].

Влияние персов на Восточном Кавказе значительно усилилось в конце правления Шапура II (309—379), чему способствовали внутриполитические смуты в Армении и нашествие готов на Римскую империю, отвлекшее ее правителей от борьбы на Востоке.

Конечным результатом дипломатических и военных усилий Шапура II на Кавказе было соглашение с римлянами о разделе Армении, который произошел уже после смерти сасанидского

царя в 387 г. и имел решающее значение для укрепления власти Ирана на всем Восточном Кавказе.

С конца IV в. н. э. начался второй этап распространения сасанидской экспансии на западный Прикаспий, в том числе и на Дербентский проход; одновременно на Кавказе произошли другие исторические события, приведшие к значительному повышению активности кочевников,— здесь появились гунны.

В 70-х годах IV в. н. э. мощные волны азиатских кочевников, политическое и этническое ядро которых составляли гуннские племена, «подобно вихрю, несущемуся с высоких гор» [25], вторглись в Восточную Европу.

В 395 г. гунны разорили цветущие провинции Ирана и ограбили Закавказье, пройдя через ворота Дербента и «узнав кратчайшую дорогу на Восток». Часть гуннов, проникших на Северный Кавказ, обосновалась в Прикаспийском Дагестане, к северу от Дербента, объединившись здесь в союз, известный в источниках как «царство гуннов», столицей которого стал «город гуннов Вараджан (Варачан)» [26].

Теперь на смену эпизодическим набегам на Закавказье и Передний Восток через Дербентский проход сарматских и аланских отрядов пришли систематические вторжения мощных объединений кочевников-гуннов, для которых на данной ступени социально-экономического развития война «только ради грабежа становится постоянным промыслом» [27].

Последствия подобных вторжений гуннов в Малую Азию и Сирию, по дошедшему до нас свидетельству, были ужасны: «Дымятся пожары. Нет никакого упования на стены. Поля обезображены опустошениями...» [28]

Ожесточенные столкновения сасанидского Ирана с кочевниками заставили персидских царей возвести в проходе огромные оборонительные сооружения, вызывающие восхищение и удивление своей мощью и монументальностью и в наши дни.

Подобные мощные укрепления, призванные сдерживать натиск разноэтничных кочевых орд, возводились и во многих других районах античного и средневекового земледельческого мира, и среди них такие, как знаменитый Римский лимес (Задунайский, Зарейнский, валы Антониана), Великая Китайская стена, Абхазская, Бешбармакская, Ширванская «длинные стены» на Кавказе, Киммерийские стены в Крыму, Трояновы валы и Молдавии и на Украине, русские валы на половецкой границе и многие другие укрепления. Даже среди этих грандиозных оборонительных систем, предназначенных для охраны границ развитых земледельческих государств, фортификации Дербента выделяются не только исключительной продуманностью планировки, но и стратегической и военно-политической значимостью, своей особой ролью в охране крупнейших государств целого региона: Закавказья и всего средневекового Востока.

Результаты многолетних археологических исследований и анализ письменных источников позволяют говорить о трех

разновременных проникновениях сасанидского Ирана в Дербентский проход и двух крупных этапах фортификационного строительства города: первый — сырцовое строительство (вторая четверть V в.); второй — каменное строительство (VI в.)[29].

С конца IV в. роль западного побережья Каспия особенно возрастает и оно становится главным стратегическим плацдармом Сасанидов в их экспансии на север. Здесь сосредоточиваются основные военные силы персов на Кавказе и развертывается широкое фортификационное строительство. В V—VI вв. иранцами была возведена целая система укреплений, так называемых «длинных стен», полностью перекрывавших прикаспийскую полосу побережья в самых узких и стратегически важных местах. Наиболее известными в этой системе «длинных стен» являются Бешбармакские, Ширванские (Гильгинчайские) и Дербентские укрепления (более северная, не сохранившаяся «длинная стена» Махачкалинского городища, отождествляемого с Семендером, изучена очень слабо)[30]. Самыми южными по расположению и скромными по величине из них являются Бешбармакские оборонительные сооружения, а самыми северными и грандиозными — Дербентские. Расположение Дербентских оборонительных сооружений значительно севернее линий Бешбармакских и Ширванских укреплений способствовало созданию в исторической литературе своеобразной схемы поэтапного продвижения Сасанидов на Восточном Кавказе, отмеченного возведением системы «длинных стен»[31].

По этой схеме, базирующейся в значительной мере на логических построениях, наиболее древними в системе «длинных стен» являются самые южные укрепления, которые возникли раньше других, так как Сасаниды продвигались с юга на север, отмечая каждый новый этап завоеваний на Восточном Кавказе возведением более северной стены. Вопрос о времени возникновения сасанидской фортификации Дербента, самой значительной из всех «длинных стен» на Восточном Кавказе, имеет особенно важное значение для истории города, выявления хронологических рамок нового, второго периода формирования его исторической топографии, начавшегося с момента возведения «длинной стены», перекрывшей Дербентский проход от вершины холма до моря. В средневековую эпоху даже во времена своего наибольшего расцвета Дербент сохранил планировку этих оборонительных сооружений и продолжал оставаться городом «длинных стен», в пределах которых он развивался как политический и торгово-экономический центр, оставаясь «замком, связью ворот».

Долгое время считалось, что история Дербента начинается со строительной деятельности Хосрова Ануширвана (531—579 гг.), в результате которой иранцы смогли укрепиться в Дербентском проходе. Однако это убеждение было значительно поколеблено открытием в 1932 г. Б. Н. Засыпкиным глинобитного вала в приморской части города у внутренней грани северной стены из камня. Тогда же им было высказано предположение, поддержанное рядом исследователей, что это более ранняя фортификация, возможно, сасанидского происхождения. Однако вопрос о времени строительства этих глиняных укреплений Дербента оставался спорным. Одни исследователи предположили, что они возникли в правление Кавада I (488—531 гг.)[32], другие считали возможным отнести их возведение ко времени Ездигерда II (439—457 гг.)[33], а третьи вообще не принимали их в расчет при решении вопроса о времени появления сасанидской фортификации Дербента[34].

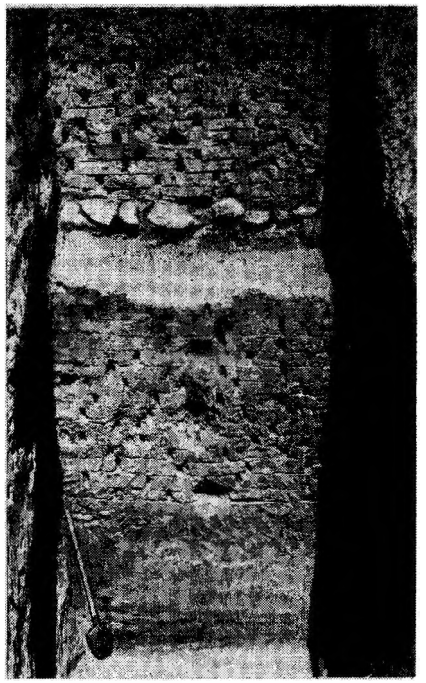


Рис. 5. Сырцовая городская стена первой половины V в.

Раскопки, проводимые в последние годы в Дербенте, позволили в значительной мере восполнить этот пробел и в достаточно полном объеме получить необходимую информацию о наиболее ранней, глиняной фортификации города сасанидской поры, выявить ее структуру, параметры и время возникновения. Оказалось, что данное сооружение представляет собой мощную сырцовую стену, сплошь возведенную из кирпича размером 40—44 × 40—44 × 12—13 см[35]. Основанием стены служила очень плотная глинобитная платформа высотой около 0,4 м. Стена имела каменный цоколь высотой до 2,4 м и шириной 0,75 м, уложенный на известковом растворе[36]. Ширина стены достигает 8 м, при сохранившейся высоте около 6 м[37] (согласно законам фортификации она, видимо, достигала высоты 12—16 м). Подобно каменным стенам Дербента, она сплошь перекрывала проход и тянулась от моря до вершины дербентского холма, где находилась цитадель, также возведенная из сырцового кирпича[38]. Никаких более древних оборонительных сооружений под сырцовой фортификацией не обнаружено. Материал и размеры сырцовых кирпичей дербентской стены типичны для сасанидской архитектуры самого Ирана, Кавказа, Средней Азии, Ближнего Востока.

Анализ обширных археологических источников, и особенно керамических комплексов, данные стратиграфического исследования и нумизматики, а также строительный материал и расположение стены в системе раннесредневековых оборонительных сооружений города позволяют отнести возведение стены ко второй четверти V в. н. э.[39]

Рис. 6. Карта Восточного и Северо-Восточного Кавказа с раннесредневековыми политическими образованиями и центрами в период вхождения Дербента в государство Сасанидов (V—VII вв.)

Выявленные факты пребывания иранцев в Дербенте и возведения ими здесь мощных оборонительных сооружений уже в V в. в значительной мере меняют сложившиеся в исторической литературе представления о темпах продвижения Сасанидов на Кавказе и хронологии их фортификационного строительства в Дербенте.

При решении сложного вопроса об этапах и хронологии сасанидских завоеваний на Восточном Кавказе надо принимать во внимание не только экспансивные устремления Ирана на север на новые территории, но и постоянное давление с севера на юг мощных объединений кочевников, которые в период политического и экономического ослабления Сасанидов немедленно пытались оккупировать уже завоеванные иранцами территории, что делало границу между ними весьма нестабильной. Надежное укрепление северной границы Ирана имело в этот период не только военное, но и политическое значение. Закрыв доступ кочевникам в Закавказье, иранцы, с одной стороны, изолировали народы этого региона от возможных антисасанидских союзов с кочевниками, а с другой — выступали защитниками покоренных территорий от набегов с севера. Сасанидский Иран, захватив в V в. наиболее доступные и стратегически важные прикаспийские области Кавказской Албании, несомненно, стремился распространить свой контроль и на важнейшие «ворота» Кавказа, но в исторической литературе до настоящего времени остается дискуссионным вопрос о датировке раннего этапа сасанидского фортификационного строительства в Дербенте.

Появление первых иранских укреплений на Кавказе источники относят ко времени правления Ездигерда II (439—457 гг.), при котором персидские и армянские отряды охраняли от гуннов «врата» «в северных краях в хонской крепости»[40] (в переводе П. Шаншиева — «Северные врата Дербентские»)[41] «и перестали Хайландуры выходить через пограничную крепость Чора»[42]. Эта пограничная крепость упоминается армянским автором V в. Егише, который в связи с антииранским восстанием народов Закавказья в 450—451 гг. писал, что восставшие армяне и албаны «направились к хонским вратам, которыми завладели силою персы, взяли и разрушили врата и перебили войска, что располагались внутри»[43]. В том, что здесь речь идет о разрушении укреплений, построенных Ездигердом, автор не оставляет сомнений, сообщая дальше, что царь «был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна, только-только смогли построить»[44].

Эти данные подтверждает албанский историк Мовсес Каганкатваци, который в связи с антииранским восстанием середины V в. писал, что армяне и албаны «пошли войной на крепость, построенную Газкертом при вратах гуннов, которыми насильно завладели персы»[45]. Другой автор V — начала VI в., Лазар Парпеци, сообщая об этих же событиях, называет укрепление Ездигерда не просто крепостью, а «пахак стены»[46], что имеет особое значение для отождествления их с «длинными стенами», и помещает эти укрепления к северу от Куры «между владениями албанов и хонов»[47].

«Пограничная крепость Чора», «Ворота Чора», «Ворота Гуннов», граница «владений албанов и хонов» — все эти названия следует отождествлять только с Дербентским проходом, и поэтому представляются малоубедительными попытки отдельных исследователей локализовать упомянутые письменными источниками укрепления Ездигерда II в Дарьяльском ущелье[48] или в районе Беш-Бармака[49]. Письменные источники единодушно отмечают, что военные действия между восставшими и персами велись в Албании, а не в Грузии, на что справедливо указывала К. В. Тревер[50].

Вряд ли можно признать убедительной и локализацию укреплений Ездигерда в районе Беш-Бармака на том основании, что здесь проходила граница между албанами и хонами[51].

Анализ раннесредневековых письменных источников позволяет утверждать, что в IV—VI вв. граница между албанами и гуннами проходила в районе Дербента, на что весьма определенно указывают многочисленные сообщения армянских, сирийских, византийских писателей V—VII вв.[52] Особо показательно для понимания этого вопроса одно из сообщений автора V в. Моисея Хоренского, который в связи с известным вторжением кочевников на территорию Албании в первой половине IV в. писал, что персидский царь Шапур II помогал албанскому царю избавиться «от нападения северных народов, которые, соединившись, прошли ущелье Чора и поселились в пределах ахванских в продолжении четырех лет»[53].

Раскопки, проводимые в последние годы в Дербенте, подтвердили эти сообщения и показали, что основная масса археологических материалов, выявленных здесь, в отличие от более северных районов Дагестана обнаруживает несомненное сходство с материалами синхронных памятников Азербайджана и дает

основание говорить о тесной близости представленных на них культур [54]. Это позволяет сделать вывод о вхождении Дербента в состав Кавказской Албании как в албано-сарматский, так и в раннесредневековый период [55].

Раннесредневековый топоним Чол, Джор, Джол отложился в названии горы Джолган, на отроге которой построен Дербент, и в наименовании селения, расположенного в 3 км выше города,— Верхний Джолган. В связи с этим любопытно отметить, что в дагестанской топонимике наличие одного населенного пункта с указанием его зонального расположения (верхний — нижний) всегда подразумевает существование второго, аналогичного по названию, но с противоположным зональным топонимом. Однако в данном случае он отсутствует, что можно объяснить лишь наличием подобного названия — Нижний Джолган у Дербента. В дагестанских языках Дербент и ныне называется Чор, Чул, Чур-Чурул (лакский), Чулли (даргинский) [56].

И если к этому добавить, что раннесредневековые источники Кавказа единодушно именуют Дербент «городом Чорского прохода», «великим городом Чола», городом у «Ворот Чора», то именно сырцовые укрепления Дербента надо признать той «пограничной крепостью Чора», «пahаком» стены, основанной Ездигердом II в первой половине V в., т. е. первой сасанидской «длинной стеной» на Восточном Кавказе.

Учитывая время вступления на престол Ездигерда II (439 г.) и дату разрушения восставшими народами Кавказа построенной им крепости Чора (451 г.), можно ограничить хронологические рамки возведения сырцовых стен Дербента, а следовательно, и начала нового периода его сложения 439—451 гг.

Представляется вероятным, что дербентская сырцовая стена, наиболее ранняя из всех известных в настоящее время сасанидских «длинных стен» в Закавказье, являлась первым этапом возведения подобных оборонительных сооружений, первой попыткой надежно перекрыть знаменитый Прикаспийский путь, была первым этапом сасанидского строительства в Дербенте.

Неудачные военные действия персов на восточной границе, пленение, а затем гибель Пероза в войне с эфталитами [57], внутренние противоречия и раздоры в Иране привели к тому, что Сасаниды потеряли на некоторое время контроль над проходом. В 483—484 гг. Закавказье охватило мощное антииранское восстание, в котором восставшие иберы, армяне, албанцы привлекли к борьбе против иранцев кочевников Прикаспия и Северного Кавказа [58]. Согласно сведениям древнегрузинских источников, во времена правления Вахтанга Горгасала жители Дербента оказывали помощь кочевникам Северного Кавказа и пропускали их через «Ворота Дарубанда» [59]. Г. В. Цулая справедливо полагает, что в источнике речь идет об использовании Дербентских ворот гуннами, поддерживавшими в тот период связь с населением Дербента [60].

Иран, раздираемый междоусобной борьбой братьев Пероза, Валарша и Зарера, теснимый на востоке эфталитами, а на западе гуннами, вынужден был смириться с потерей Дербентских укреплений, которыми, по сообщениям византийских источников, овладел гуннский царь Амвазук [61].

Вернуть Дербентский проход персы смогли лишь в правление Кавада I, когда внутреннее положение в стране и на ее границах несколько стабилизировалось. Прокопий Кесарийский утверждает, что Кавад овладел «Каспийскими воротами» после смерти Амвазука, «родом гунна». Амвазук хотел передать охрану ворот Византии, но Анастасий, не надеясь на свои силы или не желая войны с персами, отказался взять их под свою охрану, а Кавад прогнал детей Амвазука и захватил ворота [62].

Н. В. Пигулевская считает, что это произошло в 507—508 гг., так как Прокопий сообщает об этом до окончания постройки крепости Дары [63]. Это сообщение подтверждает Ибн ал-Асир [64], а также Якуби, который пишет, что Кавад вел с кочевниками тяжелые войны, завоевал Баб ал-абваб у хазар и передал его Хосрову [65].

Возведение каменной фортификации Дербента подавляющее большинство исследователей связывают с именем самого известного сасанидского правителя — Хосрова I Ануширвана. Причем это строительство рассматривалось исследователями как единовременное предприятие Хосрова, начатое и завершенное им в перерывах между войнами с Византией в течение нескольких лет, назывались даже точные даты постройки всего комплекса — 562—571 гг. [66]

Однако есть основания предполагать, что строительство каменных стен Дербента начато было несколько раньше, еще в правление Кавада I. Вероятно, именно его широкое фортификационное строительство на Восточном Кавказе, отмеченное сообщениями многих письменных источников, открыло второй этап сасанидского строительства в Дербенте, завершившийся сооружением при Хосрове Ануширване всего огромного оборонительного комплекса из камня.

Историко-архитектурные обследования и археологическое изучение каменных оборонительных сооружений Дербента позволяют говорить о нескольких этапах их возведения [67]. Удалось выделить четыре основных этапа: первый — цитадель и северная стена; второй — южная стена; третий — форты Горной стены; четвертый — куртины Горной стены [68].

Существовавшую поэтапность возведения фортификации города и участие в нем Кавада подчеркивает авторитетный арабский автор X в. ат-Табари, который называет строителями сасанидских укреплений в Дербенте трех правителей Ирана: Пероза, Кавада, Хосрова Ануширвана: «Царь Фируз воздвиг [еще раньше] в области Сул и [в области] алан строение из скалы с целью оградить свою страну от проникновения тех народов, [а] царь Кабад сын Фируза воздвиг в этих местах после своего отца

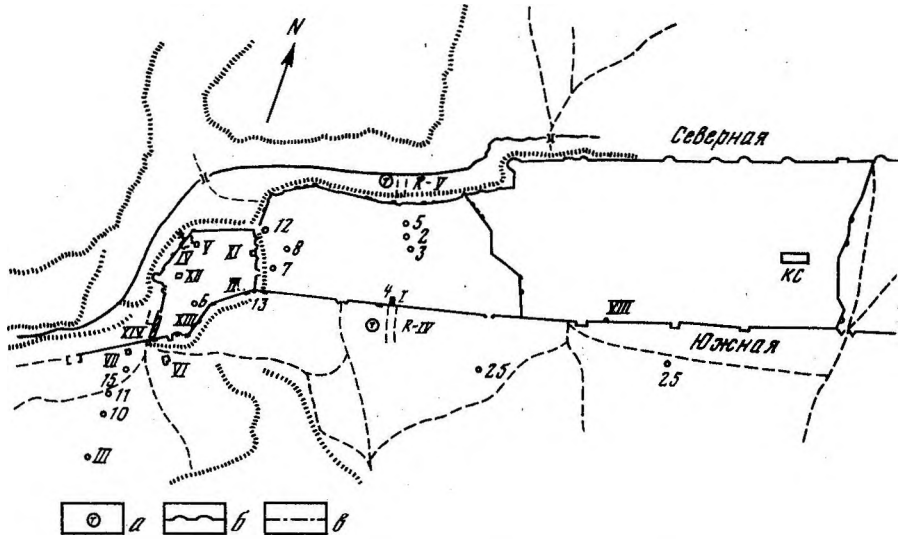


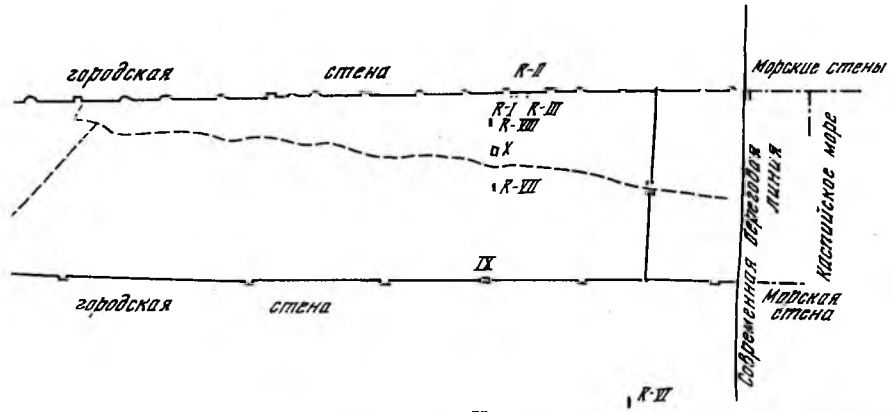
Рис. 7. План Дербента по чертежам начала XVIII в. с указанием археологических раскопов

а — туннель; *б* — крепостные стены; *в* — развалы морских стен; *RI—RVIII* — разрезы; *кс* — котлован строителей на площади Свободы; *I—XIV* — раскопы; *1—25* — стратиграфические раскопы (шурфы) № 1—25

[также] много сооружений, а когда вступил на престол Хосрой, то по его приказу были построены города и укрепления в области Сул из камня (букв. „скалы“)» [69].

Такая последовательность в сооружении фортификации города, вероятно, отражала истинное положение вещей, так как укреплять его вынуждены были и предшественники Хосрова, но окончательно Дербентский оборонительный комплекс оформился при нем. Однако вряд ли уместно предполагать, что возведение небольшой сырцовой стены Дербента могло быть плодом многолетних усилий двух правителей Сасанидской династии и два царя с разрывом в несколько десятилетий строили одну и ту же сырцовую стену в 3,5 км длиной. Вероятнее, что Кавад и Хосров I, в правление которых Иран достиг наибольшего могущества, возводили уже огромный комплекс из камня, хотя более скромный вклад первого был заслонен от последующих поколений деяниями его знаменитого сына. «Имя Хосров, как и имя Цезарь, стало для арабов обозначением сасанидских царей и одновременно синонимом великолепия и славы» [70].

Арабские авторы IX—X вв. оставили многочисленные и весьма подробные описания дербентских фортификационных сооружений. Благодаря этим сочинениям мы можем представить всю мощь оборонительной системы Дербента, протянувшейся, по их данным, на 7—40 фарсахов в горы до неприступных вершин [71] и уходящей в море на расстояние от трех арабских миль (около



6 км) до 6 башен или 600 локтей [72]. Эти ценные описания позволяют сопоставить данные средневековых авторов с реально сохранившимися раннесредневековыми стенами города.

Не останавливаясь на подробном описании фортификации Дербента, которой посвящены многочисленная литература [73] и специальные исследования автора [74], дадим лишь краткую характеристику ее.

Северная и южная стены города вытянуты, подобно узкой ленте, через весь проход, от цитадели до моря. Длина целиком сохранившейся северной стены 3650 м, в южной, сохранившейся частично, около 3500 м. Толщина стен доходит до 4 м, высота — до 12—18 м. В плане стены довольно сильно отличаются друг от друга. Северная стена имеет прямоугольные и полукруглые башни (46 башен), расположенные примерно на расстоянии 70 м, а южная — только прямоугольные (17 башен), отстоящие друг от друга на расстоянии около 180 м. В средневековый период обе стены продолжались в море и между ними был устроен порт города. Подводные археологические исследования, проводившиеся Дербентской экспедицией в 1983—1990 гг., позволили установить, что стены продолжаются в море на расстояние 250—500 м [75]. Вход в порт перекрывался одной или двумя поперечными стенами с проемами, закрывавшимися цепями. В VI в. уровень Каспия был значительно ниже современного, и прибрежные части стен оказались затопленными уже в более поздний период (вероятно, с IX—X вв.). Стены города построены из крупных блоков, которые, будучи уложены ложком и тычком, составляют наружную облицовку кладки, а тело стены заполнено бутовым камнем, скрепленным известковым раствором очень высокого качества.

Археологические раскопки подтвердили существовавшее предположение о разновременности строительства южной и северной стен Дербента. Было выявлено, что южная стена города в отличие от северной не имеет перевязки со стенами цитадели и лишь примыкает вплотную к ее юго-восточному углу [76]. Блоки

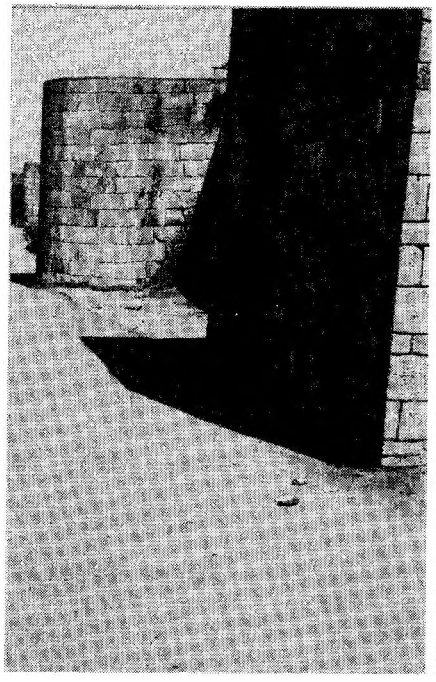


Рис. 8. Северная стена города. VI в.

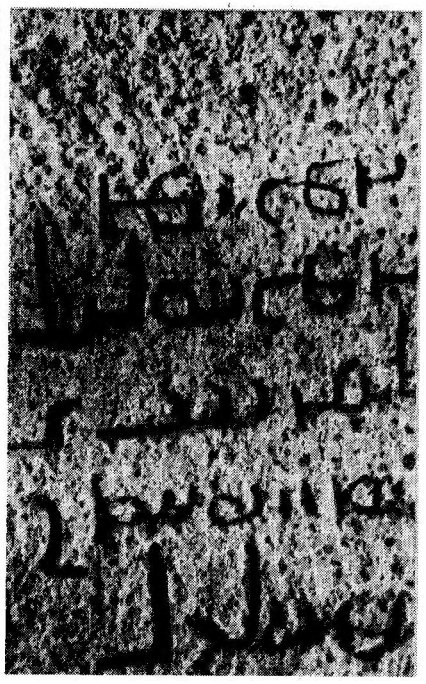


Рис. 9. Пехлевийская надпись на северной стене Дербента

же северной дербентской стены уложены в перевязку с блоками цитадели, что не оставляет сомнения в одновременности их возведения и более позднем строительстве южной стены[77]. В отличие от северной стены, ступенчатый фундамент которой заглублен на 1—1,5 м, южная не имеет фундамента и основанием ей служит хорошо выровненная поверхность.

Цитадель города имеет стены, в основном аналогичные по характеру и типу кладки городским стенам, исключение составляет восточная стена цитадели, неоднократно перестраивавшаяся в XVIII—XIX вв.

Цитадель Дербента, именуемая в настоящее время Нарын-калой, расположена в северо-восточной части вершины дербентского холма и занимает площадь около 4,5 га. Конфигурация стен и размеры ее почти полностью совпадают с крепостью скифского и албано-сарматского времени. В плане она представляет неправильный многоугольник, повторяющий рельеф вершины холма, размеры которого с запада на восток достигают 200 м, с юга на север — 220 м. Стены цитадели толщиной 2,5—3,5 м как бы окружают вершину холма с крутыми склонами, поэтому разность отметок поверхности внутри цитадели и снаружи очень значительная. Северная и северо-западная стены цитадели, достигающие местами 15—20 м высоты, дополнительно

укреплены небольшими башнеобразными выступами, а южная и юго-западная — квадратными башнями.

На северной стене города и южной стене цитадели Дербента имеются всемирно известные пехлевийские строительные надписи, в истолковании которых среди специалистов нет единого мнения. Большинство исследователей вслед за Е. А. Пахомовым, читавшим имеющуюся среди этих надписей дату как «37 год» правления Хосрова Ануширвана[78], относят их ко времени правления этого сасанидского царя[79], хотя не исключают возможности и более раннего сасанидского строительства стен Дербента[80]. Но с таким толкованием даты не соглашался Г. С. Ниберг, читавший ее как «700 год» по аршакидской эре летосчисления[81] (соответствует 453 г. н. э., т. е. правление Ездигерда II).

Появившиеся в последние годы новые истолкования даты пехлевийских надписей на стенах Дербента (М. Н. Боголюбов, В. Г. Луконин)[82] значительно ослабляют оба варианта предложенных ранее чтений даты и могут свидетельствовать, по нашему мнению, о возможной связи ее со временем правления Кавада[83], т. е. о возведении северной стены города и цитадели (или каких-то их частей) в начале VI в.

Сопоставление данных письменных источников о каменных стенах Дербента, в основе сообщений которых лежат сведения арабских историков и географов IX—X вв., нередко опиравшихся на сасанидские литературные традиции, с историко-архитектурными обследованиями его сооружений позволяет утверждать, что город до сегодняшнего дня сохранил большую часть своей сасанидской фортификации и главные составные части городской структуры. Это создает уникальные условия для изучения процессов формирования исторической топографии города, специфики сложения его структуры, динамики развития и особенностей планировки отдельных ее частей.

ДЕРБЕНТ ПОД ВЛАСТЬЮ АРАБСКИХ ХАЛИФОВ

Новый период в развитии Дербента и сложении его как крупного феодального города начался после арабского завоевания и охватывал VIII — начало X в. Включение Дербента в сферу военно-политического и торгово-экономического влияния Арабского халифата, объединившего в этот период под властью наиболее развитые области Ближнего и Среднего Востока, оказало значительное воздействие на дальнейшее развитие города. И если О. Г. Большаков справедливо отмечал, что «через VIII в. проходит граница, разделяющая два больших периода истории Средней Азии»[84], то это замечание в значительной мере можно отнести и к Дербенту.

В первой половине VII в. на Аравийском полуострове произошли события, оказавшие огромное влияние на исторические судьбы народов Передней и Средней Азии, Средиземноморья и Кавказа. Здесь завершился сложный процесс объединения отдельных

скотоводческих племен и мелких княжеств в единое государство с сильной централизованной властью и новой монотеистической религией.

Ислам, сплотивший вечно враждующие воинственные племена арабов-кочевников, способствовал не только быстрому созданию единого централизованного государства, но и его широкой военной экспансии, начавшейся сразу вслед за объединением. Раздираемый внутренними противоречиями, ослабленный эпидемиями, разрухой, неудачными войнами с Византией, сасанидский Иран не смог оказать сопротивление арабам и вскоре огромная держава пала (642 г.).

Первый поход арабов к Дербенту Баладзори, Якуби и местные исторические хроники относят ко времени правления халифа Османа (644—656 гг.) и связывают его с именем Салмана ибн Раби'а, павшего затем «с четырьмя тысячами мусульман» в битве с хазарами у ворот Кырхляр. Однако ат-Табари сообщает о более раннем походе арабов к Дербенту, в 22 г. х. (642 г.) при халифе Омаре под руководством Сураки ибн Амра. Вместе с ним в Дербент отправился Абд ар-Рахман (брат Салмана), который и погиб, по ат-Табари, у ворот Кирхляр, а сам Салман в 33 г. х. (654/55 г.) упоминается как наместник Дербента.

Несмотря на разгром Сасанидской державы, арабы застали Дербент хорошо укрепленным городом, правитель которого по имени Шахрияр или Шахр-Бараз (он был родственник своего знаменитого тезки, завоевавшего в 614 г. Иерусалим и в течение нескольких месяцев занимавшего сасанидский престол) «заключил с арабами мир, но джизию платить не хотел»[85].

Это сообщение, вероятно, отвечает действительности, и арабы, завоевывая Закавказье, сразу стали интересоваться проходами, придавая им огромное значение и освобождая жившее здесь население от налогов, накладывая на них обязательство охранять проходы от кочевников[86]. Видимо, первоначально арабы ограничились подобными мерами охраны Дербентского прохода, не сумев или посчитав нецелесообразным поставить в Дербенте свой гарнизон. Итоги подобной политики, однако, оказались малоэффективными, и в 24 г. х. (644/45 г.) был предпринят новый поход к Дербенту. По сообщению ат-Табари, «в дни Муавия (оставались) неверующими (или отошли от религии) жители Арминийи, и Муавия приказал Хабибу ибн Маслама идти на ал-Баб»[87]. Однако широкие военные действия против Византии, войны в Средней Азии и Северной Африке заставили арабов на время приостановить экспансию на Восточном Кавказе, и военачальники, возглавлявшие походы в Дербент, фигурируют в источниках во главе сирийских и куфийских отрядов в Византии. Несмотря на определенные трудности на Восточном Кавказе, арабы смогли в этот период сохранить за собой Дербент и с целью укрепления своих ослабевших здесь позиций отправили в 30 г. х. (650/51 г.) «в поход на ал-Баб в помощь Абд ар-Рахману ибн

Рабия» Хузейфу, освобожденного от похода на Рей, и Саида ибн ал-Аса, завоевателя Табаристана[88].

А когда арабы в 32 г. х. (652/53 г.) двинулись в Хазарию, то правителем Дербента был все тот же Абд ар-Рахман ибн Раби'а и сам Баб ал-абваб воспринимался арабами как опорный пункт в их дальнейшем продвижении на север.

Во второй половине VII в. Дербент неоднократно переходил то к хазарам, то к арабам, что неблагоприятно отразилось на развитии города.

Окончательно арабы укрепились в Дербенте при известном арабском завоевателе Масламе б.Абд ал-Мелике, сыне халифа Абд ал-Мелика и брате халифа Хишама, который в 115 г. х. (733/34 г.) «вторично выстроил Дарбанд во имя таджиков» (арабов)[89].

Арабские завоевания Дербента, включавшие в себя несколько этапов, и связанное с ними появление здесь новой политической силы и нового этнического элемента не могли не оказать существенное влияние на жизнь города и его развитие. Хотя завоеватели-кочевники, сохранявшие еще в значительной степени родоплеменные отношения, не могли внести существенных изменений в уже сложившуюся социально-экономическую структуру раннефеодального города (менялся лишь состав отдельных слоев общества), но включение Дербента в торгово-экономическую и политическую сферу деятельности Арабского халифата, в состав которого входили столь высокоразвитые области Переднего Востока, как Иран, Сирия, Египет, Ирак, оказало огромное влияние на его развитие.

Для большинства раннесредневековых городов Приморского Дагестана арабские завоевания, как показали археологические раскопки, имели тяжелые последствия, и жизнь на ряде из них больше не возрождалась, но для Дербента в результате этих завоеваний сложились другие условия.

Уже со второй четверти VIII в. арабы делают Дербент своим главным военно-политическим оплотом на Кавказе, управляемым непосредственно наместником халифа, все население которого, даже неарабы, было освобождено от налогов и приравнивалось, вероятно, к статусу мусульман. Правители раннефеодальных объединений всего Дагестана обязаны были доставлять в Дербент дань в виде зерна и людей.

Так, правитель Серира обязан был ежегодно поставлять «в зернохранилище Баб сто тысяч мер зерна»[90], жители Тумана должны были доставлять «двадцать тысяч мер», Зирихгеран поставлял «десять тысяч мер в зернохранилище», Хамзин «тридцать тысяч мер (зерна) ежегодно в зернохранилище Баба»[91].

Подобные же обязательства о единовременных или ежегодных поставках продовольствия в зернохранилище Дербента должны были выполнять и другие области Дагестана[92].

У нас нет сведений о том, как разместились арабы в Дербенте по отношению к местному населению, но, судя по имеющимся

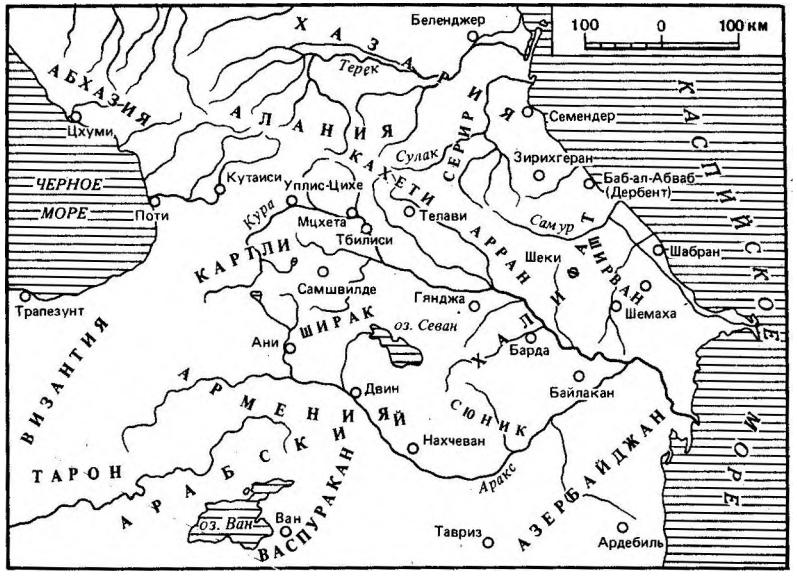


Рис. 10. Карта Кавказа с средневековыми образованиями в период вхождения Дербента в Арабский халифат

данным, это расселение несколько отличалось от известного расселения арабов в Бухаре и Самарканде. В этих двух городах, по сообщению авторов IX—X вв., арабы с целью контроля за местными жителями расселились по всему шахристану, где они заняли «половину домов и имений (зийаха), и также люди, которые живут вне города, давали корм для верблюдов арабов, и дрова, и что потребуется»[93]. В Дербенте же, судя по сообщениям письменных источников, они сплошь заселяли кварталы по племенному признаку, а местные жители, вероятно, вынуждены были переселяться в другие кварталы.

Так, по данным Баладзори, ат-Табари и ряда других источников, Маслама, переселив в Дербент «двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии»[94], разделил территорию города на четыре части («кисм»), из которых «одну часть он отдал жителям Дамаска, вторую — жителям Куфы, третью — обществу Джазиры, четвертую — жителям Химса»[95].

О. Г. Большаков считает, что подворное расселение арабов в Бухаре и Самарканде по всему шахристану с целью контроля за местными жителями могло иметь место лишь в первый период завоевания, а затем они занимали отдельные кварталы[96].

Расселение арабов в Дербенте сразу по кварталам было обусловлено тем, что жители города, согласно сообщениям ат-Табари, уже на первом этапе выступали союзниками арабов против хазар.

Подобное расселение арабов сыграло значительную роль в формировании исторической топографии города, в сложении

его застройки и общественно-торгового центра в верхней части Дербента, в определенной специфике дальнейшего социально-экономического развития шахристана. Название кварталов по племенной принадлежности сохранялось в топонимике Дербента еще в XVII—XVIII вв.

Превращение Дербента арабами в крупный военно-административный центр, где оседала значительная часть огромной военной добычи и налогов, собираемых со всего Дагестана и многих других областей Восточного Кавказа, переселение в город многих тысяч арабских воинов резко повысили спрос на различные товары широкого потребления и ремесленную продукцию, а также на предметы роскоши, что способствовало развитию ремесла и торговли, широкому притоку в город торговцев, находящих обширный рынок для своих товаров.

Особенно быстро стал расти город со второй половины VIII в., когда между арабами и хазарами устанавливается определенное равновесие, лишь эпизодически нарушаемое военными столкновениями. В это время уже ни одна из противоборствующих сторон не ставила перед собой столь обширных военных задач, как в VII — начале VIII в., что создавало благоприятные условия для широкого развития международной торговли по Прикаспийскому пути, способствовало бурному росту и процветанию Дербента, превращению его в крупнейший феодальный город Кавказа.

Вторая половина VIII—X век — это время расцвета «арабской» торговли в Прикаспии. Арабы сумели парализовать традиционные торговые магистрали византийцев на Черном море и повернули торговые пути на восток, в бассейн Каспия, захватив контроль над важнейшей трассой Каспий — Волга[97], что привело к расцвету и бурному росту городов на его побережье, и в первую очередь столь значительного центра, как Дербент. В это время происходит возвышение наиболее значительных городов Восточного Кавказа, таких, как Бардаа, Баб ал-абваб, Гянджа, Ардебиль, которые стали играть роль ведущих торговых центров региона, оттеснив на второй план многие ранее известные города Закавказья[98]. Это было связано с тем, что торговые операции халифата пошли по другому руслу и сосредоточением их стали другие кавказские центры[99].

Однако помимо торгово-экономического значения, Дербент продолжал играть роль главного оплота мусульманского мира на северных границах государства. Его население имело целый ряд привилегий по сравнению с другими обитателями средневековых городов халифата. Жители Дербента не только не платили налогов в государственную казну, но и получали огромные суммы от халифов за охрану границы. На содержание воинов и газиев Дербента шли доходы с нефтяных и соляных промыслов Баку, которые, возможно, использовались для этой цели уже при Сасанидах[100]. Правители Дербента занимали очень высокое место в феодальной иерархии арабских наместников на Кавказе, но

Рис. 11. Изображение хазарских лошадей на южной стене города. VII в.

в отношении населения города и особенно городской знати, в основной своей массе арабского происхождения, они вынуждены были соблюдать большую гибкость. Так, халиф Харун ар-Рашид, назначая правителем города Хафса б. Омара, сказал ему: «Все дела Дербента в твоих руках; если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербента свергнуть тебя» [101].

Омайады и сменившие их позднее Аббасиды придавали Дербенту особое значение и всемерно укрепили границу, поддерживая в образцовом порядке всю грандиозную систему оборонительных сооружений и переселяя сюда многочисленные мусульманские семьи из Сирии и Месопотамии. Негибкая политика центрального правительства по отношению к Дербенту порой имела весьма губительные последствия для Закавказья. Так, в 183 г. х. (799 г.) сын правителя Дербента Хайюн б. Неджм ас-Сулами, мстя за смерть своего отца, казненного по приказу наместника халифа Харун ар-Рашида в Закавказье, изменил центральному правительству и призвал на помощь хазар, которые, будучи пропущенными через Дербент, разграбили всю территорию до Куры и угнали большое количество пленных [102]. Харун ар-Рашид вынужден был сменить своего наместника, а его преемнику Йазиду ибн Мазьяду, назначенному правителем Азербайджана и Армении, с большим трудом удалось утвердить власть багдадских халифов в Дербенте. И хоть Хайюн б. Неджм был казнен за предательство [103], халиф милостиво обошелся с жителями города: дербентцам были пожалованы новые доходы,

собираемые в Ширване, а беднейшей части обитателей города были отданы в вакф какие-то сады и мельницы Дербента (возможно, принадлежавшие ранее Хайюну б. Неджму).

Подобную политику аббасидские правители продолжали и в дальнейшем. При халифе Мутамиде, например, в 270 г. х. (833/84 г.) у ширванцев были полностью отобраны и пожалованы (в вакф) все доходы с нефтяных и соляных источников, и указ Мутамида гласил, «что тот, кто эту нефть и соляные промысла возьмет у жителей Дербенда, да будет врагом Аллаха и пророка» [104].

Ослабление халифата и мощное движение курдов и дейлемцев в Иране, освободившее всю западную часть страны, способствовали уменьшению власти Аббасидов в Закавказье и появлению здесь независимых от Багдада правителей.

В Дербенте к власти пришла местная династия Хашимидов, происходивших из крупной арабской знати города, интересы которой в это время самым тесным образом переплетались с общедагестанскими.

ДЕРБЕНТСКИЙ ЭМИРАТ

Новый период в истории средневекового Дербента был связан с дальнейшим социально-экономическим и политическим развитием города в X — середине XIII в., крупными сдвигами в его ремесленном производстве и в сфере торговой деятельности. К началу этого периода исторического развития Дербента происходят существенные изменения в политической обстановке на всем мусульманском Востоке, в том числе и на Восточном Кавказе, сыгравшие определенную роль в процессе формирования средневекового города. С X в. Дербент перестал быть оплотом халифата в борьбе с кочевниками на северных границах и вышел из его состава, превратившись в крупное феодальное образование Кавказа. С разгромом Хазарского каганата в значительной мере понизилась опасность вторжения с севера, что отразилось на военно-политическом положении Дербента и на его роли форпоста «мусульманского мира».

В VIII—IX вв. арабские халифы не жалели денег на поддержание фортификации Дербента и гарнизона города. Огромные доходы с нефтяных и соляных промыслов Баку, налоги с населения Дагестана и Ширвана, казна арабских наместников шли на содержание защитников Дербента и многочисленных «борцов за веру» — газиев [105].

Однако со второй половины IX в. Аббасиды начинают терять свою власть на кавказской границе и зависимость Дербента от Багдада значительно уменьшилась. Начало этому процессу было положено в правление ат-Мутаваккила (847—861 гг.), когда в 237 г. х. (851 г.) Дербент и прилегающие к нему земли были пожалованы халифом в виде феодального владения Мухаммаду б. Халиду, наместнику Азербайджана, Армении

и Аррана, основателю ширванской династии Йазидидов. «Тарих Баб ал-Абваб» сообщает, что «Мутаваккил пожаловал Мухаммаду б. Халиду в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими от него землями»[106]. Вскоре после его смерти (ок. 861 г.), в 255 г. х. (869 г.), в Дербенте к власти приходит местная династия Хашимидов, первый представитель которой Хашим б. Сурака был избран на этот пост местной феодальной верхушкой. Источник прямо указывает, что Хашим пришел к власти не по назначению халифа, а опираясь на дербентскую знать. «Когда после убийства Мутаваккила (247 г. х.—867 г.) халифат распался, ввиду того что тюркские клиенты захватили управление, жители аб-Баба и гази пограничных областей собрались и сделали Хашима своим эмиром и преданно повиновались ему»[107]. Халиф Мухтади, занятый борьбой с мятежными тюркскими эмирами, не смог восстановить власть центрального правительства в городе, и Дербент с этого времени становится лишь номинально зависимым от Багдада. То обстоятельство, что Хашимиды пришли к власти не по назначению халифа, а благодаря поддержке дербентской знати, будучи избранными из рядов ее представителей, ставило эту династию в зависимость от последних, считавших дербентских эмиров лишь «первыми среди равных»[108]. В начале X в. была предпринята попытка восстановить твердую власть халифата в Закавказье. Влияние Аббасидов значительно усилилось при Йусуфе (288—315 г. х.—901—928 г.) из династии Санджидов, находившейся в вассальной зависимости от Багдада и стремившейся поддержать прежние традиции халифата. К 305 г. х. (917 г.) Йусуф восстановил стены Дербента[109] и укрепил здесь свое влияние, но после его смерти Хашимиды становятся фактически независимыми правителями.

К середине X в. управление городом окончательно перешло в руки местной династии и Дербент превратился в независимый эмират, который наряду с Ширваном выступает крупнейшим феодальным образованием Восточного Кавказа, своеобразным городом-государством, весьма напоминавшим по своему положению и устройству, по образному сравнению В. Ф. Минорского, Новгород Великий[110].

История Дербента этого периода характеризуется острыми социальными конфликтами и наполнена эпизодами борьбы за власть между городской знатью — раисами и феодальными правителями — эмирами. В этой борьбе активное участие принимали правители Ширвана и феодальных владений Дагестана, а нередко отряды русов, выступавших во всех известных случаях на стороне дербентских эмиров и даже находившихся у них на службе в качестве телохранителей. Дружины русов, наводившие ужас своими набегами на все южное и западное побережье Каспия, ни разу не тронули Дербента. В. В. Бартольд полагал, что Дербент не был разграблен во время походов русов благодаря наличию хорошо укрепленного порта[111]. Действительно, арабские авторы этого

Рис. 12. Карта Кавказа с средневековыми политическими образованиями в период Дербентского эмирата (X—XIII вв.)
1 — Дербентский эмират; *2* — Тбилисский эмират; *3* — Парисос; *4* — Картлийское царство; *5* — Гзиджийский эмират

времени сообщают о надежной защищенности дербентского порта. Ал-Истахри писал в X в. о нем, что «вход для судов узок и труден, а у входа протянута цепь и, таким образом, суда не могут выйти или войти без приказа»[112].

Однако представляется вероятным, что не только надежными укреплениями дербентского порта (хотя это, несомненно, одна из веских причин) объясняется отсутствие набегов русов на Дербент. Наличие среди телохранителей дербентских эмиров русов, выступавших также союзниками эмиров в их походах против Ширвана, позволяет думать, что отряды русов поддерживали довольно тесные отношения с правителями города. Дербентские эмиры видели в них орудие борьбы со своими феодальными противниками ширваншахами и мятежной городской знатью и оказывали русам покровительство, возможно позволяя использовать Дербент как стоянку для судов и базу в их набегах на юго-западное побережье Каспия. И не случайно главным обвинением, предъявленным мусульманами города дербентскому эмиру Майму, «когда в 379 (989) году в ал-Бабе начались беспорядки, вызванные Мусой ат-Тузи, проповедником из Гиляна»[113], была его связь с русами и покровительство им. Вероятно, правители Дербента поддерживали с русами постоянную связь, так как

иначе им было трудно надеяться на своевременную помощь последних. Так, в 377 г. х. (987 г.) эмир Маймун б. Ахмад, теснимый своими политическими противниками-раисами, прибег к помощи русов, которые прибыли к нему на восемнадцати судах [114]. По подсчетам средневековых авторов (Мас'уди), подобная флотилия должна была доставить в Дербент около 1800 человек [115]. Несколько позднее, в 379 г. х. (989 г.) русы уже составляют значительную, если не основную часть гуламов дербентского эмира, который, будучи осажден в крепости собственными подданными-мусульманами, предпочел отказаться от престола, но не выдал на смерть своих телохранителей [116]. Однако через год, в 381 г. х. (991 г.), Маймун вновь захватил престол в Дербенте, видимо, не без помощи тех же русов. Дербентские эмиры не только опирались на русов в борьбе со своими внутренними врагами — раисами, но и использовали их против своего противника Ширвана.

Анализ письменных источников, и в первую очередь столь важного, как «Тарих Баб ал-абваб», свидетельствует, что в конце X—XI в., несмотря на прилагаемые ширваншахами усилия, Дербент и зависимые от него земли, включая Шабиран, не входили в состав Ширвана и не подчинялись ширваншахам. И хотя правителям Ширвана порой удавалось на короткое время сажать на дербентский престол своих ставленников, эти события не являлись следствием политической слабости Дербентского эмирата, а отражали сложные процессы социального развития его феодального общества и острые классовые и сословные противоречия в нем. В этом плане Дербент в значительной мере напоминал некоторые крупные города Древней Руси, особенно Новгород, где нахождение и частая смена у власти различных князей, не были показателем политической слабости или зависимости от соседних феодальных владений. Сепаратистские тенденции дербентской феодальной знати, стремившейся с помощью правителей Ширвана ограничить власть дербентских эмиров, хотя и приводили ширваншахов иногда на дербентский трон, но не давали им реальной власти над городом.

Этот период истории Дербента характеризовался резким обострением сословных и классовых противоречий внутри дербентского феодального общества, нашедших отражение в ожесточенной борьбе между крупными политическими группировками и в выступлениях городских низов. Наибольшего накала эта борьба достигла в конце X—XI в., когда раисам — крупным представителям городской знати, ярым сторонникам ослабления верховной власти и выразителям центробежных тенденций — удавалось неоднократно изгонять из города эмиров, олицетворявших в дербентском обществе тенденции государственной централизации и феодального абсолютизма. Так, эмир Ахмад б.'Абд ал-Малик (939—976 гг.) трижды изгонялся раисами из Дербента, а его сын, эмир Маймун б. Ахмад б.'Абд ал-Малик (976—997 гг.), за 21 год своего правления дважды изгонялся раисами из

города и даже был заключен ими в «правительственное здание» как пленник [117].

Интересы дербентских эмиров в X — середине XIII в. более тесно, чем ранее, переплетались с общедагестанскими, и это крупнейшее феодальное владение играло значительную роль в историческом развитии Дагестана. Связанные династическими браками и общими политическими интересами, дербентские эмиры нередко опирались в своей борьбе с ширваншахами и другими противниками на поддержку крупных феодальных правителей Дагестана (Серир, Табасаран, Хайдак, Карах, Шандан). В 358 г. х. (968/69 г.) войска эмира Ахмада совместно с жителями Маската разбили отряды Саллара Ибрахима б. Марзубан ад-Дейлеми, вступившего в Ширван и пытавшегося покорить Дербент. В том же году дербентский «эмир с сарирцами напал на владения Ширваншаха и разграбил их» [118].

Нередко правители феодальных владений Дагестана оказывали помощь дербентским эмирам и в борьбе с внутренними врагами, а властители Дербента, в свою очередь, постоянно вмешивались в дела Серира, Караха, Табасарана, Шандана, Хайдака, «447/11 июля 1055 года, благодаря посредничеству владетеля Серира дербентцы ввели в пограничную область (т. е. в Дербентский эмират.— *А. К.*) эмира Мансура б. 'Абд ал-Малика» [119], а «в 456(1064) году эмир обратился к соседям за помощью против раисов и много хайдаков и прочих оказали ему содействие» [120].

Находясь на границе мусульманского мира, дербентские эмиры вынуждены были балансировать между исламскими и немусульманскими феодальными владениями Кавказа путем активных военных действий и политических союзов то с аланами и русами, то с феодальными правителями Дагестана, сохраняя свою независимость и влияние в регионе. И надо сказать, что Дербенту удавалось довольно удачно сохранять свои позиции одного из крупных феодальных государств Кавказа, игравшего активную роль в его истории и оказавшего значительное влияние на социально-экономическое и культурно-политическое развитие этих областей.

В середине XI в. внутренние противоречия и политическая борьба в Дербенте достигли особого накала. В 1043 г. раисы провозгласили эмиром четырехлетнего Мансура б. 'Абд ал-Малика, но «на деле правителем от его имени был раис Абул-Фаварис 'Абд ас-Салам б. Музаффар б. Аглаб» [121]. После смерти последнего в 1054 г. эмир попытался взять власть в свои руки, но потерпел поражение и бежал из города.

В 1064 г. эмиру удалось одержать крупную победу над раисами, отколов от них народ Дербента, но позднее, нарушив клятву, раисы убили эмира и жестоко покарали жителей города. Отсутствие твердой власти и сепаратистская политика раисов самым неблагоприятным образом отразились на экономическом и политическом положении Дербента. В 456 г. х. (1064 г.) «аланы

захватили много исламских земель (принадлежавших Дербенту.— *А. К.*)», а в 1065 г. эмир Мансур вынужден был выступить против напавших на Маскат курдов, «чтобы пресечь их беззакония и злоумышления»[122], но был убит раисами. «В ал-Бабе положение [стало неустойчивым]: то правил в нем Ширваншах и его представители, то власть захватывали раисы»[123].

Ослабленный сословными противоречиями и междоусобной борьбой, Дербент не смог оказать сопротивление сельджукским войскам и в 1068 г., «когда сельджукский султан Алп-Арслан занял Азербайджан, он послал своего хаджиба Сау-Тегина (Шау-Текина) с отрядом регулярных войск (аскар) в ал-Баб»[124], город был захвачен тюрками. Однако сельджуки не смогли в этот период установить здесь свой твердый контроль «и Сау-Тегин назначил Аглаба б. Али своим заместителем в ал-Бабе, а сам вернулся домой к султану»[125], после чего в городе опять начались междоусобные беспорядки. Этим воспользовался ширваншах, который захватил Дербент и увез с собой в Ширван в цепях большинство раисов, оставив правителем города своего сына.

В 1068—1069 гг. разгорелась борьба за обладание Дербентом между правителями Ширвана и Аррана и город неоднократно переходил из рук в руки, что самым пагубным образом сказалось на его развитии. Автор «Тарих ал-абваб» сообщает, что «от этой борьбы большая часть округи (савад) ал-Баба оказалась разрушенной»[126].

В 1069 г. сельджуки сделали вторую попытку установить свой контроль в Дербенте и военачальник султана Алп-Арслана Йагама «отнял у ширванцев и город, и цитадель», но в 1070 г. после его ухода «народ ал-Баба снова призвал эмира 'Абд ал-Малика»[127]. В 1071 г. жители Дербента вновь изгнали эмира и сдали город ширваншаху.

В 1075 г. султан пожаловал Дербент Сау-Тегину и город попал под власть сельджуков, а правление местной династии Хашимидов было прервано на довольно длительное время. Однако уже в первой половине XII в. испанский араб Абу-Хамид ал-Андалуси ал-Гарнати, посетивший Дербент между 524—545 гг. х. (1130—1150 гг.), называет правителем города местного независимого эмира Сайф ад-Дина Мухаммада б. Халифа ас-Сулами, нисба которого позволяет полагать, что он принадлежал к известной дербентской династии Хашимидов Сулами, связанных с арабским племенем Сулайм[128].

Еще более определенно на независимое положение Дербента в этот период указывает сообщение Ибн ал-Азрака, находившегося на службе у грузинского царя Дмитрия и посетившего вместе с ним в 549 г. х. (1154 г.) Дербент[129].

В этот период Дербентом правил местный эмир Абу-л-Музаффар, который был женат на дочери царя Дмитрия. Столь близкий родственный союз правителей Дербента и христианской Грузии, авторитет которой на Кавказе в этот период сильно возрос, был бы невозможен без весьма прочного и независимого положения

дербентских эмиров в данном регионе, на что недвусмысленно указывал Ибн ал-Азрак. О высоком месте эмиров города в феодальной иерархии правителей Кавказа свидетельствует и одна из од известного ширванского поэта Хакани, посвященная Сейф ад-Дину Арслану Музаффар-и Мухаммаду дара-йи Дербенди (т. е. обладателю Дербенда), но с поэтическим намеком на великого ахеменидского царя Дария[130], которого поэт называет «сардаром», «саларом», «шахом», «шахиншахом», арабом «по природе и рождению», указывая на происхождение эмира от местной ветви бану Сулайм[131]. Еще в одной касыде Хакани прямо намекает на вражду дербентских эмиров и ширваншахов и на независимость первых. Поэт пишет, что «имея обиду на Ширван, он обратил свой взор на пограничную область (сагр) Счастья»[132].

Об усилении Дербента в XII в. может свидетельствовать и та поддержка, которую, по сведениям источников, грузинские цари оказывали Ширвану для отражения натиска дербентских эмиров. Наиболее крупное вторжение в Ширван произошло при эмире Бек-Барсе в 1173 или 1175 г., когда среди дербентских войск были русы, аланы, хазары, потерпевшие тогда поражение в районе Баку. В отражении этого нападения дербентцев в составе грузинского войска участвовал будущий византийский император Андроник, гостивший у грузинского царя[133].

Независимость феодальных правителей Дербента в XII—XIII вв. подтверждается обширным нумизматическим материалом, анализ которого был проведен Е. А. Пахомовым[134]. Многочисленные монеты с именами местных правителей, сопровождаемые лишь именами халифов, власть которых давно уже не распространялась на Дербент (феодальные правители мусульманского Востока признавали в этот период только духовную власть халифов) и была лишь данью мусульманской традиции, свидетельствуют о полной самостоятельности эмиров Дербента и продолжении существования здесь независимой местной династии. Наиболее часто встречаются монеты эмира ал-Малик ал-адил Музаффар б. Мухаммад б. Халифа, относящиеся к 555—559 гг. х. (1160—1164 гг.). Этот правитель, упоминаемый у Ибн ал-Азрака как Абу-л-Музаффар, являлся, вероятно, сыном эмира, правившего в Дербенте в период посещения города ал-Гарнати. В большом количестве встречаются также монеты Бек-Барса б. Музаффара и Абд ал-Малик б. Бек-Барса с именами халифов Мустади (566—575 гг. х. (1170—1180)) и Насира (575—622 гг. х. (1180—1225)).

Появление на монетах дербентских правителей второй половины XII — первой половины XIII в. тюркских имен (Бек-Барс, Арслан) отражало, видимо, не только процесс тюркизации имен под влиянием сюзеренов, как справедливо отмечал В. Ф. Минорский[135], но и общий процесс тюркизации населения города. Дербенту, находившемуся на границе оседлого мусульманского и тюркского кочевого миров, постоянно приходилось балансировать между мусульманскими феодальными правителями и мощными объединениями тюрков. После разгрома Хазарского

каганата население города стало значительно пополняться за счет тюркского элемента («Тарих Баб ал-абваб» сообщает о прибытии сюда в 456 г. х. (1064 г.) остатков хазар)[136].

Дербентские эмиры, подобно другим правителям средневекового Востока и Кавказа, широко привлекали к участию в походах тюркские отряды, которые совместно с русами и аланами стали их главной военной силой. Вероятно, в значительной мере их поддержке был обязан Дербент своим независимым положением в регионе.

В XII — начале XIII в. в связи с усилением Грузии[137] ее влияние на Восточном Кавказе сильно возросло и грузинские цари стремились укрепить политические и экономические связи с Дербентом.

Поражение объединенных отрядов дербентцев, русов, хазар, находившихся, вероятно, на службе у эмиров Дербента, от грузинско-ширванского войска под Баку в 1173 или 1175 г. не оказало существенного влияния на положение Дербента в регионе, хотя на некоторое время его правители и потеряли город Шабиран[138].

В 582 г. х. (1186) ширваншах Ахситан I был разбит атабеком Кызыл-Арсланом и Ширван попал в зависимость от иранских сельджукских султанов, что нашло отражение на монетах этого периода, где вместе с Ахситаном упомянуты имена султанов Арслан-шаха (1161—1176 гг.) и Тогрула III (1176—1194 гг.)[139]. Судя по всему, Дербент сохранил в это время свою независимость и поэтому имена сельджукских султанов не упоминаются на монетах местного чекана, нет таких данных и в нарративных источниках.

В период от конца XII — до начала XIII в. о Дербенте мало что известно.

В 614 г. х. (1217/18), после разгрома хорезмшахом Ала ад-Дином Мухаммадом (1200—1220 гг.) атабека Азербайджана Узбека, Ширван признал свою вассальную зависимость от первого и «с минбаров городов Ширвана до самого Дербента в честь султана провозглашали хутбу»[140].

Признал ли эмир Дербента себя вассалом хорезмшаха, сказать трудно, но исходя из того, что ширваншах поспешил изъявить покорность с целью предотвращения вторжения в Ширван, можно предполагать, что при отсутствии непосредственной угрозы городу со стороны Ала ад-Дина его правитель мог и не спешить с признанием своего вассалитета.

Монголы, вторгшиеся в Закавказье в 617 г. х. (1220/21 г.), т. е. через три года после указанных событий, застали Дербент сильно укрепленным и независимым городом. Сюбегетей-багатур и Джэбэнойан, даже не сделав попытки овладеть Дербентом, обошли его укрепления по горам. Источники в связи с этим сообщают, что монголы сначала обратились к правителю Дербента, который назван ширваншахом, с просьбой о мире[141]. «Он прислал десять человек из вельмож [акабир] своего народа; [одного] из них [монголы] убили, а другим сказали: „Если вы покажете нам путь через Дербент, мы вас пощадим, в противном случае мы вас тоже убьем!“ Они из страха за свою жизнь указали путь, и те прошли»[142].

О том, сколь труден был этот путь и какие неудобства доставила монголам непокорность Дербента, свидетельствует Киракос Гандзакеци, писавший, что монголы «пересекли Кавказские горы по неприступным местам, заполняя пропасти деревьями и камнями, бросая туда свой багаж, даже лошадей и военные снаряды, и ушли в свою страну»[143]. А Джувайни сообщал, что «никто не помнит, чтобы какая-либо армия когда-либо прошла через проходы эти»[144].

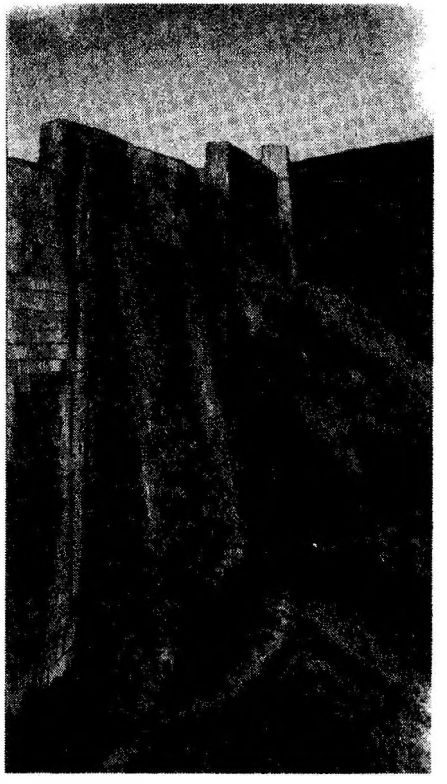


Рис. 13. Северная часть цитадели Нарын-кала

После ухода монголов к Дербенту прибыло большое число разгромленных ими кыпчаков, которые умоляли владетеля города Рашида дать им убежище, обещая ему за это верную службу: «Мы твои мамлюки и для тебя мы завоюем области и ты — наш султан»[145]. Однако, после того как Рашид отказал им в убежище, кыпчаки хитростью захватили город, а Рашид был вынужден бежать в Ширван. Вскоре кыпчаки были разгромлены объединенными грузинско-ширванскими и дагестанскими войсками и почти полностью уничтожены или попали в плен, и «кыпчакский мамлюк продавался в Дербенде Ширвана по [самой] низкой цене»[146].

Хотя Ибн ал-Асир назвал город «Дербендом Ширвана», этот факт вряд ли является свидетельством его зависимого положения. Наоборот, сам Ибн ал-Асир именует правителя города ширваншахом, носившим причем нетрадиционное для этой династии (обычно ширваншахи носили иранские имена) арабское имя Рашид. Можно предположить, что в данное время или Ширван признал свою зависимость от Дербента, или данный Рашид самовольно присвоил себе титул ширваншаха. Однако сообщения еще одного авторитетного автора и современника описываемых событий — Йакута (1179—1229 гг.), который ставил Дербент выше столицы Ширвана Шемахи, названной его округом, позволяет думать, что ширваншахом правитель Дербента назван не случайно. В разделе своего труда, посвященном Шемахе, Йакут писал: «Это — главное место (касаба) Ширвана в районе Аррана. Оно считается округом ('амал) Баб ал-абваба, и его

властитель, Ширваншах, является братом властителя Дербенда»[147]. Неясно, был ли Рашид действительно братом правителя Ширвана, или это только принятая на средневековом Востоке форма взаимообращения государей, связанных какими-то политическими обязательствами, но, вероятно, надо признать историческим фактом то, что владетелей Ширвана и Дербента в этот период связывали политические, иерархические, а возможно, и родственные узы.

Несколькими годами позднее — около 624 г. х. (1227 г.) — Дербентом управлял несовершеннолетний эмир, возможно сын Рашида, но фактическая власть принадлежала его опекуну атабеку ал-Асаду, который пользовался особым покровительством последнего хорезмшаха Джалал ад-Дина. Понимая стратегическое значение Дербента, Джалал ад-Дин всячески поддерживал ал-Асада и передал ему в качестве своеобразной оплаты за охрану Дербентского прохода значительные земли в Ширване: «...одарил его и назначил на его имя и на имя ребенка, его государя, икта, рядом с которым Дербенд казался ничтожно малым»[148]. Позднее ал-Асад был схвачен людьми хорезмшаха, но сумел спастись и успешно отстаивал Дербент, сохранявший независимость и в этот период.

Во время второго нашествия монголов на Кавказ им удалось в 1239 г. захватить Дербент. Сейчас неясно, на каких условиях город был сдан монголам, но Дербенту удалось избежать судьбы многих крупных средневековых городов Закавказья. При археологических раскопках в культурных слоях города первой половины XIII в. не отмечено следов катастрофического разрушения и массового истребления жителей[149]. Вероятно, учитывая особую стратегическую значимость Дербента и грандиозную мощь его стен, монголы посчитали более выгодным покорить этот город на каких-то почетных условиях. Это подтверждает и Рубрук, побывавший в Дербенте 17—18 ноября 1254 г., который сообщает, что монголы разрушили лишь верхние части башен и зубцы стен[150].

Однако именно с монгольским нашествием связано начало упадка города, от которого Дербент уже не смог оправиться. Монголы подорвали экономику и торговлю города, нарушили традиционные торговые пути и связи его с восточными, закавказскими и внутридагестанскими рынками, нанесли тяжелый урон сельскому хозяйству и ремесленному производству. Особенно тяжелы были для Дербента последствия ожесточенной борьбы между ханами Золотой Орды и монгольскими государями Ирана, претендовавшими на этот важный военно-политический и торговый центр.

После монгольских завоеваний Дербент, несмотря на отдельные периоды подъема и расцвета, хотя и остался самым значительным городом Дагестана, но не смог достичь своего былого могущества и прежнего уровня социально-экономического развития.

Глава вторая

СЛОЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА

Возникновение и развитие средневековых городов Дагестана было тесно связано с дальнейшим развитием производительных сил, зарождением новых производственных отношений и бурными историческими событиями на Кавказе в этот период.

Большинство средневековых городов Северо-Восточного Кавказа сложилось на базе более древних укреплений скифского и албано-сарматского времени, расположенных вдоль Прикаспийского пути и у разломов предгорных массивов или речных долин в местах их выходов на приморскую равнину, т. е. в местах пересечения местных и международных коммуникаций.

Возникнув первоначально в основном как значительные военно-политические пункты на внутридагестанских и транскавказских коммуникациях, многие из них оказались в дальнейшем втянутыми в сферу международных торговых связей, что привело к превращению их в крупные торгово-ремесленные центры Дагестана.

Археологическими исследованиями был выявлен целый ряд крупных городищ — остатков средневековых городов этой поры, расположенных в плоскостном и предгорном Дагестане, таких, как Андрейаульское, Верхнечирюртовское, Аркасское, Капчугайское, Гурджиюртовское, Таркинское, Махачкалинское, Гентурунское, Урцекское, Каякентское, Эскиюртовское, Чакавуркенское, Мамедкалинское, Турпагкалинское, Дербентское, Топрахкалинское, Хорельское, Арменкалинское и др. Однако большинство этих памятников пока еще очень слабо исследовано, и многие вопросы их возникновения и динамики развития, территориального роста и застройки, внутренней структуры и этапов становления остаются совершенно неосвещенными в исторической литературе.

Изучение исторической топографии Дербента и путей ее формирования имеет большое значение для понимания процессов сложения феодальных городов не только Дагестана и Восточного Кавказа, но и восточного города вообще.

Многие средневековые города Кавказа и Средней Азии не сохранили в своем облике ни древней планировки, ни структуры, и судить о их исторической топографии довольно трудно. Другие города относительно хорошо сохранились, но полностью или почти полностью обойдены вниманием письменных источников, что не позволяет исследовать многие вопросы их исторического

развития. Дербент в этом плане выгодно отличается от всех остальных средневековых памятников Дагестана и Восточного Кавказа.

Сложение исторической топографии феодального Дербента в основном приходится на два важнейших периода его истории: раннесредневековый (VI—начало VIII в.) и средневековый (VIII—середина XIII в.). Первый из них характеризовался ожесточенными войнами и широким фортификационным строительством, вызванным столкновением на Северо-Восточном Кавказе интересов огромной Сасанидской державы и мощных объединений кочевников, границей между которыми стали дербентские укрепления. Это был период формирования фортификации и двухчастной городской структуры Дербента, сложения его межстенной территории и внутренней топографии шахристана.

Второй период в сложении исторической топографии Дербента начался после арабского завоевания и продолжался вплоть до монгольского нашествия. В это время окончательно оформились его трехчастная городская структура, сложная внутренняя планировка и застройка шахристана и рабада, сформировался экономический и общественный центр средневекового города, начался процесс территориальной концентрации и специализации отраслей его ремесленного производства.

Однако, как показали раскопки, Дербент начал складываться не на пустом месте и имел значительный период досасанидского развития, в который сформировались отдельные важные элементы его исторической топографии, сложились древнее ядро города и планировка одной из основных частей городской структуры — цитадели.

СТРУКТУРА И ЗАСТРОЙКА ГОРОДА В VI—НАЧАЛЕ VIII В.

Своеобразие планировки Дербента, протянувшегося узкой лентой через весь проход, и отсутствие в раннесредневековых источниках каких-либо конкретных данных о самом городе, его структуре, динамике развития и исторической топографии способствовали тому, что Дербент вошел в историческую литературу как памятник с весьма своеобразной городской структурой[1]. Вследствие подобной постановки вопроса появилось даже мнение, что Дербент до арабского завоевания или даже до самого конца X в. вообще не был городом, а представлял собой лишь военную крепость с небольшим гарнизоном иноземных воинов. Как ни скудны сведения источников о топографии Дербента этого периода, они все же позволяют считать его довольно значительным раннесредневековым городом с развитой внутригородской планировкой и четкой, исторически сложившейся структурой, неоспоримо засвидетельствованными в процессе многолетних археологических исследований.

Так, в «Армянской географии» Анания Ширакаци (VII в.), где впервые город именуется «Дербентом», он назван «городом Чорского прохода, великой твердыней, построенной среди моря»[2], Гевонд именует Дербент «городом» у ворот Каспийских[3], а Мовсес Каганкатваци называет его «великим городом»[4].

Мовсес Каланкатваци в связи с взятием Дербента в 627 г. хазарами сообщает о внутренней планировке города, включавшей систему улиц и площадей, на которых кочевники «как хищные волки, потерявшие стыд, бросились на них (жителей Дербента.— *А. К.*) и беспощадно перерезали их на улицах и площадях города»[5].

О том, насколько был уже велик город ко времени арабского завоевания, свидетельствуют сообщения Баладзори, ат-Табари и других арабских авторов, которые утверждают, что полководец Маслама сразу «переселил в город ал-Баб-у-ал-абваб (Дербент) двадцать четыре тысячи (солдат) из Сирии»[6], а территорию его разделил на четыре (по данным «Дербенд-наме»,— семь) квартала. Одну часть он отдал жителям Дамаска, вторую — жителям Куфы, третью — обществу Джазиры, четвертую — жителям Химса»[7].

При этом следует заметить, что уже при Хосрове Ануширване в Дербенте действовал водопровод, отремонтированный Масламой, а первые арабские наместники, по данным письменных источников, благоустраивали улицы города. Свидетельством уже значительного развития города является наличие в Дербенте VI—VII вв. монументальных памятников архитектуры и даже «восточного патриаршего дворца»[8]. Исторические условия, определившие появление раннесреднекового Дербента как одного из главных военно-политических центров на Кавказе, способствовали своеобразному положению города в социально-экономической структуре общества данного региона.

Первоначально он являлся военно-политическим оплотом Сасанидов на Кавказе, резиденцией иранских наместников-марзпанов, хранителей границ, значительным административным центром, местопребыванием большого гарнизона. Здесь оседал определенный процент местной знати, перешедшей на службу к персам, и землевладельцев округи, искавших защиту за крепкими стенами города. Значительную часть населения города составляли переселенцы из внутренних районов Ирана. Наличие здесь внушительного количества солдат, чиновников, служителей культа и военных колонистов, несомненно, привлекало в Дербент торговцев и ремесленников, которые должны были обеспечивать обитателей города всем необходимым.

Однако в это время торгово-экономическая деятельность не являлась главной причиной формирования и развития города, пока она носила второстепенный характер. Основой становления и роста Дербента оставались военно-политические факторы. Большую роль в превращении Дербента из чисто стратегического пункта в развитый раннесредневековый город сыграла широкая строительная деятельность Сасанидов.

Огромные масштабы фортификационного строительства, проводимого иранцами в Дербенте, потребовали длительного скопления здесь большого количества рабочих самых различных профессий. Особое развитие получают специализированные виды строительных работ и камнеобрабатывающий промысел. В этот период появляются каменоломни, где добывался местный ракушечник, распиливаемый на стандартные блоки, которые доставлялись в Дербент по морю, а дальше их отправляли по специально проложенным дорогам в районы строительства. Обследования Горной стены показали, что она на всем протяжении, включая самые отдаленные участки и форты, удаленные более чем на 40 км от Дербента, возведена из ракушечника, резко отличающегося от местного камня этих районов Горного Дагестана и полностью аналогичного ракушечнику дербентских карьеров. Помимо рабочих, занятых добычей, распиловкой и доставкой камня, в строительном процессе участвовали каменотесы, мастера-камнеукладчики, подносчики, землекопы, разнорабочие.

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно, способствовало быстрому развитию здесь ремесла и торговли, значительному увеличению среди его населения числа ремесленников и торговцев.

В этот период, помимо камнеобработки и строительного дела, в городе широкое развитие получают гончарное производство, металлообработка, зарождаются стеклоделие, специализированное ткачество и другие виды ремесла.

Таким образом, причины военно-политического характера, обусловившие возникновение и первоначальное развитие Дербента, на втором этапе тесно переплетались с экономическими, в основе которых лежал значительный подъем ремесла и товарного производства, при котором, по словам Фридриха Энгельса, продукты производятся «уже не для собственного потребления, а для обмена» [9].

Резкое увеличение спроса на ремесленную продукцию и связанное с ним развитие товарного производства оказали решающее влияние на рост внутреннего рынка и значительное увеличение товарооборота города. Тесно соприкасаясь с рынком, ремесленник переходит «к производству на рынок, т. е. делается *товаропроизводителем*» [10]. Уже на этом этапе часть высококачественной посуды, очевидно, стала производиться на заказ. Это, вероятно, было характерно и для изделий других отраслей ремесленного производства, достигших в этот период значительного развития. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя» [11].

Результаты археологических исследований, проводимых в городе в последние годы, убедительно свидетельствуют, что в сасанидский период Дербент стал не только самым мощным опорным пунктом на Кавказе, но и значительным торгово-ремесленным центром [12].

Развитие ремесла и торговли способствовало дальнейшему росту и заселению Дербента, который в этот период предстает, по данным археологических исследований, весьма большим раннесредневековым городом с четко выделенной внутренней структурой.

Процессы, оказавшие влияние на формирование внутригородской топографии и структуры раннесредневекового Дербента, значительно различались на двух этапах сасанидского строительства.

Возведение сырцовых и каменных оборонительных сооружений Дербента, хотя и было вызвано общими причинами военно-политического характера, совершенно по-разному повлияло на динамику развития, территориальный рост и застройку города, на сложение шахристана.

Первый этап, не отличавшийся широким размахом и специализацией строительных работ, не был связан со скоплением в Дербенте столь крупных масс людей и не оказал существенного влияния на экономическое развитие города, рост его ремесла и торговли, территориальное развитие и застройку. Раскопки позволили установить, что основное ядро города на первом этапе сасанидского строительства находилось на дербентском холме и территория его застройки ограничивалась цитаделью (4,5 га) и районами, примыкавшими к ней с востока (5—6 га) и юга (2—3 га). Стратиграфические исследования, проводившиеся в различных районах Дербента [13], от вершины холма до побережья, показали, что, несмотря на появление мощной сырцовой стены, перекрывшей на первом этапе формирования исторической топографии весь проход, большая часть территории раннесредневекового города от цитадели до Джума-мечети не обживалась. Главным районом сосредоточения военно-административной и экономической жизни Дербента, как и в древности, оставалась вершина холма, и особенно ее северо-восточная часть, где в это время Сасанидами была возведена или перестроена цитадель со стенами из сырцового кирпича. Раскопки показали, что на данном этапе эта территория являлась местом наиболее интенсивного обживания, здесь выявлены значительные культурные наслоения и архитектурные остатки V — начала VI в.[14] Заселялась территория к югу от цитадели и верхняя часть восточного склона холма. В юго-западной части вершины холма, рядом с территорией древнего могильника, были выявлены развалы керамических печей [15], остатки гончарного производства и крупная открытая печь типа тандыра неясного назначения с остатками водоводов из керамических труб и камней [16]. Отсутствие культурных напластований V — начала VI в. на большей части восточного склона холма, в его центральных и приморских районах, свидетельствует о том, что формирование территории шахристана

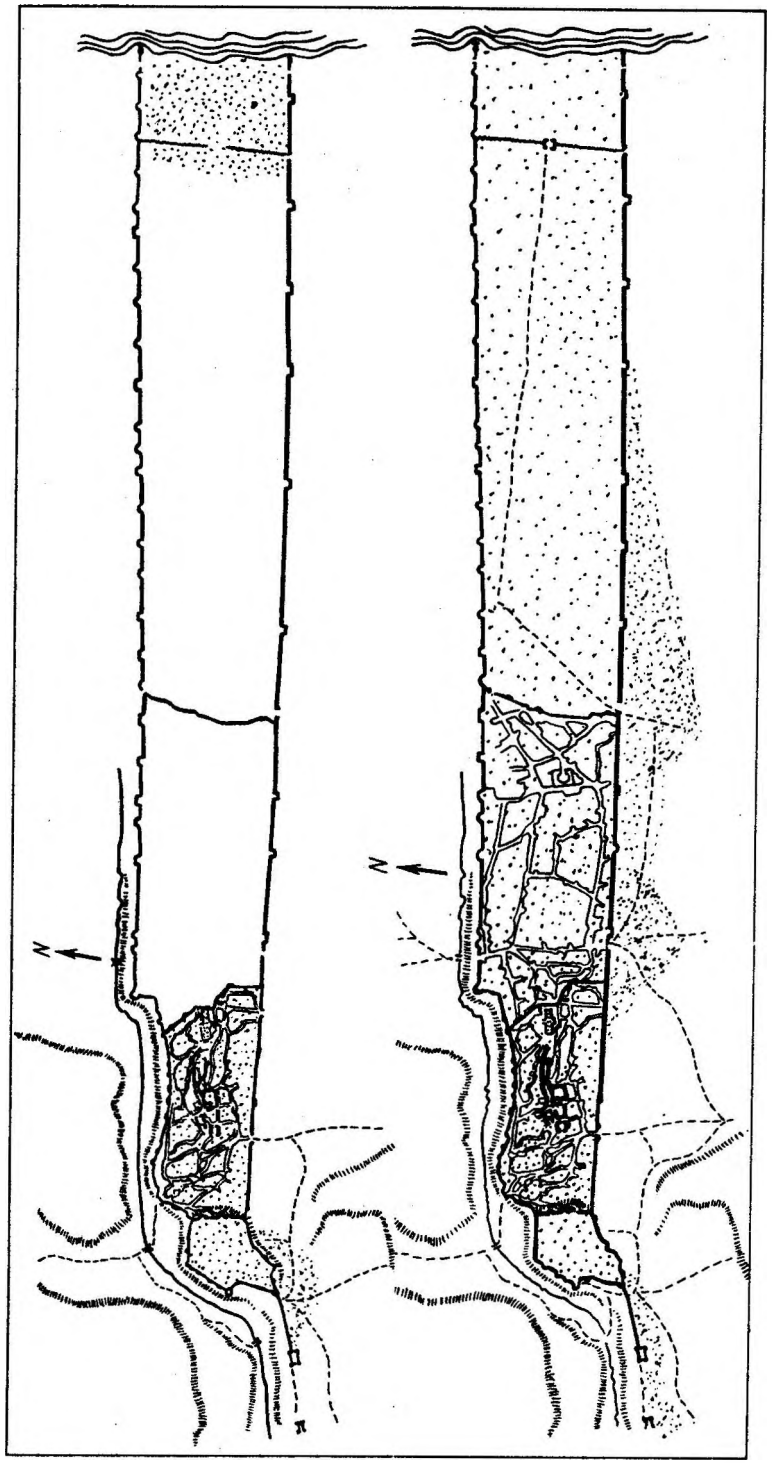


Рис. 14. План Дербента с обозначением динамики развития феодального города: а) территория города сасанидского времени (VI—начало VIII в.), территория средневекового города (VIII—XIII вв.)

и его застройка на первом этапе сложения топографии раннесредневекового Дербента еще только начались. Динамика его развития и территориальная застройка в V—начале VI в. были во многом сходны с древним периодом истории Дербента. В это время вся военно-политическая и экономическая жизнь города была сосредоточена в районе вершины дербентского холма, в цитадели и на прилегавшей к ней территории.

Археологическое изучение Дербента этого времени и анализ раннесредневековых письменных источников позволяют предполагать, что в V—начале VI в. он выступает скорее как крупный военно-политический центр, мощный укрепленный пункт на северной границе сасанидского Ирана, чем как значительный город с развитыми ремеслом и торговлей. На первом этапе создания раннесредневекового города, коснувшемся в основном его фортификации, Дербент являлся самым мощным опорным пунктом иранцев на Восточном Кавказе, первой «длинной стеной», «пограничной крепостью», «крепостью Чора», как его именуют источники этого времени.

Второй этап в складывании планировки Дербента раннесредневековой поры начался с возведением мощной каменной фортификации города, причинами возникновения которой были также факторы в основном военно-политического характера. Однако, как уже отмечалось, широкая строительная деятельность Сасанидов способствовала и экономическому подъему Дербента, быстрому расширению внутреннего рынка и росту ремесленного производства. С VI в., судя по данным археологических исследований, сведениям письменных источников и значительному нумизматическому материалу, вновь начинается некоторое оживление международной торговой деятельности по Прикаспийскому пути, что вело к дальнейшему экономическому подъему Дербента, отразившемуся и на формировании его исторической топографии.

Развитие ремесла и торговли обусловливало активное заселение межстенной территории города, где при раскопках отмечается концентрация застройки и ремесленного производства. Рост городской застройки Дербента вниз, от цитадели к морю, по восточному склону холма привел к территориальному выделению шахристана в структуре города, окончательно оформившейся с появлением южной городской стены. Южная стена, как уже отмечалось, хотя и возникла в сасанидский период, но была возведена позднее каменных стен цитадели и северной городской стены. Появление этой стены, строительство которой не было продиктовано известными военно-политическими причинами, знаменовало собой окончательное оформление межстенной территории раннесредневекового Дербента, где постепенно складывалась одна из основных частей структуры феодального города — шахристан. Теперь это уже не только грандиозная «длинная стена», но «город, окружающий своими каменными стенами, башнями и зубчатыми парапетами каменные или кирпичные

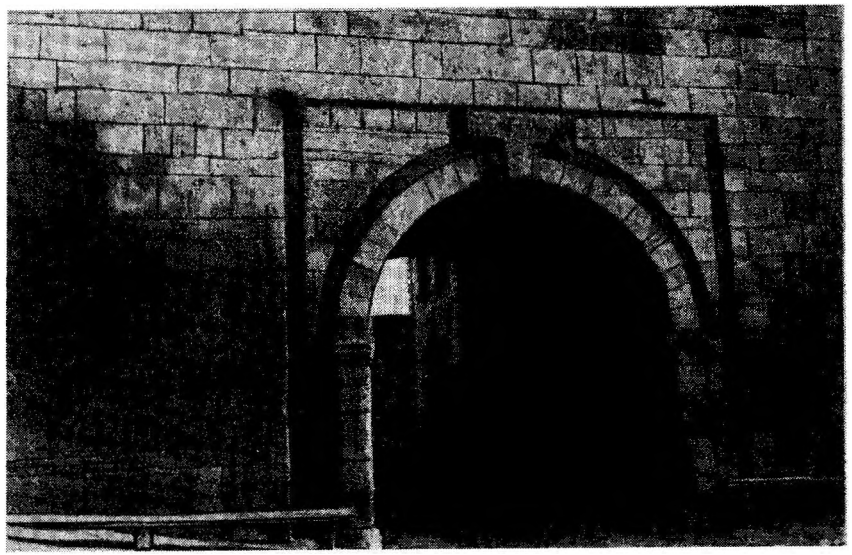


Рис. 15. Ворота южной стены города Боят-капы

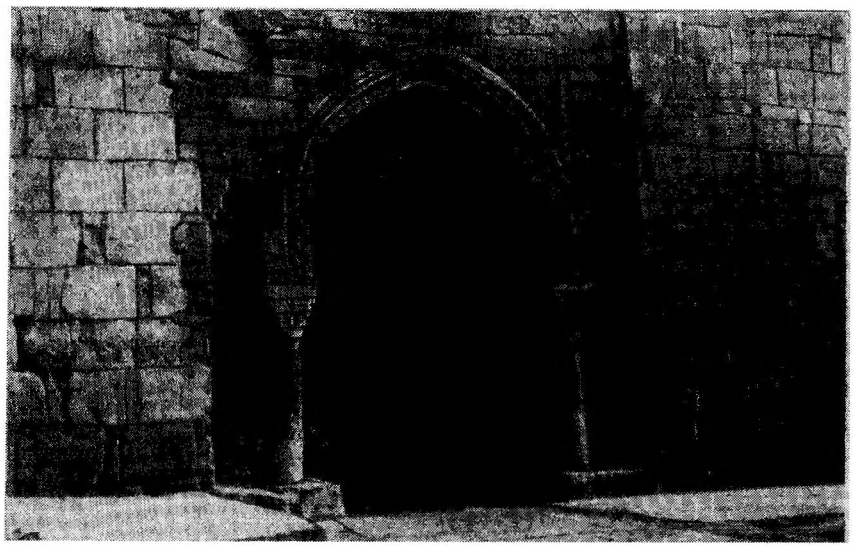


Рис. 16. Ворота южной стены города Орта-капы

дома»[17]. Одновременно возведение южной стены, спускавшейся, как и северная, в море, знаменовало собой и оформление порта города.

По площади внутристенной городской территории, которая достигает у Дербента около 150 га, он значительно превосходил многие крупнейшие раннесредневековые города Переднего Востока, Закавказья и Средней Азии. Однако в сасанидское время обживалась не вся внутристенная территория города, а только его верхние районы[18]. Стратиграфические раскопы, заложенные в различных районах Дербента, показали, что во второй период территорию обживаемой и застраиваемой части города составляло его межстенное пространство от цитадели до Джума-мечети и ворот Орта-капы включительно[19] с большей концентрацией застройки в южных районах, у городской стены и в юго-западных, у подножия восточного склона дербентского холма[20]. Свидетельством территориального роста и развития планировки раннесредневекового Дербента может служить наличие двух крупных ворот в южной стене, связанных с уличной сетью города (Баят-капы и Орта-капы). От остальной, незастроенной части города обживаемую территорию отделяла мощная каменная стена, остатки которой были выявлены в районе Джума-мечети[21]. Эта упоминаемая источником XI в. стена[22] еще сохранялась на планах Дербента 20-х годов XVIII в. и является наиболее древней из всех поперечных стен города. Она была построена таким образом, что в заселяемую территорию города были включены только безопасные южные ворота, а за городской чертой раннесредневекового шахристана оставались наиболее опасные ворота северной стены — Кырхляр-капы. Эта часть города, включавшая в себя территорию от цитадели до районов Орта-капы и Джума-мечети, имела площадь около 21—22 га. Возможно, активно обживалась в этот период и приморская часть города, связанная с портом, район которого пока еще слабо изучен. Вместе с цитаделью общая площадь осваиваемой территории города без учета малообследованного приморского района достигала 26—27 га. Несмотря на то что обживаемая

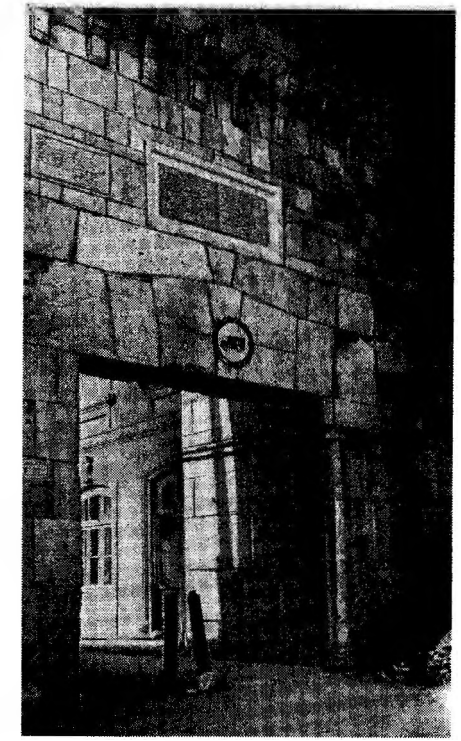


Рис. 17. Ворота северной стены города Кырхляр-капы

территория в этот период занимала, согласно археологическим данным, всего около $^1/_6$ от его внутристенного пространства, Дербент предстает как весьма значительный раннесредневековый город. Для сравнения приведем опубликованные данные размеров крупнейших городищ Средней Азии — остатков наиболее известных раннесредневековых городов этого региона: Бухара — 35 га, Термез — 20 га, Пенджикент — 13—14 га, Кяфир-кала — 16 га, Варахша — 19 га[23] (при публикации сведений о площади Варахши произошла, видимо, опечатка, площадь этого городища около 7—9 га). Как видно из приведенных данных, Дербент сасанидского периода по своим размерам превосходит (с учетом лишь только обживаемой территории) большинство известных раннесредневековых городищ, являющихся остатками наиболее известных городов — крупных центров высокоразвитых экономически и политически областей Средней Азии. Он уступал по размерам лишь самым крупным ее центрам, таким, как Самарканд (65 га) и Мерв (200 га), но и у этих городов, как показали раскопки, площадь застройки составляла лишь часть их территории.

Дербент вошел в историческую литературу как памятник с весьма своеобразной исторической топографией и планировкой, выпадающими из общей схемы двух- и трехчастного деления города, где обязательными компонентами его выступают цитадель и собственно город, а иногда и пригород. Считалось, что Дербент стал соответствовать этой схеме лишь в период средневековья, а точнее, только после X в., когда в его структуре появились цитадель и пригород[24].

В. В. Бартольд установил, что почти все домусульманские города Средней Азии состояли из двух четко отличных одна от другой частей: цитадели и собственно города (шахристана), а археологические наблюдения показали, что данная схема вполне типична для раннесредневекового восточного города[25]. Однако в отношении Дербента он считал подобную схему неприемлемой и полагал, что цитадель могла здесь появиться лишь после X в., а на холме, где она построена, до этого складывали штабель дров для сигнального костра.

Археологические раскопки, проведенные в цитадели в 1971—1991 гг., позволили пересмотреть динамику развития города и проблему формирования его городской структуры, четко выделить две составные части раннесредневекового Дербента: цитадель (кухендиз) и собственно город (шахристан)[26].

Цитадель. В комплексе дербентских оборонительных сооружений цитадель, называемая в настоящее время Нарын-калой, занимала особое место — это резиденция правителя города, местопребывание его двора и гарнизона, административный, военно-политический и культурный центр. Первые сообщения о цитадели Дербента имеются уже у ряда авторов VIII—IX вв.[27], что служит дополнительным подтверждением возникновения ее до X в. Балами, давший наиболее полное описание топографии

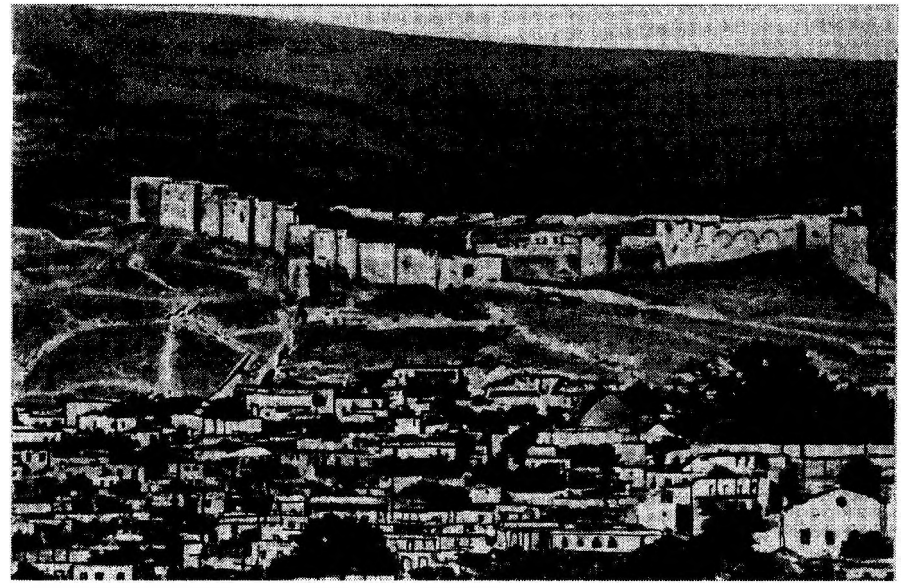


Рис. 18. Вид на цитадель и старую часть города

Дербента X в., четко различает части города: цитадель — «кала» (персидское — кухендиз) и собственно город — «медина» (персидское — шахристан), а о городе в общем понятии он говорит — «шахр»[28]. В «Тарих Баб ал-абваб» неоднократно упоминается цитадель и сообщается, что «кала» — место пребывания дербентских эмиров[29].

Эти сведения подтверждаются данными эпиграфики. Нами было обнаружено на стенах цитадели большое количество раннеарабских куфических и три пехлевийские надписи[30], которые не оставляют сомнений во времени появления этих стен, возведенных, несомненно, значительно раньше X в.

Выявленные раскопками культурные отложения раннесредневекового времени, связанные с сасанидским периодом формирования топографии цитадели, включают в себя три слоя, обильно насыщенные строительными остатками, керамикой и другими материалами. Из них самым незначительным является первый слой толщиной в 10—20 см, основной материал которого позволяет отнести его к V в. Второй слой достигает толщины на восточных участках 40—60 см, а на южных и северо-западных — 30—40 см, хронологически он относится к V—VI вв.[31] Третий слой достигает на восточных участках 50—70 см, а на остальных — 40—60 см. Керамика, обнаруженная в нем, резко отличается от посуды Дербента и всего Дагестана албанского времени и характерна для гончарных изделий памятников Передней и Средней Азии, а также ряда районов Закавказья VI—VII вв.[32]

В результате археологического изучения топографии Дербента удалось не только установить факт пребывания иранцев в районе цитадели уже в первой половине V в., но и выделить два этапа их строительства ее [33]. Особенно важными представляются данные о сырцовой фортификации цитадели, которые не только снимают вопрос о существовании цитадели как составной части раннесредневекового Дербента, но и на целое столетие удревняют ее возникновение [34].

Выявленная археологическими исследованиями четкая «перевязка» блоков каменных стен цитадели и северной стены города, полностью аналогичных между собой по характеру, конструкции и размерам камней кладки, обнаруженные на ее стенах пехлевийские надписи, а также наличие в цитадели и на территории города культурных слоев VI—VII вв. позволяют утверждать, что на втором этапе формирования топографии раннесредневекового Дербента он имел двухчастную структуру (кухендиз — шахристан) [35], сохранившуюся в его древней топографии до наших дней.

Основу застройки раннесредневековой цитадели составлял крупный архитектурный комплекс у восточной стены. Как и в албанское время, большая часть строений концентрировалась в восточных, наиболее безопасных и благоприятных для застройки районах цитадели.

Вскрытые здесь в процессе раскопок сооружения сасанидского времени резко отличаются по строительному материалу, планировке, технике возведения и конструкции от построек предшествующих эпох. Прежде всего это касается крупного архитектурного комплекса у восточной стены, внушительные размеры, монументальность и богатство оформления которого позволяют отождествлять его с дворцовыми постройками Дербента раннесредневековой поры [36].

В гражданской архитектуре основным строительным материалом служил бутовый и хорошо обработанный местный камень-ракушечник.

В жилищно-бытовых и административных постройках, выявленных в восточной, южной и северо-западной частях цитадели, отмечено применение сырцового кирпича, бутового камня и тщательно обработанных крупных плит, аналогичных по размерам плитам кладки оборонительных сооружений. Впервые в гражданской архитектуре Дербента появляются конструкции из жженого и сырцового кирпича размером 40—42 × 40—42 × 10—11 см и 38—39 × 38—39 × 10—11 см [37], применение которого в постройках раннесредневекового города было связано с проникновением сюда новых ближневосточных строительных традиций. К этому же периоду относится широкое распространение известкового раствора, неизвестного ранее как на памятниках Дербента, так и в архитектуре всего Северо-Восточного и Восточного Кавказа.

Исследование крупного архитектурного комплекса сасанидского времени у восточной стены цитадели показало, что он

представляет собой монументальные дворцовые постройки с помещениями жилого, административного, общественного и хозяйственно-бытового назначения общей площадью свыше 3000 кв. м [38].

Стратиграфическое изучение памятника и анализ многочисленного археологического материала, связанного с его функционированием, позволяют датировать этот дворцовый комплекс VI—VII вв. н. э. [39] Раскопки показали, что данный комплекс имел определенную территориальную концентрацию помещений по назначению. В северо-восточной и центральной его части группировались крупные и богатого оформления комнаты административного и жилого назначения, а в южной и юго-восточной части комплекса располагались помещения хозяйственно-бытового назначения, уступавшие первым в размерах и оформлении.

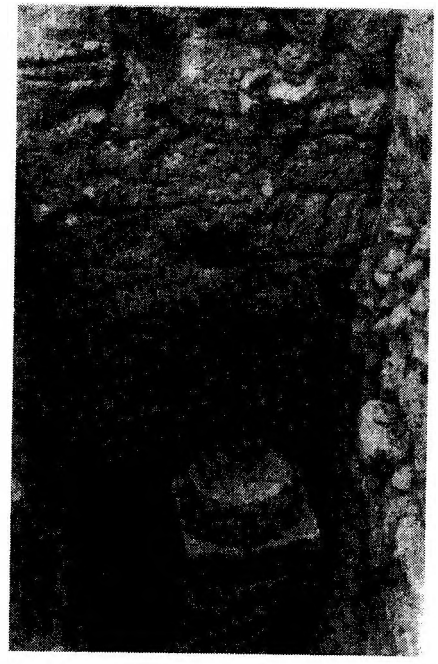


Рис. 19. База колонны дворца сасанидского правителя Дербента VI—VII вв.

В северо-восточной части архитектурного комплекса были вскрыты остатки крупного зала с колонным оформлением. Подобно базам ионического ордера, каменные базы его колонн высотой около 0,6 м состояли из двух частей: плинта и основания базы [40]. Плинт имеет размеры 0,92 × 0,92 × 0,24 м, а основание базы приближается по форме к низкому бочкообразному цилиндру с расширенной нижней частью, диаметр которой равен 0,84 м. Учитывая, что высота ионической колонны в эпоху архаики доходила до восьми ее диаметров, а позднее превышала девять диаметров [41], можно приблизительно вычислить высоту колонн дербентского архитектурного комплекса, которая должна была достигнуть 6—7 м.

Стены парадных северо-восточных помещений комплекса были покрыты глиняной штукатуркой с тонким слоем белой гипсовой обмазки поверх нее или резным штуком чуть розоватого цвета. Здесь отмечены фрагменты резных архитектурных деталей и украшений из местного камня-ракушечника и даже крупные фигурные плиты в виде антропоморфных изображений неясного назначения.

Стены южных и юго-восточных помещений не имели декоративного оформления, они покрывались простой глиняной

штукатуркой или вообще не имели ее (возможно, не сохранилась). Здесь в значительном количестве отмечены крупные, заглубленные в пол очаги с тщательной внутренней обмазкой и несколько расширенной нижней частью, а также хозяйственные ямы с тщательной известковой обмазкой.

Сохранившиеся архитектурные памятники Дербента раннесредневековой поры и остатки рухнувших сводов и перемычек позволяют говорить об использовании в выявленных дворцовых сооружениях цитадели нескольких типов перекрытий.

А. А. Бестужев-Марлинский предполагал, что «сводный замок строителям Кавказской стены был неведом... Коридоры покрыты или широкими плоскими плитами, или плитами в выступ, или, наконец, кровлей из плит, сложенных как карточный домик, треугольником»[42].

Однако эти данные А. А. Бестужева-Марлинского, очень важные для исследования Горной стены, нельзя переносить на всю архитектуру города и считать доказанным отсутствие здесь в раннесредневековое время других видов перекрытия, в том числе арок и куполов. В фортификационном строительстве Дербента, как и всего Дагестана, уже в средневековый период широко применялись обнаруженные в Горной стене типы перекрытий как наиболее рациональные и доступные для данного вида архитектуры. В то же время выявленные при раскопках остатки плоско-клинчатых перемычек, рухнувших каменных сводов, баз колонн, найденные в большом количестве замковые камни и керамическая черепица как плоской с высоким бортиком, так и коньковой, желобчатой формы свидетельствуют о применении в дворцовой, культовой и гражданской архитектуре и других видов перекрытий. Конструкции перекрытий древнейших ворот Дербента, базиличного здания Джума-мечети, крестово-купольного храма в цитадели, позволяют полагать, что наряду с простыми коробовыми и плоскими перекрытиями строителям города были известны плоско-клинчатые и арочные перемычки, строительные конструкции, полуциркульные арки, простейший тип куполов на тромпах[43], широко применявшиеся в архитектурных сооружениях сасанидского Ирана[44]. Не исключено, что дворцовая архитектура Дербента включала в себя такой вид постройки, как айван, широко распространенный в памятниках раннесредневекового Ирана и достигший наивысшего развития в знаменитом дворце Так- и Кисра в столице Сасанидов Ктесифоне (Месопотамия)[45]. Значительно меньшие по размерам, монументальности и богатству оформления строения, обнаруженные в южной, западной и северо-западных частях цитадели, являются остатками жилищно-бытовых, административных и культовых сооружений, два из которых можно отождествить с казарменными помещениями и крестово-купольным храмом[46].

Раскопки подтвердили, что в V—VII вв. цитадель была резиденцией правителя Дербента и в то же время административным, военно-политическим и в определенной мере культурным центром города. В сасанидский период цитадель являлась ядром

раннесредневекового города, откуда он стал расти по склону холма. Это место наиболее раннего заселения и интенсивного обживания Дербента[47].

Шахристан. Стратиграфические исследования, проводившиеся на территории раннесредневекового шахристана города, показали, что толщина культурных отложений сасанидского времени неодинакова на различных участках его. Наиболее интенсивно обживались западные районы шахристана, расположенные ближе к цитадели. Толщина культурных напластований этого периода здесь достигает 0,7—0,85 м, и стратиграфически в них удалось выделить два слоя. Нижний из них, обильно насыщенный архитектурными остатками и керамикой, достигал толщины 0,45—0,50 м. Массовый керамический материал, включавший кувшины с раструбовидной горловиной, чаши с сильно утолщенным, заостренным вниз венчиком, тарные сосуды с многорядным волнистым орнаментом, поделки из стекла и металла позволяют датировать его концом V—началом VII в.[48] Второй слой толщиной 0,3—0,4 м представляет в структурном отношении темно-серый грунт с большим включением строительных остатков, керамики, угля, золы, значительных зольников, сплошь перекрывавших местами поверхность полов. Формы и качество керамики, использование в орнаментации зигзагообразного, рубчатого, елочного, штампованного орнамента, красного и светлого ангоба и некоторых других приемов, характерных для позднесасанидской посуды Дербента, предметы вооружения и украшения, две медные монеты позволяют датировать этот слой VII—началом VIII в.[49]

Стратиграфические исследования в восточных районах обживаемой территории раннесредневекового шахристана показали, что толщина культурного слоя здесь меньше, чем в западных, и достигает 0,3—0,45 м[50]. Ряд изделий из верхней части этого слоя находит самые тесные аналогии с сосудами хазарских памятников Северного Кавказа и Дагестана VII—VIII вв.[51]

Любопытно отметить, что наряду с красноглиняной, очень высококачественной посудой, типичной для керамики Дербента сасанидского периода, на территории шахристана обнаружены и гончарные изделия со специфически красным и бордовым ангобом, аналогичные по формам и орнаментации местной посуде албанского времени[52].

Количество подобной керамики в слоях города сасанидского времени относительно невелико, однако распределение ее явно неравномерно. Основная часть подобной посуды найдена в шахристане города, в большинстве своем в его восточных районах[53].

Вероятно, подобное распространение ее в определенной мере отражает расселение в городе пришлого и местного этнического элемента, хотя несомненно, что и местное население пользовалось более высококачественной красноглиняной посудой.

Появление в верхней части культурных наслоений раннесредневекового Дербента небольшого количества сероглиняной керамики, видимо, было связано с периодом арабо-хазарских войн во

второй половине VII — начале VIII в., когда город временно попал под власть кочевников. Роста обживаемой территории и застройки в это смутное время в культурных наслоениях шахристана не отмечено. Возможно, что в моменты нахождения там хазар жители покидали свои дома и уходили в горы или спасались в цитадели, а потом возвращались обратно.

Выявленная стратиграфия культурных отложений позволяет полагать, что развитие города в сасанидскую эпоху, в раннесредневековый период формирования его топографии, шло постепенно от цитадели к морю и сначала были застроены и обжиты западные его районы, а потом восточные, до поперечной стены. Многочисленные прослойки угля и зольники в слоях Дербента этого периода красноречиво свидетельствуют о нелегком историческом пути города, лежавшего на границе с кочевым миром.

Гражданская архитектура сасанидского времени на территории шахристана представлена постройками из бутового камня на глиняном, реже известковом растворе, а также небольшим количеством архитектурных остатков из обработанного камня, который в культурных наслоениях шахристана этого периода встречается нечасто. Выявленные остатки жилищ населения города сасанидского времени представлены прямоугольными строениями, достигавшими порой длины 4—6 м, при ширине 3—4 м, стены в основном сложены из бутового камня на глиняном или известковом растворе, толщина их достигает 0,4—0,6 м. Широко использовалась панцирная кладка с внутренней забутовкой, в определенной мере повторявшая конструкцию дербентских городских стен, но не столь тщательно выполненная.

Полы в домах устраивались из хорошо уплотненной глины, нередко покрытой сверху тонким слоем извести и гипса. Очаги были напольного типа или складывались из камней.

Наряду с подобной гражданской архитектурой в шахристане Дербента этого времени имелись внушительные культовые сооружения, наиболее значительным из которых является крупнейший древний религиозный памятник Кавказа — Джума-мечеть.

Новые данные, полученные в результате археологических исследований в Дербенте в последнее десятилетие, позволяют полагать, что правы были те исследователи, которые относили возведение Джума-мечети к доарабскому периоду и связывали его с распространением здесь христианства. Стены храма выполнены из крупных плит, аналогичных по размерам и способу укладки плитам сасанидских стен города.

Наличие в шахристане раннесредневекового города крупного культового сооружения свидетельствует о многочисленности его жителей и о преобладании среди них христиан, что соответствует данным письменных источников о Дербенте как о крупнейшем христианском центре на Восточном Кавказе.

Наряду с сосредоточением в шахристане культовых сооружений, свидетельствовавших об активизации здесь общественно-культурной жизни города, на его территории были отмечены

Рис. 20. Улица в старом городе

многочисленные следы ремесленного производства. Так, при исследовании юго-восточной части шахристана в слое VI — начала VIII в. было обнаружено множество металлических, стеклянных и керамических шлаков, железных криц, железных штырей и ремесленных отходов [54]. Шлаки, приспособления для обжига керамической посуды (штыри, полки, подставки), бракованные изделия, остатки гончарных печей были обнаружены в северо-восточных и северо-западных частях шахристана [55]. Все это позволяет говорить о том, что территория шахристана города стала местом концентрации ремесленного производства раннесредневекового Дербента, центром его экономической жизни.

Сплошная современная застройка не позволяет достаточно четко представить внутреннюю планировку Дербента, но археологические исследования и изучение позднесредневековых планов города начала XVIII в.[56] дают возможность проследить ее в общих чертах.

Воссоздать первоначальную планировку средневекового города трудно, так как более поздняя бессистемная застройка с сетью многочисленных кривых и узких улочек, тупиков, асимметричных кварталов значительно изменяет городскую топографию. Однако опыт выявления планировки известных античных городов Востока с четкой геометрической сетью улиц и регулярной застройкой, утраченной в средневековый период (Дамаск, Алеппо), позволил попытаться изучить внутригородскую топографию и раннесредневекового Дербента.

Используя метод реконструкции планировки древних городов, разработанный Ж. Саваже для ряда городов (Дамаск, Алеппо, Латакия) [57] и успешно примененный при изучении средневековой

Бухары [58], удалось воссоздать примерную планировку Дербента сасанидской поры, основу которой составляли длинные продольные улицы, разделенные перпендикулярными поперечными улицами на прямоугольные кварталы [59], вытянутые с севера на юг. Подобная правильная планировка типична для ряда передне- и среднеазиатских раннесредневековых городов [60], построенных одновременно, на основе античных принципов планировки и градостроительных традиций [61], что отличает их от городов другого типа, складывавшихся постепенно и стихийно вокруг древних укрепленных пунктов, поселений или замков феодалов [62]. Регулярная планировка верхних районов Дербента позволяет полагать, что раннесредневековый город застраивался в основном планово, согласно существовавшим в сасанидском Иране канонам градостроительства, несущим в своей основе многие черты античного города. Квартальная планировка, когда сеть маленьких улочек разбивает городскую территорию на блоки, нередко изолированные, характерна для восточного города как в античное, так и в средневековое время [63]. Квартальная система деления территории Дербента, отмеченная арабскими авторами еще в начале VIII в., сохранилась в его верхней части до настоящего времени.

Три главные улицы Дербента тянулись сверху вниз от подошвы дербентского холма до района Джума-мечети, к которой с запада примыкало, судя по данным стратиграфических исследований, значительное незастроенное пространство, вероятно площадь города [64], упоминаемая раннесредневековыми источниками [65]. Их пересекало не менее семи-восьми поперечных улиц. Две продольные улицы пролегали вдоль северной и южной стен города и одна — по центральной части его территории. Северная улица проходила в непосредственной близости от северной стены города, к которой примыкала более ранняя фортификационная постройка из сырца с незастроенным околостенным пространством, что диктовалось необходимостью активной защиты этой части стены. Южная улица проходила в 40—60 м от южной стены, которой отводилась в обороне города второстепенная роль, и к ней вплотную примыкали дома [66]. Подобная планировка была продиктована конкретной исторической обстановкой, сложившейся в Приморском Дагестане в V—VII вв., когда практически в обороне города участвовала лишь одна северная сторона, так как военное давление оказывалось в основном с севера.

Представляется вероятным, что оформление межстенной территории шахристана раннесредневекового Дербента, появление регулярной квартальной застройки в верхних районах города с системой «улиц и площадей» надо связывать со строительной деятельностью Хосрова I и экономическим подъемом города в период его правления. Именно в этот период в основных чертах сложился шахристан Дербента — важнейшая часть его городской структуры, где была сосредоточена экономическая и общественная жизнь города.

Все это дает основание утверждать, что Дербент уже в этот период формирования своей исторической топографии по структуре не отличался от основной массы домусульманских раннесредневековых городов Передней и Средней Азии [67], развитых областей Кавказа [68], в том числе и Дагестана [69]. Подобно им, он состоял из двух самостоятельных частей — кухендиза и шахристана, отражавших уровень социально-экономического и политического развития раннесредневекового Дербента.

Изучение раннесредневековых городов Прикаспийского Дагестана и всего Западного Прикаспия показало, что подобная схема сложения исторической топографии была присуща целому ряду наиболее значительных из них, возникших как крупные фортификационные сооружения на Прикаспийском пути: Беш-Бармак, Шабиран, Топрах-кала, Дербент, Семендер.

Начавшийся во второй половине VII в. период арабо-хазарских войн за обладание Дербентом неблагоприятно отразился на дальнейшем развитии города, его территориальном росте и застройке. С середины VII и до начала VIII в. роста обживаемой территории и развития застройки в топографии Дербента не отмечается.

ФОРМИРОВАНИЕ ТОПОГРАФИИ ДЕРБЕНТА в VIII—X вв.

Стабилизация политической обстановки на Восточном Кавказе и в соседних регионах со второй половины VIII в. и экономический подъем этих областей в связи с активизацией в VIII—X вв. волжско-каспийской торговли самым благоприятным образом отразились на развитии Дербента — важнейшего военно-политического и торгово-экономического центра на Прикаспийском пути.

Фортификационное строительство в Дербенте на этом этапе формирования топографии города не имело столь широких масштабов, как в предшествующую эпоху, и сводилось в VIII—X вв. в основном к восстановлению разрушенных участков городских стен, горной стены и ремонтным работам по их поддержанию.

Ожесточенные арабо-хазарские войны и неоднократные штурмы города сказались на состоянии его оборонительной системы, отдельные участки которой разрушались во время военных действий и арабами, и хазарами [70].

Основные ремонтные работы по восстановлению фортификации Дербента были произведены в первой половине VIII в. арабским полководцем Масламой, который был назначен в 725/26 г. правителем Армении и Азербайджана и, по единодушным сообщениям арабских и кавказских авторов того периода, в 115 г. х. (733/34 г.) «вторично выстроил Дербент» [71], «исправил разрушенные места в городе и украсил его» [72].

К этому времени надо относить перестройки отдельных участков южной стены города между воротами Баят-капы и Орта-

капы, фрагменты кладки ее между воротами Кала-капы и Баят-капы, а также часть восточной, западной и северо-восточной стен цитадели.

Фортификация города и горная стена поддерживались в образцовом порядке на всем протяжении VIII—IX вв. и арабские халифы не жалели финансов на перестройки и ремонт дербентских стен. В тех случаях, когда казна халифа не имела средств для поддержания фортификации, изыскивались другие пути. Так, Я'куби сообщает, что халиф Мансур (первый халиф из династии Аббасидов), наученный горьким опытом борьбы с кочевниками и видя слабость дербентской фортификации, не имея достаточно денег на ремонт, собрал по тюрьмам 7 тысяч пленных и послал их укреплять Баб-ал-абваб [73]. По данным ал-Куфи, это были не пленные, а 7 тысяч лучших храбрецов Сирии, ал-Джазиры, Ирака и «каждый воин стоил нескольких» [74].

Арабские наместники на Кавказе не только усиленно укрепляли Дербент, но и вели широкое гражданское и культовое строительство в городе.

В этот период в Дербенте появляются крупнейшее на Кавказе мусульманское культовое сооружение — Джума-мечеть и квартальные мечети (не менее 4—8), свидетельствующие о значительных размерах города и его многолюдности уже в первой половине VIII в.

Возросшее значение Прикаспийского торгового пути, небывалый расцвет морской торговли на Каспии и бурное развитие ремесленного производства оказали огромное влияние на территориальный рост города и формирование его топографии.

Ибн Хаукал писал, что в этот период «в Арране нет города крупнее Барза'а, ал-Баба и Тифлиса» [75], а остальные многочисленные города Кавказа: Байлакан, Варсан, Бардидж, Шакки, Джанзан, Шамкур, Хунан — уступают по величине Баб ал-абвабу, который «богаче Ардебиля своими возделываемыми землями» и «больше Тифлиса» [76]. Таким образом, уже к X в. Дербент предстает как крупнейший город Кавказа, превосходящий такие известные центры, как Тифлис и Ардебиль, а последний в этот период был, по высказываниям арабских авторов, «самый крупный и превосходный город Азербайджана» [77].

Исследования показали, что в основных чертах облик феодального города сложился в VIII—X вв. и именно в этот период сформировалась новая внутригородская топография средневекового Дербента.

Это время отмечено бурным территориальным ростом и застройкой города, происходившими в пределах его межстенного пространства.

Академик В. В. Бартольд, исходя из сообщений арабского историка X в. ал-Истахри о размерах средневекового Дербента, который в это время был больше Ардебиля и Тифлиса и всех остальных многочисленных городов Кавказа, полагал, что домонгольский Дербент имел очень большой рабад (пригород). По

его мнению, начиная с X в. каменные стены ограждали территорию самого города (шахристана), а часть города, лежащая вне этих стен (рабад), была окружена стенами «из обожженного кирпича и глины». Этот пригород, располагавшийся с южной стороны Дербента, «имел в длину и ширину две мили» [78], т. е. 4 × 4 км (арабская миля — около 2 км).

Однако археологические исследования позволили проследить совершенно другую картину динамики роста и развития города, чем рисовалась она согласно принятой ранее в исторической литературе схеме сложения его топографии, основанной на сведениях ряда арабских авторов X.

Раскопки показали, что в период VIII—X вв. произошло дальнейшее развитие обоих четко выделенных частей городской структуры Дербента и главные изменения коснулись топографии его шахристана.

Цитадель выступает в структуре города, как и в предшествующий период, одной из важных частей Дербента. На первом этапе нового периода формирования топографии города ее застройка и территориальное развитие во многом совпадают с предшествующей сасанидской эпохой. Цитадель и в исследуемый период остается административным центром города, резиденцией правителя Дербента (в VIII—IX вв. наместника арабского халифа), местопребыванием его двора и гвардии. Как и в предшествовавшую эпоху, строения группировались в цитадели комплексами, основу которых составляли дворцовые сооружения правителя города.

Историческая топография цитадели складывалась на протяжении нескольких веков, и комплексы дворцовых построек не раз меняли свое месторасположение и планировку.

Изучение шести выявленных средневековых дворцовых комплексов Дербента, три из которых относятся к исследуемому периоду феодального города в VIII—XIII вв., позволило составить представление об исторической топографии цитадели и определить места наиболее интенсивной застройки ее на разных этапах развития.

Комплекс дворцовых сооружений VIII—X вв. группировался в восточной части цитадели, служившей местом сосредоточения застройки еще в албано-сарматский и сасанидский периоды, а два дворцовых комплекса X — середины XIII в. располагались в ее северо-западной части [79].

Раскопки в восточной части цитадели позволили выявить здесь крупный архитектурный комплекс в основном из обработанного камня, со сложной многокомнатной планировкой. Стратиграфически в наслоениях арабского времени, перекрывших раннесредневековые культурные отложения V — начал VIII в., удалось выделить два слоя, в основании каждого из которых лежал известковый пол толщиной 0,12—0,2 м. Известковые полы были выявлены по всей площади архитектурного комплекса и связаны с двумя этапами его обживания. Структурно нижний из двух

Рис. 21. Раскопанные помещения средневекового дворцового комплекса в цитадели Нарын-кала

слоев VIII—X вв. представляет собой довольно плотный желтоватый грунт с включением большого количества архитектурных остатков, керамики и других материалов. Толщина слоя достигает 0,4 м. Массовый керамический материал, включающий в себя образцы самой ранней поливной посуды Дербента, появление которой здесь датируется серединой VIII в.[80], и четыре раннеарабские монеты, две из которых определены как арабские дирхемы, чеканенные в Васите в 127 г. х. (746/47 г.) и в Арминии в 153 г. х. (770 г.)[81], позволяют отнести этот слой и связанный с ним первый известковый пол раннего этапа существования архитектурного комплекса к VIII — началу IX в.[82]

Второй выделенный слой арабского времени структурно представляет собой серый или серо-желтоватый грунт толщиной от 0,3 м до 0,4 м с включением архитектурных остатков, керамики и других материалов.

Поливная посуда, составляющая около 40% керамического материала слоя, включает в себя изделия с подглазурной росписью окисью марганца по ангобному покрытию и росписью ангобом по непокрытому черепку, типичные в орнаментации поливной посуды памятников Закавказья, Переднего и Среднего Востока IX—X вв. Несколько медных монет с куфическими легендами плохой сохранности, обнаруженные в слое и на уровне второго известкового пола, относятся к этому же периоду[83].

Восточный дворцовый комплекс, относящийся к VIII—X вв., сохранился хуже остальных, так как был сильно потревожен при возведении более позднего дворца Фет-Али-хана, под мощные

фундаменты которого были отрыты глубокие траншеи. Вскрытие значительной части комплекса и исследования его отдельных участков стратиграфическими раскопками позволяют сказать, что он представлял собой внушительное сооружение, площадь которого составляла не менее 1500—1600 кв. м.

Исследованные строения представляют собой несколько смежных помещений, сгруппированных около длинного коридора, вытянутого с запада на восток более чем на 10 м. Размеры их 4×4 м, 4,8×4,8 м, 5,6×4,8 м и др. Стены в основном сложены из обработанного камня и плит, толщина их достигает 0,6—1 м, раствор известковый, хорошего качества[84].

Наряду с камнем в кладке стен отмечено применение жженого кирпича, но в весьма небольших количествах[85]. Обычно кирпич использовался при выкладке опорных колонн (в основном квадратного сечения), арочных сводов и перемычек, а также при ремонтных работах. Раскопки позволяют полагать, что в архитектуре этого дворцового сооружения применялись плоские клинчатые и стрельчатые арочные перемычки, т. е. наиболее ранние в Дербенте формы клинчатых перемычек[86].

Во вскрытой части дворцового комплекса удалось выделить помещения хозяйственного и жилого назначения. Жилые комнаты располагались в западной части комплекса, а хозяйственные — в восточной. Подобное расположение жилых и хозяйственных помещений отличает этот дворцовый комплекс от вышележащего позднесредневекового, в котором жилые и административные комнаты располагались в восточной части дворца.

Стены помещений покрывались белой гипсовой штукатуркой, иногда окрашенной в розоватый или желтоватый цвет, а в отдельных комнатах покрывались резным штуком.

Фрагменты штукатурки и штуковой резьбы обнаружены пока только в жилых помещениях, и это позволяет предположить, что стены хозяйственных помещений штукатуркой не покрывались. В жилых комнатах около стены или в углу имелся очаг, обычно ямного типа, с обмазкой или специальной выкладкой, реже в виде камина. В хозяйственных помещениях широко применялись очаги типа тандира и ямные очаги с обмазкой или специальным керамическим бортиком. Здесь же имелись специальные ямы-хранилища с известковой обмазкой внутри.

Рассмотрение каменных стволов и баз колонн диаметром до 0,3—0,4 м и кирпичных колонн квадратного сечения (0,4—0,5×0,4—0,5 м), фрагментов рухнувших арок и архитектурных деталей, характерных для стрельчатых сводов, вместе с исследованием сохранившихся архитектурных памятников средневекового Дербента этой поры позволяют полагать, что здесь широко применялись стрельчатые арки и своды, хотя, вероятно, определенная часть помещений имела перекрытие с плоской кровлей.

Широко применялись в конструкции дворца и деревянные колонны на цилиндрических или фигурных каменных базах

диаметром до 0,3—0,35 м[87]. Отдельные части опорных столбов и каменные базы, служившие им опорой, украшались резьбой.

Возможно, что деревянные колонны применялись и в айванах, оформлявших внутренний двор дворцового комплекса.

Шахристан составлял вторую неотъемлемую часть структуры средневекового Дербента VIII—X вв. Стратиграфические исследования средневековых слоев города, проведенные на территории шахристана и за его пределами, показали, что в VIII—X вв. Дербент продолжал развиваться в границах своего межстенного пространства. Наиболее интенсивно обживалась верхняя часть города, включавшая районы шахристана раннесредневекового Дербента, застроенные еще в сасанидский период, и его приморская часть, которая вместе с центральной входила в территорию новой застройки города VIII—X вв.

В культурных отложениях шахристана Дербента удалось выделить два слоя, относящиеся к VIII — началу IX в. и к IX — X вв. Структурно слой раннеарабского времени (VIII — нач. IX в.) представляет собой плотный коричневатый или коричнево-желтоватый грунт толщиной от 0,3 м до 0,45 м с большим включением архитектурных остатков, керамики, предметов вооружения, инвентаря.

Ниже Джума-мечети и в приморских районах Дербента культурные наслоения раннеарабского времени (VIII — начала IX в.) не столь значительны по мощности и толщина их не превышает 0,1—0,25 м. В центральной части города на ряде участков слой этого времени не был выявлен.

В VIII в. Дербент еще не вступил в полосу своего расцвета, несмотря на значительные меры, предпринимавшиеся арабами для подъема города, что было связано с целым рядом причин внутреннего и внешнего характера. Территориальное развитие и застройка города шли в это время не столь бурными темпами, как в последующий период IX—X вв., когда он стал превращаться в крупнейший торгово-ремесленный центр. Широкое строительство, проводившееся арабами в VIII в., затронуло в основном верхнюю и приморскую части Дербента.

Хронологические рамки отложения этого слоя помогают установить многочисленные материалы, обнаруженные в нем: предметы вооружения и украшения, поливная керамика, покрытая мутными полупрозрачными щелочными глазурями, типичными для изделий VIII—IX вв., серебряные и медные арабские монеты второй половины VIII в.[88]

Второй слой арабского времени, выявленный почти на всей межстенной территории города, перекрывал отложения VIII — начала IX в. Структурно он представлял собой коричневато-серый или серый слой толщиной до 0,4—0,7 м с очень большим включением самых разнообразных культурных остатков. Наиболее четко датирует этот слой поливная керамика, приемы орнаментации которой были типичны для ближневосточной и закавказской глазурованной посуды IX—X вв., что позволяет отнести время отложения второго слоя к этому периоду[89]. Подобная датировка второго слоя арабского времени подтверждается и другими многочисленными материалами: предметами украшения, вооружения, быта, импортными изделиями, медными и серебряными монетами конца VIII—X в.[90], наиболее ранние из которых, чеканенные в Двине, датируются 153 г. х. (770 г.)[91].

Стратиграфические исследования за пределами стен города, в том числе за южной стеной, где предполагалось нахождение рабада средневекового Дербента, показали, что в арабское время территория за пределами стен не обживалась[92]. Изучение культурных напластований средневекового Дербента позволило проследить динамику территориального развития и роста города, в которой наметилась некоторая специфика и определенное отличие от сасанидского периода. С одной стороны, как и в предшествующий период, развитие города шло от древнего ядра, с запада на восток, от цитадели к морю, с другой — обживались и приморские районы, и территориальный рост Дербента шел также с востока на запад, от моря к цитадели. Бурное территориальное развитие Дербента IX—X вв. способствовало тому, что, хотя внешне город сохранил свою двухчастную структуру и основной рост его шел за счет широкой застройки обширной межстенной территории, здесь намечается выделение двух обособленных частей. Эти части города были четко выделены поперечной и городскими стенами Дербента. Более древняя часть города, включавшая территорию от цитадели и до Джума-мечети, сохранила свое значение и продолжала развиваться как шахристан средневекового Дербента. Новая городская территория, включавшая районы от Джума-мечети до моря, стала постепенно превращаться в самостоятельную часть города, где концентрировалось ремесленное производство Дербента и селился его городской люд, т. е. здесь начал формироваться рабад.

Шахристан включал в себя наиболее древние районы средневекового Дербента, планировка которых сложилась еще в VI — начале VIII в. и потому сохранила основные черты упомянутых кварталов сасанидского времени.

Эти районы города в начале VIII в. были заселены первыми арабскими переселенцами, представители родо-племенной верхушки которых превратились в IX—X вв. в крупных городских аристократов-раисов, игравших огромную роль в торгово-экономической и политической жизни города. Именно в этих верхних районах Дербента в VIII—X вв. формируется ядро средневекового города — шахристан, его торговый, общественно-политический и культурный центр, сложившийся на базе раннесредневекового города, и влияние этой части города на развитие феодального Дербента очень велико.

Вся общественно-политическая и торговая жизнь города концентрировалась в шахристане, где группировались торговые ряды и базарные площади Дербента, его общественно-бытовые и культовые постройки. Во многих городах Средней Азии

и Ближнего Востока в IX—X вв. шахристаны в значительной мере теряли свое значение или приходили в запустение и центр городской жизни смещался в рабады, которые обносились новыми стенами и превращались во внешний город[93]. В Дербенте эти процессы происходили внутри шахристана. Здесь возводились постройки привилегированного населения, складывалась торговая часть города, формировались его жилые кварталы, появлялись базары, общественные здания и культовые сооружения[94]. Центрами общественной жизни города стали базары, вокруг которых группируются торговые ряды, караван-сараи, мечети, общественные здания и дома городской знати. Археологические раскопки, данные письменных источников и изучение исторической топографии позднесредневекового города дают основание полагать, что подобным торгово-экономическим и культурным ядром средневекового Дербента являлись базары в районе Джума-мечети и Кильса-мечети. Так, автор X в. ал-Мукаддаси сообщает, что главная мечеть «стояла посреди базаров», а рядом с ней находился фонтан[95].

В определенной мере этот район становится и административным центром, и сюда переносятся общественно-политические учреждения. В «Тарих Баб ал-абваб» говорится о «правительственном здании»[96] в городе, куда был заключен уведенный из цитадели шестнадцатилетний эмир Маймун. Представляется вероятным, что появление подобного административного здания[97] в самом городе, где эмир принимал «клятвы на верность» от «знатных людей города»[98], было показателем сильно возросшего политического влияния раисов и усиления значения шахристана как административного центра города.

Представление о торгово-общественном и культурном центре средневекового Дербента дают монументальные архитектурные памятники, сохранившиеся на территории шахристана до наших дней и исследованные в ходе археологических раскопок в этом районе.

Наиболее крупным сооружением в архитектурном ансамбле дербентского центра была Джума-мечеть, стоявшая «посреди базаров». В исторической литературе нет единого мнения о времени возникновения и первоначальном назначении этого сооружения[99]. Однако, не касаясь в данном разделе этого спорного вопроса[100], можно сказать главное: уже в VIII в. это было крупнейшее культовое мусульманское строение не только в Дербенте, но и на всем Кавказе.

Стратиграфические исследования[101], проведенные на всем пространстве между северной и южной стенами в районе Джума-мечети, выявили значительную незастроенную территорию, существовавшую здесь в VIII—X вв.

С запада и юга эту территорию окружали общественные сооружения, причем с южной стороны сюда примыкали и жилые строения. С востока здания примыкали к поперечной стене города, а с севера — к незастроенному околостенному пространству.

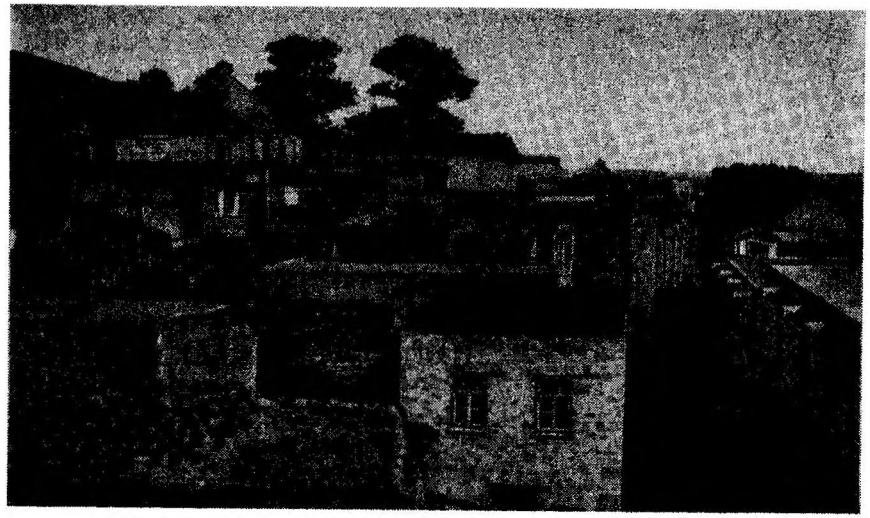


Рис. 22. Старый город. Джума-мечеть

Среди общественных зданий особое положение занимали караван-сараи, складские помещения и водохранилища. Так, еще до первой половины XVII в. в районе базаров сохранялись три караван-сарая, причем один из них представлял собой внушительное, квадратное в плане сооружение размером около 50 × 50 м с большим внутренним двором. Представляется вероятным, что в IX—X вв., т. е. в период расцвета морской и сухопутной торговли Дербента, здесь могло быть значительно больше подобных сооружений и они имели еще более внушительные размеры.

С восточной стороны к базарам примыкало несколько зданий общественно-хозяйственного назначения, среди которых выделяются наиболее хорошо сохранившиеся складское помещение и водохранилище. Первое представляет собой длинное прямоугольное сооружение, вытянувшееся с севера на юг почти на 40 м. Массивные стены его сложены из крупных каменных плит, скрепленных известковым раствором. Возможно, это сооружение было одним из складов, построенных, по сообщениям арабских авторов, Масламой б. Абд ал-Маликом в VIII в.

Рядом с ним была обнаружена крупная цистерна[102] прямоугольной формы, ориентированная продольной осью на восток — запад, что отличает подобные сооружения Дербента от большинства общественных и жилых зданий города, вытянутых по оси север — юг. Подобная ориентировка водохранилищ была связана со спецификой местной системы водоснабжения. Цистерна имела массивные каменные стены толщиной до 1,5—2 м и достигала в длину 17,4 м при ширине 7,4 м и высоте более 10 м.

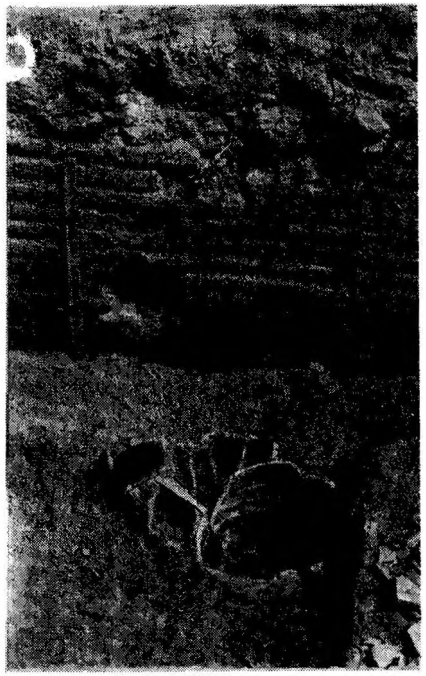


Рис. 23. Кирпичная кладка стены богатого здания VIII—XIII вв. в шахристане средневекового Дербента

Подобно большинству монументальных сооружений города этого периода, она была перекрыта мощным стрельчатым сводом, укрепленным четырьмя стрельчатыми арками, опиравшимися на массивные прямоугольные выступы. Помимо люков, в своде водохранилища имелась каменная лестница в северной его стене.

К западу и востоку от базаров были сосредоточены большие бани, типичные для подобных сооружений средневекового Востока, перекрытые купольными и стрельчатыми сводами. Три средневековые бани сохранились в этом районе до наших дней.

В южной и юго-западной части этого района располагались жилые кварталы, большая часть выявленных здесь домов отличается значительными размерами, качеством строительных материалов, богатством интерьера и инвентаря. Исследованные строения и особенно богатое кирпичное здание VIII—XIII вв.[103] позволяют составить представление о жилищах городской феодальной верхушки — раисов.

Здание имело прямоугольную форму и было вытянуто с юга на север, длина его более 25 м, ширина 8,3 м. Вход был с восточной стороны, здесь же, видимо, имелась открытая галерея типа айвана. Стены возведены из жженого кирпича размером 27—29 × 27—29 × 5 см, скрепленного известковым раствором очень высокого качества. Толщина стен достигает 1,2—1,3 м при сохранности в высоту до 2,5—3 м. В здании было вскрыто четыре уровня известковых полов различной толщины, от 5—6 см до 20—25 см, связанных с четырьмя этапами обживания здания в VIII—XIII вв.[104] Внутри здания стены были покрыты прекрасным резным штуком. Следует отметить, что подобным же образом были оформлены стены еще трех домов, исследовавшихся в этом районе. Находки настенной штуковой резьбы в жилых зданиях шахристана являются уникальными для декоративного оформления стен средневековых памятников гражданской архитектуры на Северном и Северо-Восточном Кавказе. Дербент пока единственный во всем регионе памятник, где резной штук широко применялся при оформлении не только культовых, но и бытовых сооружений.

Внушительные размеры здания и материал, из которого оно было возведено, его интерьер и конструктивные особенности, богатство инвентаря и найденные здесь предметы роскоши позволяют говорить об очень высоком социальном положении обитателей этого здания в структуре местного феодального общества. По местным преданиям, здесь жил «эмир» магала («махалла»), видимо, представитель крупной городской аристократии, именуемой в источниках раисами.

Исследования показали, что торговый и культурный центр феодального Дербента начал складываться еще в первой половине VIII в. (Джума-мечеть, богатые здания, склады и другие сооружения) и в основных чертах оформился к X в., хотя некоторые перестройки и изменения происходили в нем и позднее.

Изучение позднесредневековых планов Дербента показало, что вплоть до XVII — начала XVIII в. его торгово-экономический и общественно-культурный центр сохранял свое значение в топографии города и территориальную привязку.

В результате археологических исследований было установлено, что территория шахристана города от Джума-мечети до цитадели в VIII—X вв. была местом обитания наиболее привилегированной части населения Дербента[105]. В основном именно здесь располагались большие, выстроенные из тесаного камня или жженого кирпича дома представителей феодальной знати и зажиточных горожан (жилая площадь таких построек достигла более 200—300 кв. м), торговые и административные сооружения, «правительственные здания», культовые и общественные постройки, водохранилища. Следует отметить наличие здесь развитой системы водоснабжения с многочисленными водоемами и фонтанами, украшенными, по сообщениям арабских источников IX—X вв., декоративными деталями и скульптурными изображениями людей и зверей[106].

Рабад. Территория средневекового города от района Джума-мечети и до моря в IX—X вв. была обжита уже полностью, но застроена не везде с одинаковой плотностью, менее интенсивно в центральной части.

Основная часть этой территории города была застроена в основном домами, возведенными из бутового камня на глиняном растворе. В подавляющем большинстве дома представляли собой небольшие однокамерные или двухкамерные строения площадью до 20—40 кв. м, хотя иногда отмечены и более крупные строения — до 50—60 кв. м. Дома имели прямоугольную или квадратную, нередко асимметричную планировку и были вытянуты обычно по оси север — юг, стены их сложены из бута крупного и среднего размера (мелкий бут в архитектуре этого времени почти не отмечен), скрепленного, как правило, глиняным раствором[107]. Толщина стен достигает 0,4—0,8 м, фундаменты под стенами зачастую отсутствовали, и камни были уложены прямо на выровненную поверхность земли. Кровля домов, очевидно, в основном была плоская, с деревянным перекрытием

и кирово-земляным покрытием, хотя находки в некоторых раскопках нижней части города (приморской) фрагментов керамической черепицы позволяют предполагать и другой тип кровли, с применением обрешетки. Остатки кирового (нефтепродукт) покрытия крыш, обнаруженных при раскопках, свидетельствуют, что, подобно традиционным плоскокровельным домам современных дербентских магалов, расположенных в древней части города, крыши средневековых домов покрывались уплотненной глиной, а сверху заливались киром. Полы в жилищах устраивались глинобитные, редко с известковой обмазкой. У дверных проемов иногда отмечены пороги из каменных плит и пяточные камни.

Наряду с жилыми строениями в нижней части города отмечены остатки ремесленного производства: шлаки, орудия труда ремесленников, керамические отвалы, бракованные изделия, развалы печей и остатки производственных помещений [108].

И если в слое VIII — начала IX в. находки следов ремесленного производства не очень многочисленны, то для периода IX—X вв. количество их резко возрастает. Именно с расцветом ремесла и торговли (особенно международной) надо связывать бурный рост застройки средневекового города в IX—X вв. В VIII — начале IX в. для большинства городов Кавказа и сопредельных регионов еще не завершился период застоя и упадка, связанный с общим социально-экономическим кризисом раннесредневекового города и последствиями арабских завоеваний [109]. Дербент, хотя и был превращен арабами в этот период в крупнейший военно-политический центр Восточного Кавказа, не смог еще развиваться столь бурными темпами, как в IX—X вв., что и нашло отражение в его территориальном росте. На IX—X вв. приходится расцвет городской жизни многих известных городов Кавказа и Средней Азии [110].

То обстоятельство, что наряду с традиционным территориальным развитием Дербента от цитадели к морю, характерным для раннесредневекового периода, в VIII—X вв. город стал расти и за счет застройки приморских районов, т. е. от моря к цитадели, надо связывать с активизацией морской торговли на Каспии и с превращением Дербента в главный торговый порт.

ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ РОСТ И РАЗВИТИЕ ГОРОДА В X — СЕРЕДИНЕ XIII В.

Новый этап сложения топографии города, пришедшийся на X — середину XIII в., не внес принципиальных изменений в структурное и территориальное развитие Дербента. Основная застройка города была сосредоточена на территории его огромного межстенного пространства площадью 150 га, где обособились две его части: верхняя и нижняя,—разделенные поперечной стеной.

В отличие от предшествующих данный период не был отмечен широкими фортификационными работами, и в X — середине

XIIIв. основные усилия дербентских правителей сводились к укреплению лишь отдельных участков цитадели и южной стены, что не внесло особых изменений в уже полностью сложившуюся фортификационную систему города. Разгром Хазарского каганата и усиление Ширвана, резкое обострение ширвано-дербентских отношений способствовали смене ролей северной и южной городских стен в обороне Дербента. Угроза с севера в этот период значительно ослабевает, а постоянные притязания ширваншахов на престол дербентских эмиров перемещают основную военную опасность на юг, что возвышает в обороне города роль южной стены, до сих пор имевшей второстепенное значение. В это время значительно укрепляются ворота южной стены, фланкирующим башням которых отводится важная роль в обороне всей стены. Перестройке подвергаются ворота Орта-капы, у которых уменьшается проем, появляется новая башня-бастион у ворот Кала-капы. Значительные изменения произошли в этот период в топографии города, где четко оформились три основные части городской структуры: цитадель, шахристан, рабад.

Цитадель в конце X — середине XIII в. Основные перестройки в оборонительной системе Дербента X—XIII вв. коснулись цитадели. Постоянная борьба эмира с феодальной верхушкой города, нередко опиравшейся на военно-политическую поддержку ширваншахов, привела к тому, что дербентским правителям пришлось превращать свою резиденцию — цитадель — в неприступную крепость, своеобразный феодальный замок. С конца X в. цитадель города выделяется в самостоятельную часть фортификации Дербента, способную вынести длительную осаду не только со стороны внешних врагов, находящихся за пределами крепчайших городских стен, но и со стороны внутренних противников, обитавших в самом Дербенте, а точнее, в верхней части его шахристана.

Это привело к тому, что цитадель, и без того являвшаяся одной из наиболее хорошо защищенных частей города, была дополнительно укреплена мощными полуовальными башнями-выступами, расположенными в местах стыка городских стен со стенами цитадели.

Мощные, далеко вынесенные башни-выступы полностью контролировали подход к восточной (обращенной в сторону города) стене цитадели, фланкируя ее с севера и юга, а центральная часть была усилена полукруглой башней диаметром около 5 м. Южная стена цитадели, ставшая с конца X в. самой опасной и наиболее уязвимой в военном отношении (здесь отсутствуют естественные преграды: крутые склоны холма и глубокие ущелья), была дополнительно укреплена полуовальной, далеко вынесенной башней-выступом шириной около 6 м, при выносе башни до 11 м.

Помимо этого, с южной стороны цитадели был сооружен значительный ров, остатки которого хорошо прослеживаются до настоящего времени. «Тарих Баб ал-абваб» упоминает о рве

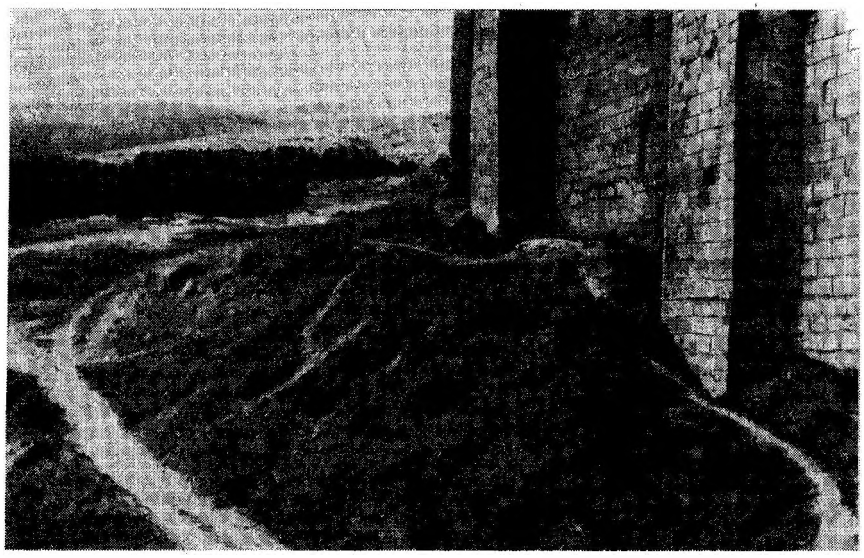


Рис. 24. Южная стена цитадели Нарын-кала с остатками средневекового рва

у стен цитадели и относит его сооружение к 1068 г.[111] Ров начинался у юго-западного угла цитадели, защищенного мощной квадратной башней с примыкавшим к ней участком Горной стены, и тянулся с запада на восток до крутого восточного склона холма. Глубина рва достигает сейчас 3—4,5 м, при ширине 5—7 м.

В X—XIII вв. цитадель Дербента продолжала играть роль самостоятельной части структуры феодального города, резиденции дербентских правителей, его административного центра. Здесь находятся двор эмира, его канцелярия и личная гвардия, именуемая в источниках гуламами и состоявшая порой из наемников, нередко даже немусульманского вероисповедания (например, русы). Как это ни парадоксально, но дербентский эмир, глава правоверных мусульман, опора ислама и один из главных «борцов за веру», предпочитал отгородиться от своих мятежных собратьев «по борьбе» крепчайшими стенами цитадели и мечами наемных гулямов-русов, тех самых «неверных», против которых он должен был прежде всего бороться. Однако политическая борьба в городе в этот период достигала такого накала, что для сохранения своей власти дербентские эмиры-мусульмане вынуждены были нередко искать помощи против своих правоверных мятежных раисов у русов или правителей Серира, Кайтага и других немусульманских областей Дагестана. Отзвуки этой политической борьбы и возросшей опасности со стороны Ширвана нашли отражение в исторической топографии цитадели, в усилении отдельных участков ее стен и в изменении территориальной концентрации дворцовой застройки. Дворцовые сооружения правителей города переносятся из восточной части цитадели в северо-западную.

Северо-западные дворцовые сооружения, бытовавшие в X—XIII вв., включают в себя два архитектурных комплекса, относящихся к двум разновременным строительным периодам[112]. Более ранний из них датируется X — началом XII в., а другой, вышележащий — XII—XIII вв.[113]

В культурных напластованиях цитадели, связанных со вторым этапом формирования ее исторической топографии, стратиграфически выделяются два слоя. Нижний слой представляет собой структурно рыхлый серый грунт толщиной от 0,6 м до 1 м, с большим включением архитектуры, керамики и других остатков. Нижний слой связан со временем бытования первого дворцового комплекса. Наличие среди материалов этого слоя значительного количества гравированной керамики, появившейся в XI в., и монет второй половины X—XI в. позволяет датировать слой концом X — началом XII в.[114] Верхний слой достигал толщины 0,4—0,7 м и представлял собой плотный желтовато-серый грунт с большим включением строительных остатков, керамики, металлических, стеклянных изделий и других предметов, относящихся к XII—XIII вв.[115] Анализ многочисленного керамического и нумизматического материала позволяет датировать слой XII — первой половиной XIII в.[116] Хронологически он связан со временем бытования второго дворцового комплекса.

Северо-западный дворцовый комплекс X — начала XII в. являлся большим многокомнатным строением с рядом смежных помещений жилого и хозяйственного назначения общей площадью не менее 700—1000 кв. м.

Выявленная планировка комплексов позволяет полагать, что он представлял собой П-образное строение с внутренним двором, примыкавшее к северо-западной стене цитадели. Подобную планировку с внутренним изолированным двором имели главная часть дербентского дворца Фет-Али-хана, средневековые дворцовые сооружения в восточной части цитадели и многие архитектурные комплексы позднефеодального периода[117].

В западной части комплекса было вскрыто три смежных прямоугольных помещения, вытянутых по продольной оси строения, имеющих следующие размеры: 6,5 × 5 м, 6 × 3 м, 4,5 × 5 м (вскрыто частично). По одному крупному помещению (более 30 кв. м каждое) было вскрыто в южной и северной частях комплекса. Стены комплекса достигают ширины 1,4—1,5 м и сложены на известковом растворе из крупных, прекрасно обработанных плит размерами 0,9—1,3 × 0,6—0,7 × 0,25—0,4 м. Применялись и более вытянутые плиты типа брусков размерами 0,7—1,05 × 0,3—0,4 × 0,25—0,35 м[118].

Помещения дворцового комплекса группировались вокруг прямоугольного дворика, протяженность которого с севера на юг составляла около 10 м, а с запада на восток не менее 7 м (вскрыто частично).

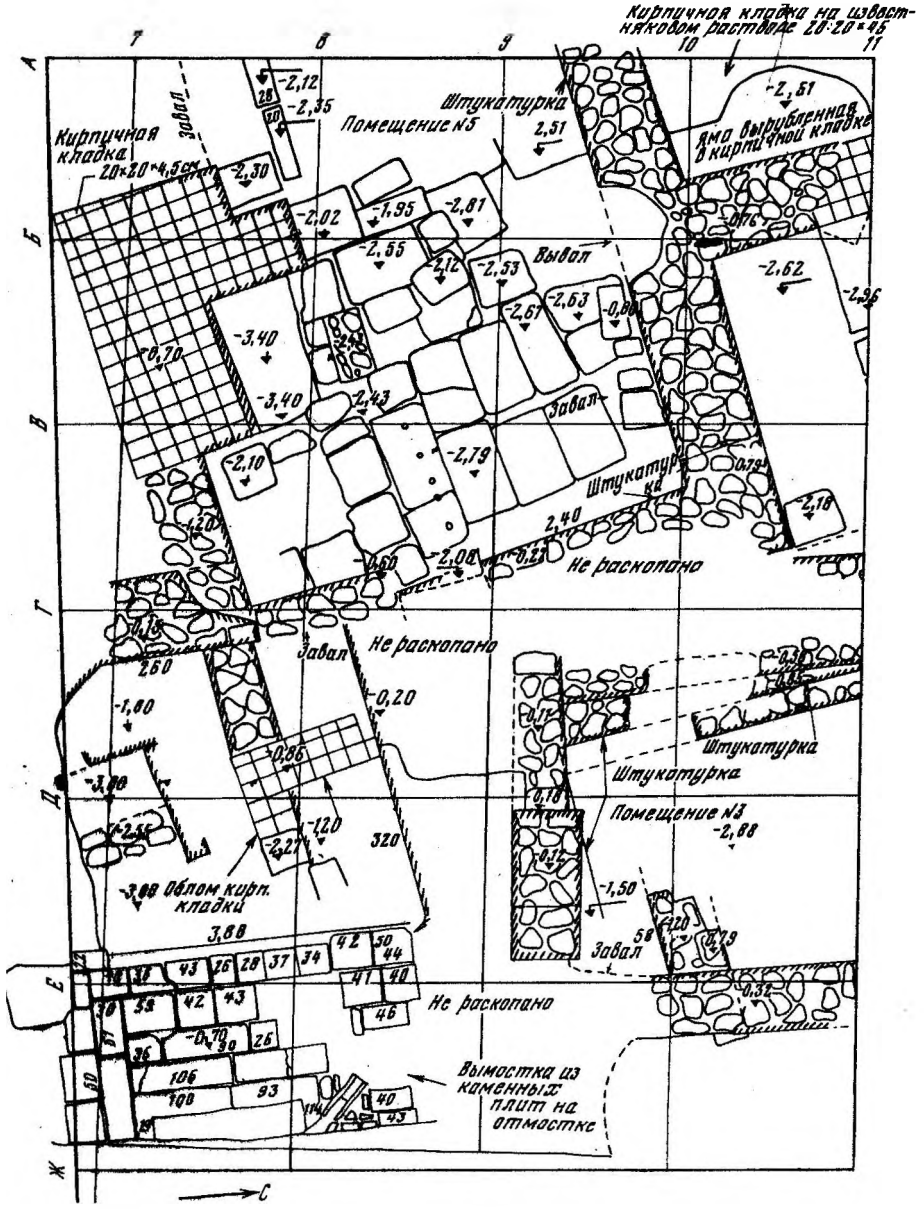


Рис. 25. Планировка раскопанных помещений северо-западных дворцовых комплексов цитадели (X—XIII вв.)

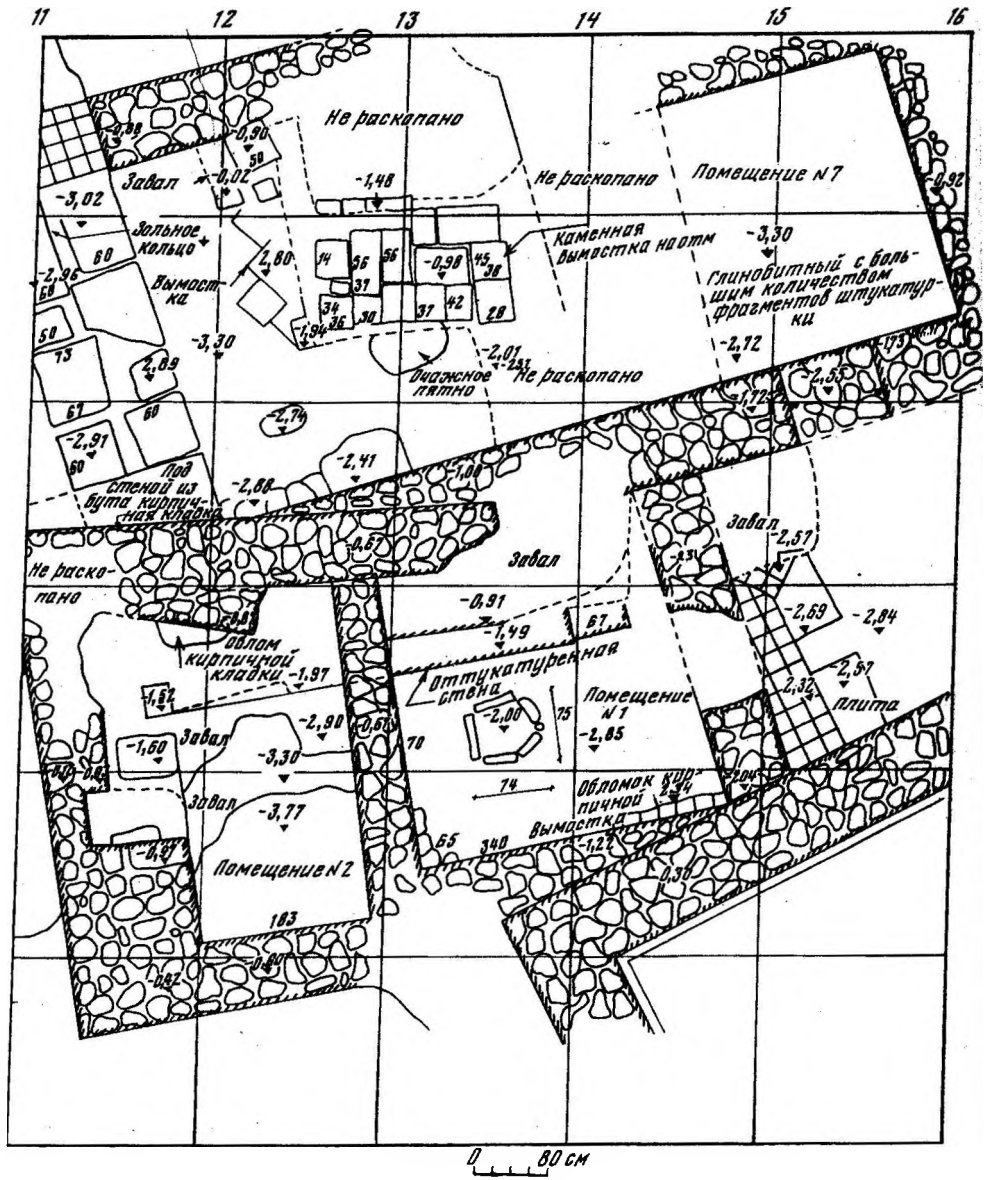


Рис. 25 (окончание)

Рис. 26. Раскопанные помещения северо-западного дворцового комплекса в цитадели

Стены помещений были покрыты гипсовой штукатуркой, а в северо-западном зале штуковой резьбой. Широко применялись в архитектуре дворцового сооружения клинчатые перемычки и стрельчатые арки, о чем свидетельствуют многочисленные находки замковых клинчатых камней, отдельных деталей и фрагментов этих конструкций. Находки многочисленных каменных баз колонн круглого, квадратного, многоугольного сечения, а иногда усеченно-конической или пирамидальной формы свидетельствуют, что в архитектуре дворца использовались деревянные колонны, фрагменты которых были обнаружены при раскопках. Помимо залов дворцовых помещений, они применялись в айванах, оформляющих внутренний двор.

Второй северо-западный дворцовый комплекс XII—XIII вв. представляет собой большое многокомнатное сооружение, планировка которого в основном точно повторяет планировку нижележащего комплекса, послужившего для него основанием, но стены его в отличие от нижележащих выложены в западной части дворца отдельными участками [119].

Стены сооружения были возведены из жженого кирпича размером $0{,}2 \times 0{,}2 \times 0{,}045$ м, уложенного на известковом растворе высокого качества (следует отметить, что прочность раствора значительно выше прочности кирпича). Ширина наружных контурных стен сооружения достигает 1,4 м, ширина участков внутренних стен — 0,8—1,2 м. Промежутки между отдельными участками стен второго архитектурного комплекса были заложены

бутовой кладкой в послемонгольское время, когда все сооружение из жженого кирпича было включено в постройки более позднего дворца XIV—XV вв.

Ряд помещений второго архитектурного комплекса по планировке аналогичны западным комнатам первого дворца, но с весьма своеобразным полом (значительно отличающимся от полов из плит и кирпича других помещений), обнаруженным в юго-западном помещении комплекса на отметке 2,53—2,55 м. Он состоял из тщательно уложенных больших каменных плит размерами: $1{,}05 \times 0{,}6 \times 0{,}2$—0,35 м, $1 \times 0{,}6 \times 0{,}25$ м, $0{,}9 \times 0{,}6 \times 0{,}3$ м; $0{,}5 \times 0{,}6 \times 0{,}3$ м [120] и др. Северный и центральный участки пола сильно обожжены, а в южной части помещения в двух плитах просматриваются пять круглых углублений диаметром 5—6 см, лежащих на одной оси, ориентированной строго с востока на запад. Не исключено, что эти отверстия могли использоваться при магических обрядах и гаданиях или служили для установки каких-то средневековых астрономических приборов. При подобной постановке вопроса становится объяснимой своеобразная конструкция стен помещения.

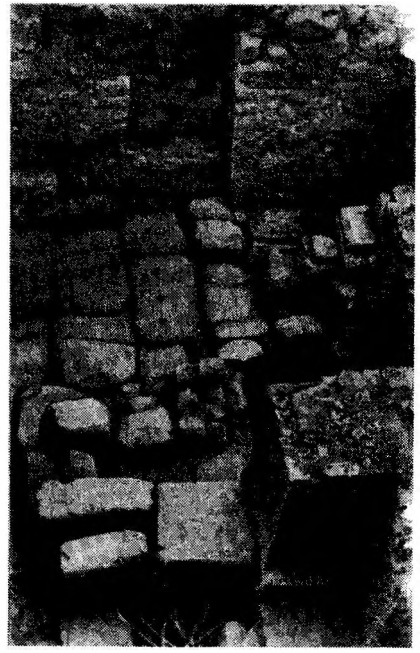


Рис. 27. Вымостка пола из каменных плит в помещении северо-западного дворцового комплекса цитадели

Монументальность и внушительные размеры вскрытых в цитадели сооружений, их конструктивные особенности и планировка, богатство обнаруженных здесь предметов быта и украшений со сложнейшим штампованным и гравированным орнаментом, многочисленные предметы вооружения, а также дорогостоящий импорт, включающий ювелирные и костяные поделки, ценные сосуды из китайского селадона и фарфора, ближневосточную алебастровую, кашиновую и фаянсовую посуду [121],—все это не оставляет сомнений в назначении вскрытых архитектурных комплексов и в социальной принадлежности их обитателей.

Раскопки позволили установить, что изменения, произошедшие в топографии цитадели, в ее внутренней планировке и в формировании дворцовой застройки, переместившейся в северо-западную часть, надо связывать с бурными историческими событиями в этот период, характеризовавшимися острой политической борьбой дербентских эмиров с ширваншахами

и местной городской знатью, в результате которой наиболее безопасным районом цитадели стала ее северо-западная часть.

Шахристан и рабад Дербента X — середины XIII в. претерпели в процессе своего развития значительные изменения, что было связано со спецификой их роста и формирования, обусловленной наличием огромной межстенной территории.

В исторической литературе получило распространение мнение о том, что Дербент после X в., т. е. в период, выделенный нами как второй этап формирования исторической топографии города, стал бурно развиваться за счет застенной территории, составившей его пригород — рабад[122]. Эта территория, располагавшаяся, по мнению В. В. Бартольда, за южной стеной города, была ограждена кирпичными стенами и достигала 16 кв. км[123].

Раскопки и наблюдения при земельных работах строителей, однако, показали, что территория, прилегавшая к стенам города с севера, в средневековый период не обживалась совсем, а с юга обживались лишь отдельные участки у стены от ворот Орта-капы до центральной части города[124]. Но ни по своим размерам, ни по интенсивности обживания эти застенные участки Дербента не могут быть сопоставлены с его рабадом — главным компонентом структуры средневекового восточного города, составлявшим одну из наиболее значительных частей его территории.

Это позволяет усомниться в правомерности выдвинутой в исторической литературе (в основном на базе изучения нарративных источников) схемы формирования топографии и структуры Дербента X—XIII вв., основу которых по ней составляет огромная застенная территория города — его рабад. Археологические исследования опровергли утвердившееся в историографии мнение о существовании у Дербента огромного застенного рабада, и этот важный факт, оказывается, был отмечен в трудах целого ряда арабских и европейских средневековых путешественников, побывавших в Дербенте в XI—XIII вв., т. е. в период наибольшего расцвета города, когда, по выдвинутой схеме, основная территория его располагалась за пределами стен.

Так, посетивший Дербент между 1131—1150 гг. известный путешественник Абу Хамид ал-Гарнати писал о размерах города: «Он длинный — от горы до моря расстояние трех фарсахов, а ширина его — полет стрелы, и есть у него железные ворота»[125]. Протяженность города в три фарсаха (фарсах — «парасанг» составлял около 5—6 км) ал-Гарнати, очевидно, рассматривает вместе с укреплениями Горной стены, воспринимавшимися арабскими авторами как одно целое с Дербентом. Нам же здесь важна ширина города — «полет стрелы», т. е. расстояние между его каменными стенами. В дальнейшем многие путешественники будут отмечать диспропорцию между длиной и шириной города, но сведения ал-Гарнати особенно важны, так как относятся к Дербенту домонгольского нашествия, к периоду его расцвета. Не сообщает о пригороде и Ибн ал-Азрак, посетивший Дербент в 1154 г. с грузинским царем Дмитрием. А посол французского

короля Людовика IX к монгольскому хану Мангу монах Вильгельм Рубрук, побывавший в Дербенте в 1254 г., т. е. вскоре после взятия его монголами (1239 г.), писал, что «он [Дербент.— *А. К.*] имеет в длину более одной мили, а на вершине горы стоит крепкий замок; в ширину город простирается на полет большого камня»[126]. Представляется вероятным, что если бы монголы при штурме Дербента разрушили огромный застенный рабад (о чем нет ни археологических, ни письменных данных), Рубрук бы отметил это обстоятельство, так как за пятнадцать лет, прошедших после захвата монголами города, каменные строения рабада не могли исчезнуть. Ведь в более позднее время венецианский дипломат Амброзио Контарини, посетивший Дербент в 1475—1476 гг., сразу отметил, что в необживаемой к этому времени приморской части города «со стороны моря почти все здания разрушены»[127]. Данные, аналогичные сведениям ал-Гарнати и Рубрука, приводит Закария Казвини (XIII в.), сообщавший, что город имел в длину 2/3 фарсаха, а в ширину простирался только на полет стрелы[128].

Таким образом, археологические раскопки и данные письменных источников опровергают сложившиеся в исторической литературе мнение о наличии в городской структуре Дербента в период X—XIII вв. крупной застенной территории обживания размером 4 × 4 км и не дают пока никаких оснований считать возможным существование у города огромного рабада за пределами стен. Однако эта важнейшая часть структуры почти всех значительных городов средневекового Востока, Кавказа и других регионов[129] получила дальнейшее развитие и в топографии Дербента конца X — середины XIII в.

Шахристан, сложившийся в VIII—X вв. в верхней части города, на втором этапе формирования средневекового Дербента в основном сохранил свою планировку и застройку. Монументальные сооружения культового и общественного назначения: многочисленные квартальные мечети (в том числе соборная Джума-мечеть), крупные складские помещения, бани, караван-сараи, водохранилища, а также крупные жилые здания городской знати, массивные стены которых были возведены «на века»,— продолжали функционировать и в XI—XIII вв.[130]

Рабад. Многолетние исследования, проводившиеся на территории города от района Джума-мечети до моря, позволили установить, что вся она активно обживалась в период X—XIII вв. Культурные напластования домонгольского времени, выявленные здесь, достигают 2 м толщины[131].

Здесь удалось проследить два слоя, относящихся ко второму этапу формирования топографии средневекового Дербента, обильно насыщенных архитектурными остатками жилого и ремесленно-производственного назначения, керамикой, фрагментами изделий из стекла, камня, металла и другими предметами, датируемыми в основном концом X — серединой XIII в. Материалы, обнаруженные в этих культурных отложениях, в том числе

несколько медных монет X—XIII вв., позволяют относить более ранний, нижний слой к концу X—началу XII в., а верхний—к XII—середине XIII в.[132]

Вся межстенная территория была весьма плотно застроена, особенно верхняя часть города, земли, прилегающие с востока к Джума-мечети и к воротам Даш-капы и Енги-капы в центре, а также приморская часть у северной стены.

Плотность застройки здесь столь велика, что культурные слои этого времени были отмечены даже поверх сырцовой стены сасанидского времени, сохранившейся в приморской части города[133].

Наряду с территориальным ростом и застройкой города на данном этапе формирования топографии Дербента было отмечено дальнейшее развитие его структуры.

Шахристан продолжал играть активную роль в социально-экономической жизни Дербента X—середины XIII в., но основное развитие в этот период шло в его нижней части, отделенной от шахристана поперечной стеной. Здесь концентрировалось все ремесленное производство Дербента и обитал его торгово-ремесленный люд, составлявший основу населения города, и это деление носило не только территориальный, но и ярко выраженный социально-экономический характер.

Именно в этой части города были выявлены при археологических исследованиях остатки керамических мастерских, стеклоплавильных печей, горнов, многочисленные шлаки, отвалы, орудия труда ремесленников. Керамические мастерские, включавшие остатки каменных производственных помещений, две-четыре круглые печи, были выявлены в основном у южной городской стены, в районе между воротами Орта-капы и Енги-капы[134].

Любопытно отметить, что каждая из трех обнаруженных гончарных мастерских производила только определенные виды керамических изделий, а именно: глубокие поливные чаши с носиками, чаши-блюда, узкогорлые кувшины, сфероконусы и стандартные небольшие чаши, т. е. наблюдается явная специализация мастерских. Сосредоточение мастерских у южной стены Дербента свидетельствует, что этот район являлся местом концентрации керамического ремесла города. Еще один район концентрации остатков ремесленного производства был выявлен в нижней части города у северной стены. Здесь были обнаружены многочисленные металлические шлаки, крицы, бракованные изделия из черных и цветных металлов, застывшие куски и натеки металла, заготовки, остатки горна и сопел, орудия труда ремесленников[135].

Стеклоплавильная печь этого времени, заполненная застывшей стекломассой, и остатки стеклоделательного производства были зафиксированы к югу от территории концентрации гончарного производства. Многочисленные шлаки, бракованные изделия, развалы печей, предметы печного припаса, помимо выявленных мест концентрации отдельных видов ремесла, были отмечены и в других районах этой части города[136].

Судя по характеру застройки и выявленным находкам, в отличие от шахристана, где были сосредоточены общественные здания, мечети, торговые ряды, караван-сараи, склады и дома земледельческой и торгово-ремесленной знати, здесь обитал простой люд (ремесленники, мелкие торговцы) и были сосредоточены основные центры ремесленного производства. И если в шахристане жилища его обитателей порой не уступали по строительному материалу, интерьеру, богатству обнаруженной здесь посуды, предметов роскоши и дорогостоящего импорта найденным в цитадели комплексам дворцов дербентских эмиров, то в нижней части города дома отличаются простотой планировки и значительно меньшими размерами. Выстроены они из более скромного материала, интерьер домов значительно проще, находки предметов роскоши и дорогостоящего импорта очень редки.

Эти две самостоятельные части городской структуры (шахристан и рабад) были четко выделены друг от друга поперечными стенами. Археологические раскопки, данные средневековых письменных источников и позднесредневековые планы города, составленные еще в начале XVIII в., позволяют выявить месторасположение этих стен, их социально-политическое значение в жизни феодального города и роль в его внутренней структуре[137].

Поперечные стены Дербента неоднократно упоминаются в связи с историческими событиями X—XI вв. в «Тарих Баб ал-абваб». Особенно интересно сообщение о стене, которую разрушал в 464 г. х. (1072 г.) наместник сельджукского султана Алп-Арслана Йагама: «Йагама разрушил среднюю (поперечную) стену у базара дербентцев»[138]. В. Ф. Минорский, издавший этот источник, был озадачен подобным расположением стены в важнейшей части города, где находился его торгово-экономический и культурный центр, и даже пытался предложить другие чтения. Однако арабисты, с которыми он советовался, «настаивают на таком понимании текста. Из него выходило бы, что стена, столько раз упоминаемая в нашем тексте, стояла около рыночной площади»[139]. Проводимые в Дербенте археологические исследования показали, что перевод текста дан совершенно правильно и в источнике идет речь о поперечной стене «у базара дербентцев» в районе Джума-мечети.

Поперечная стена, делившая город на две части, четко фиксировала изменения, произошедшие в топографии Дербента в средневековый период его развития. В раннесредневековый период эта стена ограждала территорию города, отделяя ее от необживаемого межстенного пространства, а в средневековое время она выделяла две основные части его городской структуры—шахристан и рабад. В отличие от большинства средневековых городов Средней Азии, где медина сложилась в результате слияния ее с прежними рабадами[140], в Дербенте она получила развитие на базе раннесредневекового шахристана, сохранив в основном его территорию и черты древней планировки.

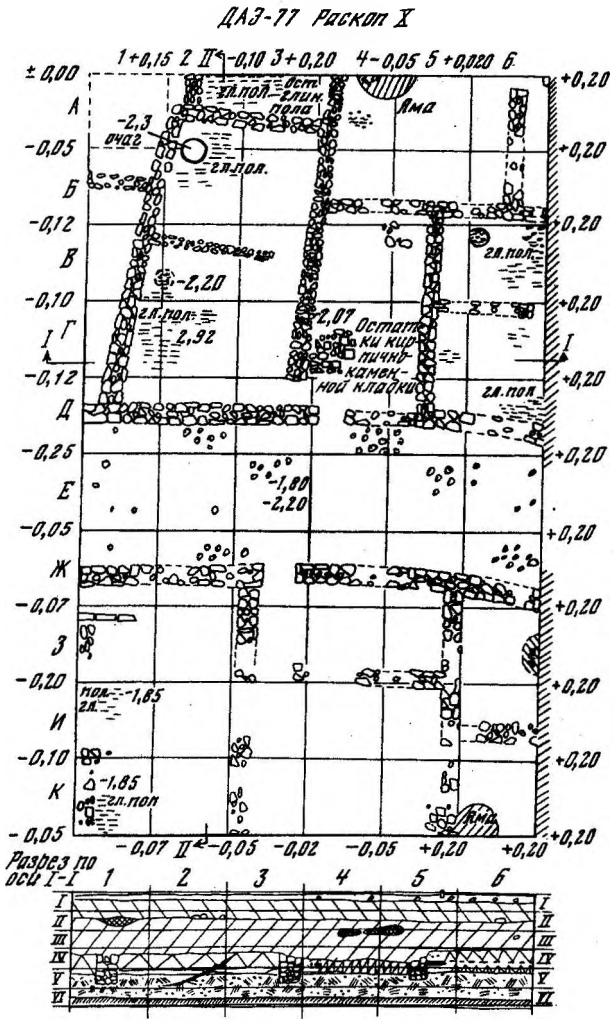


Рис. 28. Планировка жилых помещений, раскопанных в рабаде средневекового Дербента

1 — вымостка из булыжника с песком; *2* — плотный серый грунт; *3* — светло-серый грунт средней плотности; *4* — желтовато-серый рыхлый слой; *5* — темно-серый рыхлый слой; *6* — глинобитный пол; *7* — рыхлый темно-серый грунт; *8* — плотный коричнево-желтый слой; *9* — материк

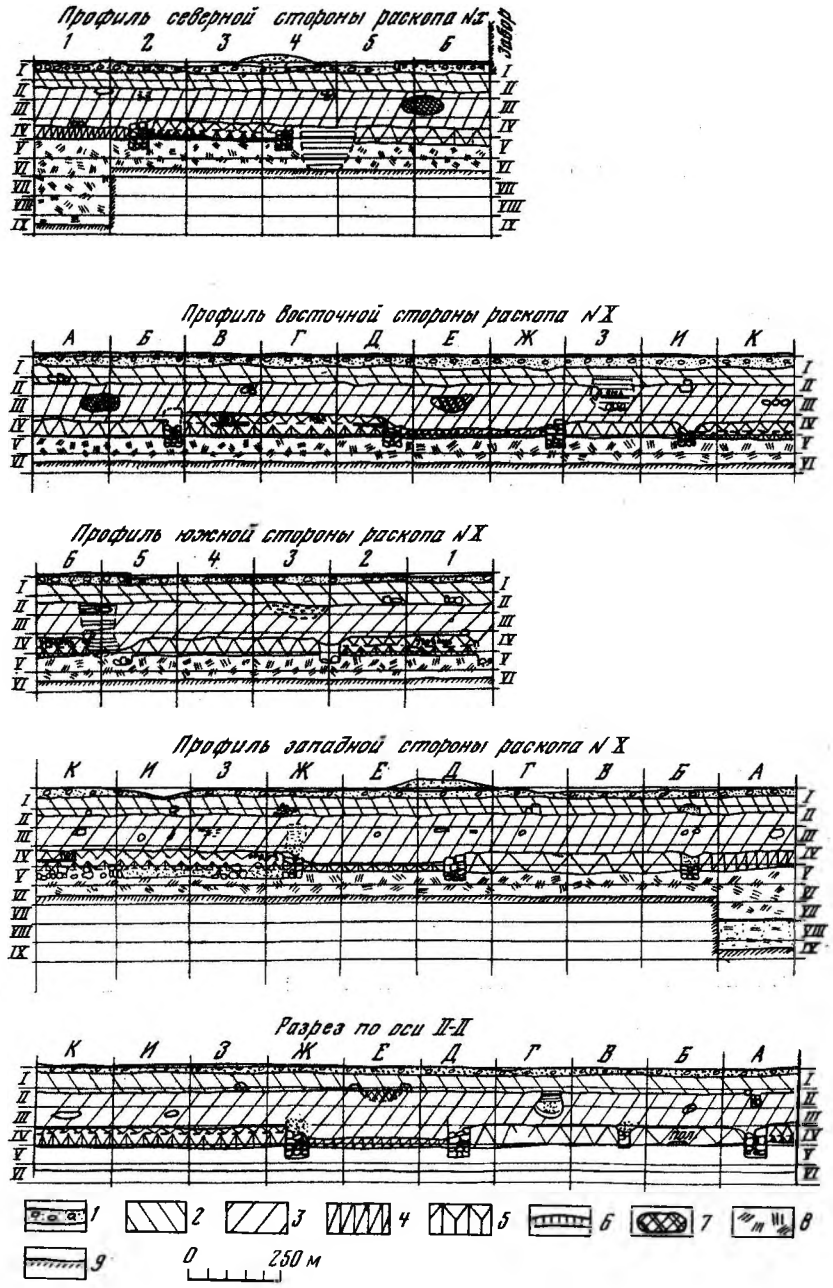


Рис. 28 (окончание)

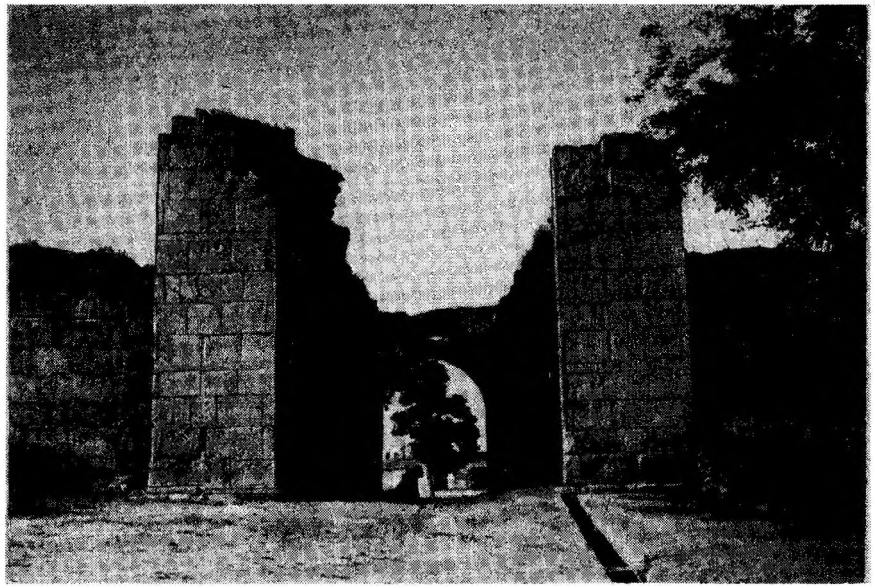


Рис. 29. Ворота южной стены Дубара-капы

Развитие шахристана Дербента не прекратилось в связи с появлением в его структуре новой важнейшей части — рабада, где были сосредоточены ремесленное производство города и основная масса его населения. Здесь, как и в IX—X вв., была сконцентрирована общественно-торговая и культурная жизнь города, расположены его рынки, площади, важнейшие административные, общественные и культовые сооружения.

Изучение средневековых городов Средней Азии показало, что запустение шахристана и перенесение жизни в рабады не было обязательным явлением. В связи с этим О. Г. Большаков пишет, что развитие среднеазиатских городов с IX в. «идет за счет обрастания шахристанов торгово-ремесленными пригородами, которые в одних случаях с течением времени сливаются с шахристаном, в других (когда почему-либо жизнь на территории шахристана становится неудобной) превращаются в собственно города»[141].

В ряде известных городов Средней Азии (Бухара, Ахсыкент и др.) торговая и общественная жизнь продолжала развиваться в пределах шахристана, несмотря на появление больших рабадов[142]. В этом плане данные города весьма напоминают средневековый Дербент и в путях их сложения прослеживаются довольно близкие параллели. Подобную в своей основе структуру в этот период имело и большинство крупных феодальных городов Кавказа (Шабиран, Баку, Ганджа, Байлакан, Шемаха, Тбилиси, Двин и др.), которые в XI — начале XIII в. переживали процесс экономического подъема и расцвета городской жизни[143]. Значительное

сходство в структуре и путях формирования топографии этих городов во многом объясняется сходством в их социально-экономическом и культурном развитии, характерным для данных регионов. И как справедливо отмечал О. Г. Большаков: «Пути сложения городов были различными (хотя более характерно развитие на основе существовавших ранее шахристанов), но их сущность была одинаковой»[144].

Однако в связи с отсутствием у средневекового Дербента большой обживаемой территории за пределами городских стен встает вопрос о его месте среди других городов средневекового Кавказа и Востока. Мог ли Дербент, имея площадь внутристенной застройки около 150 га, считаться значительным для Ближнего Востока торгово-ремесленным центром и крупнейшим феодальным городом Кавказа, которому, по сообщениям средневековых авторов, уступали Ардебиль, Тбилиси и многие другие известные центры?

Изучение исторической топографии Дербента, его застройки и внутренней структуры, а также выявленный в результате исследований высокий уровень социально-экономического развития не оставляют сомнений в том, что это действительно был крупный феодальный город, не уступавший по размерам многим известным центрам средневекового Востока и Европы. Для сравнения можно отметить, что такой крупный средневековый город Азербайджана, как Байлакан, являвшийся одним из значительных торгово-экономических центров Кавказа, состоял в XI — начале XIII в., согласно археологическим данным, из «Большого города» площадью 36 га и «Малого города» площадью 14 га[145]. Даже такие знаменитые средневековые города Ближнего Востока и Западной Европы, как Дамаск (105 га), Иерусалим (100 га), Халеб (112 га), Палермо (200 га), Неаполь (200 га), Пиза (114 га), Флоренция (105 га), Гент (80 га), Брюгге (80 га)[146], были в этот период меньше или равны по площади Дербенту. И если он уступал по размерам отдельным крупнейшим городам Передней и Средней Азии, столицам больших феодальных государств, имевших сложноструктурные огромные рабады с весьма разреженной застройкой[147], то при этом Дербент значительно превосходил их по плотности застройки, основу которой составляли относительно небольшие каменные строения, порой в два этажа, с очень маленьким двориком, а иногда и без него.

Плотность застройки и особенности структуры создавали определенное своеобразие внутригородской топографии Дербента, сложившейся в основном в средневековый период. Стремительный рост города в VIII—XIII вв. с типичной для средневекового времени бессистемной застройкой сильно изменил планировку Дербента, и, вероятно, она приобрела основные очертания, зафиксированные на позднесредневековых планах города. Три главные продольные улицы раннесредневекового города, идущие от подошвы холма вниз к морю, сохранились, но появились многочисленные кривые поперечные улочки, узкие

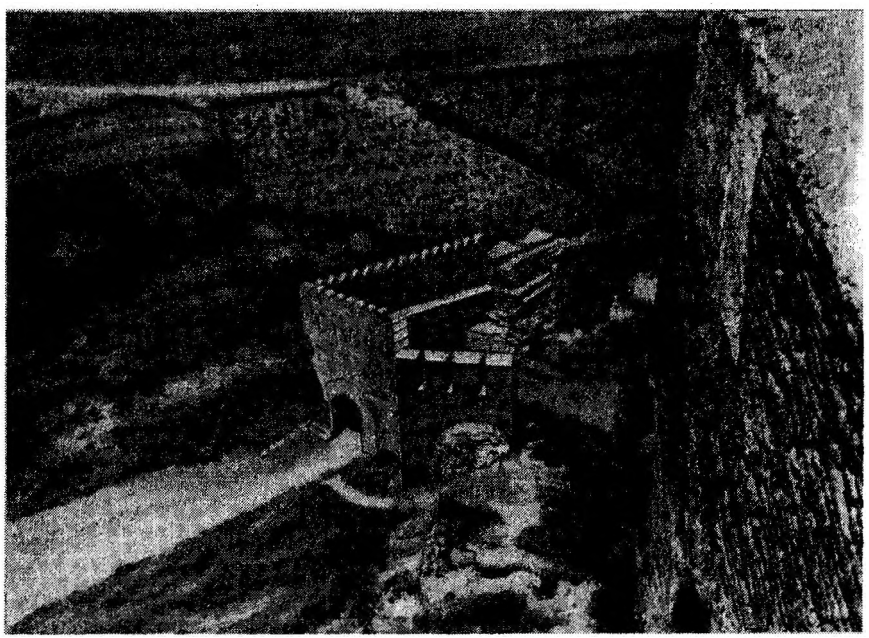


Рис. 30. Ворота северной стены города Джарчи-капы

тупики, базарные площади, теснота, скученность. Свободное пространство у северной стены застроилось полностью, что было связано с изменением ее роли в обороне города и с увеличением плотности застройки развивавшегося города. Ширина улиц была незначительной и обычно не превышала 3—4 м. Помимо продольных улиц, прослеживаются еще не менее двенадцати поперечных, пять из которых связаны с городскими воротами.

Значительное число ворот в городских стенах Дербента (не менее 7—10), появившихся и перестроенных в своем большинстве, согласно данным письменных источников [148] и строительным надписям [149], в X—XIII вв. служит ярким показателем изменений внутригородской топографии города, развития его планировки, роста шахристана и рабада, важнейших перемещений его общественно-торгового и культурного центра. В верхней части города, между цитаделью и Джума-мечетью, отмечается довольно правильная планировка уличной сети, где расположенные примерно на равном расстоянии поперечные улицы очерчивают прямоугольные кварталы. Здесь, видимо, сохранилась в основных чертах планировка города сасанидской поры. Ниже Джума-мечети регулярная планировка и пропорциональность кварталов отсутствуют, они отличаются порой очень значительными размерами, изрезаны многочисленными тупиками, которых особенно много у южной стены. Наибольших размеров кварталы достигают в центральной части города между двумя продольными улицами.

Деление Дербента на кварталы («махалла») зафиксировано еще авторами в IX—X вв.[150]

Изучение этапов сложения средневекового Дербента позволило проследить пути развития его исторической топографии и выявить определенные закономерности этого процесса, сопоставив его с другими средневековыми городами Кавказа, Средней Азии и Переднего Востока.

Было установлено, что в раннесредневековом Дербенте, как и в подавляющем большинстве городов Переднего Востока, Кавказа и Средней Азии этого периода, наблюдается двухчастная городская структура с четко выделенными составными частями города: цитаделью и шахристаном. Подобно многим другим крупнейшим памятникам, возникшим как единовременное плановое сооружение, он имел в V—VII вв. в основных чертах единую продуманную фортификационную систему, планировку и регулярную застройку. Древнейшая верхняя часть Дербента — его шахристан несет в себе черты плановой, симметричной застройки, сложившейся еще в раннесредневековый период. То обстоятельство, что Дербент — крупнейший памятник фортификационного строительства на Кавказе — служил мощным опорным пунктом, прикрывавшим северные рубежи огромных государств Переднего Востока, наложило свой отпечаток на развитие его исторической топографии, внесло определенную специфику в сложение средневекового города.

Оборонительное назначение его стен, планировка которых была подчинена при их сооружении основной задаче — защите прохода путем его полного перекрытия, оказало большое влияние на формирование всей городской структуры Дербента, его застройки и планировки. Наличие огромной межстенной территории давало возможность в течение длительного периода развиваться городу в пределах его стен, т. е. сохранять внешне свою двухчастную структуру. Особенности его военно-политического положения в X—XIII вв., когда Дербент стал самостоятельным феодальным владением, городом-государством, не позволяли появиться за городскими стенами значительному рабаду (пригороду) даже в период, когда межстенная территория шахристана и рабада уже была полностью застроена. В отличие от многих средневековых городов Передней и Средней Азии, Закавказья, Восточной Европы Дербент оставался пограничным городом, правителям которого приходилось прилагать много усилий для сохранения своей независимости, постоянно балансируя между опасностью с севера и с юга. Дербент не мог, подобно другим городам, опираться на политическую и экономическую мощь государственной системы, так как был городом-государством, безопасность и благосостояние которого нередко зависели от прочности его стен. Постоянные завоевательные устремления ширваншахов с юга, опиравшиеся зачастую на поддержку мятежных дербентских раимов, и угроза с севера, со стороны феодальных правителей Дагестана и кочевников,

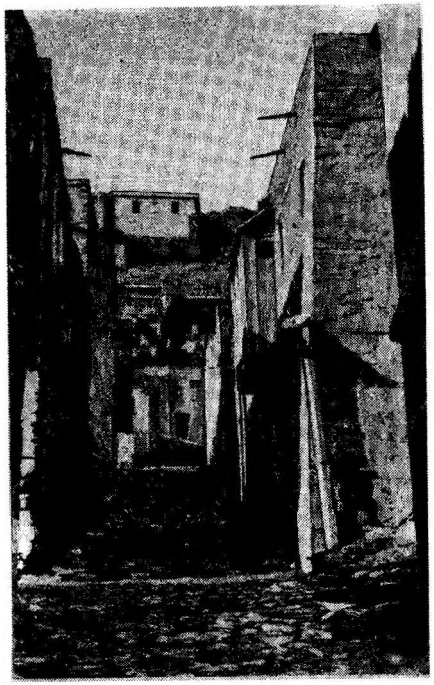


Рис. 31. Улица в старой части города

делали внестенную территорию города опасным и малопригодным местом для заселения.

Все это способствовало тому, что в процессе сложения структуры средневекового Дербента наметилась определенная специфика. В отличие от многих средневековых городов Средней Азии, у которых в IX—X вв. центры городской жизни сместились за стены шахристана, в рабады, достигшие огромных размеров, в Дербенте торгово-экономическая и общественно-политическая жизнь сосредоточилась в пределах стен, где сформировался шахристан с общественно-торговым и культурным центром и рабад с ремесленным производством и основной массой населения.

Не имея возможности активного территориального роста за пределами городских стен, застройка города в период его наибольшего расцвета в X—начале XIIIв. шла за счет ее уплотнения, сокращения размеров домовладений, свободного городского пространства и участков дворов, повышения этажности построек. В это время теснота и скученность городской застройки, когда, по описанию А. А. Бестужева-Марлинского, дома города «пищали от тесноты, ущемленные между двух высоких, длинных предлинных стен», значительно превышала даже позднесредневековую, столь поражавшую европейцев.

Сравнение Дербента с известными городами средневекового Востока показало, что по своей площади, территории и плотности застройки, структуре и уровню социально-экономического развития Дербент действительно предстает крупнейшим феодальным городом Кавказа, в один ряд с которым письменные источники ставят лишь Берда'а.

Глава третья

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРБЕНТА В VI — СЕРЕДИНЕ XIII В.

Бурный территориальный рост Дербента, интенсивная застройка его шахристана и увеличение численности населения города были неразрывно связаны и являлись прямым следствием социально-экономического развития Дербента, дальнейшего подъема его производительных сил и новых производственных отношений, расцвета ремесла и торговли города в VI — середине XIII в., углубления процесса феодализации и социальной дифференциации городского общества.

Обширные данные археологических исследований средневекового Дербента, полученные в последнее десятилетие, и анализ письменных источников позволяют проследить пути становления и социально-экономического развития средневекового Дербента, которым принадлежит решающая роль в превращении его в крупнейший феодальный город Кавказа.

Впервые в дагестанской историографии делается попытка проследить этапы экономического роста крупного феодального города, выявить и классифицировать основные виды городского средневекового ремесла, установить периодизацию развития и роль торговли в его становлении.

Дербент пока единственный средневековый город Северо-Восточного Кавказа, где четко прослеживаются сложная структура местного городского общества, острые классовые и внутрисословные противоречия, связанные с процессами феодализации и социальной дифференциации его, роль различных городских слоев в общественно-экономическом и политическом развитии крупного дагестанского города.

РЕМЕСЛЕННОЕ ПРОИЗВОДСТВО ГОРОДА И ПЕРИОДИЗАЦИЯ ЕГО РАЗВИТИЯ

Экономическое и территориальное развитие города было неразрывно связано с ростом и развитием его ремесла, без наличия которого он не может выступать как центр производства и обмена, т. е. не может быть городом в полном смысле этого слова. Рост населения Дербента, первоначально связанный с военно-политическими обстоятельствами, способствовал развитию ремесла и увеличению числа ремесленников в городе, а дальнейший процесс становления города, обусловленный уже экономическими причинами, способствовал резкому подъему ремесленного

производства и превращению свободного ремесленника в основную и главную фигуру городского средневекового общества. Это привело к значительному изменению социального состава города, а следовательно, и основной массы потребителей готовой продукции, что поднимает ремесленное производство на новую ступень развития, способствует упрощению основной массы продукции, рассчитанной на широкого потребителя, удешевлению товарного производства. В свою очередь, это неизбежно ведет к усовершенствованию технологии изготовления, более узкой специализации отдельных видов ремесла, что являлось в конечном счете главным и необходимым условием его дальнейшего развития.

Фридрих Энгельс отмечал в связи с развитием ремесла и торговли: «Эти экономические законы товарного производства видоизменяются на различных ступенях развития этой формы производства, но в общем и целом весь период цивилизации протекает под знаком их господства» [1].

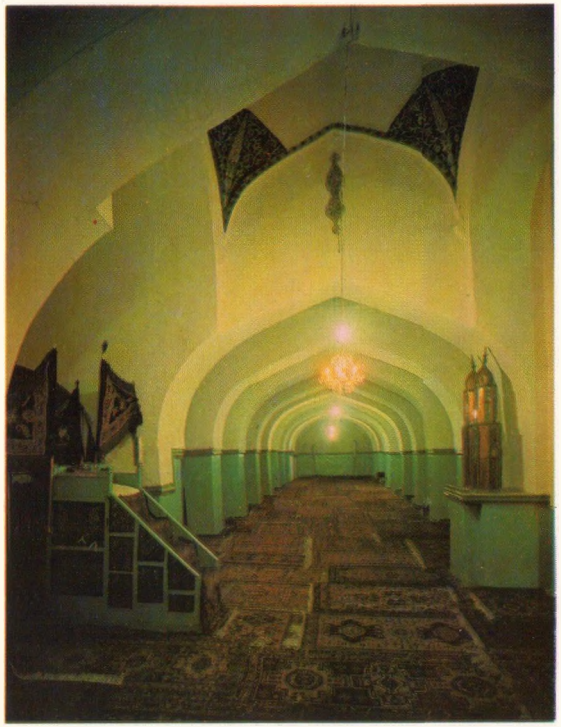
Археологический материал, полученный в результате многолетних раскопок в различных районах города, позволяет выделить крупные комплексы самых разнообразных изделий, включающих в себя керамику, посуду и украшения из стекла, поделки и конструкции из камня, предметы вооружения и быта из металла, разнообразные украшения и утварь.

Культурные слои, из которых происходят выделенные археологические комплексы изделий, относятся к трем периодам развития Дербента, датируемым, согласно данным стратиграфии, нумизматики, эпиграфики и обширным аналогиям синхронных материалов сопредельных областей, VI — началом VIII в.; VIII—X вв.; XI — серединой XIII в.

Полученный в результате археологических исследований материал позволил установить существование в Дербенте VI—XIII вв. основных видов ремесленного производства, типичных для развитого средневекового города, и в первую очередь таких, как гончарство, стеклоделие, строительное дело и камнеобработка, ткачество, резьба по штуку и кости, металлообработка, а также ряд ремесел, связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства. Сведения об уровне развития этих ремесел в средневековом Дербенте были существенно дополнены сообщениями письменных источников, данными эпиграфики и архитектурно-археологических обследований, а также находками орудий труда и различных предметов припаса ремесленников, остатков печей, мастерских, следов ремесленного производства в различных районах города. Анализ многочисленных изделий каждого вида ремесла позволяет проследить специфику становления отдельных отраслей городского производства, а исследования отдельных комплексов, связанных с различными периодами развития Дербента, дают возможность установить основные этапы его становления, время наибольшего расцвета, процессы, характеризующие его поступательное движение вперед, усовершенствование технологии производства, его специализации и рост уровня организации.

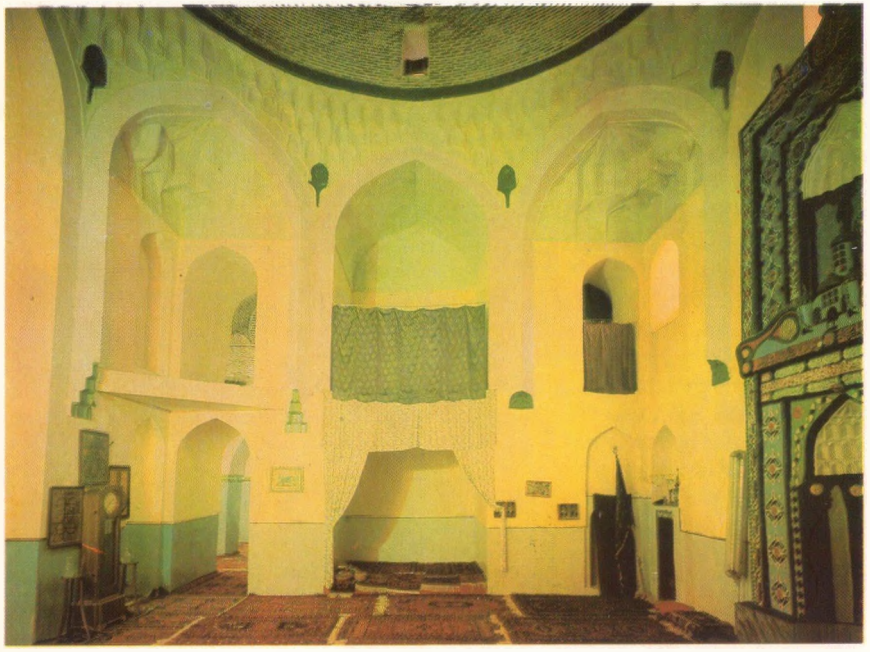
Цитадель Нарын-кала и участок южной городской стены.
Вид с востока

Джума-мечеть.
Большой купол мечети



Джума-мечеть.
Внутренний вид

Джума-мечеть.
Внутренний вид



ГОНЧАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО

Керамические изделия составляют основную часть археологического материала, получаемого при исследовании бытового памятника. Особенно обширен керамический материал при изучении крупного средневекового города, где он является продукцией одной из наиболее развитых отраслей городского ремесла. По степени распространения керамических изделий в быту и по уровню их сохранности с ними не может сравниться ни один другой вид ремесленной продукции. Столовая, кухонная и хозяйственная посуда, благодаря своей массовости и незаменимости в быту, широко проникала во все слои населения средневекового Дербента и потому, несомненно, является одним из наиболее обширных и важных исторических источников о жизни обитателей города на различных этапах его существования.

Период VI — начала VIII в.

Первый период развития керамического производства средневекового Дербента был связан с событиями большого военно-политического значения. Дербент был превращен в самый значительный опорный пункт сасанидского Ирана на Кавказе и в крупный административный центр, тесно связанный с высокоразвитыми его областями. Значительно изменился состав населения города, резко возросшего за счет переселенцев из внутренних районов Ирана: греков, сирийцев, евреев, составляющих основу городского люда в западных его провинциях, и многочисленных строительных рабочих из различных областей Кавказа и Передней Азии. Это не могло не повлиять на местные керамические традиции, так как значительную часть переселенного сюда населения составляли ремесленники, в том числе и гончары, принесшие с собой более передовую технологию изготовления керамики из крупных ремесленных центров Переднего Востока.

Огромное количество керамики самого различного назначения, столовая и кухонная посуда, большие тарные сосуды, многочисленные трубы водоводов, жженый кирпич, черепица, развалы печей, приспособления для обжига посуды и керамические отвалы, обнаруженные в культурных напластованиях раннесредневекового Дербента, убедительно свидетельствуют о высоком уровне развития местного керамического производства города.

Керамика Дербента сасанидского времени, связанная с первым периодом экономического развития средневекового города, весьма многочисленна и разнообразна. По цвету, качеству теста и обжига, технологии производства, формам и приемам орнаментации она резко отличается от посуды Дербента и Дагестана предшествующего времени.

От местных, в значительной массе весьма однотипных изделий с своеобразным ангобным покрытием и довольно грубым лощением, с большими примесями шамота, коричневатым или

серым тестом, в основном изготовленных на медленно вращающемся круге или без него, керамика Дербента сасанидского периода отличается высококачественным, тонко отмученным тестом, хорошим обжигом, орнаментацией и изготовлением на быстро вращающемся гончарном круге[2]. Почти вся она красноглиняная и даже внешне составляет довольно резкий контраст с местными гончарными изделиями предшествующего времени.

По назначению всю керамику раннесредневекового Дербента можно разделить на тарную, кухонную, столовую[3].

Хронологически вся керамическая посуда из слоев города сасанидского периода делится на две большие группы. Первая из них, более ранняя, относится к V — началу VI в. и связана хронологически с первым этапом сасанидского строительства в Дербенте.

Вторая, поздняя группа керамических изделий, хронологически связанная со вторым этапом сасанидского строительства в Дербенте и превращением его не только в крупнейший военно-политический пункт Кавказа, но и в значительный торгово-ремесленный центр, охватывает VI—VII вв.[4]

Тарная посуда. Этот вид керамики представлен большими хозяйственными сосудами, служившими для хранения сыпучих материалов и продуктов, воды, вина, а иногда и строительного раствора. Так, в нескольких районах Дербента у северной и южной стен города были обнаружены вкопанные в землю большие хозяйственные сосуды с известью, которые использовались, видимо, при возведении или ремонте городской стены.

По назначению дербентские тарные сосуды аналогичны раннесредневековым среднеазиатским хумам, закавказским кюпам и карасам.

Производство тарной керамики, достигавшей обычно в дербентских образцах от 0,7 до 1,5 м высоты при ширине тулова 0,5—1 м и диаметре горловины 0,25—0,6 м являлось весьма сложным и трудоемким процессом. Изготовление крупных тарных сосудов, делавшихся в большинстве своем из нескольких составных частей, места соединений которых украшались налепными валиками, требовало не только значительного мастерства ремесленника и определенного уровня специализации в этой области керамического производства, но и специальных обжигательных печей, превосходивших обычные по размерам[5]. Это приводило к узкой направленности в этой отрасли городского ремесла, изготовлению продукции по заказу потребителей[6], что должно было способствовать дальнейшему совершенствованию этого вида керамических изделий, улучшению технологии их производства, стандартизации тарных сосудов и удешевлению их изготовления. Все это вело к дальнейшей специализации керамического производства города, к появлению здесь гончаров-профессионалов.

Изготовление тарной керамики в Дербенте опирается на древние традиции[7], но в средневековье ее производство поднимается

на качественно новый уровень. В сасанидское время в Дербенте в большом количестве выпускаются тарные сосуды самой различной величины, наиболее крупные из них достигали высоты 1,5 м и более при толщине стенок до 3—4 см. Подобные хумы состояли из нескольких частей, в то же время здесь делали тарные сосуды средних размеров, высотой до 1 м, которые нередко состояли всего из двух частей — тулова и горловины, что свидетельствует о высоком уровне производства в этой области.

Экономическое развитие города в VI—VII вв. и огромное фортификационное строительство, развернувшееся здесь в связи с возведением всего Дербентского оборонительного комплекса, в результате которых значительно возросла потребность в крупнообъемных сосудах, оказали большое влияние на увеличение выпуска тарной керамики и дальнейший рост этой отрасли керамического производства. Особенно возрос в этот период выпуск крупных толстостенных сосудов, которые составляют около 59—60% от всей тарной посуды из слоев города VI — начала VIII в. В общей массе гончарных изделий указанного периода тарная керамика составляет около 12—13%, что говорит о высоком уровне гончарного ремесла и, в свою очередь, свидетельствует о значительном прогрессе в экономическом развитии средневекового города.

Тарная керамика периода VI — начала VIII в. представлена в основном четырьмя типами изделий: а) толстостенные (толщина стенок 2—4 см) сосуды с плоским дном и вытянутым слабовыпуклым туловом, расширяющимся в верхней части и переходящим непосредственно в прямой или несколько отклоненный внутрь венчик (без горловины) диаметром 40—60 см, несколько расширяющийся к краю, утолщенный наружу или прямой невыделенный; б) сосуды с округло-вытянутым, яйцевидным туловом со стенками средней толщины (до 1—1,5 см) и относительно невысокой конусовидной, слабо выделенной горловиной с утолщенным наружу венчиком подпрямоугольной или округлой формы диаметром 25—30 см, дно плоское, довольно небольшого диаметра; в) сосуды округло-вытянутой, яйцевидной формы с очень невысокой горловиной, несколько отклоненной у венчика наружу (иногда горловина почти отсутствует), и сильно утолщенным наружу венчиком диаметром 35—55 см, разнообразной формы; г) толстостенные сосуды с округлым, вздутым туловом и плоским венчиком диаметром 35—40 см, широко отогнутым прямо от плечиков сосуда, венчик, обычно подтреугольного или квадратного сечения, имеет плоский верхний край шириной до 5—7 см.

Тесто сосудов всех типов красное, красновато-коричневое, реже розово-красное с примесями рубленой соломы, иногда морского песка и толченой ракушки, очень редко шамота. Обжиг, как правило, качественный, хотя среди сосудов типов «а» и «г» иногда встречаются недообоженные экземпляры, тесто изделий этих типов также несколько грубее, с большим количеством

примесей, чем у керамики типов «б» и «в», что объясняется более крупными размерами и большей толщиной стенок, связанных с их различным назначением.

Керамика всех типов орнаментировалась налепными валиками с насечками, вдавливаниями и защипами, расположенными на плечиках, тулове, горловине сосудов и прикрывавшими обычно места соединения отдельных составных частей хумов.

Наряду с валиками применялся волнистый процарапанный и вдавленно-прочерченный орнамент в виде пяти- или семирядных прямых или волнистых полос. Отдельные сосуды орнаментировались светлым ангобным покрытием. На ряде тарных изделий были обнаружены клейма мастеров в виде квадратов, прямоугольников, овалов с перекрестьем внутри, наносившиеся на венчик, редко на тулово сосуда до обжига.

Анализ тарной керамики раннесредневекового Дербента показал, что она имеет значительное сходство с азиатскими хумами [8], тарными сосудами Кавказа [9] и Дагестана [10], широко распространенными на памятниках IV—VII вв.

Кухонная керамика. Кухонная посуда Дербента широко представлена среди керамических изделий города, относящихся к первому периоду его экономического развития. Основу ее составляют котлы, сковороды, горшки, количество фрагментов которых в слоях VI — начала VII в. доходит до 20% от общей массы керамической продукции.

Наиболее многочисленны в кухонной керамике котлы, которые, судя по находкам их фрагментов в слоях города этого времени, были одним из основных видов посуды для приготовления пищи. Значительное многообразие форм котлов и самые различные размеры их указывают на весьма широкий диапазон и разносторонний характер применения этих изделий в быту населения города. Подобное разнообразие форм этого вида кухонной посуды может свидетельствовать о широком ассортименте приготовляемой в них пищи, а наличие среди дербентских котлов экземпляров со сливами различных форм указывает на то, что в число изготовляемых в котлах блюд входили и жидкие кушанья. В отличие от большинства подобных раннесредневековых изделий Кавказа и многих районов Средней Азии дербентские котлы в основном сделаны с помощью гончарного круга, что служит показателем высокого уровня керамического производства города и указывает на их изготовление профессиональными ремесленниками. Это сближает их с котлами верхнего слоя Пенджикента (VII — начала VIII в.), с которыми дербентские котлы имеют много сходства в формах и приемах орнаментации.

Кухонная посуда в отличие от многих других видов керамических изделий должна отвечать целому ряду специальных требований, главными из которых являются ее высокая термостойкость и способность выдерживать резкие перепады температур. Исследования среднеазиатских керамических котлов показали,

что они обжигались при температуре 500° [11] и могли выдерживать температурные колебания до 200—300°.

Высокая термостойкость дербентских котлов обеспечивалась специальными составами глины, подбор которых был хорошо продуман гончарами и опирался на глубокие традиции, и формами кухонной посуды, наиболее оптимальными для температурных колебаний. Для предохранения котлов от трещин и деформации при большом нагревании и смене температур в тесто изделий добавляли большое количество отощителей. Характерной чертой дербентской кухонной керамики является использование в качестве отощителей толченой ракушки и морского песка. Наряду с толченой ракушкой и песком в тесте отдельных сосудов этого времени содержится кварц, использовавшийся также в качестве отощителя.

И кварц, и известковые включения широко применялись в кухонной керамике различных регионов [12], но в Дербенте, обладающем неисчерпаемыми запасами легкодоступных известковых отощителей, они использовались чаще всего, а изделия, содержащие в тесте кварц, надо связывать с наличием в культурных слоях города привозной керамики, в частности с проникновением ее сюда из районов Северного Кавказа и Прикаспия.

Несмотря на значительное многообразие дербентских раннесредневековых котлов, представляется возможным выделить три основные формы изделий: 1) округлые, несколько приплюснутые котлы с отклоненными внутрь стенками, образующими несколько западающее устье; 2) полусферические котлы, более раскрытого типа, с прямым или чуть отклоненным внутрь венчиком; 3) более вытянутые котлы со слабо выпуклыми боками и четко выраженным дном. У последнего типа котлов нижняя часть лепилась отдельно, видимо на шаблоне, а верхняя изготовлялась на гончарном круге. Основные отличия котлов заключались в формах венчиков и устья, в наличии сливов, а также в формах и способах крепления ручек-держалок.

По формам тулова, венчиков, ручек-держалок и сливам из всей массы обнаруженной кухонной керамики удалось выделить четыре основных вида изделий, в каждом из которых отмечено по несколько вариантов:

1) плоскодонные котлы с округлым туловом, широким устьем и массивными дугообразными ручками, крепящимися вертикально к верхней части тулова (этот тип имеет три варианта: а) котлы с валикообразным венчиком, несколько отклоненным внутрь, и небольшими дугообразными ручками, которые могут быть двух видов — дугообразные, круглого сечения или подковообразные, плотно прижатые к тулову, своего рода выступы; б) котлы с прямым, чуть расширенным венчиком и массивными дугообразными ручками; в) котлы с отклоненными внутрь стенками и утолщенным венчиком с плоским верхним краем, имеющим иногда желобок для плотного прилегания крышки);

2) округлые небольшие котлы с широким устьем и прямым невыделенным венчиком, в котором устроен слив (этот тип котлов имеет три варианта: а) котлы с желобообразным, сильно вытянутым сливом; б) котлы со сливом, устроенным за счет сжатия венчика с боков (типа энохои); в) котлы со сливом, устроенным за счет сильного отгиба утолщенного края венчика, по верху которого проходит желобок);

3) котлы с шаровидно-округлым туловом, уплощенным дном и утолщенным или невыделенным венчиком, к которому крепятся горизонтальные ручки-держалки полукруглой, трапециевидной, прямоугольной или овальной формы (здесь выделяются два варианта: а) котлы с сильно отклоненными внутрь венчиками, обычно у этого варианта ручки-держалки крепятся к верхней части тулова; б) котлы с прямым, как правило, расширенным в верхней части венчиком, к которому крепятся ручки-держалки, образующие с ним одну плоскость);

4) котлы с округлым приземистым туловом, небольшим уплощенным дном и сильно отогнутым наружу венчиком (венчик имеет четыре варианта формы: с широко отогнутым наружу горизонтальным краем; сильно утолщенный подквадратный; утолщенный подтреугольный; сильно утолщенный наружу валикообразный).

Почти все дербентские котлы довольно толстостенны; обычно толщина стенок достигает 0,4—0,8 см, реже 0,8—1,2 см, дна — 0,4—1 см. Они имеют темно-серое, темно-коричневое, реже бурое или темно-красное тесто с значительными примесями толченой ракушки и морского песка, а иногда и кварца. Орнаментация котлов проста или вообще отсутствует. В основном это насечки, витые ручки, иногда лощение, наиболее распространенным видом орнаментации являются прямые и волнистые многорядные, вдавленно-прочерченные линии, иногда врезные линии и насечки на ручках-держалках или округлые вдавления у основания дугообразных ручек.

Подобная орнаментация была широко распространена на передне- и среднеазиатской керамике этого времени и, в частности, на котлах раннесредневекового времени.

Дербентские котлы при всем их большом сходстве с аналогичной гончарной продукцией раннесредневековых памятников кавказского, переднеазиатского и среднеазиатского регионов отличаются значительным своеобразием форм и деталей отдельных вариантов этих изделий, что указывает на местное происхождение подобных форм и творческое переосмысление дербентскими гончарами достижений известных центров керамического производства.

Сопоставление основных типов котлов Дербента VI — начала VIII в. с подобной посудой других регионов показало, что значительные параллели им прослеживаются в основном в аналогичных кухонных изделиях раннесредневековых и средневековых памятников Кавказа [13] и Средней Азии [14].

Столовая посуда. В керамике раннесредневекового Дербента столовая посуда составляет самую многочисленную и разнообразную группу. От остальной керамики ее выделяет более высокое качество теста и обжига, изящество форм и развитая орнаментация. Посуда Дербента этого периода резко отличается от столовой керамики предшествующего времени по качеству теста и обжига, по количеству форм и орнаментации, приемам изготовления и технологическим особенностям. Однако в этом виде гончарной продукции в значительной степени отмечена и преемственность определенных керамических традиций предшествующей эпохи, которая более четко прослеживается в изделиях ранней группы из слоев города V — начала VI в. и почти исчезает в посуде VI—VII в., стоящей по своим признакам весьма близко к керамике Дербента средневекового периода. Но четкую грань между изделиями ранней и поздней групп сасанидского периода провести нельзя, так как основные гончарные традиции и технологические приемы керамистов-ремесленников города сасанидской поры были на этом этапе общие и развитие производства шло за счет углубления и закрепления достигнутых технологических успехов.

Керамику VI—VII вв. отличает большое разнообразие представленных форм и усложнение орнаментации изделий. Наряду с этим отмечена стандартизация сосудов, широкое распространение определенных, наиболее рациональных и приспособленных для массового изготовления типов кувшинов и чаш, значительное сокращение технологических приемов изготовления посуды, характерных для гончарного производства предшествующей эпохи (состав теста, обжиг, гончарный круг, приемы орнаментации), что надо связывать с окончательной победой новой технологии в гончарном ремесле города и его широкой ориентацией на массового потребителя.

В VII — начале VIII в. несколько ухудшается качество теста посуды, а порой и доброкачественность обжига. Наряду с красноглиняными и розовоглиняными сосудами встречаются изделия с коричневато-серым тестом, отмечены отдельные экземпляры с тестом плохо промешанным и довольно грубым. Подобные недообожженные и более низкокачественные изделия характерны для верхней части слоя, и мы связываем это явление с экономическим упадком города в период арабо-хазарских войн.

По назначению столовая посуда Дербента делится на пять групп: кувшины, чаши, горшки, бокалы, кубки.

Кувшины составляют самую многочисленную (более 40% от всей керамической посуды этого времени) и разнообразную группу дербентской посуды. Внушительное количество представленных здесь форм и приемов орнаментации, высокое качество изготовления и обжига изделий служат ярким свидетельством уровня развития керамического производства города в этот период, показателем высокого профессионального мастерства его керамистов.

В VI—начале VIII в. наибольшее распространение получили двенадцать типов кувшинов, из которых некоторые бытовали и на первом этапе сасанидского господства в Дербенте в V—начале VI в.: а) плоскодонные сосуды средних размеров (высотой 28—35 см) с вытянутым яйцевидным туловом и прямой высокой горловиной среднего диаметра (от 7 до 10 см), подчеркнутой по основанию тонким валиком или врезной линией, к верху горловины и плечикам кувшина крепится округлая или Г-образная массивная ручка (по формам венчика и способам крепления ручки здесь выделяются два варианта); б) крупные (высотой 35—50 см) плоскодонные сосуды с округлым туловом и высокой горловиной широкого диаметра (свыше 10 см), плавно расширяющейся к тулову и венчику кувшина; в) крупные (высотой 35—50 см) плоскодонные сосуды с округлым туловом и высокой, несколько конической, расширенной к основанию горловиной среднего или широкого диаметра (обычно 8—10 см или 10—13 см); г) крупные и средние (высотой 35—50 см, 20—30 см) плоскодонные сосуды с округлым вздутым туловом и расширенной кверху горловиной (диаметром 8—12 см) с энохоевидным сливом, образованным за счет сжатия венчика с двух сторон, к верху горловины и тулова крепится округлая массивная ручка; д) небольшие (высотой 15—25 см) плоскодонные сосуды с вытянутым или округлым туловом и высокой узкой (диаметром 3—6 см) горловиной, иногда воронкообразно расширяющейся в верхней части; е) плоскодонные кувшины с округлым несколько вздутым туловом и широкой, очень низкой (высотой 2—3 см) прямой горловиной в виде невысокого бортика, переходящего в невыделенный валик, диаметр горловины лишь немного меньше диаметра тулова, этот тип представлен весьма немногочисленным количеством изделий; ж) крупные кувшины с округлым, яйцевидным туловом и высокой, довольно широкой (диаметром 10— 12 см) цилиндрической горловиной с двухваликовым утолщенным наружу венчиком; з) плоскодонные кувшины с округлым туловом, невысокой широкой горловиной и сильно утолщенным наружу венчиком, этот тип нашел широкое распространение в раннесредневековой посуде Дербента; и) небольшие кувшинчики (высотой 13—18 см) типа «кринки» с округлым, несколько вздутым туловом, зауженным ко дну, и приподнятыми плечиками, от которых резко отходит чуть расширенная к основанию горловина (диаметром 8—10 см), этот тип представлен в керамике раннесредневекового Дербента довольно небольшим количеством изделий; к) небольшие кувшины с округлым шаровидным туловом и высокой, резко выделенной раструбовидной горловиной с невыделенным валиком, диаметром 7—10 см; л) большие сосуды (высотой 45—60 см) с относительно высокой цилиндрической или чуть конусовидной горловиной диаметром 9—12 см, к верхней части которой и к плечикам кувшина крепятся две массивные ручки (типа амфоры); м) большие сосуды (высотой 40—60 см) с округлым, несколько вздутым туловом и относительно широкой горловиной диаметром 8—10 см, чуть расширенной кверху, с зооморфно оформленным сливом, вариантом этого типа являются кувшины средних размеров с более стилизованным зооморфным сливом.

Представленное многообразие дербентских кувшинов VI—начала VIII в. служит ярким свидетельством развития керамического производства раннесредневекового города и его значительного прогресса по сравнению с предшествующей эпохой.

Некоторые типы сосудов были распространены и на ранних этапах сасанидского господства в Дербенте и широко представлены среди кувшинов V—начала VI в. (типы «а—д», «к»). Одни из них получили дальнейшее развитие в следующий период (типы «а» и «д»), другие почти исчезли из употребления в это время, и находки их единичны (типы «б», «к»). Тип «б» представлен очень небольшим количеством фрагментов и в слоях V—начала VI в., а в слоях VI—начала VIII в. обнаружено всего три фрагмента подобных кувшинов. Тесто этих сосудов светло-желтого и светло-коричневатого цвета отличается от основной массы красноглиняной посуды Дербента, имеющей розоватый, красный, темно-красный оттенки. Отличается оно и от коричневатого теста местной керамики албанского времени, в котором обычно имеются значительные примеси шамота. Снаружи кувшины этого типа иногда покрыты лощением невысокого качества. Пока трудно достаточно обоснованно судить о происхождении этих кувшинов, но значительное сходство их с аналогичными изделиями памятников первого тысячелетия нашей эры нижнего и среднего течения Сырдарьи позволяет думать о возможности проникновения подобной посуды из Средней Азии вследствие культурных взаимовлияний или прямых контактов между данными регионами, в ходе которых мог использоваться и кратчайший морской путь через Каспий, существовавший, по мнению В. В. Бартольда, еще «в дохристианское время».

Изучение кувшинов Дербента из слоя VI—начала VIII в. показало, что в этот период в раннесредневековом городе бытовали сосуды, в формах и приемах орнаментации которых отчетливо ощущается влияние крупнейших ближневосточных и среднеазиатских керамических центров (типы «а», «б», «д», «ж», «з»), а также определенное воздействие гончарных традиций Северного Причерноморья и Средиземноморья (амфоровидный тип «д»). Однако наряду с подобными формами кувшинов здесь представлены сосуды, в формах которых отчетливо прослеживается преемственность наиболее распространенных типов подобной керамики предшествующих эпох и влияние местных керамических традиций. Так, можно отметить, что сосуды с энохоевидным сливом на венчике, образованным за счет сжатия его с двух сторон (тип «г»), являются одним из наиболее распространенных типов кувшинов Кавказской Албании и широко представлены в керамических материалах албанской и предшествующей эпох памятников Азербайджана [15] и Дагестана [16], в том

числе и в Дербенте [17]. Другие типы, например «в» и «к», также были широко распространены в гончарной посуде памятников Дагестана албано-сарматского времени [18].

Чаши. В раннесредневековой керамике Дербента значительная часть столовой посуды представлена чашами различных форм и размеров, составляющими около 15% от всей массы гончарных изделий, относящихся к VI — началу VIII в.

По форме здесь выделяются пять типов подобной керамики: а) плоскодонные средних размеров (диаметр венчика до 15 см) чаши округлой формы с слабовыпуклыми, иногда почти прямыми стенками и невыделенным, заостренным вверх венчиком (вариантом этого типа являются чаши на плоском поддоне, иногда с выступающими закраинами); б) плоскодонные небольшие (диаметр венчика до 10 см) чаши (обычно весьма невысокие) округлой формы с замкнутым внутрь венчиком (по форме венчика здесь выделяются два варианта: чаши с невыделенным венчиком; чаши с утолщенным венчиком каплевидной формы); в) большие (диаметр венчика до 25—30 см) плоскодонные чаши с прямыми, резко расходящимися от дна стенками и сильно утолщенным наружу широким венчиком (по форме венчика здесь выделяются два варианта чаш: чаши с широким валикообразным венчиком; чаши с широким, заостренным вниз (клювовидным) венчиком); г) глубокие плоскодонные чаши диаметром до 25— 30 см, округлой формы, с утолщенным наружу широким венчиком, несколько отклоненным внутрь; д) плоскодонные чаши со слабовыпуклыми стенками и сильно отклоненным внутрь, с перегибом, венчиком (по форме венчика выделяются два варианта чаш). Чаши первого и второго типов (типы «а» и «б») шире представлены в слоях города V — начала VI в., а в указанный период, хотя формы их и получают некоторое развитие, количество их значительно сокращается, особенно это касается изделий типа «б».

Чаши первого типа несколько отличны от второго. В первом случае они имеют тесто весьма высокого качества, красного или розового (иногда светло-розового) цвета и хороший, равномерный обжиг, а во втором — тесто коричневого, темно-коричневого, реже розового цвета, хорошего качества и тонкой отмучки, но здесь нередко встречаются и лощеные экземпляры. Все они сделаны на гончарном круге. Чаши типов «а» и «б», характерные и для ранней группы посуды Дербента V — начала VI в., имеют большое сходство в формах с аналогичными изделиями предшествующего периода, однако чаши первого типа более тяготеют к посуде памятников античного времени, точнее, первой половины I тысячелетия н. э. Закавказья [19], Средней Азии [20], а также к краснолаковой посуде областей, где так или иначе ощущалось влияние средиземноморской античной культуры [21], а чаши второго типа находят большие параллели в посуде северных районов Дагестана [22].

Чаши комплекса VI — начала VIII в. отличаются от подобной посуды раннего этапа сасанидского господства в Дербенте (V — начала VI в.) большим разнообразием форм, в котором ощущается синтез передневосточного и среднеазиатского влияний с местными кавказско-дагестанскими керамическими традициями. Характерной особенностью чаш этого времени является появление большого числа толстостенных изделий, что свидетельствует о разнообразии их назначения. Значительно увеличивается и общее количество чаш, но здесь, как и в изготовлении кувшинов, наблюдается некоторое огрубение качества изделий, определенная стандартизация в их изготовлении и орнаментации, ухудшение обжига отдельных экземпляров. Около половины представленных экземпляров принадлежат фрагментам толстостенных чаш. Все это было связано с дальнейшим развитием керамического производства, более массовым изготовлением керамической продукции, рассчитанной на широкого потребителя, более разнообразным ее назначением. Ухудшение качества немногочисленных чаш из верхней части слоя, несомненно, надо связывать с временным экономическим упадком Дербента (в том числе и керамического производства) в период арабо-хазарских войн за обладание городом. В верхней части слоя количество чаш вообще очень незначительно и иногда встречаются фрагменты сероглиняных изделий, более типичных для северных районов Дагестана и Кавказа, что, видимо, было связано с эпизодическими пребываниями здесь хазарских войск.

Анализ столовой посуды VI — начала VIII в. показал, что она является продукцией высокоразвитого ремесленного производства и выполнена гончарами-профессионалами, основные навыки и керамические традиции которых складывались в тесном культурном и экономическом взаимовлиянии с ремесленными центрами сопредельных областей, с учетом лучших достижений местных гончаров предшествующей эпохи. Эти связи и взаимовлияния четко прослеживаются в тех широких аналогиях и значительном сходстве, которые обнаруживают кувшины Дербента с подобной керамикой раннесредневековых памятников Кавказа [23], Средней Азии [24] и Дагестана [25].

Исследования остатков гончарных печей, обнаруженных в верхней части города, на дербентском холме к югу от цитадели [26], позволяют говорить, что в этот период в Дербенте использовались круглые печи. Плохая сохранность печей не позволяет достаточно обоснованно говорить о их конструкции, но, судя по всему, они были двухъярусные, с топкой в нижнем отделении и обжигательной камерой в верхнем. На раннем этапе экономического развития Дербента в V — начале VI в. наблюдается определенная концентрация гончарного производства на вершине холма, к югу от цитадели. Здесь были выявлены водоводы из керамических труб, связанных с печами, снабжавшие, видимо, гончаров водой. Вода в город во все периоды его существования (вплоть до сегодняшнего дня) подавалась по водоводам из родников, находящихся на склонах Джалганского хребта, что, видимо, сыграло определенную роль в концентрации

гончарных печей на вершине холма, ближе к источнику, так как на первом этапе сасанидского господства в V — начале VI в. Дербент еще не имел той развитой системы водоснабжения с крупными общественными водохранилищами в самом шахристане, которая свойственна была городу в средневековое время. Находки керамических шлаков, предметов печного припаса, полок и штырей для обжига посуды, а также бракованных изделий в слое VI — начала VIII в. в верхней части межстенной территории города позволяют говорить, что широкое развитие гончарного производства в данный период происходило уже на территории выделившегося между стен Дербента шахристана. Видимо, этому способствовало и развитие системы водоснабжения города при Хосрове Ануширване.

Исследования показали, что город в раннесредневековый период превратился в значительный и своеобразный керамический центр, где соприкоснулись и в тесном взаимодействии развивались наиболее передовые в то время керамические традиции известных ремесленных центров Переднего и Среднего Востока, Закавказья и местных гончаров, опиравшихся на большой опыт предшествующих эпох. Дербент в силу специфики своего развития был втянут в сферу экономического и культурного влияния огромного Сасанидского государства и оказал, в свою очередь, большое воздействие на сложение традиций керамического производства многих областей Восточного и Северо-Восточного Кавказа.

Период VIII—X вв.

В VIII—X вв. отмечаются большие изменения в развитии керамического ремесла VIII—X вв. В этот период не только происходит улучшение качества выпускаемых изделий, состава их теста и обжига, увеличение производства продукции гончарного ремесла, но и осваиваются новые виды изделий, расширяется сфера их применения, значительно возрастает ассортимент и многообразие посуды, появляются совершенно новые приемы орнаментации Наиболее значительным новшеством в производстве керамики было появление поливных изделий. Массовое производство поливной посуды открыло новый период в развитии гончарного ремесла, потребовало новой технологии изготовления керамической продукции, соответственной сырьевой базы и орудий производства, более высокого уровня мастерства ремесленника. На этом этапе керамическое производство становится одним из наиболее массовых и доступных видов прикладного искусства, в котором нашло отражение повседневное творчество мастеров-керамистов, создававших нередко высокохудожественные произведения, сочетающих простоту и четкость форм с разнообразнейшей цветовой гаммой и прекрасной росписью или резьбой. Поливная керамика значительно больше других видов гончарных изделий дает представление о социальном неравенстве

населения города и уровне имущественной дифференциации, так как здесь значительно четче, чем в других материалах, ощущается парадность посуды, сделанной для богатого потребления, и скромность монохромных изделий массового пользования.

Средневековая керамика Дагестана долгое время не служила предметом специального исследования, а поливные изделия вообще не изучались. Классификация и хронология их до нас не разрабатывались. Объем данной работы не позволяет остановиться на подробном анализе поливной и неполивной керамики Дербента VIII—XIII вв., типологии и подробной классификации, которой посвящены специальные исследования автора [27].

Всю керамическую посуду средневекового Дербента можно разбить на две большие группы: неполивную — более многочисленную (около 70% от общего количества гончарной посуды города VIII—X вв.), но менее разнообразную в плане орнаментально-художественном и поливную (около 30% от общей массы керамики города этого периода), весьма разнообразную по цветовой гамме и орнаментальным мотивам.

Неполивная керамика

С появлением в гончарном производстве разнообразных глазурей неполивная керамика как бы отступает на второй план. В орнаментации неполивной посуды значительно труднее было достигнуть ощутимого прогресса, хотя она по-прежнему оставалась незаменимой в быту. Дальнейшее развитие тарной, кухонной, некоторых видов столовой и специальной посуды базировалось на уже известных керамических традициях сасанидского времени. Значительный прогресс, достигнутый в VIII—X вв. в развитии этого направления керамического производства, был связан не только с увеличением выпуска разнообразной посуды, но и с резко возросшей потребностью в других видах гончарной продукции. Бурный рост и развитие города повлекли за собой резкое увеличение производства керамических труб водоводов, жженого кирпича, керамической черепицы, тандыров и других специальных изделий из глины.

Неполивная керамика составляет большую часть гончарных изделий города, полученных в результате раскопок в слоях VIII—X вв. Вместе с поливной посудой она служит важным показателем развития производительных сил, специализации гончарного ремесла, уровня его развития, культурных и экономических связей города с сопредельными областями.

По назначению здесь можно выделить тарные, кухонные, столовые и специальные изделия.

Тарные сосуды, составляющие около 20% от всего количества неполивной посуды, представлены в керамике Дербента большемерными, толстостенными изделиями, предназначенными для хранения различных сыпучих продуктов, воды и строительных материалов (известковый раствор). Сосуды аналогичного назна-

чения широко были распространены в средневековых городах Закавказья [28], Средней Азии [29], Северного Причерноморья [30].

Наиболее характерными для дербентской тарной посуды этого периода являются два типа: а) очень большие сосуды, высотой до 1,5—1,6 м, с массивным округлым яйцевидным туловом и невысокой цилиндрической горловиной с сильно утолщенным наружу широким прямоугольным венчиком; б) большие толстостенные сосуды с округлым вздутым туловом без горловины и широким, сильно утолщенным венчиком с плоским верхним краем, до 5—7 см.

Тесто сосудов красное, темно-красное, розовое, реже коричневое, примесей мало, обжиг довольно хороший, но встречаются недообожженные экземпляры. Подобные изделия, встреченные в слоях VIII — первой половины IX в., нередко покрывались снаружи белым ангобом.

В орнаментации изделий, особенно типа «а», преобладают толстые налепные валики с защипами и вдавлениями, насечки и проколы. Тарные сосуды использовались не только для хранения продуктов и воды, но и для других хозяйственных нужд, в том числе они широко применялись в строительстве для хранения (или выдерживания) известкового раствора.

Кухонная посуда. Многочисленная кухонная посуда, составляющая около 20% от общей массы неполивной керамики, представлена в основном двумя видами керамических изделий: многочисленными котлами, отличающимися значительным разнообразием форм, и довольно однотипными крышками, использовавшимися в большинстве своем для котлов, но применявшимися и для накрывания тарных сосудов.

Котлы. Керамические котлы в этот период являлись основным видом кухонной посуды, использовавшейся для приготовления пищи. Ввиду своей практичности, относительной дешевизны и простоты изготовления этот вид кухонной посуды нашел широкое распространение среди самых различных слоев населения средневекового города и являлся одним из массовых видов керамических изделий, обнаруженных в различных исследуемых частях города.

В средневековый период этот вид керамики широко использовался в быту населением территорий Кавказа [31], Переднего и Среднего Востока [32], но исследованию и классификации керамических котлов Кавказа пока посвящено еще очень мало специальных работ [33], и в этом плане анализ кухонной посуды средневекового Дербента представляет значительный интерес.

Исследования котлов периода VIII—X вв. показали, что по сравнению с аналогичными изделиями VI — начала VIII в. они отличаются более высокой жаростойкостью, которая достигалась за счет увеличения в тесте отощительных примесей и усовершенствования форм сосудов. В тесте котлов VIII—X вв. значительно больше мелкотолченой ракушки и морского песка, чем в изделиях предшествующего периода, и в ряде типов они отличаются меньшей толщиной стенок. Изучение термостойкости средневековых котлов Средней Азии показало, что толщина стенок изделия допускается в пределах 0,4—0,7 см, а дна — 0,4—0,8 см [34]. В этом плане дербентские средневековые котлы отвечают выявленным требованиям, и толщина их стенок колеблется в среднем в пределах 0,4—1 см. Большое значение в повышении жаростойкости котла и способности переносить резкие температурные колебания в пределах 200—300° имеет его форма, которая должна по возможности отличаться более плавными закруглениями большого радиуса, некоторым утолщением стенок котла в верхней части [35], что и отмечено на большинстве типов подобных изделий Дербента.

Вероятно, котлы города VIII—X вв. имели весьма разнообразное назначение, что повлияло на их форму, состав теста и обжиг. Четко выделяются две группы котлов, отличающиеся по технологии обжига. Первая группа отличается темно-серым или черным тестом с большим количеством примеси отощителя, а вторая группа — темно-красным, коричневым, темно-коричневым тестом и несколько меньшим включением в состав теста толченой ракушки и песка. Котлы с тестом темно-серого и черного цвета в основном шаровидных или округло-вытянутых форм, а формы красноглиняных котлов более разнообразны. Хронологически они сосуществуют. По хронологии, стратиграфии и сопутствующему материалу, а также аналогиям с изделиями сопредельных областей дербентские котлы этого времени удалось разделить на две группы, датируемые соответственно VIII— IX вв. и концом IX — началом XI в.

Крышки. Большое количество обнаруженных при раскопках керамических крышек, служивших для покрытия котлов, горшков, крупных хозяйственных сосудов, тондыров и других изделий, позволило выделить их в особую группу хозяйственной керамики. В основной массе своей все обнаруженные в слоях Дербента крышки однотипны и имеют уплощенно-дисковидную форму с невысоким, отогнутым вверх бортиком по краю и круглую цилиндрическую ручку с расширенной шляпкой на конце. Выделить по форме типы или варианты этих изделий нет возможности. При этом следует отметить, что и хронологический диапазон их бытования велик: они были распространены в обиходе самых широких слоев населения средневекового города и встречаются как в слоях VI—VII вв., так и в слоях XII—XIII вв. Наибольшее распространение крышек, однако, приходится на период VIII—X вв., и в слоях этого времени было обнаружено около 60% всех выявленных изделий. Среди керамических материалов VI—VII вв. находки подобных крышек относительно немногочисленны.

Однако при полной однотипности формы керамические крышки Дербента весьма разнообразны по размерам, и по этому признаку можно выделить три группы подобной керамики: небольшие изделия, диаметром до 16 см; изделия средних

размеров, диаметром 20—26 см; крупные изделия, диаметром до 40—50 см.

Небольшие крышки были предназначены для покрытия маленьких мини-котлов, отмеченных в слоях этого времени, и горшков хозяйственного назначения. Однако большинство обнаруженных изделий имеет следы копоти, что указывает на их кухонное назначение. Тесто довольно хорошего качества, красного, розового или светло-коричневого цвета. Ручки у этих крышек расположены в центре изделия и имеют грибовидную форму с сильно расширенной верхней частью, на торце которой имеется округлое углубление, иногда встречаются ручки строго цилиндрической формы.

Крышки средних размеров, как правило, употреблялись для покрытия котлов, они имели довольно массивную цилиндрическую ручку, несколько расширенную кверху, в большинстве случаев со сквозным отверстием посредине для выхода пара. Толщина крышек от 1 до 2 см, тесто весьма грубое, с примесью соломы, черепок красного, темно-красного или розового цвета, обжиг хороший.

Большие массивные крышки не столь многочисленны, как первые два варианта, что, видимо, было связано с определенной трудностью их производства. Толщина их 2—2,5 см, тесто грубое, с небольшой примесью толченой ракушки и соломы, черепок красного и темно-красного цвета, обжиг равномерный. Подобные крышки применялись для покрытия тондыров и крупных тарных сосудов.

Все выявленные в Дербенте крышки сделаны на гончарном круге и орнаментированы по поверхности и краю бортика. Обязательной деталью орнаментального мотива крышек являлись глубокие врезные прямые и волнистые линии, бортик украшался защипами, придающими ему волнистую поверхность. Реже применялись вдавления и проколы. Иногда строго цилиндрические ручки небольших крышек украшались насечками и врезным орнаментом в виде «сегнерова колеса».

Орнаментация керамических крышек в средневековом Дербенте не получила столь широкого развития, как на крышках памятников Закавказья и Средней Азии.

В керамике Пайкенда[36], Нисы[37], Замахшара[38] уже в IX—XI вв. наряду с простыми встречаются сложно орнаментированные крышки. Подобное же явление отмечено для Орен-калы[39], Карабулака[40], Двина[41] в XI—XIII вв. В Дербенте этого усложнения орнамента не наблюдается, хотя многочисленность представленных здесь крышек и внушительные размеры наиболее крупных из них, не имеющих аналогий на других памятниках, говорят о высоком уровне их производства в городе средневековой поры. Видимо, простота орнаментации дербентских крышек была связана с массовостью их выпуска и определенной стандартизацией изготовления, опиравшейся на сложившиеся традиции. Находки в слоях Дербента очень высококачественных крышек с росписью

и благопожелательными надписями на арабском языке позволяют думать, что орнаментация более парадных изделий такого рода могла идти не по пути нанесения штампованного орнамента, как это делалось на богато орнаментированных крышках памятников других областей, а за счет высококачественной росписи.

Столовая посуда. Неполивная столовая посуда представлена в основном кувшинами, чашами и горшками самых разнообразных форм и размеров. Появление поливной керамики значительно уменьшило употребление в качестве столовой посуды неполивных изделий, но, несмотря на это, большая часть кувшинов и толстостенных чаш крупных размеров поливой не покрывалась. Это было, видимо, связано с конкретным бытовым назначением каждого вида керамики, с большей трудоемкостью изготовления поливной посуды, а также с определенными сложившимися традициями в этом виде ремесла.

Кувшины составляют самую многочисленную и разнообразную группу столовой неполивной посуды, общее количество изделий которой достигает 40% от всей массы неполивной керамики VIII—X вв. Хронологически здесь выделяются две группы: ранняя, относящаяся к VIII — началу IX в. и поздняя — IX—X вв.

Ранняя группа представлена сосудами, часть которых в определенной мере повторяет формы изделий местного керамического производства Дербента досасанидского времени и некоторые типы кувшинов первого периода развития Дербента в VI — начале VIII в. Здесь выделяются пять типов изделий. Некоторые из них имеют определенные варианты:

а) кувшины средних размеров с округлым вытянутым туловом, плавно переходящим в относительно невысокую горловину диаметром 7—10 см, чуть расширенную к венчику (по форме венчика выделяются три варианта);

б) большие кувшины с округлым, вытянутым туловом и прямой или несколько расширенной к венчику горловиной, на котором иногда за счет сжатия с боков устроен слив (выделяются варианты без слива и со сливом);

в) средних размеров кувшины с округлым, несколько вытянутым туловом и прямой цилиндрической горловиной диаметром 7—11 см, к невыделенному венчику которой и к плечикам сосуда крепится округлая ручка;

г) небольшие кувшинчики с округлым туловом и широкой раструбовидной горловиной, резко выделенной от тулова;

д) небольшие плоскодонные кувшинчики с слегка вытянутым туловом и неширокой горловиной, плавно расширяющейся к тулову и венчику. Тесто кувшинов светло-коричневое, коричневое, темно-красное, красное, хорошего качества, особенно у изделий типа «а» и «в», обжиг равномерный. Наиболее многочисленны в этой группе кувшины типов «а» и «в», которые представлены изделиями с высококачественным тестом, светло-коричневатого, коричневатого или красного цвета. Нередко сосуды типа «а»

покрыты светлым или серо-коричневатым ангобом, особенно характерным для типа «а» и имитирующим, видимо, металлические изделия. Кувшины типа «в» покрывались полосчатым вертикальным или горизонтальным лощением, которое использовано в орнаментации примерно третьей части подобных сосудов. Небольшие кувшинчики типов «г» и «д» не получили большого распространения, и находки их малочисленны. В форме и орнаментации этих изделий, покрытых зачастую бордовым, темно-красным или светлым ангобом, отчетливо прослеживаются досасанидские, местные керамические традиции, хотя тесто их резко отличается от более грубого с примесью шамота теста местной керамики Дербента и памятников Прикаспийского Дагестана албанского времени. Определенное возрождение местных, досасанидских традиций отмечается и в формах некоторых кувшинов типа «б», подобные сосуды со сдавленным сливом широко бытовали в посуде памятников Дагестана и Азербайджана албанского времени[42]. Пока трудно сказать, чем был вызван определенный возврат к местным керамическим традициям, характеризовавшийся появлением в посуде этого времени кувшинов, похожих по форме на керамические изделия Дербента досасанидского периода и орнаментированных в ряде случаев светлым или бордовым ангобом, широко применявшимся в гончарном производстве Дагестана албанского и раннесредневекового времени. Возможно, это было связано с значительным пополнением населения города за счет жителей соседних городов и селений, разрушенных в результате ожесточенных арабо-хазарских войн, затронувших прежде всего территории Прикаспийского Дагестана.

Поздняя группа кувшинов значительно многочисленней ранней и представлена более унифицированными изделиями трех типов:

а) кувшины в основном средних размеров с округлым, сильно вытянутым туловом, плавно переходящим в высокую (7—10 см) прямую горловину с невыделенным венчиком диаметром 7—11 см, к краю которого и к плечикам сосуда крепится массивная округлая или Г-образная ручка, возвышающаяся над ним;

б) кувшины с округлым яйцевидным туловом и невысокой подчеркнутой горловиной диаметром около 6—7 см, к верху которой и к тулову крепится округлая ручка;

в) кувшины больших и средних размеров с округлым яйцевидным туловом и относительно узкой высокой горловиной, расширенной к венчику, которому с помощью специального слива и боковых налепов придан зооморфный вид, ручка крепилась к центру горловины и верху тулова.

Кувшины орнаментированы в большинстве случаев вертикальными или горизонтальными полосами лощения, местами переходящими в сплошное, иногда покрыты светлым ангобом. В отдельных случаях ручка горловины или ребро венчика сосуда орнаментировались насечками, а у кувшинов типа «в» — фигурными вдавлениями и налепами. Тесто сосудов темно-красного,

красного, розового цвета, довольно высокого качества, без грубых примесей, обжиг равномерный.

Кувшины типа «а» и «б» находят себе широкие аналогии среди средневековой посуды памятников Закавказья[43] и Средней Азии[44] IX—X вв., а сосуды типа «в» были более типичны для подобных изделий Дербента доарабской поры и средневекового Дагестана домонгольского времени[45]. Аналогичные по форме кувшины известны в материалах Двина[46] и Орен-калы[47], где они датируются в пределах IX—X вв.

Чаши. Этот вид столовой посуды представлен в керамике Дербента в значительно меньшем количестве, чем кувшины, и составляет всего 7—8% от общего числа неполивных изделий VIII—X вв. Широкое освоение поливной посуды второго периода развития Дербента сильно сказалось на степени распространения неполивных чаш в быту. Они в значительной степени уступили место более красивым и практичным поливным изделиям, поверхность которых не пропускала жидкость и имела нарядный вид. Этим объясняется весьма небольшое разнообразие форм и орнаментации неполивных чаш, практически не претерпевших изменения на протяжении всего периода.

Здесь выделяются три типа чаш, первый из которых получил широкое распространение еще в VI — начале VIII в.:

а) глубокие плоскодонные чаши с прямыми, резко расходящимися от дна стенками и сильно утолщенным наружу широким валикообразным венчиком, все изделия толстостенны, основное отличие от более ранних экземпляров в утолщении венчика и более овальной его форме, подчеркнутой по основанию;

б) чаши полусферической формы на низкой кольцевой ножке или плоском поддоне с прямым невыделенным или немного утолщенным венчиком, иногда срезаны наискось внутрь;

в) чаши с прямыми или слегка округлыми в верхней части стенками, резко расходящимися от плоского поддона, и с сильно отклоненным внутрь невыделенным венчиком;

Чаши первого типа в основной массе своей больших размеров, диаметр их достигает 32—40 см, но встречаются экземпляры диаметром венчика до 60 см. Подобные изделия, видимо, использовались для замеса теста и других хозяйственных нужд и аналогичны по своему назначению среднеазиатским «тагара». Этот тип чаш самый распространенный в неполивной посуде VIII—X вв., а в определенной степени бытует и позднее.

Чаши типа «б» нашли меньшее распространение в керамике второго периода развития Дербента и к X в. почти полностью вышли из употребления в неполивной посуде средневекового города. Это было связано с развитием аналогичных по форме и назначению поливных изделий, которые полностью вытеснили этот вид неполивной столовой посуды. В VIII—X вв. чаши полусферической формы были одним из основных видов поливной керамики и гончары, видимо, перестали выпускать их в неполивном варианте, который не мог

конкурировать с поливными изделиями ни по красоте, ни по практичности.

Чаши типа «в» также характерны лишь для ранних неполивных изделий второго периода развития Дербента и уже со второй половины IX в. практически не встречаются в посуде города, что было связано с широким распространением поливных изделий подобного назначения.

Чаши типа «а» широко бытовали в средневековый период и известны в неполивной посуде памятников Закавказья [48] и Средней Азии [49] VIII—XI вв. Чаши, аналогичные изделиям типа «б», находят себе самые близкие аналогии в неполивной керамике Орен-калы [50], где они, как и в Дербенте, бытовали в период, предшествовавший появлению поливных изделий и на ранней стадии их распространения, а позднее исчезают [51].

Чаши типа «в» наиболее близки по формам к аналогичным изделиям памятников Дагестана албанского времени [52], что указывает на определенное переживание традиций и их использование в раннесредневековый период.

Горшки составляют довольно немногочисленную группу неполивной посуды Дербента VIII—X вв., в количественном отношении не превышающую 2% от общей массы неполивной керамики. Хронологически здесь выделяются две группы изделий: ранняя, относящаяся к VIII — началу IX в. и поздняя, датируемая IX—X вв.

Ранняя группа представлена двумя типами изделий, первый из которых наиболее характерен для периода VII — начала IX в., а второй был шире распространен в керамике Дербента VI — начала VIII в.:

а) небольшие плоскодонные горшочки кружечного типа с округлым туловом и широким устьем с несколько утолщенным венчиком, к верхнему краю которого и к тулову крепится массивная округлая ручка, возвышающаяся над венчиком;

б) небольшие округлые плоскодонные горшки с прямой невысокой горловиной и чуть заостренным вверх венчиком.

Тесто изделий коричневато-красное, темно-красное, хорошего качества и равномерного обжига. В орнаментации изделий иногда применяются врезные или вдавленно-прочерченные многорядные линии.

Ранняя группа горшков Дербента VIII—X вв. во многом аналогична подобным керамическим изделиям средневековых памятников Дагестана [53], Азербайджана [54], а также многих районов Таджикистана [55], Хорезма [56], Южного Казахстана [57], Ферганы [58] и других районов Средней Азии.

Поздняя группа представлена более многочисленными, но однотипными сосудами. Это небольшие и средних размеров плоскодонные горшки с округлым приземистым туловом и прямой широкой горловиной с несколько утолщенным наружу валикообразным венчиком. Тесто сосудов хорошего качества, светло-коричневого, палевого, темно-красного цвета, обжиг равномерный. В ряде случаев горшки покрывались орнаментом в виде горизонтальных полос лощения, местами переходящих в сплошное. Обычно лощению подвергались изделия со светло-коричневым и темно-красным тестом.

Подобные горшки, называемые «допу», широко встречаются в керамике памятников Азербайджана IX—XI вв.[59] Характерен подобный вид изделий и для гончарной посуды памятников Средней Азии [60] этого времени, хотя типичная для дербентских горшков орнаментация на них отсутствует.

Поливная керамика

Начало освоения поливы в гончарном производстве Кавказа и Средней Азии большинство исследователей относят к VIII в., а точнее, к его второй половине. Распространение поливных изделий было связано с усилением экономических и культурных связей многих областей Средней Азии и Кавказа с крупнейшими ближневосточными ремесленными центрами, такими, как Рей, Самарра, Багдад, где производство поливной керамики опиралось на древние традиции Месопотамии. Быстрое развитие производства высококачественной поливной керамики и широкое распространение ее в короткий срок на обширных территориях Средней Азии и Кавказа было, скорее всего, связано, как это справедливо отмечалось О. Г. Большаковым [61], с заимствованием уже сложившегося процесса изготовления поливных керамических изделий, и наиболее вероятным местом заимствования были Ирак и Сузиана, где производство подобной продукции не прекращалось с парфянского времени [62].

Вопрос о времени появления поливных изделий в керамическом производстве Кавказа и Средней Азии, регионов, где изготовление поливной посуды было освоено раньше других райнов нашей страны, до настоящего времени остается дискуссионным в исторической литературе.

Ряд исследователей пытаются отнести начало производства поливной керамики на Кавказе и в Средней Азии еще к античному времени [63] с дальнейшим вторичным возрождением ее изготовления на местной основе в VII — начале VIII в. Однако исследования показали, что пока не известно ни одного достоверного случая изготовления или употребления поливной керамики на памятниках Средней Азии и Кавказа в VII — первой половине VIII в.[64] Даже в таком известном политическом и экономическом центре, как Самарканд, первые попытки ее производства относятся к середине VIII в.[65], а в других областях Средней Азии она стала изготовляться позднее.

В Азербайджане наиболее раннее, достоверно датированное монетами появление поливных изделий относится к концу VIII — началу IX в.[66], но пока подобная дата зафиксирована лишь в Кабале, а для других многочисленных памятников этот период начинается с IX в.[67] Появление поливной керамики в Армении

отдельные исследователи относят к VII—IX вв.[68], но столь растянутая хронология не встретила поддержки у специалистов[69].

Появление поливной керамики в Дербенте относится к первой половине VIII в.[70] Наиболее четко этот хронологический рубеж зафиксирован при раскопках богатого здания VIII—XIII вв., расположенного в привилегированной части шахристана средневекового города[71]. Уже на первом из четырех этапов обживания этой территории, датируемом в основном первой половиной VIII в., здесь обнаружена поливная посуда трех видов, четко отделенная от других комплексов уровнями известковых полов. Первые два типа посуды, довольно простые в изготовлении и отличающиеся весьма невысоким качеством, в особенности изделия с темно-зеленой глухой поливой, даже не дающей глянцевой поверхности, нанесенной по толстому слою белого ангоба. Они могут быть признаны продукцией местного гончарного производства города. Находки посуды с подобной поливой хотя и не являются массовыми, но довольно многочисленны. В этот период она отмечена в слоях VIII в. как в цитадели города, так и в шахристане, причем формы и состав теста ее полностью аналогичны основной массе дербентской посуды этого времени. Изделия с поливой третьего типа выделяются, прежде всего, значительно более высоким качеством глазури, составом теста и своей малочисленностью. Они, вероятно, составляют небольшую группу импортной поливной керамики, привезенной сюда, видимо, из ближневосточных центров, о чем свидетельствуют и места обнаружения подобных изделий — богатое здание в привилегированной части шахристана и дворцовый комплекс в цитадели города.

Столь раннее распространение поливной керамики в Дербенте надо, вероятно, связывать с тесными контактами города уже в первой половине VIII в. с многими областями Переднего Востока, прежде всего с Ираком и Сирией, известными центрами производства глазурованных изделий, выходцы из которых в первой половине VIII в., согласно данным письменных источников, значительно пополнили состав населения Дербента.

Начало широкого производства поливной керамики в Дербенте отмечало новый важный этап в экономическом развитии города, в процессе дальнейшего становления гончарного ремесла — одной из основных отраслей средневекового ремесленного производства. Техническая база для изготовления поливной продукции в Дербенте в определенной степени была подготовлена еще в первый период экономического развития средневекового города зародившимися традициями стеклоделия. Быстрое освоение изготовления поливной керамики было связано с широким заимствованием местными гончарами известных ближневосточных традиций, ставших доступными дербентским ремесленникам благодаря исторически сложившимся тесным связям города с этими областями, и наличием здесь сырьевой базы для производства поливы[72]. Большую роль в этом сыграл и высокий уровень гончарного производства, достигнутый средневековым городом

уже в первый период его развития. Опираясь в определенной степени на разработанную исследователями классификацию поливной керамики Закавказья[73] и особенно средневекового Байлакана[74], можно выделить среди изделий VIII—X вв. девять групп глазурованной посуды, в основу определения каждой из которых была положена типологическая и историко-художественная классификация этого периода[75].

Хронологически вся поливная посуда этого периода разделена на две неравные группы: относительно малочисленную раннюю, относящуюся к середине VIII—началу IX в., и многочисленную позднюю, датируемую IX—X вв.[76]

Ранняя поливная керамика Дербента представлена тремя относительно малочисленными группами, из которых две первые составляют ее основную часть, а третья известна лишь по единичным экземплярам.

Группа 1. Керамика с монохромной зеленой непрозрачной поливой, нанесенной по слою белого ангоба.

Группа 2. Полихромная керамика, покрытая чуть желтоватой, немного мутной прозрачной поливой, нанесенной по слою светлого или желтовато-белого с серым оттенком ангоба, орнаментированного темно-зеленой, темно-коричневой (с фиолетовым оттенком) и буровато-желтой расплывчатой расцветкой.

Группа 3. Керамика с монохромной высококачественной зеленой или голубовато-зеленой непрозрачной поливой, нанесенной по непокрытому черепку.

Керамика первой группы, наиболее распространенная среди ранних поливных изделий Дербента, имеет в основном довольно высококачественное, но слегка пористое тесто красного или желтовато-розового цвета, покрытое слоем белого, с чуть серым оттенком, рыхловатого ангоба, по которому нанесена непрозрачная темно-зеленая глазурь. Качество поливы у этих изделий плохое, она не имеет характерного блеска и глянцевой поверхности, содержит крупинки и несколько даже шершава на ощупь. Обычно глазурь покрывает внутреннюю часть изделия и лишь небольшую верхнюю часть снаружи, кромка белого ангоба спускается снаружи чуть ниже границы глазурованной поверхности. Данный тип глазури, вероятно, является самым ранним в производстве поливной керамики города.

Керамика второй группы менее многочисленна и представляет другой тип ранних поливных изделий Дербента. Тесто посуды этой группы высококачественное, розового, красного или желтовато-розового цвета и покрыто слоем светлого или чуть серовато-желтоватого ангоба, по которому нанесена прозрачная мутно-желтовая полива довольно хорошего качества. По ангобному покрытию идут растекающиеся радиальные полосы темно- зеленого, темно-коричневого и буро-желтого цвета. Затеки от них порой покрывают дно чаши.

Керамика третьей группы отличается высоким качеством поливы, которая весьма хорошо сохраняется и не отслаивается,

в отличие от первых двух типов, от черепка. Здесь отмечено и двустороннее покрытие изделий глухой зеленой или прозрачной поливой. Цвет и качество поливы на посуде этой группы значительно отличаются от аналогичных изделий Дербента как этого, так и последующих периодов, что позволяет считать данную керамику импортной из более развитых керамических центров Переднего Востока. Зеленая медно-свинцовая или поташная полива, аналогичная по цвету и качеству поливе дербентских изделий первой группы, известна среди наиболее ранних глазурей Средней Азии и была широко распространена на Ближнем Востоке[77]. Простота изготовления способствовала ее быстрому освоению в Средней Азии, где она использовалась с VIII до XX в.[78] Полива и приемы орнаментации изделий, типичные для дербентской посуды второй группы, также были характерны для наиболее ранних видов глазурованной керамики Кавказа[79] и Средней Азии[80]. Принцип радиальной композиции в орнаментации изделий, отмеченный на ранней поливной керамике Дербента, широко отмечается на глазурованной посуде памятников Кавказа[81] и Ближнего Востока[82] с VIII—IX вв. Основой этой композиции, видимо, послужила орнаментация дальневосточной керамики эпохи Тан[83], подражание которой известно уже в Самарре[84].

Поливная керамика IX—X вв. представлена в посуде Дербента в значительно большем количестве, что было связано с широким распространением ее производства. В этот период улучшается качество глазури, усложняется орнаментация изделий, появляются новые приемы украшения поливной посуды. Поливная посуда этого времени представлена шестью группами (4—9), появление которых в керамике Дербента связано в периодом IX—X вв., но при этом продолжали бытовать глазурованные изделия типичные для первых двух ранних (местных) групп. Отмечаются лишь улучшение качества поливы и более четкая орнаментация полихромной расплывчатой росписью.

Группа 4. Керамика с росписью марганцем или коричневой (реже темно-красной) краской по непокрытому черепку под прозрачной поливой, вариантом этой группы являются изделия, орнаментированные росписью марганцем в сочетании с темно-зеленой росписью.

Группа 5. Керамика с росписью белым (реже светло-желтым) ангобом по непокрытому черепку под прозрачной поливой, вариантом этой группы являются изделия с покрытием прозрачной темно-зеленой поливой.

Группа 6. Керамика с росписью марганцем по ангобному покрытию под прозрачной поливой, эта группа обычно отличается сложной композицией расплывчатой росписи.

Группа 7. Монохромная керамика с прозрачной поливой, нанесенной по сплошному марганцевому или окрашенному коричневой краской фону, придающему изделию глубокие темно-коричневые тона. Эта группа характеризуется наличием толстого слоя

высококачественной поливы, наносимой на черепок. Вариантом ее являются изделия, сочетающие толстое внутреннее покрытие по окрашенному фону с тонким наружным по неокрашенному черепку.

Группа 8. Керамика с мутной полупрозрачной (поташной) поливой с полихромной, мало растекающейся обычно геометрической росписью.

Группа 9. Белофаянсовая и другая импортная посуда.

Среди выделенных групп поливной керамики наиболее распространенными являются изделия первых четырех групп, особенно посуда с росписью марганцем и с поливой по сплошь окрашенному коричневому фону. Несколько уступают им качественно изделия с ангобной росписью по непокрытому черепку и посуда с полихромной росписью по ангобному покрытию, отмеченная еще в наиболее ранней дербентской глазурованной посуде. Однако роспись на керамике восьмой группы более четкая, мало растекающаяся и разнообразная по композиции (радиальные полосы, круги, полудуги, концентрические окружности). Полива на изделиях всех групп IX—X вв. более высокого качества, чем на посуде ранних групп, исключение составляют лишь сосуды третьей группы. Самыми малочисленными являются две последние группы, причем если изделия девятой группы отличаются высоким качеством поливы, то посуда восьмой группы имеют весьма плохую поливу с сильно иризированной поверхностью, испорченной цеком. Роспись на посуде этой группы в основном темно-зеленого, коричневого, лимонно-желтого цвета, слегка расплывчата, ее значительно меньше, чем на изделиях других групп. Малочисленность росписи, что не свойственно основной массе дербентской керамики, качество поливы позволяют полагать, что данная посуда являлась скорее всего предметом импорта или производилась в Дербенте очень недолго. Изделия с поташной мутной поливой невысокого качества и полихромной росписью широко известны среди наиболее ранней глазурованной керамики Средней Азии[85], бытовавшей весьма непродолжительный период[86]. Ряд дербентских изделий этой группы с геометрической росписью имеют близкие аналогии с наиболее ранней поливной керамикой Хорезма[87]. Наиболее типичные композиции рисунка на дербентских поливных изделиях поздней группы, орнаментированных росписью марганца, иногда в сочетании с темно-зеленой росписью,—это круги, овалы, треугольники и шестиконечные звезды, полудуги, разнообразное сочетание пятен, точек, мазков, радиальных линий и потеков. В более сложных композициях применялся растительный орнамент в виде многолепесткового цветка с радиальными заполнениями фона или радиального рисунка, сочетающего овалы, полудуги, прямые линии, разнообразный геометрический рисунок в сочетании с точками и кругами.

Основные композиции и способы орнаментации дербентской поливной посуды четвертой-седьмой групп не являются локальными

особенностями керамического производства города, а находят себе самые широкие аналогии в поливных изделиях IX—X вв. средневековых городов Азербайджана [88], Армении [89], Грузии [90], Переднего и Среднего Востока [91]. Показателем высокого уровня мастерства, достигнутого дербентскими гончарами в этот период, могут служить находки фрагментов антропоморфных и зооморфных глазурованных изделий и скульптурных изображений.

Особую группу дербентской керамики составляют разнообразные изделия специального назначения: многочисленные плоскодонные светильники с округлым туловом, цилиндрической горловиной и сильно вытянутым конусовидным носиком с отверстием для фитиля на конце конуса; толстостенные сфероконусы, служившие для перевозки ртути и благовоний; детские игрушки (свистульки, шарики, птички) и атрибуты средневековых игр (фишки, кружочки, пирамидки).

Резко увеличивается в VIII—X вв. выпуск строительной керамики и труб водоводов. Значительное распространение в строительстве получил жженый кирпич, который был в VIII в. крупных размеров (27—29 × 27—29 × 5—6 см), близких к сасанидским стандартам, а в IX—X вв. бытовал кирпич более мелких размеров: 20—24 × 20—24 × 4—4,5 см. Наряду с этим в городе было широко налажено производство кровельной черепицы с высоким бортиком, разнообразных керамических труб водоводов диаметром от 7—8 см до 18—20 см, предметов печного припаса для гончаров (треугольных подставок-«сипая», плоских полок, круглых штырей, крюков), ядер и снарядов для пращей.

Изучение керамического производства Дербента VIII—X вв. убедительно свидетельствует, что этот вид городского ремесла успешно развивался в данный период и поднялся на новую ступень в своем количественном и качественном росте. Наиболее крупным достижением дербентских гончаров во второй период развития керамического ремесла города было освоение и широкое производство здесь поливной керамики. Наряду с этим в городе получил дальнейшее развитие выпуск самых разнообразных керамических изделий, включавших все основные виды посуды, сосуды специального назначения, черепицу, керамические игрушки, облицовочные глазурованные плитки и кирпичи, а также другие строительные материалы и трубы водоводов. Особо следует отметить значительное увеличение выпуска жженого кирпича, из которого стали возводить отдельные конструкции и некоторые значительные постройки.

В отличие от предшествующего, раннесредневекового периода развитие гончарного производства в VIII—X вв. было более тесно связано с местными керамическими традициями, с кавказскими ремесленными центрами. На основе уже существовавшей здесь передовой технологии были разработаны новые приемы изготовления и орнаментации посуды, освоены новые типы и виды гончарных изделий, возросло их количество и качество. Характерной чертой этого времени являются дальнейшая специализа-

ция отдельных отраслей гончарного ремесла, возросшая стандартизация изделий, выпускаемых в основном для массового потребителя, для нужд сильно возросшего внутреннего рынка. Однако появление в IX—X вв. значительного количества богато орнаментированных изделий с благопожелательными надписями, различными символами и именами владельцев позволяет говорить, что часть дорогой парадной посуды изготовлялась на заказ, очевидно для представителей городской верхушки.

Период VIII—X вв. характеризовался дальнейшим укреплением культурных и экономических связей города с ремесленными центрами сопредельных областей, ростом профессионального мастерства местных гончаров, развитием керамических традиций, основанных на лучших достижениях ближневосточного и местного гончарного производства.

Период XI—середины XIII в.

В конце X—начале XI в. в керамическом производстве Дербента наметился ряд важных сдвигов. Комплекс керамики из культурных слоев города XI—середины XIII в. отличается от аналогичного материала предшествующего периода не только своей многочисленностью и разнообразием, но и целым рядом качественных изменений.

При изготовлении неполивной посуды Дербента этого времени осваивается выпуск штампованных и гравированных изделий, появляется своеобразная белоглиняная и сероглиняная керамика, в подражание фарфоровым и металлическим сосудам. Производство подобной неполивной керамики требовало определенных технологических усовершенствований приемов изготовления посуды и ее обжига. Новым явлением в орнаментации неполивной посуды было широкое применение гравировки. В изделиях этой группы отмечены сосуды, сплошь покрытые высокохудожественной гравировкой, имитировавшей дорогостоящую металлическую посуду. Дербент пока единственный известный центр производства подобных гравированных изделий. Неполивные кувшины, чаши, котлы, горшки и другие изделия Дербента XI—XIII вв., в основных формах которых прослеживается дальнейшее развитие изделий VIII—X вв., находят себе близкие аналогии в керамике Кавказа [92] и Средней Азии [93] этой поры.

Большие изменения наблюдаются в производстве поливной керамики, связанные с усовершенствованием состава глазурей, широким освоением прозрачной свинцовой поливы, открывающей новые возможности орнаментации изделий. Совершенно новым явлением в орнаментации поливной посуды XI—середины XIII в. было широкое использование глубокой подглазурованной гравировки, резьбы и весьма сложной техники «в резерве» или выемчатой техники. В сложноорнаментированных изделиях этого времени гравировка выступает в орнаментации посуды на первое место, причем особого расцвета техника подглазурной

гравировки достигает в керамическом производстве города XII—середины XIII в., когда Дербент становится крупнейшим на Кавказе центром изготовления подобной керамики. Широкое распространение в этот период получают зооморфные изображения на керамике, а также антропоморфные и зооморфные поливные керамические (реже неполивные) изделия.

Исследования поливной керамики Дербента XI—середины XIII в. красноречиво свидетельствуют о дальнейшем расширении ее производства (она составляет около 45% от общего количества гончарной продукции этого периода), массовом применении глазурованных изделий в быту всех слоев населения города, о больших качественных сдвигах в области их изготовления и декоративного оформления.

Период XI—середины XIII в. отмечен расцветом производства поливной керамики, небывалым в истории города взлетом художественно-графического мастерства местных гончаров, новыми достижениями этой отрасли керамического ремесла. Ни в предшествующий период, ни в последующее время производство поливной керамики в Дербенте не достигало таких высот.

Стратиграфически выделяются две группы поливной керамики, несколько отличные по качеству, приемам орнаментации и формам друг от друга. Ранняя из этих групп относится к XI—началу XII в., а поздняя—к XII—середине XIII в.

Ранняя группа поливной керамики служит как бы переходным звеном от поливной керамики IX—X вв. к сложноорнаментированным изделиям XII—XIII вв., однако она четко отличается от посуды VIII—X вв., и прежде всего применением гравированного рисунка и выемчатой техники. Гравировка в отдельных случаях известна и на керамике IX—X вв., но там беглый, слабо гравированный рисунок полностью затенен растекающейся расцветкой, а в посуде XI—начала XII в. гравированный рисунок получает распространение, линии гравировки отличаются четкостью, ясностью, он сливается с общей композицией орнамента. В орнаментации керамики этого времени стала широко применяться выемчатая техника, или техника «в резерве». Суть ее состояла в том, что часть рисунка выполнялась путем углубления фона, за счет выскабливания ангобного покрытия в этих местах до черепка. Это придавало орнаменту выпуклый, объемный вид, особенно красивый в сочетании с полихромной расцветкой.

К посуде XI—начала XII в. относятся четыре группы керамики, обозначенные как группа 10—13.

Группа 10. Керамика с тонкой гравировкой, нанесенной по слою белого или светло-желтого ангоба, и монохромной растекающейся росписью, не совпадающей с рисунком (здесь встречаются сложные гравированные композиции с изображениями птиц и рыб).

Группа 11. Керамика с рисунком, выполненным выемчатой техникой (углубленный фон) по слою белого или светло-желтого ангоба под прозрачной светло-желтой, зеленоватой или бесцветной поливой (выделяется два варианта: в сочетании с полихромной расцветкой; с монохромной поливой).

Группа 12. Керамика с монохромной, чаще всего зеленой поливой и глубоким гравированным рисунком, нанесенным по толстому слою ангобного покрытия до фона черепка.

Группа 13. Монохромная керамика с орнаментацией в виде сплошного точечного фона, нанесенного по слою белого ли светло-желтого ангоба под прозрачной, желтой, зеленой поливой.

Прием орнаментации поливной посуды гравированным рисунком зарождается в керамическом производстве Дербента в конце второго периода развития, но распространение получает в XI—XIII вв. Способ орнаментации изделий беглой гравировкой с растекающейся полихромной расцветкой не был специфическим приемом дербентских гончаров, но широко известен на керамике Закавказья [94], Переднего и Среднего Востока [95].

Наряду с простейшей гравировкой в виде спиралей и завитков в этой группе встречаются гравированные изображения, выполненные в той же манере тонкого беглого рисунка. Роспись и в этом случае не совпадает с контурами гравировки. Гравированные подобной техникой рисунки были связаны с изображением птицы со сложенными крыльями, очень напоминающие аналогичную группу гравированной поливной керамики с птицами из Орен-калы [96].

Еще одним новым явлением в орнаментации поливной посуды было применение выемчатой техники или углубленного фона. Эта группа уступает по численности изделиям с гравировкой, но отличается более высоким качеством и художественностью.

Наиболее распространенным изображением на изделиях этой группы были крупные цветы и листья со сложно изогнутыми стеблями и плетенки. Орнамент, выполненный этой техникой, отличается насыщенностью композиции и плотностью деталей изображения, четкой линией рисунка, что придает ему рельефность, яркую выпуклость и парадность.

Керамика, орнаментированная подобным образом, получила распространение на памятниках Азербайджана и Армении с XI в.[97], а для других областей Кавказа, по мнению исследователей, не была характерна [98], однако изучение керамического производства Дербента расширяет ареал ее изготовления. На Ближнем Востоке подобные изделия известны в материалах XI в. крупных керамических центров, таких, как Рей, Зенджан, Хамадан, Амул [99]. Отдельные исследователи считают подобную керамику чисто иранского происхождения [100], что опровергается бытованием ее в это время в Закавказье [101], а также, как теперь становится очевидным, в Дербенте. Наличие в слоях города XI—XII вв. поливной посуды, орнаментированной сложной выемчатой техникой, свидетельствует о высоком уровне мастерства дербентских керамистов и указывает на тесные связи города с крупнейшими керамическими центрами Закавказья и Ближнего Востока.

Монохромная гравированная посуда, несмотря на простоту своего изготовления, широкого распространения в керамике XI в. не получила, что, видимо, было связано с невысокими художественными достоинствами подобных изделий при относительно высоких затратах труда на орнаментацию их новым, еще только осваиваемым способом.

По своим формам посуда XI — начала XII в. больше примыкает к изделиям IX — X вв., но здесь намечаются и определенные изменения. В керамике этой группы исчезают глубокие плоскодонные чаши с прямыми толстыми стенками, значительно уменьшается количество небольших чашечек, появляются блюда и тарелки, хотя количество их пока невелико. Среди чаш появляются изделия более открытых форм, широко бытуют чаши с расширенным верхним краем венчика.

Подобные формы были характерны для поливной керамики этого времени многих средневековых памятников Закавказья, Передней и Средней Азии.

Поздняя группа. Дальнейший подъем и впечатляющий расцвет производства поливной керамики наблюдается в XII — середине XIII в. На этом этапе совершенствуются и усложняются приемы орнаментации посуды, выработанные в IX — XI вв., осваивается изготовление разнообразных поливных изделий, в том числе производство больших массивных блюд диаметром до 50—60 см, значительно возрастает количество поливных кувшинов. Большое развитие получает гравировка изделий, которая теперь выступает в качестве ведущего компонента орнамента, искусно сочетаясь с яркой полихромной росписью. В орнаментации изделий этого времени росписи тесно связаны с гравированным рисунком и еще больше оттеняют и подчеркивают его контуры.

В отличие от глазурованной посуды ранней группы гравировка на керамике XII — середины XIII в. носит нередко очень сложный растительно-геометрический характер, причем резьба на изделиях этого типа очень глубокая и покрывает почти всю поверхность.

Наряду с подобной богато украшенной и, несомненно, дорогостоящей посудой в XII — XIII вв. широко была распространена простая монохромная керамика с гравировкой или без нее. Она составляет в этот период более 60% всех поливных изделий Дербента и была, видимо, наиболее массовым видом поливной посуды в быту населения средневекового города.

В это время поливные чаши, блюда, тарелки почти полностью вытесняют аналогичные столовые неполивные изделия. Исключение составляют лишь кувшины.

В посуде XII — середины XIII в. выделяется семь (14—20) групп керамики, имеющих существенные различия в приемах орнаментации и качестве изделий.

Группа 14. Керамика с четкой композиционной гравировкой и полихромной расплывчатой расцветкой, совпадающей с гравированным рисунком.

Группа 15. Керамика с очень широкой и глубокой гравировкой, нанесенной по толстому слою ангобного покрытия и придающей рисунку выпуклость, сочетающуюся с расплывчатой полихромной расцветкой, в основном совпадающей с гравированным изображением.

Группа 16. Керамика с четкой композиционной гравировкой и нерастекающейся полихромной росписью, совпадающей с рисунком или дополняющей гравированную композицию.

Группа 17. Керамика с гравировкой или выскабливанием по марганцевому фону, нанесенному на слой белого ангоба, который становится основой рисунка.

Группа 18. Керамика с полихромной нерастекающейся росписью (вариантом этой группы являются изделия с монохромной росписью).

Группа 19. Монохромная орнаментированная и неорнаментированная керамика.

Группа 20. Импортная посуда.

Наибольший интерес среди поливных изделий XII — середины XIII в. представляет керамика группы 14. Сюда относятся большие блюда и чаши с округлыми толстыми стенками, массивной кольцевой ножкой и широко отогнутым наружу горизонтальным верхним краем.

Отличительной особенностью керамики этой группы является сложный гравированный орнамент, покрывающий целиком верхний край изделия и большую часть или всю внутреннюю поверхность, и полностью совпадающая с рисунком полихромная расцветка коричневого, зеленого, буро-желтого или интенсивно-желтого цвета. Полихромная расцветка в основном строго соответствует определенной части композиции гравированного рисунка и, хотя местами не имеет точного совпадения с его контурами, составляет с гравировкой единую композицию, дополняя рисунок и подчеркивая его. Гравировка нанесена четко и глубоко, с явным подражанием металлическим изделиям. Наиболее типичным является сочетание геометрического и растительного орнаментов в виде больших кругов, овалов, ромбов, квадратов с вписанными в них более мелкими геометрическими фигурами, поле которых сплошь заполнено пальметками, полупальметками, спиралями, завитками, иногда образующими фигуры в виде «сегнерова колеса». Свободное поле между крупными геометрическими фигурами заполнено гравированным растительным орнаментом. Каждая крупная фигура расцвечена определенным цветом, обычно по внутреннему, свободному полю. Поверхность изделия покрыта прозрачной поливой высокого качества. Сочетание сложнейшей гравировки, четко выделяющейся под прозрачной поливой на фоне белого ангобного покрытия, с яркой полихромной расцветкой, подчеркивающей отдельные композиции орнамента и углубляющей рисунок, делало подобную посуду необычно яркой и красочной.

Изготовление подобных изделий, несомненно, было большим шагом вперед в производстве поливной посуды и свидетельство-

вало о высокой профессиональной квалификации дербентских гончаров, не уступавших в мастерстве керамистам крупнейших ремесленных центров Переднего Востока, Кавказа и Средней Азии.

Обращает на себя внимание однотипность форм посуды этой группы, представленной в основном массивными блюдами диаметром 40—60 см из светло-коричневатой глины, очень высокого качества. Все они имеют сходную гравировку, аналогичную как по характеру рисунка, так и по технике его нанесения. Совпадают даже мелкие детали оформления наружной поверхности, например, полосами белого ангоба. Такое совпадение форм, размеров, качества теста и приемов орнаментации изделий позволяет думать, что они могли быть произведены в одной мастерской или даже одним мастером. Находки подобных блюд только в цитадели и богатых домах указывают на социальный аспект их распространения в быту и на возможность их изготовления по заказу.

Посуда с такой орнаментацией довольно специфична, и наиболее близкие аналогии ей дает пока только чаша из Ани, также относящаяся к XII—XIII вв.[102], но в отличие от дербентских изделий покрытая монохромной поливой. Некоторые параллели прослеживаются и с поливной керамикой средневекового Херсонеса XII—XIII вв.[103], но они не столь значительны, как в материалах Ани. В керамике средневекового Байлакана сложная гравировка несколько отличается от дербентской, там она наносилась по марганцевому фону[104], но чаще применялась выемчатая техника[105].

Встает вопрос о центре производства подобной керамики и почему наиболее близкие аналогии она находит только в Ани, минуя Азербайджан и Грузию. На чашах из Ани на дне имеются следы от треугольных подставок, использованных при обжиге изделий, которые в слоях Ани не обнаружены[106]. Такие же подставки есть в Двине, но двинское происхождение их исключается ввиду явного отличия черепка[107]. Подставки-треугольники, использовавшиеся для обжига чаш, широко применялись в Дербенте, и находки их в слоях средневекового времени повсеместны.

Многочисленность подобной керамики в слоях Дербента XII — середины XIII в., несомненное композиционное сходство орнамента и техники нанесения гравировки рисунка данных блюд с более простой посудой XI — начала XII в. позволяют предполагать, что центром производства этих сложноорнаментированных изделий являлся Дербент. Город в это время был тесно связан с крупнейшими экономическими центрами Кавказа, в том числе и с Ани, взаимоотношения этих двух городов могли быть особенно тесные, учитывая наличие в районе Дербента армянских поселений.

Но этот сложный вопрос требует детального изучения, и не исключено, что подобных центров было несколько.

Вариантом группы 14 являются изделия с более простой гравировкой и растекающейся расцветкой, совпадающей с рисунком. Здесь гравировка дополняет цветной фон посуды, сочетаясь

с полихромной росписью, но не выступая главным компонентом орнамента. Близкие аналогии подобная керамика находит в посуде Закавказья[108].

Керамика с глубокой и широкой гравировкой, относящаяся к группе 15, представляет собой также весьма специфическую разновидность дербентской посуды. Изделия этой группы стандартны и представлены в основном однотипными чашами небольших и средних размеров на изящной кольцевой ножке, от которой почти горизонтально расходятся стенки, имеющие перегиб в нижней части. Эта форма широко бытовала в керамике средневековых памятников Закавказья XII—XIII вв.[109], но в Дербенте чаши данной группы в большинстве имеют и стандартные размеры, очень сходное тесто и приемы орнаментации. В основном это гравированные остролистные и овальные фигуры, расходящиеся острием вверх от дна по стенкам чаши, поле между которыми заполнено треугольными фигурами со спиралями и завитками внутри, направленные острием вниз. Поле остролистных фигур заполнено очень широкими гравированными полосами. Подобная композиция в основных чертах типична для всех изделий этой группы, хотя на ряде чаш треугольные фигуры заменяются полуовальными, дно орнаментируется не геометрической фигурой, а широкими гравированными полосами. Однако все они имеют сходную композицию, в ряде случаев идентичную до мелких деталей, одинаковое качество поливы и полностью аналогичную цветовую гамму полихромной расцветки, в основном совпадающей с гравированным рисунком, наносимым по белому ангобу. Полихромная расплывчатая роспись трех цветов — темно-зеленого, темно-коричневого с фиолетовым оттенком, буровато-желтого. Тесто изделий светло-коричневого, коричневато-розового или желтовато-розового цвета, очень хорошего качества. Полная аналогия форм, размеров, приемов орнаментации изделий, качества их поливы и теста, а также полихромной росписи позволяет полагать, что вся данная посуда могла быть произведена в одной мастерской или по стандартам, твердо устоявшимся в керамическом производстве города. Следует отметить, что среди изделий, орнаментированных подобным образом, встречаются и небольшие кувшинчики. Качество теста, полива и полихромная роспись их, а также приемы гравировки полностью аналогичны изделиям всей группы, но орнамент в основном состоит из сплошной сетки полуовалов, выделенных очень толстой линией, с более тонким заполнением строгих пальметок внутри. Горловины сосудов украшены широкими вертикальными гравированными линиями.

Орнаментация изделий овальными, заостряющимися фигурами, являвшимися стилизованными изображениями деревьев, была излюбленным мотивом на посуде средневековых гончаров Байлакана и Двина в IX—X вв.[110] Однако формы дербентской керамики этой группы и приемы орнаментации типичны для изделий XII—XIII вв.

Сосуды, орнаментированные столь толстой гравировкой, ширина линии которой достигает нередко 0,3—0,4 см, в материалах других средневековых памятников нам неизвестны, и, видимо, они составляют специфичную группу продукции дербентских керамистов.

Сочетание глубокой толстой гравировки, обнажающей фон черепка, который под прозрачной поливой приобретал глубокий коричневый тон, с яркой полихромной, несколько расплывшейся расцветкой, придавало изделиям своеобразный декоративный вид и замечательную красочность. Подобные изделия, как и керамика группы 14, являлись дорогостоящей, парадной посудой и свидетельствуют о большом мастерстве местных керамистов и высоком уровне развития гончарного производства средневекового Дербента, основанного на многовековых местных традициях и лучших достижениях ремесленных центров сопредельных областей.

Довольно многочисленна в керамике Дербента XII — середины XIII в. посуда, орнаментированная гравированным рисунком и полихромной нерастекающейся росписью, заполняющей поле рисунка и пространство между ними. Наиболее излюбленными мотивами гравировки были треугольники, овалы, круги, ромбы. Поле геометрической фигуры окрашивалось строго в пределах контура рисунка интенсивно-желтым, зеленым, фиолетово-коричневым, темно-коричневым цветом, а пространство между фигурами нередко заполнялось росписью в виде сетки, образованной пересекающимися линиями или растительным орнаментом. Иногда оно только слегка окрашивалось в светло-зеленый или желтый цвет, а поле фигур заполнялось темно-коричневой, зеленой или буро-желтой расцветкой. Нередко там еще наносилась тонкая гравировка в виде спиралей и завитков.

Сочетание гравированных геометрических фигур в виде треугольников, кругов, овалов, ромбов, полос с полихромной росписью широко применялось на посуде XII—XIII вв. многих памятников Закавказья [111].

Керамика групп 17 и 18 немногочисленна, но обращают на себя внимание изделия с гравированным орнаментом, нанесенным по марганцевой росписи, выполненной по ангобному покрытию. При использовании этого приема орнаментации гравировка делалась очень неглубокая, только до ангобного покрытия, благодаря чему белый контур рисунка четко выделялся на фоне темно-коричневой росписи. Техника гравировки по марганцевой росписи являлась, по мнению А. Л. Якобсона, специфичным приемом орнаментации посуды средневекового Байлакана XII—XIII вв.[112] и в других городах Азербайджана, кроме нескольких фрагментов из Старой Ганджи [113], неизвестна. Материалы раскопок Дербента свидетельствуют, что этот прием, видимо, был заимствован средневековыми гончарами города, хотя он и не получил такого распространения, как в Байлакане. Это проливает свет на взаимоотношения и культурные связи Дербента с крупнейшими ремесленными центрами средневекового Азербайджана.

Однако, как ни разнообразна керамика, богато орнаментированная росписью и гравировкой, она составляет лишь около 30—35% от всех обнаруженных поливных изделий Дербента XII — середины XIII в., а большая ее часть представлена посудой со скромной монохромной поливой и простейшей гравировкой или без нее.

Местонахождение этих двух неравных как по количеству, так и по качеству групп поливной посуды, весьма четко свидетельствует об имущественном неравенстве и глубоком социальном расслоении среди населения феодального города. Если монохромная и наиболее простая полихромная керамика в основном типична для большинства районов нижней части города, то богато орнаментированная, парадная посуда сосредоточена исключительно на небольшой территории верхней привилегированной части Дербента и в его цитадели. Довольно широко применялась полива и в орнаментации строительной керамики, о чем могут свидетельствовать находки в слоях города XII—XIII вв. поливных кирпичей и глазурованных плиток. Кирпичи, обнаруженные в Дербенте, имеют поливу зеленого, коричневого и ярко-голубого цвета. Изделия, покрытые зеленой и коричневой глазурью, полностью аналогичны по цвету и качеству дербентской поливной керамике и могут, без сомнений, быть признаны местными. Сложнее обстоит дело с ярко-голубой поливой, мало распространенной в гончарном производстве города. Скорее всего, подобные кирпичики, находки которых немногочисленны, являются продукцией других керамических центров или их выпуск в Дербенте не получил широкого развития.

Наряду с подобными специфическими поливными изделиями в материалах Дербента этого времени широко представлены детские игрушки, шарики, фишки, керамические поливные бусы, поливные светильники-чираги, в основных чертах аналогичные подобным изделиям VIII—X вв., но имеющие более низкое и широкое тулово, узкие горловины, сильно расширенные к венчику и заостренные концы носиков.

Отмечены находки зооморфных носиков-сливов сосудов в виде голов быка или коровы. Подобные носики-сливы известны в материалах Оренкалы из слоев XII — начала XIII в.[114]

К этому периоду относится единственное известное на Кавказе керамическое антропоморфное поливное изделие в виде головы мужчины в чалме [115]. Скульптура несколько схематична, но очень точно и реалистично передает черты лица мужчины, антропологически весьма выразительного. Изображение весьма своеобразно, левая часть лица несколько увеличена, щека вздута (подобно флюсу). Полива полихромная, желтого, светло-желтого и зеленого тонов, типичная для глазурованных изделий Дербента XI — середины XIII в., что соответствует и стратиграфическому местонахождению скульптуры.

В этот период в гончарном ремесле города происходят важные процесы специализации производства по отраслям и концентрации его в определенных районах рабада Дербента, появление специализированных ремесленных мастерских. Именно к этому времени относятся находки двух гончарных мастерских, расположенных на территории верхней части рабада, в районе современного базара [116]. Одна мастерская, остатки которой были вскрыты у южной городской стены в 200 м к западу от базара, представляла собой значительное трехкамерное помещение длиной около 13 м, шириной 6 м [117].

Печи, судя по сохранившимся конструкциям, были сложены из сырцового кирпича размером 28—30 × 28—30 × 7—7,5 см и имели яйцеобразную внутреннюю обжигательную камеру. Внутренние стенки камеры сильно обожжены и имеют оплавленную поверхность. Топочная камера отделялась от обжигательной перекрытием из каменных блоков и кирпичей, положенных на них. Для перекрытия, вероятно, широко применялись и плиты местного ракушечника, обнаруженные среди фрагментов рухнувшего перекрытия. Печи были ориентированы топками на юго-восток и были длиной около 2—2,2 м, а шириной 1,75—1,9 м. На полу топки отмечен слой золы и угля толщиной до 10—12 см.

Печи подковообразной конструкции, хотя и несколько отличные от дербентских в отдельных деталях, были обнаружены на средневековых памятниках Кавказа [118], определенные аналогии они находят в конструкциях подобных сооружений древней Руси [119].

Обнаруженные в слое, связанном с функционированием мастерской, материал, а также керамика из развалов печей и бракованные изделия, найденные около них, относятся в основном к концу X—XI в. Судя по обнаруженной здесь керамике и предметам печного припаса (приспособлениям для обжига), мастерская в основном специализировалась в производстве поливной посуды, главным образом чаш и тарелок небольших и средних размеров.

В этом же районе в 150 м к востоку от современного базара была обнаружена еще одна гончарная мастерская [120], представляющая собой двухкамерное помещение размером около 8 × 4 м, сохранившееся лишь частично. Стены его возведены из крупного бутового камня на глиняном растворе, толщина их достигает 0,6 м. Здесь сохранились остатки четырех круглоплановых печей [121], внутренние камеры двух из которых, диаметром около 2 м, имели сферообразную форму и аналогичны в конструктивном отношении, судя по фрагментам кирпичей и плит ракушечника, печам первой мастерской. Остатки двух других печей, диаметром около 1,2 м, не позволяют судить о их конструктивных особенностях и дают основания лишь говорить, что, видимо, подобно всем гончарным печам средневекового Дербента, они были двухъярусные и топочная камера отделялась от обжигательной перекрытием.

Материал слоя, связанного с бытованием печей, и из самих печей относится в основном к X—началу XII в. и позволяет говорить, что данная мастерская в основном специализировалась на выпуске чаш и сфероконусов. В этом же районе в полевом сезоне 1982 г.[122] выявлен огромный керамический отвал еще одной мастерской XI в., специализировавшейся на производстве поливных чаш, кувшинов и своеобразных мисок со сливными носиками.

Приведенные данные весьма красноречиво свидетельствуют о дальнейшем усилении специализации керамического производства города и о его территориальной концентрации в определенных районах рабада.

Период XI—середины XIII в. отмечен расцветом производства поливной керамики [123], небывалым в истории города взлетом художественно-графического мастерства местных гончаров, новыми достижениями этой отрасли керамического ремесла. Ни в предшествующий период, ни в последующее время производство поливной керамики в Дербенте не достигало тех высот, до которых оно поднялось теперь.

Главными итогами развития гончарного производства в XI—XIII вв. были сильно возросшее мастерство ремесленников этой профессии, выпускавших наряду с простой, дешевой посудой массового потребления подлинные произведения искусства, изготовлявшиеся на заказ, узкая специализация этого ремесла по отдельным отраслям и его территориальная концентрация, широкий импорт дербентской продукции на дагестанские и кавказские рынки. Эти процессы начали намечаться уже в X в., но особенно стали заметны в XI—середине XIII в., что было связано с дальнейшим развитием производительных сил и производственных отношений, с объединением ремесленников Дербента в своеобразные корпорации, существование которых в средневековом городе засвидетельствовано письменными источниками.

Изучение керамического производства Дербента VI—середины XIII в. позволило проследить пути развития этого вида ремесла, выявить основные этапы его становления и направления формирования гончарных традиций этого крупнейшего феодального города Кавказа. В средневековом Дербенте в данное время существовали и успешно развивались все основные отрасли керамического производства, характерные для этого вида ремесла в развитых средневековых центрах Передней и Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы. Своеобразным показателем уровня развития гончарного ремесла города является тот факт, что Дербент, мастера которого освоили изготовление местной глазури, уже к середине VIII в. входит в число наиболее ранних центров производства поливной керамики не только на Кавказе, но и вообще в нашей стране. Анализ керамических комплексов города VI—середины XIII в. позволил выделить три основных периода в развитии гончарного производства Дербента: VI—начало VIII в., VIII—X вв., XI—середина XIII в.

Каждый из выделенных периодов характеризовался значительными изменениями в керамическом производстве города, связанными с процессами дальнейшего усовершенствования технологии изготовления керамики, стандартизации выпускаемой продукции, ее количественным и качественным изменением и диктуемыми потребностями местного дербентского и общекавказских рынков. Изучение керамического ремесла средневекового Дербента показало, что местные гончары полностью обеспечивали город и его округу необходимой продукцией самого различного назначения, успешно конкурируя с изделиями ремесленников крупных керамических центров региона. Они снабжали, особенно в XI — середине XIII в., отдельными видами керамики рынки внутреннего Дагестана и многих районов Кавказа. «Товары теперь переходят уже не только из рук в руки, но и с рынка на рынок» [124].

Значительная территория, на которой была выявлена концентрация ремесленного производства, и огромное количество самых разнообразных керамических изделий, обнаруженных в культурных слоях города VI — середины XIII в., позволяют полагать, что гончары составляли одну из самых многочисленных групп ремесленников Дербента во все периоды его развития и их роль в социально-экономической жизни города была велика.

СТЕКЛОДЕЛИЕ

Археологические исследования раннесредневекового Дербента позволяют составить представление об еще одной отрасли городского ремесла — стеклоделательном производстве [125].

Изготовление стекла, помимо сложностей чисто технического характера, в силу чего эта отрасль ремесленного производства была характерна только для городов и являлась специфическим видом городского ремесла, требовало определенной сырьевой базы, и потому значительные стеклопроизводящие центры возникали не везде.

Большое значение в развитии стеклоделия имеет наличие песка, пригодного для производства стекла. Ценность его тем выше, чем меньше он содержит окислов железа и вместе с тем имеет в значительном количестве окиси натрия и кальция. При наличии этих условий ремесленникам легче было получить чистое и прозрачное стекло, с меньшими затратами соды и извести, повышающими растворимость «шихты». Запасы песка и извести, которые «вводились в стекольную шихту также и в виде молотых чистых разновидностей известняков» [126], в Дербенте были практически неограниченны, а щелочи в древности добывали из золы растений (древние финикийцы добывали соду из золы водорослей и сделали ее предметом экспорта) [127], хотя, возможно, здесь были и другие источники ее получения. Сырьевая база для производства стекла в Дербенте столь значительна, что здесь в годы первых советских пятилеток был построен один из первенцев индустрии

нашей страны — стеклозавод «Дагестанские огни», являющийся крупнейшим предприятием этой отрасли народного хозяйства и сегодня.

Помимо сырьевой базы, производство стекла требует больших профессиональных навыков, печей специальных конструкций, способных создавать высокие температуры (до 1500°), и ряд технологических приспособлений. Все это делало стеклоделие специфической отраслью ремесленного производства, доступной не каждому средневековому городу. Несмотря на то что многочисленные находки стеклянных изделий на памятниках Кавказа античного периода [128] предполагают его весьма древнее производство, в раннесредневековое время эта отрасль ремесла переживает качественные и количественные изменения.

Период VI — начала VIII в.

Стеклянные изделия представлены в слоях Дербента сасанидского периода относительно небольшим количеством экземпляров; 39 изделий в основном фрагментарного характера. Однако выявленные в процессе раскопок изделия дают определенное представление о развитии этого вида ремесла.

Всю стеклянную посуду раннесредневекового Дербента можно разделить на пять видов: 1) цилиндрические прямые стаканы; 2) округлые, полусферические чаши; 3) маленькие узкогорлые сосуды с расширяющейся кверху слегка конусовидной горловиной; 4) узкогорлые сосуды с расширяющейся к основанию горловиной; 5) широкогорлые сосуды с округлыми вертикальными ручками.

Стаканы являются наиболее распространенным видом стеклянных изделий, обнаруженных в раннесредневековых слоях Дербента. Они в основном схожи и имеют тулово с прямыми стенками, однако некоторые отличия в деталях позволили выделить среди них три варианта: стаканы строго цилиндрической формы, стаканы, несколько расширяющиеся кверху, стаканы, чуть суженные в верхней части. У всех прямой, чуть утолщенный верхний край и однотипное вогнутое дно, без поддона. Диаметр стаканов 4,5—6 см, реже 9,5—10 см, высота от 8 до 11,5 см, толщина стенок 0,1—0,25 см, дно несколько утолщено: от 0,3—0,4 см до 0,6—0,8 см. Стекло зеленоватое или чуть голубоватое, прозрачное, иногда почти бесцветное. Значительно реже встречаются изделия оливково-зеленоватого цвета. Большинство обнаруженных экземпляров не имеет украшений, но встречаются и орнаментированные изделия. Край сосудов обычно не обработан. Преобладают три орнаментальных мотива, в основном геометрического характера: 1) каннелюрный орнамент в виде сильно вытянутых вертикальных полос с округлыми торцами, напоминающий орнамент дорогих металлических чаш; 2) вдавленный геометрический орнамент в виде сомкнутых равносторонних или несколько вытянутых шестиугольников, иногда

овалов или кругов; 3) точечный орнамент в виде двойных соприкасающихся ромбов, образующих геометрический узор.

Подобная орнаментация отмечена на стеклянных изделиях из погребений памятников районов Северного Кавказа, Нижнего Поволжья, Северного Причерноморья, Закавказья.

Так, орнамент на стаканах, обозначенный как тип «1», находит себе определенные аналогии в орнаментации сирийских стеклянных чаш первых веков нашей эры, обнаруженных в кургане у станицы Даховская [129] (Адыгейская обл.), в сарматском погребении в Волгоградской области [130], в погребениях Урбнисского могильника [131] и стаканов из погребений IV—V вв. Харакса [132], Цебельды [133], Пантикапея [134], в бокалах с территории Кавказской Албании [135]. Орнамент типа «2» аналогичен орнаментации кубков из могильников III—IV вв. села Ранжевого [136] и фрагментов кубка из богатого погребения IV—V вв. в Херсонской области [137], где отмечено совпадение цвета и качества стекла, а также с сосудов из могильников Харакса [138], Цебельды [139], Херсонеса [140].

Формы, аналогичные дербентским раннесредневековым изделиям этого типа, бытовали в стеклянной посуде памятников Кавказа [141], Северного Причерноморья [142], Ближнего Востока [143]. Поверхность большинства изделий иризована.

Пока трудно достаточно обоснованно утверждать, сколь высок был уровень стеклоделательного производства в раннесредневековом Дербенте и в какой степени город мог удовлетворять спрос за счет местной продукции. Среди рассматриваемого вида изделий, несомненно, имеются привозные, это особенно касается стаканов с орнаментом, сосудов из оливково-зеленоватого стекла, которые являлись предметами импорта из стран Переднего Востока (Сирия, Египет) [144]. Но в культурных слоях города этого периода встречаются стаканы несколько отличные от первых по форме, оформлению края сосуда и качеству стекла. Подобные изделия не находят себе аналогий с известными на Кавказе и в Восточной Европе импортными позднеантичными и раннесредневековыми стаканами. Наличие таких стаканов среди стеклянных изделий Дербента, их качество, а также находки стеклянных шлаков и двух фрагментов бракованных сосудов, которые вряд ли могли служить предметом импорта [145], позволяют говорить о местном производстве этого вида стеклянной посуды.

Чаши. Этот вид стеклянных изделий представлен в посуде Дербента в основном сосудами полусферической формы. Здесь можно выделить два типа изделий, отличающиеся формой и обработкой края сосуда: 1) полусферические чаши с прямым, утолщенным за счет перегиба наружу краем; 2) полусферические чаши с несколько загнутым внутрь невыделенным краем.

Чаши первого типа имеют диаметр по венчику от 11 до 12 см, края чаши не обработаны. Стекло светло-зеленое, прозрачное, хорошего качества. Поверхность чаш выпукло-вогнутая, волнистая, направление волн вертикальное, под значительным углом (около 30—40°), что придает чаше богатый декоративный вид.

Толщина стенок достигает 0,15 см, толщина края около 0,3 см. Поверхность иризирована.

Чаши второго типа имеют диаметр венчика 10—11 см, верхний край чуть-чуть утолщен и зашлифован. Стекло чуть голубоватое, почти бесцветное, прозрачное. Орнаментация отсутствует, толщина стенок чаш 0,2 см, края 0,25 см. Поверхность изделий иризирована. Аналогии данным чашам нам не известны. Представляется вероятным, что чаши первого типа, отличающиеся большой сложностью производства, являлись привозными изделиями.

Маленькие узкогорлые сосуды составляют наиболее многочисленную группу дербентской стеклянной посуды. В основном они довольно однотипны по форме и представлены изделиями с узкой цилиндрической горловиной, чуть расширенной к венчику, округлое вздутое тулово с однотипным вогнутым дном почти всегда без поддона. Изделия несколько отличаются по оформлению верхнего края, и здесь можно выделить два типа: 1) сосуды с прямым, чуть утолщенным, зашлифованным краем; 2) сосуды с загнутым внутрь или наружу необработанным краем.

Диаметр горловин сосудов 3—5 см, высота до 7—8 см, стекло изделий чуть зеленоватое или голубоватое, прозрачное, иногда почти бесцветное и темно-зеленое, порой почти черное, малопрозрачное, в ряде случаев с пузырьками. Орнаментация обычно отсутствует, хотя имеется один экземпляр из зеленоватого прозрачного стекла, орнаментированный белой нитью в виде горизонтальных витков. Стеклянный сосуд, орнаментированный чуть голубоватой нитью известен из слоя V в. Таманского городища [146]. Толщина стенок сосудов 0,15—0,2 см, донца несколько утолщены и достигают 0,2—0,45 см. Поверхность изделий обычно иризирована.

Подобные сосуды с аналогичной формой горловин широко бытовали в раннесредневековый период и нехарактерны для стеклянных изделий I—IV вв.[147], а небольшие сосуды с чуть утолщенным зашлифованным краем получают распространение с VI в.[148] Близкие аналогии этот тип дербентских стеклянных изделий находит среди подобных сосудов раннесредневековых памятников Дагестана [149], Кавказа [150], Северного Причерноморья [151], Средней Азии [152], Переднего Востока [153].

Крупные узкогорлые сосуды представлены среди стеклянных изделий Дербента всего двумя фрагментами. Это довольно высокие горловины диаметром 5—6 см, расширяющиеся к основанию. Стекло прозрачное, хорошего качества, чуть зеленоватого оттенка, без следов иризирования. Один из сосудов орнаментирован по основанию горловины толстым налепным витым жгутом.

Определенные аналогии сосуды этого типа находят в стеклянных изделиях раннесредневековых памятников Средней Азии [154] и Кавказа [155].

Сосуды с ручками встречены в слоях раннесредневекового города лишь во фрагментарном состоянии, не позволяющем

судить о форме изделий. Вероятнее всего, что это были кружки или бокалы с массивной вертикальной ручкой округлой формы. Один, более массивный конец ручки крепился к прямому невыделенному краю сосуда, другой — к тулову. Вероятно, могли существовать изделия и с двумя аналогичными ручками. Стекло хорошего качества, темно-коричневого цвета снаружи, являющегося, видимо, следствием сильной иризированности поверхности сосуда. Сосуды с подобными ручками известны в весьма незначительном количестве среди стеклянных изделий Таманского городища [156], и аналогии им, по наблюдениям Н. П. Сорокиной, на других памятниках не известны [157].

Формы, аналогичные дербентским раннесредневековым изделиям, бытовали в стеклянной посуде памятников Кавказа [158], Северного Причерноморья [159], Ближнего Востока [160].

Пока трудно достаточно обоснованно утверждать, сколь высок был уровень стеклоделательного производства в раннесредневековом Дербенте и в какой степени город мог удовлетворить спрос за счет местной продукции. Среди рассматриваемого вида изделий, несомненно, имеются привозные, это особенно касается стаканов с орнаментом, сосудов из оливково-зеленоватого стекла, которые являлись предметами импорта из стран Переднего Востока (Сирии, Египта) [161].

Анализ выделенных типов стеклянных изделий раннесредневекового Дербента позволяет сделать некоторые выводы о развитии стеклоделия в городе в первый период его экономического становления. Отмечая, что целый ряд дербентских сосудов, несомненно, импортного происхождения, особенно тонкостенные рифленые чаши, некоторые типы стаканов, крупные сосуды, можно утверждать, что часть стеклянных изделий являлась продукцией местного производства. В этом убеждают определенная специфичность форм и качества стекла ряда выявленных сосудов, наличие фрагментов бракованных изделий, которые вряд ли могли быть предметом импорта, а также находки в слоях города этой поры шлаков с остеклованными участками поверхности и отдельных кусочков спекшейся стеклянной массы. Видимо, к местным изделиям прежде всего надо отнести менее прозрачные сосуды со стеклом зеленых, голубоватых или зелено-голубоватых оттенков, что было связано с наличием в сыром материале железа [162] или меди [163], придающей стеклу такие оттенки. Выработка прозрачного обесцвеченного стекла требовала более высокой технологии производства и определенного профессионального уровня, умения мастера-стекольщика бороться с примесями и сводить до минимума их содержание в «шихте». Однако местным мастерам на первом этапе развития стеклоделия в городе это было, видимо, не под силу, что служит показателем уровня технологического процесса изготовления стекла. Дербентские мастера изготовляли сосуды в основном методом выдувания в форму или свободного выдувания, о чем свидетельствуют донца сосудов. Одним из достижений дербентских стеклоделов этого времени,

свидетельствующим о прогрессе в развитии стеклоделания, было их умение обрабатывать край сосуда.

Однако не слишком многочисленные находки изделий из стекла, его невысокое качество и простота форм позволяют считать, что в период VI — начала VIII в. данный вид ремесла значительного развития еще не получил. Более ощутимый прогресс в стеклоделии наметился во второй период экономического развития Дербента, с VIII в., когда этот вид ремесленного производства стал играть более заметную роль в экономике города.

Период VIII—X вв.

Второй период развития стеклоделательного ремесла Дербента относится к VIII—X вв. Производство стеклянных изделий в Дербенте в этот период значительно возросло, и количество находок их в слоях этого времени увеличилось более чем в 4,5 раза (около 190 изделий). Одной из отличительных особенностей стеклоделия на данном этапе является освоение ремесленниками-стеклодувами выпуска не только стеклянной посуды, но и разнообразных украшений из стекла.

Значительное увеличение выпуска изделий из стекла в это время было связано в определенной степени с широким распространением поливной керамики, для которой технология изготовления глазурей во многом совпадала с процессом производства стекла.

Наибольшее распространение в стеклоделии в это время получило производство столовой посуды, сосудов различных размеров и назначения, украшений из стекла. В количественном отношении они распределены следующим образом: посуда — 134 фрагмента, браслеты — 33 штуки, кольца — 4 штуки, бусы — 16 штук, вставки к перстням — 4 штуки.

Стеклянная посуда изготовлялась в основном методом выдувания в форму, а браслеты и кольца техникой вытягивания жгута из горячей массы.

Столовая посуда представлена чашами, стаканами, рюмкообразными сосудами на ножках, узкогорлыми сосудами, изделиями с широкой горловиной, формы которых находят себе близкие параллели в стеклянной посуде Кавказа [164] и Средней Азии [165]. В основном применялась техника выдувания в форму, когда мастер-стеклодув набирал в трубку стеклянную массу и выдувал шар, которому путем несложных операций придавал вытянутые очертания, а затем помещал его в резъемную форму. Через некоторое время изделие извлекали из формы, студили и обрабатывали путем откола лишней массы на донышке, шлифовки верхнего края и наружной поверхности.

Чаши представлены в основном сосудами полусферической формы с вогнутым внутрь дном без кольцевой ножки. Можно выделить два варианта изделий, отличающихся друг от друга формой и способом обработки края сосуда: 1) полусферические

чаши с прямым или несколько отклоненным наружу валикообразным венчиком, образованным за счет перегиба верхнего края сосуда и прижатия его к стенке чаши (край может прижиматься вплотную, или между ним и стенкой остается просвет); 2) полусферические чаши с прямым или слегка отклоненным внутрь невыделенным, иногда несколько утолщенным венчиком.

Изделия первого варианта представлены чашами средних размеров с диаметром венчика от 10 до 16 см, края которого обычно не обработаны. Стекло прозрачное, в большинстве случаев тонкое, чуть зеленоватого или желтоватого цвета, иногда с отливом вишнево-фиолетового оттенка, качество обычно высокое, орнаментация отсутствует.

Чаши второго варианта мало чем отличаются по качеству и цвету стекла от первого, но здесь изделия чаще более толстостенны, верхний край их несколько утолщен и зашлифован, диаметр его колеблется в пределах 9—14 см.

Количество чаш среди стеклянных изделий относительно невелико и не превышает 5—6%.

Ближайшие аналогии дербентские стеклянные чаши находят среди подобной посуды ряда городищ Средней Азии и Кавказа, таких, как Ниса [166], Варахша [167], Орен-кала VIII—X вв.[168] и средневековая Кабала [169], а также памятников Крыма VIII—IX вв.[170]

Стаканы, обнаруженные в слоях средневекового Дербента VIII—X вв., во многом сходны с аналогичными изделиями раннесредневекового периода. По форме тулова здесь можно выделить два варианта: 1) стаканы с чуть конусообразным или округленным туловом, несколько расширенными кверху; 2) стаканы с прямым, чуть расширенным ко дну туловом, с четко выделенной нижней гранью.

Диаметр сосудов обоих вариантов достигает 6—12 см, высота 8—16 см, толщина стенок 0,15—0,35 см.

У стаканов обоих вариантов отмечено два вида донца. Одни стаканы, эта группа более многочисленная, имеют вогнутое внутрь донце без поддона, другие — плоское, невыделенное дно, несколько более толстое, чем стенки.

Стекло зеленоватое, желтоватое, порой с вишневым оттенком, иногда буровато-коричневое, в отдельных случаях почти бесцветное, с чуть голубоватым оттенком.

Край сосудов обычно чуть утолщен или совсем не выделен и зашлифован. Нередко стаканы орнаментировались. Орнаментация довольно проста и сводилась к трем основным приемам украшения изделий: а) налепными жгутами, прямыми или волнистыми, иногда украшенными защипами; б) штампованным орнаментом, нанесенным на еще неостывшее изделие, когда вогнутость рисунка снаружи соответствует выпуклости внутри; в) вдавленно-рельефным орнаментом, полученным при вдувании в форму.

В двух последних случаях применялся геометрический орнамент в виде сетки кружков, овалов и других фигур.

Подобная орнаментация сосудов широко встречается на стеклянных изделиях средневековых памятников Кавказа [171] и Средней Азии [172]. Следует отметить, что в средневековый период стеклянные стаканы не получили, видимо, широкого распространения в стеклоделательном производстве Кавказа [173] и в материалах памятников этого времени находки их довольно немногочисленны, тогда как в Дербенте подобная посуда широко бытовала.

Рюмкообразные сосуды представлены в материалах Дербента VIII—X вв. фрагментарно, что позволяет выделить здесь только два варианта изделий: 1) сосуды на низких массивных сплошных ножках, с круглым донцем, вогнутым внутрь; 2) сосуды на более высоких полых ножках, с круглым вогнутым донцем, составляющим одно целое со стержнем ножки.

Верхние части рюмкообразных сосудов сохранились плохо, но, исходя из форм аналогичных сосудов других средневековых памятников Кавказа, Средней Азии, Переднего Востока, можно полагать, что они имели округло-вытянутую форму с прямым зашлифованным краем. Высота сплошной ножки равняется обычно 1—2 см при толщине 2—2,8 см. В некоторых случаях ножка почти отсутствует. Полые ножки достигали более значительной высоты — 3—5 см.

Сосуды со сплошными ножками представлены в большинстве случаев изделиями из темно-синего, зеленого, коричневато-бурого непрозрачного или полупрозрачного стекла. Рюмки на полых ножках более тонкостенны, стекло их зеленоватое, желтоватое, иногда почти бесцветное, прозрачное.

Несмотря на относительную малочисленность подобных изделий, они служат показателем высокого уровня развития стеклоделательного производства Дербента. Сам бокал состоял из двух частей: верхнего резервуара и ножки на донце, и для изготовления его требовались две сложные операции. Ножка и поддон выполнялись из одного комка стеклянной массы и крепились к резервуару кусочком горячего стекла. Порой ножка украшалась вдавленно-рельефным или штампованным орнаментом.

Эти сосуды несколько напоминают рюмкообразные сосуды позднеантичного и раннесредневекового времени памятников Северного Причерноморья [174] и Кавказа [175], а более близкие параллели находят среди средневековых стеклянных изделий Восточного Кавказа [176], Ближнего Востока [177], Средней Азии [178] и Крыма [179], хотя в деталях имеются значительные различия.

Узкогорлые сосуды составляют наиболее многочисленную группу дербентской стеклянной посуды, весьма разнообразную по размерам, форме горловины и тулова, приемам орнаментации. По размеру их можно разделить на большие, средние и маленькие сосуды.

Большие сосуды представлены в основном стеклянными изделиями двух типов: 1) первый, наиболее многочисленный, имеет округлое шаровидное или слегка вытянутое тулово диаметром

12—18 см, плавно переходящее в очень высокую, до 15—21 см, цилиндрическую или слегка конусовидную горловину диаметром 3—5 см, расширенную к основанию; 2) второй тип крупных стеклянных сосудов встречается значительно реже, он во многом напоминает керамические кувшины с округлым или несколько вытянутым туловом, диаметром 12—14 см, плавно переходящим в горловину, к верхней части которой и плечикам сосуда крепится довольно большая ручка округлого или ленточного сечения.

Сосуды, выявленные в слоях города VIII—X вв., несколько различаются по оформлению верхнего края: одни имеют прямой, совершенно невыделенный, зашлифованный край, а другие — отличаются несколько утолщенным или расширенным венчиком. Стекло сосудов разнообразное: зеленого или буро-коричневого цвета, непрозрачное или чуть зеленоватое, голубоватое, почти бесцветное, прозрачное, иногда темно-синее.

Оба тела сосудов обычно орнаментировались с помощью вертикально или горизонтально прикрепленных накладных жгутов, налепов и валиков, иногда украшенных защипами или насечками. Эти налепные украшения наносились в горячем виде на еще мягкий сосуд. Рельефно-вдавленный орнамент использовался очень редко.

Подобная орнаментация сосудов широко применялась в средневековый период в стеклоделии Кавказа [180] и Средней Азии [181], а сами крупные узкогорлые сосуды находят довольно многочисленные аналогии среди материалов средневековых городищ Орен-калы [182], Кабалы [183], Нисы [184], Афрасиаба [185].

Средние сосуды составляют наиболее многочисленную группу узкогорлых сосудов. По форме они мало чем отличаются от крупных сосудов, но горловины их значительно меньшей высоты — 4—8 см, наряду с прямыми цилиндрическими встречаются конусообразные и несколько расширенные в верхней части.

Изделия этой группы орнаментировались значительно чаще, чем крупные сосуды, и в основном это были накладные жгуты, валики, налепы, наносимые в горячем виде на еще мягкий сосуд. Жгуты нередко делались волнистые или украшались защипами и насечками. Рельефно-вдавленный орнамент использовался редко. Подобные сосуды находят аналогии в посуде средневековых памятников Кавказа [186] и Средней Азии VIII—X вв.[187]

Маленькие сосуды или флакончики представлены в слоях Дербента VIII—X вв. весьма широко. В основном они имеют невысокую или средних размеров горловину высотой 2—4 см и диаметром 2,5—3,5 см. По форме горловины удалось выделить три варианта: 1) сосуды с округлым туловом и конусообразной или воронкообразной горловиной, расширяющейся кверху; 2) сосуды с невысокой цилиндрической горловиной, несколько вздутой или сильно утолщенной у венчика; 3) сосуды с прямой цилиндрической невысокой горловиной, от которой почти горизонтально резко расходятся стенки тулова изделия, венчик иногда утолщен, прямой или валикообразный.

Стекло маленьких сосудов, как правило, непрозрачное, темно-зеленого, черного, темно-голубого, буро-коричневого цвета.

Орнаментация либо отсутствует, либо довольно проста, обычно в виде накладного жгута. Однако наряду с подобной простой орнаментацией отмечены и более сложные приемы украшения сосудов. Обычно это изделия первого варианта из черного стекла, к которому добавлены крошки молочно-белого, образовавшегося при выдувании, проходят тонкие белые, иногда голубовато-белые продольные нити.

Подобные приемы орнаментации стеклянных сосудов отмечены на изделиях средневековых памятников Азербайджана [188].

Маленькие стеклянные сосуды находят довольно широкие параллели среди аналогичных изделий Кавказа [189] и Средней Азии [190].

Широкогорлые сосуды составляют очень небольшую часть стеклянной посуды средневекового Дербента. Пока обнаружено только семь фрагментов подобных стеклянных изделий, отличающихся по форме венчика.

К первому типу относятся сосуды округлой формы с несколько отклоненным внутрь венчиком, утолщенным за счет отгиба верхней части края, который вплотную прижат к тулову или между ними остается просвет. Второй тип представлен сосудами с более вытянутым туловом и венчиком, отклоненным внутрь под прямым углом и утолщенным за счет отгиба верхнего края, который образует внутреннее кольцо сосуда. Диаметр венчика изделий от 6—7 см до 12—13 см.

Эти сосуды сделаны в основном из зеленого, светло-желтого, коричневатого, полупрозрачного или прозрачного стекла.

Находки широкогорлых стеклянных сосудов, близких по формам к описанным дербентским изделиям, известны на средневековых памятниках Кавказа [191], Средней Азии [192] и Крыма [193].

Украшения из стекла в слоях Дербента VIII—X вв. представлены браслетами, кольцами, бусами, аналогичными изделиями Кавказа, Среднего Причерноморья, Руси [194]. Следует отметить, что украшения из стекла, за исключением небольшого количества бус и вставок-глазков к перстням, не встречаются в раннесредневековых слоях города, что свидетельствует о новом качественном шаге вперед в развитии стеклоделия на втором этапе.

Браслеты. Хронологически появление браслетов в Дербенте, согласно данным стратиграфии, опирающейся на богатый керамический и нумизматический материал, относится к IX—X вв. Пока не обнаружено ни одного достоверно датированного браслета VIII в., хотя это и не исключает возможности их производства уже во второй его половине.

Появление стеклянных браслетов в Закавказье ряд исследователей относят к VIII—X вв.[195], в то время как для Северного Кавказа и Причерноморья, Руси наиболее ранней датой считается IX—X вв.[196], а отдельные специалисты относят их появление только к середине X в.[197]

Всего в слоях VIII—X вв. обнаружено 33 фрагмента браслетов (общее количество браслетов в слоях IX—XIII вв. 77 штук) различной сохранности. По форме сечения их можно разделить на круглые, прямоугольные, плоско-выпуклые, крученые (табл. 1).

Таблица 1

Распределение типов браслетов по форме в VIII—X вв.

Период	Круглые		Прямоугольные		Плоско-выпуклые		Крученые		Всего	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
VIII—начало IX в.	2	6,06	—	—	—	—	—	—	2	6,06
IX—X вв.	14	42,45	2	6,06	8	24,25	7	21,2	31	93,94
% от общего числа браслетов IX—XIII вв.	20,77		2,59		10,38		9,09		42,83	

Браслеты изготовлялись вытягиванием жгута из горной расплавленной стекловидной массы и скреплением концов обрезанного до нужного размера куска в кольцо определенного диаметра. Плоско-выпуклые браслеты делались также весьма просто; вытянутый жгут в горячем состоянии раскладывался на ровной поверхности, обычно на тщательно обработанной каменной плите, благодаря чему он принимал округло-каплевидную форму сверху и плоскую с внутренней поверхности, после чего концы его скреплялись. Более сложным было изготовление прямоугольных и крученых браслетов. Для первых использовали специальные фигурные трубки, с помощью которых делалась необходимая заготовка, которая затем подправлялась до необходимой формы. Вторые изготавливались кручением заготовки, причем обычно это были специальные рифленые заготовки.

Концы жгута (дрота) скреплялись между собой в горячем виде. Браслеты, найденные в слоях Дербента VIII—X вв., имеют два способа скрепления концов дрота: путем накладки одного конца на другой и заглаживания; соединения в единое целое с помощью щипцов, что придает браслету в месте замка квадратное сечение.

Как видно из таблицы, наибольшее распространение в IX—X вв. получили браслеты более простых форм, круглого и плоско-выпуклого сечения, изготовление которых не требовало никаких дополнительных приспособлений. Они составляют около 73%, в то время как квадратные составляют всего 6%, а крученые — около 21%.

Браслеты, обнаруженные в слоях этого времени, синего, голубовато-молочного, желтовато-коричневатого, черного стекла. Большинство из них покрыто пленкой иризации или радужного налета, однако браслеты из черного стекла, как правило, чистые.

Орнаментация на браслетах обычно отсутствует, но в двух случаях крученые изделия имеют витую орнаментацию беловато-

молочной или чуть голубоватой нитью, а в одном — полосой, окрашенной в золотисто-желтый цвет и прочно соединенной с основой. Браслет с подобной золотистой росписью является, скорее всего, предметом восточного импорта и, подобно сходным браслетам из Саркела, вероятно, византийского происхождения [198].

Отмечая появление в Дербенте VIII—X вв. украшений из стекла в виде разнообразных браслетов, следует подчеркнуть, что в этот период данный вид стеклянных изделий аналогичных форм и такой же технологии изготовления широко бытовал во многих средневековых городах Кавказа [199], Поволжья [200], Северного Причерноморья [201], Древней Руси [202].

Кольца в отличие от браслетов представлены в небольшом количестве. К настоящему времени известно два целых стеклянных кольца и два фрагмента из слоев VIII—X вв. Одно из них голубое, два черных и одно темно-синее. По технике изготовления кольца несколько отличаются друг от друга. Кольцо темно-синего цвета сделано путем вытягивания очень тонкого дрота, концы которого в горячем виде были соединены щипцами. Место соединения украшено бугорком, который покрыт стеклом светло-серого состава и расписан красной краской. Подобный способ соединения концов жгута (правда, без раскраски) широко применялся в средневековых стеклоделательных мастерских Закавказья [203], откуда эти кольца попадали иногда в Северное Причерноморье [204].

Кольцо, представленное фрагментарно, выполнено в той же технике. Два других стеклянных кольца этого времени изготовлены способом навивки очень тонкой стеклянной полосы вокруг стержня. При такой технике изготовления не видно место соединения концов дрота. Подобный способ изготовления колец также широко известен на Кавказе и отмечен на аналогичных изделиях с памятников VII—X вв. Грузии [205] и Азербайджана [206].

Бусы составляют одну из групп стеклянных украшений средневекового Дербента. Изготовление их производилось путем вытягивания тонкого стеклянного жгута, который потом раскатывали и обвивали им тонкий стержень, отверстие от которого служило для продевания нитки. Не исключено, что для производства бус использовали заготовки браслетов (круглых или плоско-выпуклых, возможно, отходы от их производства), разрезавшиеся на короткие куски, в которых протыкались отверстия [207]. Использовался и метод навивки, однако бусы, изготовленные подобным путем, представлены единичными экземплярами. Основная масса бус шаровидной, эллипсовидной, цилиндрической, биконической, многогранной форм; встречаются многочастные бусы и стеклянные разделители бус. В основном бусы сделаны из непрозрачного стекла коричневато-красного, черного, голубовато-молочного, зеленого цвета, но встречаются и прозрачные зеленоватые или желтоватые бусы.

Следует отметить, что в Дербенте не встречено ни одного экземпляра глазчатых и других бус ближневосточного происхож-

дения. Учитывая тесные контакты города с крупнейшими центрами Переднего Востока и обилие подобного ближневосточного импорта в материалах синхронных памятников Восточной Европы, в том числе Северного Кавказа и многих районов Дагестана [208], это вызывает удивление. Любопытно заметить, что такая же картина отмечена и для Тмутаракани, где подобные бусы найдены в очень небольшом количестве [209]. Наряду с бусами в слоях Дербента обнаружено несколько прямоугольных и овальных стеклянных вставок-глазков для колец или перстней. Они черного и темно-зеленого цвета, из непрозрачного стекла.

Стеклянные бусы и вставки, подобные дербентским, отмечены в материалах слоев VIII—X вв. городищ Кабалы [210] и Оренкалы [211].

Исследование стеклянных изделий Дербента, относящихся к VIII—X вв., показало, что в этот период стеклоделие города сделало большой шаг вперед. Дербентские стеклодувы освоили изготовление прозрачного стекла, расширился ассортимент выпускаемой стеклянной посуды, значительно возросло ее количество. Ярким показателем развития стеклоделия в Дербенте и его качественного роста служит появление в слоях этого периода стеклянных браслетов, колец, бус, вставок, положивших начало производству разнообразных украшений из стекла. Одной из особенностей стеклянных изделий Дербента этого времени является простота их оформления, что способствовало удешевлению продукции, а почти полное отсутствие среди них дорогостоящего ближневосточного импорта, составляющего всего 7—8% от общего количества находок стекла, в определенной степени служит показателем уровня местного стеклоделия, видимо целиком обеспечивавшего рынок. В этот период дербентские ремесленники освоили и успешно применяли наиболее простые и экономически выгодные технологические приемы изготовления стеклянных изделий, широко распространенные в крупнейших экономических центрах Переднего Востока, Кавказа, Средней Азии: для стеклянной посуды — технику выдувания в форму, для украшений — технику вытягивания жгута и навивки. Все это способствовало удешевлению продукции.

Резкое количественное увеличение изготовления стеклянных изделий, новый шаг в качестве выпускаемой продукции и ее орнаментации, освоение совершенно новых видов изделий и связанной с ними технологии стеклоделательного производства — все это позволяет выделить VIII—X вв. в определенный, весьма важный этап стеклоделия города и считать его новым, вторым периодом развития стеклоделательного ремесла Дербента.

Период XI — середины XIII в.

Третий период развития стеклоделательного производства средневекового города относится к началу XI — середине XIII в. Это время наибольшего расцвета стеклоделательного ремесла Дербента, и в слоях города этого периода обнаружено 376 фрагментов стеклянных изделий, включавших в себя стеклянную посуду, украшения из стекла, фрагменты оконного стекла. В количественном отношении изделия распределяются следующим образом: посуда — 277 фрагментов; браслеты — 44 штуки, кольца — 3 штуки, вставки к перстням — 13 штук; бусы — 39 штук, стекло оконное — 12 фрагментов; 1 крупный и несколько мелких фрагментов толстостенного плоского литого стекла неизвестного назначения. Существенных изменений в технологии изготовления стеклянной посуды и других изделий в этот период не отмечено, но третий период характеризовался более массовым производством посуды, значительной стандартизацией и упрощенностью выпускаемых украшений, что свидетельствует об их широком изготовлении на рынок, освоением производства оконного стекла. К этому времени относятся остатки единственного пока в Дербенте и вообще в Дагестане, четко засвидетельствованного стеклоделательного производства с круглоплановой стеклоплавильной печью, заполненной шлаком с застывшей стеклянной массой темно-синего цвета [212]. Печь имеет диаметр более 1 м, при высоте более 1,5 м, стенки из кирпича сильно ошлакованы стекломассой [213]. Посуда и украшения этого времени в основном представлены изделиями из темно-синего, зеленого, коричневато-бурого непрозрачного стекла и голубоватого, зеленоватого или почти бесцветного стекла.

Стеклянная посуда составляет около $^2/_3$ всех стеклянных изделий, обнаруженных в слоях этого времени. По сравнению с посудой второго периода здесь не только значительно увеличивается число экземпляров, но и изменяется соотношение различных типов изделий. Так, в это время резко сокращается выпуск чаш, но значительно увеличивается количество узкогорлых сосудов самых различных размеров. Много стеклянных ручек вытянутых форм, принадлежащих одноручным сосудам типа кувшинов. К сожалению, от многих изделий сохранились лишь донца, не позволяющие судить о форме всего сосуда. Появление новых типов донец: с очень сильно вогнутой внутрь воронкообразной поверхностью, с двойным перегибом в нижней части, с двойной утолщенной кольцевой ножкой — позволяет предполагать освоение местными мастерами в этот период и новых форм стеклянных сосудов, не сохранившихся в целостности. В основной массе посуда XI—XIII вв. сохранила формы, близкие изделиям Дербента VIII—X вв. Определенные количественные и качественные изменения выявленных типов дербентской стеклянной посуды были связаны в значительной мере с выпуском аналогичных изделий из металла и глины.

Чаши представлены в слоях Дербента XI—XIII вв. единичными фрагментами изделий двух типов. Первые имеют округлые стенки с прямым, чуть отклоненным внутрь валикообразным венчиком, образованным за счет отгиба верхнего края изделий, и кольцевую ножку довольно значительной высоты, с вогнутой внутрь поверхностью. Цвет стекла чуть голубоватый, почти

бесцветный, прозрачный или зеленоватый, прозрачный. Второй тип представлен чашами со слабовыпуклыми боками и прямым, слегка утолщенным венчиком, подчеркнутым по основанию небольшим выступом. Дно чаш уплощенное с чуть выделенным кольцом. Стекло желтовато-зеленоватое, прозрачное. Орнаментация проста, обычно налепной жгут, подчеркивающий основание венчика или стенок. Подобные чаши находят себе значительные параллели в стеклянной посуде средневековых памятников Кавказа, Передней и Средней Азии, причем изделия первого типа более близки к азиатским образцам[214], а второго — к кавказским[215].

Стаканы в слоях начала XI — середины XIII в. встречаются значительно реже, чем среди стеклянных изделий второго периода развития Дербента, и представлены они одним типом сосудов, аналогичных стаканам второго варианта VIII—X вв. В основном это сосуды с прямым цилиндрическим туловом, плоским или чуть вогнутым дном и прямым, невыделенным или чуть утолщенным венчиком. Некоторые из них по форме и размерам скорее можно назвать банкообразными сосудами.

Диаметр стаканов достигал 7—10 см, а у банкообразных сосудов 12 см, высота 10—15 см. Стекло довольно толстое, обычно 0,2—0,3 см, у банкообразных сосудов иногда до 0,4 см. Встречаются изделия с прозрачным стеклом зеленоватого, желтоватого оттенка или почти бесцветным и с непрозрачным стеклом темно-зеленого, коричневато-бурого, редко темно-синего цвета. Орнаментация на стаканах, как правило, отсутствует. Стаканы и банкообразные сосуды, выявленные в слоях Дербента начала XI — середины XIII в., находят довольно близкие аналогии в синхронных средневековых памятниках Кавказа[216] и Средней Азии[217] и несколько более поздних материалах средневековых городов Поволжья XIII—XIV вв.[218–221]

Рюмкообразные сосуды аналогичны по форме изделиям VIII—X вв. и представлены в основном нижними частями. Это позволяет утверждать, что подобный вид стеклянной посуды изготовлялся ремесленниками средневекового Дербента, но судить о форме верхней части сосуда, его резервуаре, обычно очень тонкостенном, можно только по аналогиям с немногочисленными подобными изделиями Дербента VIII—X вв. и средневековых памятников ряда областей Средней Азии и Переднего Востока. Самую многочисленную группу стеклянной посуды в слоях города XI—XIII вв. составляют узкогорлые сосуды. По их величине, связанной, видимо, с назначением, этот вид посуды можно разделить на три группы: большие, средние и маленькие. Первые две группы наиболее многочисленны и довольно сходны между собой по форме.

Сосуды первой группы имеют в основном прозрачное или полупрозрачное стекло зеленоватого, коричневато-бурого, желтовато-бурого или темно-коричневого цвета со следами иризации и радужной пленки покрытия.

Почти все выявленные фрагменты изделий этой группы орнаментированы. В основном это валики из круглых или овальных жгутов, налепленные в горячем виде на еще мягкую поверхность сосуда. Иногда жгуты имеют волнистую форму. Кроме этого, большинство сосудов покрыто рифленно-вдавленным сплошным орнаментом, полученным при выдувании массы в специальные формы.

Иногда среди изделий этой группы встречаются толстостенные сосуды, которые, судя по фрагментам профилированных ленточных ручек шириной до 7 см и толщиной до 1—1,5 см, достигали очень значительных размеров.

Средние сосуды незначительно отличаются от подобных изделий VIII—X вв., но здесь появляются изделия с горловиной, сильно сжатой в средней части, и сосуды с широким полым валикообразным венчиком. Следует отметить, что стекло этого типа посуды в большинстве своем зеленоватое, желтоватое, голубоватое прозрачное реже зеленого, темно-синего, коричневато-бурого цвета непрозрачное. В отличие от аналогичных изделий предшествующего периода сосуды этой группы чаще орнаментировались, обычно налепными жгутами, прикрепленными в горячем состоянии, и нередко они украшены защипами, вдавлениями, рифлением, а также разнообразными налепами и штампами. Применялся рельефно-вдавленный орнамент, полученный при вдувании в форму, который почти не встречается на подобных сосудах VIII—X вв.

Появляются новые формы маленьких сосудов, помимо представленных в VIII—X вв. Так, здесь встречаются изделия с сильно вытянутым прямоугольно-сжатым туловом, с вытянутым цилиндрическим туловом, с биконическим туловом. Отмечены сосудики с фигурной горловиной и горловиной, сильно вздутой у основания или венчика. Сосудики подобных форм широко представлены среди стеклянных изделий третьего периода. Стекло их темно-синего, синего, коричнево-бурого, темно-зеленого цвета, голубоватое прозрачное или полупрозрачное. Орнаментация в виде налепов, налепных тонких жгутиков или полос с защипами, изгибами или насечками.

Наряду с посудой в слоях XI—XIII вв. отмечены многочисленные находки *украшений из стекла.*

Браслеты этого периода представлены 44 экземплярами, которые по формам и технологии изготовления почти не отличаются от аналогичных изделий VIII—X вв. Однако здесь не найдено браслетов, выполненных с помощью фигурных трубок (квадратные, треугольные), и почти отсутствуют браслеты, скрепленные щипами в замок четырехугольного сечения (два экземпляра). В основном браслеты скреплялись путем наложения концов.

По форме различаются круглые, плоско-выпуклые, крученые браслеты (табл. 2). Следует отметить, что бóльшая часть браслетов (см. табл. 2) была обнаружена в слое XI — начала XII в.,

причем здесь почти нет браслетов из черного стекла. В основном это изделия голубовато-молочного, темно-синего, беловато-молочного, желто-коричневого цвета. Отмечены единичные находки (два фрагмента) толстых прозрачных браслетов светло-зеленого цвета. В этот период в значительно большей степени изготовлялись крученые браслеты с цветной нитью, обычно это молочно-голубая или белая нить в темных браслетах (синих, бурых) или темно-синяя в светлых (молочно-голубых, белых). Обнаружены четыре расписанных крученых и гладких браслета, два с нитью, покрытой красной краской, плотно прикрепленной к основе, и два гладких браслета с волнистой витой золотой полосой.

Таблица 2

Распределение браслетов по их форме в XI—XIII вв.

Период	Круглые		Прямоугольные		Плоско-выпуклые		Крученые		Всего	
	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%	шт.	%
XI — начало XII в.	15	34,09	2	4,54	5	11,36	8	18,19	30	68,2
XII — середина XIII в.	5	11,36	—	—	2	4,54	7	15,9	14	31,8
% от общего числа браслетов IX—XIII вв.	25,97%		2,59%		9,09%		19,48%		57,1%	

Браслеты с росписью золотом представляют собой импортные ближневосточные, скорее всего византийские, украшения. Происхождение двух других браслетов с росписью пока не ясно, не исключено, что они могут оказаться и местными изделиями.

Несмотря на довольно значительное число находок браслетов в слоях XI—XIII в., они значительно уступают находкам стеклянной посуды, что отличает в этом плане Дербент от многих древнерусских городов [222].

Кольца среди стеклянных украшений этого времени представлены тремя экземплярами. Два из них плоско-выпуклые и сделаны путем вытягивания дрота и расстилания его в горячем виде на ровной поверхности (плите), а дно круглое. У всех трех колец концы дрота соединены путем наложения, с заглаживанием образовавшегося бугорка. Подобный способ соединения широко использовался в средневековых стеклоделательных мастерских Закавказья и получил наибольшее распространение в XII—XIV вв. Все три кольца выполнены из темно-синего стекла, поверхность которого покрыта в настоящее время тонкой пленкой иризации.

Бусы, обнаруженные в слоях XI—XIII вв., по технике изготовления разделяются на три типа: 1) бусы, изготовленные путем вытягивания стеклянной трубочки с последующим разделением этой заготовки на отдельные бусы — это так называемые трубчатые бусы; 2) бусы, выполненные путем вытягивания тонкого стержня с последующей навивкой его на металлический стержень, диаметр которого соответствует отверстию бусины; 3) округлые,

плоские, биконические бусы, изготовленные из кусочка горячей массы, в которой стержнем проткнуто отверстие.

Бусы первого типа, нарубленные из вытянутой трубки (трубчатые), составляют самую многочисленную группу стеклянных бус Дербента. Они были просты в изготовлении, дешевы, могли легко производиться в массовом количестве и предназначены для рядового покупателя, о чем свидетельствуют и небрежно отрезанные края у целого ряда изделий. Эти бусы из голубого, молочного и темно-синего стекла и обычно покрыты иризацией. Бусы второго и третьего типа значительно уступают в количественном отношении первым. Наиболее распространенные формы этих бус: цилиндрическая, округло-ребристая, шаровидная, плоско-вытянутая, овальная. Подобные бусы широко представлены в материалах средневековых памятников Кавказа [223], Средней Азии [224], Поволжья [225], древней Руси [226], Дагестана [227].

Исследования комплекса стеклянных изделий Дербента XI—XIII вв. показали, что в этот период стеклоделие в городе достигло своего наибольшего расцвета. Ни в слоях более раннего периода, ни в напластованиях послемонгольского времени не было обнаружено столько стекла и такого внушительного его разнообразия. Для сравнения можно указать, что на одних и тех же площадях раскопов количество стеклянных изделий в слоях XI — середины XIII в. превосходит аналогичную продукцию из раннесредневековых напластований города VI—VII вв. в десять раз. Однако третий период характеризовался не только количественным ростом изделий, в это время значительно возросло качество стекла, увеличилась его цветовая гамма, разнообразнее стал ассортимент продукции, усложнилась орнаментация. Совершенно новым видом стеклянных изделий Дербента стало оконное стекло, производство которого было освоено в этот период. В это время в городе, судя по археологическим находкам, производили не только прозрачное, но и цветное оконное стекло, вставлявшееся в окнах, видимо, и в мозаичном сочетании. Производство и употребление цветного оконного стекла в Дербенте сохранили свои традиции и в позднесредневековый период, о чем сообщают письменные источники, восторженно описывающие цветные стекла дворца Фет-Али-хана [228].

Дальнейшее развитие получила в этот период технология выдувания стекла в специальные рельефные формы. Широкое развитие получила орнаментация стекла. Новым в стеклоделии Дербента стало появление литого стекла, широко распространенного в античное время в Западной Европе. Однако эта технология не получила широкого развития.

Находки в слоях этого времени фрагментов изделий и браслетов с позолотой, эмалью, раскраской надо связывать, вероятно, с ближневосточным и византийским импортом, хотя ряд браслетов с раскраской мог быть местного производства.

Анализ стеклянных изделий Дербента XI — середины XIII в. позволяет говорить, что основная масса их шла на рынок и была

рассчитана на широкого потребителя. О массовом поступлении продукции стеклоделательного производства на рынок могут свидетельствовать не только простота и довольно большая стандартизация форм и орнаментации изделий, но и почти полное исчезновение некоторых видов стеклянной посуды в это время, например чаш и стаканов, что было связано с широким распространением более дешевой керамики и самого массового ее вида — чаш, относительно легко изготовляемых. На этом процессе сказалось и увеличение выпуска металлических изделий. Об изготовлении продукции стеклоделательного ремесла для рынка могут свидетельствовать и исследования украшений этого времени, когда наибольшее распространение получают простые трубчатые бусы и стеклянные вставки к перстням.

Изучение стекла Дербента XI — середины XIII в. позволяет сделать вывод, что в этот период в развитии стеклоделательного производства города произошел новый подъем, возрос количественный и качественный его объем, усовершенствовалась технология производства, были освоены совершенно новые виды продукции, свидетельствующие об уровне развития этого вида ремесла. Стеклоделательное производство Дербента XI — середины XIII в. отчетливо свидетельствует, что этот вид ремесла стал одним из основных в экономике средневекового города, что позволяет выделить этот хронологический этап в отдельный период развития стеклоделия в Дербенте.

Подводя итоги изучению стекольного производства Дербента VI — середины XIII в., отметим возможность выделить три основных периода его развития и дать основание утверждать, что эта отрасль ремесла средневекового города достигла высокого уровня. Многочисленность и разнообразие выпускаемой в городе в средневековый период посуды, богатый ассортимент обнаруженных здесь украшений из стекла, производство в городе оконного стекла, выпускаемого далеко не во всех известных ремесленных центрах Переднего Востока, Кавказа, Средней Азии, Восточной Европы, позволяют считать Дербент одним из крупных очагов стеклоделия на Кавказе и вообще на средневековом Востоке. Правда, средневековое стекло Дербента, несомненно, уступает по своим художественным достоинствам лучшим образцам византийских, сирийских, египетских и других ближневосточных изделий, украшенных золотом, эмалью, прекрасной резьбой, но подобное стекло являлось предметом роскоши, в то время как основная масса дербентской посуды, судя по ее простоте и многочисленности, имела весьма широкое распространение. Сказанное, однако, не позволяет утверждать, что стеклянные изделия были столь же дешевы, как керамическая посуда. Бо́льшая часть дербентского стекла была обнаружена в цитадели и богатых верхних кварталах средневекового города, а оконное стекло только там; однако посуда и украшения из стекла встречаются, хотя и значительно реже, в центральных и нижних районах Дербента — его рабаде.

СТРОИТЕЛЬНОЕ ДЕЛО И КАМНЕОБРАБОТКА

Большие строительные работы, связанные с возведением и перестройками фортификаций Дербента, а также различных общественных, культовых и гражданских сооружений требовали множества строительных рабочих, занятых в различных сферах строительства.

Первые оборонительные сооружения Сасанидов в Дербенте, возникшие во второй четверти V в., были возведены из сырцового кирпича, материала, типичного для архитектуры сасанидского Ирана и вообще памятников Переднего и Среднего Востока.

Однако исторические события на Кавказе в этот период показали, что данная сырцовая фортификация не в силах выполнить возложенную на нее миссию, а возросшая активность степняков и появление в северном Прикаспии крупных объединений кочевников потребовали новых, более значительных фортификационных работ. Необходимость широкого фортификационного строительства заставила иранцев отказаться от привычного строительного материала, чуждого местным строительным традициям и малопригодного для данных географических условий. Камень вновь стал основным строительным материалом в Дербенте.

Период VI—VII вв.

Письменные источники хотя и донесли до нас определенные сведения об организации строительных работ в Дербенте в данный период, но мало что сообщают о непосредственных производителях работ, строительных профессиях, организации производства.

Судя по сообщениям Моисея Каганкатваци, писавшего, что «цари персидские изнуряли страну нашу, собирая архитекторов и взыскивая разные материалы...»[229], основным производителем работ было местное население этого района и других областей Кавказской Албании, а руководство осуществляли иранцы, использовавшие, возможно, греческих и сирийских архитекторов. Это было закономерно, так как местное население имело богатые традиции каменного строительства и местные мастера-каменщики опирались на тысячелетний опыт поколений горцев, возводивших свои постройки из камня еще в эпоху энеолита и ранней бронзы. Хотя наряду с ними могли быть использованы византийские пленные мастера и ремесленники западных городов Ирана.

Конструктивные особенности дербентской кладки и специфика возведения здесь стен требовали специализации строительных работ.

В процессе строительства наибольшее развитие получили добыча камня, его обработка и укладка.

Все оборонительные сооружения Дербентского каменного комплекса имеют двухстороннюю облицовку из крупных блоков

местного камня-ракушечника, добывавшегося в специальных карьерах, которые были обнаружены в результате понижения уровня Каспия [230] в четырех километрах к северу от города. Блоки имеют стандартные размеры: 0,9—1 × 0,65—0,7 × 0,3 м. В карьере сохранились не до конца вырубленные заготовки камней, близкие по размерам и форме к блокам облицовки стен. Каменные глыбы сначала добывали в виде заготовок. Вокруг заготовки с двух или трех сторон выбивался желоб шириной около 10 см и глубиной 25—30 м, а затем с торца, пользуясь значительной слоистостью и мягкостью камня, выламывалась заготовка [231]. По ширине и толщине обнаруженные в карьере заготовки соответствуют облицовочным блокам стен, а по длине превышают их вдвое (длина заготовок обычно около 2 м), и в процессе дальнейшей обработки их еще распиливали на два блока. Процесс добычи камня был весьма трудоемкий и требовал определенных навыков, так как малоквалифицированный рабочий мог поломать заготовку, что не только бы испортило данный блок, но и затруднило бы выламывание следующего ряда камней определенного формата. Еще более сложной была работа каменотесов, которые тщательно обрабатывали все четыре ребра блока и наружную широкую сторону. Камень столь тщательно отесывался, что при раскопках нижних, невыветренных рядов кладки зазор между блоками практически отсутствует и туда нельзя просунуть даже иголку.

Наиболее ответственной операцией при строительстве из блоков была их укладка. Блоки клали насухо с чередованием «ложков» и «тычков», а пространство между внешним и внутренним рядами облицовки стены заполнялось бутовой кладкой на известковом растворе.

О сложном способе возведения дербентских стен сообщает Хилаль ас-Саби, который пишет, что блоки стен имели два отверстия каждый, в которые вставлялись железные стержни и заливались свинцом, а новый блок уже одевался на эти штыри и т. д.[232] С этим же методом возведения стен познакомил в Куфе арабов, по сообщениям ат-Табари, прежний архитектор царя Хосрова Парвиза [233]. Здесь, очевидно, речь идет о конструкции морских стен Дербента, возведенных в море на огромных искусственных каменных молах. Насколько сложен был процесс подобного строительства и сколь высокой должна была быть квалификация мастера-каменщика, говорить не приходится.

Представляется вероятным, что при строительстве дербентских фортификационных сооружений существовала узкая специализация профессий. Были укладчики облицовки стен, мастера самой высокой квалификации, были каменщики, выполнявшие кладку тела стены (забутовку), а также подсобные рабочие.

Исследование пехлевийских надписей позволяет думать, что приведенная нами специализация строительных профессий, возможно, была зафиксирована и в их тексте. Так, известное сообщение третьей группы надписей, читаемое Г. С. Нибергом как

«мною сделано акан» [234], в котором слово «акан» было переведено им как «штукатурка», сразу вызвало возражение специалистов, а такие крупнейшие иранисты, как Ф. А. Розенберг и В. Ф. Минорский, авторитетно указали, что «акан» в персидском языке означает «набивка», «начинка» [235]. Это позволило предположить, что данная надпись сообщает о выполнении забутовки стены — одного из важнейших процессов строительства, производившейся, видимо, уже после укладки блоков специалистами другой квалификации.

Большие изменения в VI—VII вв. произошли по сравнению с предшествующим временем в приемах возведения сооружений и конструкциях их стен. Прежде всего надо отметить появление в строительстве известкового раствора, используемого для скрепления камней. До этого времени в архитектуре Дербента применялся глиняный раствор или кладка велась насухо.

Состав известкового раствора был очень сложным, и он выдерживался в течение длительного времени в специальных ямах или крупных тарных сосудах — хумах.

Главную прочность конструкции стен придавали «тычковые» блоки, строго чередующиеся с «ложковыми». Тычковый блок входил на всю глубину (0,9—1,2 м) в тело стены и прочно скреплялся с ней раствором, как бы армируя кладку. Кроме того, боковые вертикальные грани ложковых блоков слегка подтесывались, и тычковый блок, который также чуть подтесанный, заклинивался между ними, подобно замку клинчатой перемычки, прочно удерживая оба облицовочных блока.

Техника подобной, или близкой ей панцирной кладки, получила развитие в фортификационном строительстве Кавказа [236], Переднего и Среднего Востока [237], Северного Причерноморья [238] в IV—VI вв., и в Дербенте, где отмечаются наиболее высокие ступени в развитии фортификационного искусства.

Изучение фортификационной и гражданской архитектуры города свидетельствует о значительном прогрессе, достигнутом в развитии строительного дела и камнеобработки в Дербенте VI — начала XIII в. Наиболее важными последствиями этого развития были возросшая роль строительных работ в экономике города, резкое увеличение в Дербенте числа рабочих, занятых в сфере строительства, узкая специализация работ, наметившаяся в этой области. Рабочие строительных профессий составляют в это время одну из наиболее многочисленных групп ремесленного населения города.

Период VIII—X вв.

Завершение арабо-хазарских войн и стабилизация положения в этом регионе благоприятно отразились на торгово-экономическом развитии Дербента, но не понизили его военно-политической роли. Город продолжал оставаться границей двух миров и важнейшим опорным пунктом Арабского халифата. Эта роль

Дербента как главной заградительной линии на Кавказе способствовала проведению здесь широких фортификационных работ, в основном связанных с восстановлением уже существовавших оборонительных сооружений, пришедших в упадок в период арабо-хазарской борьбы за обладание городом.

Конечно, масштабы этих строительных работ не могли сравниться с колоссальными объемами фортификационного строительства сасанидского времени, но они все же были очень велики и оказали существенное влияние на развитие строительного дела и камнеобработки в Дербенте в этот период.

Участки стен города, возведенные или перестроенные при арабах, отличаются от кладок сасанидского времени строгой горизонтальностью швов [239], т. е. блоки не подтесывались в процессе строительства, хотя размеры и техника их укладки остаются прежними.

Из сказанного видно, что в VIII—X вв. продолжали существовать строительные традиции и приемы обработки камня, сложившиеся в первый период развития города, т. е. еще в сасанидское время. Стандартизация блоков кладки и использование прежних конструктивных приемов возведения сооружений этого времени предполагали и продолжение сложившейся в VI— VII вв. узкой специализации в этой области. Бурное развитие шахристана и впечатляющие масштабы бытового, культового, общественного строительства создали благоприятные условия для дальнейшего развития и усовершенствования строительного дела.

Развернувшееся бытовое строительство способствовало резкому увеличению использования обработанного камня при возведении жилых объектов, что повлекло за собой и изменения в размерах блоков. Большие стандартные блоки сасанидского образца были удобны и хорошо приспособлены для возведения крупных фортификационных и общественных сооружений, где широко использовался подневольный труд многочисленных подсобных рабочих, выполнявших в основном все тяжелые работы. Но эти блоки были тяжелы и малоудобны при возведении обычных бытовых построек, работы на которых велись, как правило, небольшим количеством мастеров-каменщиков и лично свободных чернорабочих-поденщиков, именовавшихся на средневековом Востоке «коргарами» или «муздварами» [240]. Массовое использование обработанного камня в гражданском строительстве повлекло за собой значительное уменьшение размеров блоков: 0,4—0,7 × 0,4—0,5 × 0,15—0,2 м. При этом в строительстве бытовых и общественных зданий стали применять новый способ укладки на ребро только ложковой стороной.

Новым в строительстве Дербента VIII—X вв. было появление сооружений из жженого кирпича, уложенного на известковом растворе, из которого теперь возводились не только отдельные конструкции, но дворцовые постройки дербентских правителей, дома феодальной верхушки города, крупные культовые здания.

Кирпич, применявшийся в строениях VIII в., отличался крупными размерами: 27—30 × 27—30 × 5 см, а в период IX—X вв. он был несколько меньших размеров: 20—24 × 20—24 × 4,5—5,5 см. Характерной особенностью кирпичных кладок VIII в. являются толстые швы известкового раствора, достигавшие толщины кирпича 4—5 см, что придавало бо́льшую прочность сооружению [241].

Следует отметить, что наряду с многочисленными строениями фортификационного, культового и бытового назначения, возведенными из отесанных камней, уложенных типичным для сасанидских построек способом, широкое распространение получили кладки из бутового (рваного) камня на глиняном растворе. Кладки подобного типа отмечены главным образом в домах рядовых обитателей Дербента [242].

Обследование памятников различного назначения Дербента VIII—X вв. показало, что большие изменения произошли в конструкциях сооружений. Конструктивные изменения коснулись как бытовых и культовых, так и фортификационных построек. Одним из основных новшеств этого периода стали арочный свод и стрельчатая арка [243], не известные, по мнению С. О. Хан-Магомедова, на памятниках города сасанидского времени.

К этому периоду относится значительное количество памятников бытового и общественного строительства, перекрытых арочным сводом и стрельчатой аркой. В цитадели это крупные прямоугольная цистерна водохранилища в северо-восточной части, дворцовые сооружения в восточной части, возможно, разгрузочная стрельчатая арка над западными воротами; в шахристане — крупное складское помещение VIII в. в районе Джума-мечети, прямоугольное и квадратные водохранилища, расположенные здесь же, пристройка из жженого кирпича к Джума-мечети, богатое кирпичное здание у южной стены, ворота Дашкапы и другие памятники. Древнейшие ворота Орта-капы и Кырхляр-капы перекрыты плоско-клинчатыми перемычками, хотя над северными воротами Кырхляр-капы устроена разгрузочная стрельчатая арка. Это, видимо, было связано с тем, что древнейшие ворота южной и северной стены города мало перестраивались в арабское время.

Однако, несмотря на то что появление большинства гражданских и фортификационных архитектурных памятников, перекрытых арочным сводом и стрельчатой аркой, относится к VIII—X вв., существование арок в архитектуре Дербента уже в сасанидское время весьма возможно. Сейчас имеются веские основания относить постройку здания Джума-мечети и крестообразного сооружения в цитадели к V—VII вв. Первый из этих памятников имеет трехнефную композицию с перекинутыми между колоннами арками, а второй — крестово-купольную композицию, с четырьмя подпружными арками.

Однако широкое распространение новые перекрытия нашли лишь с VIII в. и арочный свод и стрельчатая арка в значительной мере вытесняют существовавшие ранее виды перекрытия

и плоско-клинчатые перемычки, являющиеся наиболее древними в архитектуре Дербента [244].

Возведение стрельчатых арок и арочных сводов, которые стали в это время основным видом перекрытия во всех значительных сооружениях, требовало, несомненно, высокой квалификации мастеров-строителей и способствовало росту их профессионального уровня. Большое количество общественных и бытовых построек, включавших мощные фортификационные сооружения, крупные культовые памятники, такие, как Джума-мечеть и квартальные мечети, караван-сараи, бани, несколько больших водохранилищ и фонтанов, различные складские здания, дворцовые комплексы, дома городской знати и многие другие постройки, служит ярким показателем высокого уровня развития строительного дела, его количественного и качественного роста.

Характерной особенностью архитектуры этого времени стало широкое применение в конструкциях опорных колонн из камня, жженого кирпича и дерева [245]. Деревянные колонны возводились на каменных базах, нередко резных.

В этот период широко применяются и достигают особого размаха архитектурный декор и художественная резьба по камню. Резные архитектурные детали широко использовались в бытовых, культовых и даже фортификационных сооружениях города [246]. При раскопках бытовых памятников в большом количестве встречаются различные резные детали карнизов, дверных проемов, очагов, арочных сводов и перемычек, капителей и баз колонн [247]. В мечетях украшались углы помещения, капители и базы колонн, карнизы [248], а отдельные памятники, фонтаны и водоемы украшались даже скульптурными изображениями [249]. Для украшения стен города применялись консольные выступы, профилированные кронштейны, резные водоводы, машикули [250], а проемы ворот богато орнаментировались резными деталями. Главные в этот период ворота Орта-капы и Кырхляр-капы (Баб ал-Джихат) были орнаментированы, по сообщениям авторов X в., резными колоннами с профилированными капителями и скульптурными изображениями львов [251], сохранившимися на них до сегодняшнего дня [252]. Арабские авторы IX—X вв. описывают многочисленные резные украшения города. Особого внимания заслуживают изображения из камня фигуры человека с лисицей у его ног, в пасти которой гроздь винограда [253]. Эти сведения проливают новый свет на вопросы обработки камня в средневековом городе и служат прекрасным показателем мастерства местных камнерезов, их высокого профессионального и художественного уровня, на развитие которого не смогли оказать влияние даже строгие каноны ислама.

Все это позволяет утверждать, что в VIII—X вв. декоративная обработка и художественная резьба по камню являлись одной из развитых отраслей городского ремесла. Не менее ярким показателем уровня развития строительного дела, его специализации по отраслям, а также искусства художественной резьбы могут служить находки в слоях средневекового города резного штука, или гипсовой штукатурки, по которой в сыром виде наносился разнообразный резной орнамент. Искусство обработки гипса или алебастра зародилось еще в древности, более двух тысяч лет назад, а в средневековый период стало одним из замечательных видов архитектурного декора, распространившегося на памятниках монументального искусства. Прекрасные штыковые рельефы украшали стены дворцов и мавзолеев правителей Варахши, Термеза, Самарканда, Самарры, Мерва, Бухары, и даже те немногочисленные остатки их, которые дошли до нас сквозь разрушающую силу веков, поражают мастерством исполнения и сложностью композиции, где «узоры, словно ковер, сплошь покрывают стены зала, не оставляя свободными от орнамента ни одного вершка поверхности. Сливаясь в единую арабеску, узор как бы перебегает с одной плоскости на другую, фантастически меняя свои формы, и производит впечатление чего-то нереального, сказочного» [254].

Подобным новым приемом архитектурного декора в Дербенте VIII—X вв. является резной штук (стук), обнаруженный на памятниках города этой поры. Понятие «резной штук» прочно вошло в специальную литературу, хотя в зарубежной литературе по искусству Востока обычно употребляется термин «стук» («stuco»), согласно трактовке Витрувия, отделочный слой, чаще всего на известково-песчаной основе, применяемый в практике римских мастеров. Среднеазиатский штук, или резной ганч,— это местная разновидность гипса, содержащего естественные примеси лёсса [255].

На Кавказе резной штук не получил широкого развития, находки его известны на культовых памятниках средневекового Азербайджана и Дагестана, в Двине, но он не типичен для памятников Грузии, Армении (исключение Двин), Северного Кавказа. Помимо Дербента, штуковая резьба известна в Дагестане на мечетях селений Луткун и Калакорейш, причем штуковой михраб последней представляет собой прекрасный образец подобной резьбы, «близкий по орнаментальным мотивам стуковой резьбе Азербайджана и Средней Азии» [256].

В Дербенте резной штук был обнаружен на нескольких памятниках бытового и культового назначения, но во всех случаях находки его связаны не с рядовыми объектами — это крупнейшая мечеть (Джума-мечеть) [257], дворцовые комплексы цитадели [258], наиболее богатые жилые здания верхней части шахристана [259]. Дербент пока единственный памятник Кавказа, на котором резной штук был обнаружен на бытовых объектах [260].

В большинстве случаев штуком покрывались стены и отдельные части сооружений из жженого кирпича, что свидетельствует о зрелости подобной архитектуры и уверенности обращения с данным материалом. Наиболее распространенным способом нанесения штука было использование двухслойного способа, когда штук наносился на черновую штукатурку или подоснову.

Назначение двухслойного способа — дать плотную основу верхнему резному слою штука. Подслоем грунтовалась и выравнивалась поверхность, что позволяло делать резьбу глубокой. Однако в Дербенте отмечен и однослойный способ применения штука, когда он наносился на поверхность стены слоем толщиной в 2—3 см. Этот способ имеет некоторые неудобства при резьбе и не позволяет хорошо прорабатывать мелкие детали. Находка однослойного резного штука связана с памятником VIII — начала IX в., тогда как двуслойный более характерен для сооружений IX—X вв. и более позднего периода [261], когда порой применялся и трехслойный штук [262].

И однослойный, и двухслойный способы нанесения штука были типичны для настенной резьбы, т. е. когда работы выполнялись по невысохшему слою гипса, но наряду с этим практиковался, хотя и несколько реже, способ крепления на стене уже готовых деталей и даже, видимо, целых панно. Скрепление этих навесных деталей велось на быстро схватывающемся растворе.

Наиболее распространенным видом резьбы по штуку в Дербенте была глубокая или массивная резьба. Первая отличается выпуклостью, пластичностью и лежит обычно в одной плоскости.

Основной композицией резьбы по штуку, представленной в Дербенте, является геометрический орнамент в виде отдельных медальонов, квадратов, кругов, заполненных глубокими круглыми вдавлениями, резными треугольниками и шестиугольниками, которые сочетаются по бокам основной композиции с полупальметками, остролистниками, округлыми листьями и стеблями, спиралями. Наряду с геометрическим в орнаментальных композициях штуковой резьбы широко применялся растительный орнамент в виде стилизованных кистей винограда, листьев, пальметок, спиральных завитков и других узоров.

Дербентский резной штук находит себе значительные параллели среди аналогичного архитектурного штукового декора Варахши [263], Афрасиаба [264], дворца аббасидских халифов в Самарре [265], сасанидских и более поздних памятников Ирана [266], средневековых сооружений Азербайджана [267] и Дагестана [268]. Находки резного штука в Дербенте не только проливают новый свет на развитие одного из важных видов архитектурного декора в монументальном искусстве города, но свидетельствуют о наличии здесь еще одной специальной отрасли ремесла, связанной со строительством. Резьба по мокрой, быстро твердеющей гипсовой штукатурке требовала от исполнителя не только художественного мастерства, но и больших профессиональных навыков, и выполнять подобную работу могли только резчики-профессионалы, квалификация которых была достаточно высока. Появление и развитие в Дербенте техники резьбы по штуку неотделимо от процессов развития ахитектуры и строительного дела города, от периодов его экономического становления. Экономический расцвет Дербента в VIII—X вв. сильно изменил лицо средневекового города, поставив перед архитектурой многообразные и ответственные задачи, решение которых потребовало дальнейшего подъема строительного дела и увеличения среди его ремесленного населения людей самых различных строительных профессий, в том числе мастеров-профессионалов высокой квалификации.

Находки штука на памятниках внутреннего Дагестана, экономическое и политическое развитие которого не позволяет предполагать наличие здесь местных традиций резьбы по штуку, дали основания исследователям считать, что данные работы были выполнены приезжими мастерами по заказу местных феодальных правителей. Оба селения, где были обнаружены штуковые рельефы, находятся в непосредственной близости от Дербента и в средневековый период были с ним тесно связаны политически, экономически, культурно, что хорошо известно по письменным источникам и прослеживается в резьбе по камню, гончарном ремесле, металлообработке. Это позволяет полагать, что данные штуковые рельефы могли быть выполнены дербентскими мастерами в X—XI вв., что соответствует принятым датировкам этих рельефов и уровню организации ремесленного производства Дербента этого времени, когда здесь начинают появляться профессиональные ремесленные корпорации.

Период XI — середины XIII в.

В этот период во многом изменилось положение Дербента в регионе. Он превращается в своеобразный город-государство и в значительной мере утрачивает свое значение оплота на северных границах мусульманского мира, что сказалось на масштабах фортификационного строительства. Дербентским эмирам было не под силу поддерживать и восстанавливать грандиозную оборонительную систему, а небольшие строительные работы в этой области служили лишь одной цели — надежнее укрепить цитадель — резиденцию феодальных правителей.

В XI—XIII вв. в строительстве совершенно исчезают крупные блоки и применяются камни меньших размеров: 25—40 × 20—30 × 15—20 см. Новой традицией в обработке камня было появление небольших рустованных блоков размерами около 30 × 20 × 13 см. Фортификационное строительство уже не оказывало существенного влияния на развитие строительного дела в Дербенте.

В бытовых постройках рядовых горожан главным строительным материалом оставался бутовый, реже обработанный камень, скрепленный глиняным раствором, а кирпич и обработанный камень на известковом растворе в основном употреблялись в крупных культовых и общественных зданиях, дворцовых сооружениях, богатых домах.

Высокий уровень профессионального мастерства и организации строительного дела в средневековом Дербенте XI—XIII вв.

подчеркивают строительные надписи города. Они не только дают информацию о времени постройки того или иного сооружения и о имени основного производителя работ, но впервые в Дагестане в них зафиксировано также профессиональное звание строителя.

Исследователями строительной эпиграфики Кавказа было установлено бытование в Азербайджане XI—XIX вв. трех профессиональных терминов, обозначавших звание квалифицированных строителей и мастеров архитектурного декора [269]. Обычно термин употреблялся в зависимости от принадлежности мастера к той или иной архитектурной школе.

Профессиональные термины «ал-банна» и «ми'мар» встречаются в Дагестане очень редко в отличие от термина «устад», который был распространен почти во всех районах Дагестана, особенно с XVII в.[270] Подобным термином мог называться лишь мастер-профессионал высокой квалификации. «Несомненно, что званием „устада" обладали зодчие, достигшие определенной степени признания и имевшие учеников» [271].

В Дербенте были зафиксированы все три термина: «ал-банна», «ми'мар», «устад» [272], что, видимо, может свидетельствовать о весьма широком распространении здесь профессии строителя и значительном смешении различных архитектурных школ: нахичеванской и ширвано-апшеронской. Наиболее раннее упоминание мастеров Ахмада б. Абу(?) и 'Али-б. Йунуса связано с перестройками ворот Орта-капы в 1044 г.[273] В надписи XI—XII вв., сделанной на северной стене ворот Таш-капы, упоминается термин «ал-банна», причем указывается семейная преемственность строительной профессии: «...написал это ал-Харис сын Иазида ал-банна (строителя)» [274] Видимо, сын строителя принимал участие в строительстве и обладал уже достаточной квалификацией, так как имел право составить строительную надпись, но титула «ал-банна» еще не получил. О постройке минарета в Дербенте в XIII в. сообщает надпись с именем мастера Са'ида б. Худайшара [275].

Нередко в надписях сообщались и имена попечителей, видимо финансировавших те или иные строительные работы. Так, постройка ворот Таш-капы в XI—XII вв. в северной городской стене Дербента была «выполнена благодаря заботам Джаббара б. Ибрахима» [276].

Исследование строительной эпиграфики Дербента позволяет сделать вывод, что в этот период в строительном деле определенное положение занимали резчики, выполнявшие строительные надписи, надгробные эпитафии и другие подобные работы и упоминавшие свое имя после имени мастера. Так, надпись на южной стене у ворот Дубары-капы содержит дату строительства — 1184 г. и «имена: Мухаммад б. Махмуд и Иусуф б. Баба б. 'Али-Ибрахим, а написал Махмуд Гилянский» [277].

Изучение строительных надписей Дербента дает возможность говорить о высокой организации строительного дела в средневековом городе в XI—XIII вв. В этот период здесь уже существуют профессионалы — строители самой высокой квалификации, ремесло которых, видимо, было наследственным. Не исключено, что строители города были в этот период объединены в своего рода профессиональные корпорации, наличие которых для других видов городского ремесла этого времени зафиксировано в письменных источниках [278].

Ознакомление со строительным делом и камнеобработкой в Дербенте VI—XIII вв. показало, что здесь можно выделить три периода их становления и развития, связанные с тремя основными этапами экономического развития средневекового города. Каждый из трех выделенных периодов имел специфические черты развития, определявшиеся причинами не только экономического, но и военно-политического характера.

Первый период развития строительного дела и камнеобработки характеризовался грандиозным фортификационным строительством, способствовавшим появлению в городе большого числа рабочих строительных профессий и узкой специализации процессов добычи и укладки камня. Однако относительная несложность и полная идентичность конструктивных приемов кладки, постоянная повторяемость выполняемых каменщиком-профессионалом операций не требовали участия в процессе строительства высококвалифицированных мастеров-зодчих, и подобных специалистов в Дербенте VI—VII вв. было, видимо, очень немного.

Бурный рост шахристана города в VIII—X вв. и экономический расцвет Дербента в этот период положили начало новому подъему строительного дела и камнеобработки, развитие которых было прервано почти вековым периодом арабо-хазарских войн. Второй период характеризовался значительно меньшими масштабами фортификационного строительства, хотя объем его все еще был велик, особенно в VIII — начале IX в. Этот период в отличие от предшествующего был ознаменован небывало широким размахом гражданского строительства. Дербент в VIII—X вв. являлся крупнейшим торгово-ремесленным и идеологическим центром, что способствовало широкому общественному, бытовому и культурному строительству. Здесь возводились многочисленные водохранилища, склады, фонтаны, караван-сараи, общественные бани, мечети, дворцы эмиров, дома знати и рядовых горожан.

Размах строительства способствовал подъему камнеобрабатывающего искусства, повышению его художественного и эстетического уровня, что придало новое направление искусству камнерезов. В городе получает широкое развитие художественная обработка камня и появляются мастера архитектурного декора, прославившие Дербент своими произведениями на весь средневековый Восток. Одной из специальных отраслей строительного дела в VIII—X вв. стала резьба по штуку, или стуку, не получившая на средневековых памятниках Кавказа значительного распространения, но довольно

широко представленная в архитектурном декоре бытовых и культовых сооружений Дербента VIII—X вв.

Третий период, связанный с развитием строительного дела и камнеобработки в XI—XIII вв., характеризовался очень обширным гражданским строительством и совсем незначительными объемами фортификационных работ. На данном этапе развития строительного дела высокий уровень мастерства и квалификации специалистов в этой отрасли городского ремесла отмечен в профессиональных терминах строителей. Существование в Дербенте подобных мастеров-зодчих свидетельствует о высоком уровне организации строительного дела в средневековом городе.

ТКАЦКОЕ ПРОИЗВОДСТВО

В отличие от керамического производства и стеклоделия, изучение ткачества и классификации продукции этого, одного из наиболее распространенных видов ремесла, весьма затруднительно из-за очень плохой сохранности изделий, особенно в слоях средневекового города. Подобно гончарству, ткачество не являлось специфическим городским ремеслом и могло успешно развиваться как в условиях средневекового города, так и в сельской местности. Однако, если качество ковров и дешевых домотканных материй совершенно не зависело от условий и места их изготовления, то выпуск дорогих, высококачественных тканей, видимо, мог развиваться только в городе.

Основные данные об уровне развития в Дербенте текстильного производства и ковроделия содержатся в письменных источниках, связанных с историей города IX—XIII вв., но эти сообщения касаются производства лишь тканей высокого качества, составлявших предмет дербентского экспорта, а об изготовлении повседневной продукции этого вида ремесла можно только предполагать по скупым сведениям археологических раскопок.

Ткачество, судя по данным археологии, развивалось в Дербенте с глубокой древности, о чем свидетельствуют находки многочисленных пряслиц и отпечатков ткани уже в слоях эпохи бронзы и раннего железа, но своего расцвета достигло в средневековое время.

Период VI — начала VIII в.

Экономический подъем и резкое увеличение количества населения Дербента в VI — первой половине VIII в. способствовали подъему и развитию текстильного производства в городе. В культурных слоях Дербента этой поры отмечены находки остатков нитяных основ, тлен различных материй, специальных керамических и каменных грузиков ткацких станков, многочисленных пряслиц. Подобные грузики использовались в так называемых вертикальных ткацких станках для натягивания нитей основы [279].

Определенное представление о раннесредневековых тканях, аналогичным, видимо, ткавшимся в Дербенте VI—VII вв., дают находки текстильных изделий из замка на горе Муг [280]. Качество хлопчатобумажных тканей было весьма низкое, нити слабого кручения. Шелковые и шерстяные ткани отличались значительно более высоким качеством, они орнаментировались разнообразными узорами и окрашивались в красный, желтый, голубой, зеленый и другие цвета.

Пока трудно судить, какие именно ткани выпускались в самом Дербенте в раннесредневековое время, но можно предположить, что местные ремесленники производили простые хлопчатобумажные, льняные и шерстяные изделия, а дорогие материи в виде византийского, египетского, согдийского шелка, известные по находкам в могильниках Дагестана и Северного Кавказа [281], были предметом импорта.

Как ни скудны данные о ткачестве в Дербенте VI—VII вв., они все же свидетельствуют о развитии этого ремесла в раннесредневековом городе. Расцвету текстильного производства в IX—X вв. Дербент, видимо, был обязан в значительной мере и более раннему. Изучение текстильного производства средневековых городов Переднего и Среднего Востока показало, что большинство известных центров текстильного производства мусульманского времени возникло на базе аналогичных центров раннесредневекового периода [282].

Период VIII—X вв.

Этот период ознаменовался небывалым в истории города расцветом ткацкого ремесла, когда его продукция стала одним из основных предметов дербентского экспорта. В IX—X вв. город выступает как один из крупнейших средневековых центров ткацкого производства на Кавказе, специализировавшийся на изготовлении полотняной одежды и льняных тканей, слава о которых широко разошлась по всему средневековому Востоку. Это был период не только количественного, но и качественного роста дербентского текстильного производства. Здесь выпускались высококачественное полотно и прекрасные льняные изделия, которых не изготовляли ни в одном другом городе Кавказа. Ал-Истахри прямо указывал: «Из [всех мест] Аррана, Армении и Азербайджана льняные ткани находятся только здесь» [283]. О высоком качестве и ценности дербентских тканей свидетельствуют многочисленные сообщения арабских историков и географов IX—X вв., писавших, что это льняное полотно вывозили во многие страны. По данным ал-Истахри, из Дербента «вывозятся льняные одежды (ткани)» [284], а по сообщениям Ибн Хаукаля, из города вывозили верхнюю одежду из полотна [285]. У Балами перечисляются те страны, в которые шла продукция дербентского текстильного производства, и среди них названы такие развитые области, как Азербайджан, Иран, Фарс, Керман,

Табаристан, Хоросан [286], являвшиеся в средневековую эпоху крупнейшими производителями самых разнообразных тканей и ткацких изделий. Этот автор сообщает и название выпускаемых в Дербенте тканей: «В этом городе (Баб ал-абвабе.— *А. К.*) производят ткани, называемые махсури»[287]. Большой спрос на эти ткани и полотняные одежды, о котором единодушно сообщали Истахри, Ибн-Хаукал, Балами, Йакут и другие арабские авторы, и обширный перечень областей, куда их вывозили, красноречиво свидетельствуют о высоком качестве дербентской продукции, ее обширном выпуске и замечательной конкурентоспособности этих изделий, сумевших потеснить на средневековых рынках прекрасные ближневосточные и среднеазиатские ткани.

Очевидно, что наряду с подобными высококачественными изделиями, идущими в значительном количестве на экспорт, в средневековом городе VIII—X вв. выпускали и более простые, дешевые ткани, широко использовавшиеся в повседневном быту.

Для широкого развития ткацкого производства Дербента и именно выпуска льняных тканей, составлявших главный текстильный экспорт города, необходимо было большое количество льняного сырья. Благоприятные климатические условия и наличие плодородных земель в этом районе способствовали успешному разведению здесь льна, который был известен, судя по лингвистическим и этнографическим данным, и в других районах Дагестана: «Даргинцы называют лен — урбеч, лакцы — турт (полотно — чатан), дидойцы — кумели»[288]. Причем лен культивировался на волокно и на семена, т. е. высевался волокнистый лен или лен-долгунец [289], двойное использование которого было известно с давних пор [290].

С широким развитием в Дербенте ткачества было связано разведение здесь большого количества марены, о чем сообщали ал-Истахри, Ибн Хаукал и другие арабские авторы [291]. Марена — прекрасный краситель, который вывозился во многие страны вплоть до Индии, применялся для изготовления высококачественных тканей, так как простые дешевые ткани, согласно исследованиям находок текстильных изделий из замка на горе Муг, окрашивались редко.

Широкое распространение получило в Дербенте выращивание другого красителя — шафрана, который, как и марена, использовался в текстильном производстве и придавал изделиям ярко-желтую и оранжевую окраску. Арабские авторы IX—X вв. особо подчеркивали разведение в Дербенте этой культуры, указывая на краситель шафран как на одну из достопримечательностей города: «В ал-Бабе [выращивают] также шафран»[292]. В отличие от марены, которая производилась и вывозилась из Дербента вплоть до XX в., в послемонгольское время шафран упоминается значительно реже среди выращиваемых здесь культур, что, вероятно, было связано с сокращением выпуска отдельных видов тканей (льняных). Сведения источников подтверждаются археологическими исследованиями, которые зафиксировали в слоях города VIII—X вв. разнообразные грузики, служившие в вертикальных ткацких станках для натягивания нитей основы, гребни для расчесывания пряжи, приспособления для уплотнения узлов при ковроделии.

Приведенные данные красноречиво свидетельствуют, что в период VIII—X вв. Дербент превратился в один из крупнейших на Кавказе центров текстильного производства, высококачественная продукция которого широко расходилась по всему средневековому Востоку.

Период XI — середины XIII в.

В XI — середине XIII в. ткацкое производство в Дербенте получило дальнейшее развитие. В этот период город продолжал оставаться центром изготовления высококачественных льняных тканей и полотняных одежд. В географическом словаре Иакута, составленном в 1225 г., накануне монгольского завоевания Дербента (1239 г.), автор в статье «ал-Баб» сообщает об изготовлении здесь замечательных льняных одежд и полотна [293], дополняя сведения Истахри рядом интересных подробностей о текстильном производстве города, заимствованных из неизвестных источников [294]. Иакут сообщает о производстве льняных тканей не только в самом Дербенте, но и в «его рустаках» [295]. Этот факт особенно важен, так как указывает на широкое развитие в городе и его округе текстильного производства накануне монгольского нашествия. Видимо, именно монголы нанесли невосполнимый ущерб производству в Дербенте льняных изделий, так как авторы XIII—XIV вв. уже не упоминают о выращивании льна, нет льна и в числе товаров, идущих через Дербент [296].

Новым явлением в ткацком производстве Дербента XI — середины XIII в. было освоение выпуска шелковых тканей, начало широкого производства которых, очевидно, относится к XI в. Арабские историки и географы IX—X вв. не сообщают о шелководстве или выработке здесь шелковых тканей (возможно, они не служили предметом экспорта), а в сочинении дербентского ученого Абу Бакра ад-Дербенди, составленном в середине XI в., уже есть упоминание о шелководе (хаззаз), названном в числе других слушателей суфийских меджлисов Дербента [297].

Данные о производстве в XIII в. шелка и парчовых тканей на Восточном Кавказе, в том числе и в Дербенте, именуемом в источнике «Железными воротами» [298], приводит в своем сочинении Марко Поло [299].

Этот знаменитый венецианский путешественник, подробно описав Железные ворота «между горами и морем», отмечает: «Много тут шелку; выделывают здесь шелковые и золотые ткани; таких красивых тканей нигде не увидишь» [300]. Конечно, здесь речь идет не только о Дербенте, а о всем Восточном Кавказе, но эти сведения Марко Поло особенно важны в связи с сообщением

автора XI в. Абу Бакра ал-Дербенди: производство шелка на Восточном Кавказе в этот период было столь велико, что генуэзские купцы для успешной торговли на Каспии и доставки его в Европу «перевезли сюда свои суда. Отсюда идет этот шелк, что зовется Хелл» [301].

В свете этих сообщений следует вспомнить сообщение автора XII в. Абу Хамида ал-Гарнати о том, что жители соседнего с Дербентом селения Зирихгеран (Кубачи) использовали при погребении своих умерших богатые материи, парчовые ткани, шелк, которые попадали сюда из Дербента [302] и, видимо, частично были продукцией его текстильного производства.

И в более поздний период, в XIV—XV вв., Дербент был известным центром производства шелка и шелковые ткани и атлас даже вывозились отсюда в Русское государство [303]. Значительное шелкоткацкое производство сохранил город вплоть до позднего средневековья, и еще в XVIII в. П. Г. Бутков писал, что в Дербенте имеется «фабрик небольших шелковых материй 30» [304].

Находки в слоях Дербента X—XIII вв. кобаньих клыков с отполированными до блеска краями могут служить дополнительными аргументами в пользу высказанного мнения о производстве в городе XI—XIII вв. дорогих парчовых и золототканых изделий. Кобаньи клыки обычно употреблялись на Кавказе в качестве гладил при заглаживании швов на коже и тканях и применялись с подобной целью, например, в хозяйстве осетин вплоть до XX в.[305] Особенно широко использовались подобные клыки при шитье золотой и серебряной нитью (канителью) [306].

Изучение ткацкого производства феодального Дербента показало, что этот вид ремесла был одним из ведущих в экономике средневекового города и наибольший его расцвет приходится на второй период развития, когда слава о дербентских полотняных одеждах и льняных тканях разносится по всему средневековому Востоку.

Значительное развитие шелководства и выпуска шелковых тканей в Дербенте, возможно, составило конкуренцию производству льняных изделий. В послемонгольское время источники не упоминают ни о льноводстве, ни о льняных тканях, ни о полотняных одеждах города. Прекращение выпуска льняных изделий в Дербенте послемонгольской поры отразилось на роли города в ткацком производстве Кавказа, и он утрачивает свое ведущее положение, так как шелковые материи в противоположность льняным, выпускаемым только в Дербенте, в больших количествах производились во многих городах Ирана, Ширвана и других областях Переднего и Среднего Востока.

Исследования ткацкого производства Дербента VI—XIII вв. не оставляют сомнения, что в указанный период город был одним из крупнейших на Кавказе центров текстильного производства и этот вид городского ремесла находился здесь на очень высоком уровне.

МЕТАЛЛООБРАБОТКА

Среди археологических материалов Дербента VI — середины XIII в. в большом количестве встречаются изделия из металла, свидетельствующие о том, что металлические оружие и орудия труда самого различного назначения широко использовались в быту средневекового города [307].

Впервые выявленные в Дагестане остатки трех разновременных металлообрабатывающих мастерских XII—XVII вв.[308], находки в слоях города VI—XIII вв. развалов горнов, криц, орудий труда, связанных с металлообработкой, медно-металлических и железных шлаков, большого количества металлических предметов самого различного назначения не оставляют сомнений относительно наличия здесь местного металлообрабатывающего производства.

Вопросы добычи и выплавки металла в этот период в дагестанской историографии пока слабо разработаны, и у нас еще мало сведений о древних местах разработки руд [309] и металлоплавильных печах этого времени [310]. Наиболее распространенным был сыродутный способ получения железа. Пока остается неясным вопрос о том, доставлялось ли все сырье в Дербент в виде криц или сюда привозили и руду, из которой на месте выплавляли металл. Находки криц уже в слоях города раннесредневековой поры [311] не оставляют сомнений, что этот способ доставки сырья для металлообработки существовал в Дербенте, но, возможно, в город доставлялась и руда, обогащенная или сырая.

Обломки керамических сопел в виде трубок с утолщенными концами, металлических шлаков, криц и очажных пятен были обнаружены во всех слоях средневекового города, но для периода VI—VII вв. они сосредоточены в слоях у южной стены шахристана в районе, лежащем немного выше ворот Орта-капы и Джума-мечети [312], а для VIII—XIII вв. основным местом их находок являются более нижние районы города [313].

Пока в Дербенте не найдено горнов хорошей сохранности, без чего нельзя детально представить конструкцию подобных сооружений, но значительное сходство выявленных здесь их остатков с горнами кузнечных мастерских, обнаруженных на раскопках Пенджикента [314], позволяет говорить об их близких параллелях. Все горны из трех мастерских Пенджикента представляли собой кубовидные сооружения, в которых крупные хумы, перевернутые горловиной вниз, были обложены кирпичом, служившим изоляционным футляром и придававшим устойчивость всему сооружению. В одной из стенок внизу горна имелось отверстие, куда вставлялось керамическое сопло, соединенное с мехами, нагнетавшими воздух. Подобный же простой тип горнов существовал в Дербенте, и остатки аналогичных сооружений были обнаружены в слоях Дербента VIII—XIII вв. и в двух строительных комплексах металлообрабатывающих мастерских города XIII—XIV и XV—XVI вв.[315]

Период VI — начала VIII в.

Военно-стратегическое положение города как одного из главных опорных пунктов в борьбе с кочевниками на северных границах сасанидского Ирана с крупным гарнизоном и большим числом военных поселенцев потребовало производства в данный период значительного количества наступательного и оборонительного вооружения, предметов конского снаряжения, многочисленных орудий труда и вспомогательных изделий из металла для фортификационного строительства, что отразилось на металлообработке города этого времени.

Предметы вооружения представлены в слоях Дербента этой поры наконечниками стрел, копий, фрагментами панцирных пластинок, ножей и мечей.

По числу находок наконечники стрел занимают первое место среди предметов вооружения этого периода. Они представлены в основном четырьмя типами: трехлопастными, трехгранными, округло-вытянутыми, плоскочерешковыми. Все найденные в этом слое наконечники черешкового типа и довольно крупные, что было связано с усилением защитного вооружения. В VI—VII вв. тяжеловооруженная конница была основным ударным родом войск, представители которого были хорошо защищены пластинчатым панцирем или кольчужной рубахой, пробить которые можно было только тяжелыми крупными наконечниками. Трехлопастные наконечники небольших размеров были распространены у кочевых племен, и в частности у сарматов, еще в III—II вв. до н. э., а более крупные, бытовавшие в этот период в Дербенте[316], типичны для I—III вв. н. э.[317]. Широко встречаются они в VI—VIII вв., так же как и округлые плоскочерешковые наконечники, на памятниках хазарского времени в Северном Дагестане[318].

В слоях раннесредневекового города наконечники копий встречаются значительно реже. Это связано как с их меньшим использованием (воин мог иметь десятки стрел и одно копье), так и спецификой применения этого вида оружия, способствовавшей продолжительной службе копья и многократности его использования. Копья представлены в основном двумя типами наконечников, различающихся между собой формой пера. Оба типа наконечников, судя по сохранившимся фрагментам, имели большие размеры. Первый из них, с цилиндрической втулкой и узким длинным пером ромбовидно-заостренной формы, достигал в длину до 30 см, а второй — с аналогичной втулкой и листовидно-вытянутым или заостренно-коническим пером — 20—25 см.

Наконечники копий первого типа обнаружены в материалах кочевнических памятников VII—VIII вв. Северного Дагестана[319], а второго — более типичны для закавказских и среднеазиатских памятников[320].

Мечи и ножи представлены в слоях Дербента VI—VII вв. очень незначительными обломками, которые не позволяют судить об их формах. Можно лишь отметить, что мечи имели

обоюдоострые клинки с плоскочерешковым насадным завершением рукояти, а ножи — однолезвийные, с прямой или чуть изогнутой утолщенной спинкой, сужающейся к лезвию, и прямоугольным или квадратным насадным черенком. Подобные мечи и ножи широко представлены в материалах памятников Дагестана и Кавказа V—IX вв.[321]

Защитное вооружение встречается в раннесредневековых слоях города редко, что связано, видимо, со спецификой сохранности подобных предметов в культурных отложениях памятника, подобного Дербенту. Этот вид металлических изделий представлен остатками пластинчатых панцирей, дошедших в виде сильно деформированных в результате коррозии прямоугольных пластин длиной 7—10 см, шириной 3—7 см, со следами отверстий и заклепок по краям. Не исключено, что пластины могли иметь округлый или листообразный конец, но установить это из-за плохой сохранности изделий не представляется возможным.

Пластинчатые панцири и кольчуги были типичным защитным вооружением тяжелой конницы и широко применялись в раннесредневековый период на Ближнем Востоке, Кавказе, в Средней Азии и Восточной Европе. Подобные панцири были обнаружены в погребениях VII—VIII вв. знатных кочевников на памятниках Северного Дагестана хазарского времени[322], среди аналогичных материалов раннесредневековых городов Средней Азии[323] и в других местах.

Предметы конского снаряжения из металла представлены подпружными пряжками и фрагментами удил, первые из которых весьма крупных размеров и имеют в основном четырехугольную, редко округлую, форму, а вторые не дают четких представлений о формах и типах, так как обнаружены лишь в виде отдельных колец, стержней звеньев и сильно деформированных обломков.

Предметы конской сбруи, подобные дербентским, широко бытовали в VI—VIII вв. на обширной территории и известны как на раннесредневековых памятниках Дагестана[324] и Кавказа[325], так и по находкам из других мест[326]. Предметы военного назначения занимают около 50% от общего количества металлических вещей.

Бытовые предметы составляют хотя и довольно многочисленную (около 40%), но весьма однообразную группу металлических изделий Дербента VI — начала VIII в. В основном это разнообразные долота, ножевидные предметы, молотки с заостренным концом, скобы, стержни, кольца, гвозди, причем последние разделяются на три типа: с округлым стержнем и шляпкой, с квадратным пирамидовидным стержнем и круглой шляпкой, костылевидные с массивной шляпкой.

Определить назначение целого ряда вещей из других слоев города не позволяет их плохая сохранность.

Исследования металлических изделий из раннесредневековых слоев города дают основания считать, что в этот период развитие

металлообрабатывающего ремесла Дербента было в большей степени направлено на удовлетворение его военных потребностей, и прежде всего на изготовление предметов вооружения. Это объяснялось тем, что Дербент в VI — начале VIII в. в первую очередь был городом-крепостью, крупнейшим оплотом Сасанидов на Кавказе, а уже потом экономическим центром, его военно-политическая роль была значительно выше торгово-экономической, и это нашло отражение и в составе населения города, и в развитии ремесел.

Период VIII — середины XIII в.

Этот период в развитии металлообработки Дербента ознаменовался резким увеличением выпуска изделий из металла самого различного назначения. В слоях города VIII—XIII вв. металлических предметов было обнаружено почти в десять раз больше, чем в раннесредневековых. Однако этот период в развитии металлообрабатывающего ремесла Дербента ознаменовался не только количественными, но и качественными изменениями. В это время не только значительно увеличивается изготовление металлических изделий, но изменяется соотношение предметов вооружения и предметов быта. В слоях города VIII—XIII вв. находки оружия составляют менее 20% от общего количества обнаруженных металлических изделий, большая часть которых является орудиями труда.

Вооружение этого периода представлено оружием наступательным и защитным, а также предметами конской сбруи.

Наступательное оружие в основном состоит из наконечников стрел, копий, фрагментов ножей, сабель, кинжалов.

Наконечники стрел составляют одну из самых многочисленных групп наступательного оружия, обнаруженного в слоях города VIII—XIII вв. Они представлены семью основными типами изделий с большим количеством вариантов. Широкое распространение такого защитного вооружения, как кольчуга, способствовало появлению наконечников стрел нового типа — бронебойных, поэтому в этот период, особенно в XI—XIII вв., в Дербенте часты находки длинных узких наконечников треугольного, четырехугольного, ромбовидного или ромбовидно-многогранного сечения. Основными типами являются черешковые наконечники стрел следующих форм: 1) ромбовидные плоско-выпуклые; 2) ромбовидные, округло-вытянутые, плоские; 3) округлые тонкие, сильно вытянутые, конические; 4) квадратные тонкие, сильно вытянутые, заостренные к концу; 5) треугольные тонкие, сильно вытянутые, заостренные к концу; 6) ромбовидные, иногда ромбовидно-многогранные у основания, тонкие, заостренные к концу; 7) плоские, остролистно-вытянутые. Все наконечники имеют большие размеры и длинный черешок для прочного крепления к древку стрелы.

Особенно многочисленны, как уже отмечалось, узкие бронебойные наконечники, длина которых без черешка достигает 5—

7 см при толщине сечения у основания всего 0,5—0,7 см. Подобный кованый наконечник мог пробивать и панцирь, но особенно уязвимы были против него кольчужные кольца, которые он прорывал благодаря своей форме. В том случае, если спайки или клепки колец кольчуги выдерживали удар, воин все равно получал ранение благодаря проникновению тонкого конца наконечника на некоторую глубину в отверстие кольца. Наибольшее распространение подобные наконечники нашли в XII — первой половине XIII в.[327] Эти наконечники были очень просты в изготовлении и легко выковывались из заготовок стрежней. О том, что они делались в Дербенте, свидетельствуют находки заготовок для них. Почти все выявленные в слоях Дербента формы наконечников находят себе широкие параллели среди аналогичных предметов вооружения памятников VIII—XIII вв. Дагестана[328], Северного Кавказа[329], Закавказья[330], Восточной Европы[331], Южного Урала[332] и других областей[333].

Находки наконечников копий составляют немногочисленную группу среди металлических предметов вооружения. Однако вряд ли это связано с их незначительным распространением в вооружении средневекового войска, а скорее объясняется спецификой использования копий, не способствующей их сохранности в материалах средневекового города. Следует отметить, что вообще находки копий в культурных напластованиях древних и средневековых городов весьма редки.

В слоях Дербента VIII—XIII вв. было обнаружено три наконечника копий, позволяющие судить о форме этих изделий, и четыре фрагмента наконечников, о формах которых можно судить лишь предположительно, по аналогии с целыми. Наконечники копий этого периода представлены тремя типами: 1) простые, втульчато-конические; 2) плоские, остролистно-вытянутые, черешковые; 3) остролистно-вытянутые, ланцетовидные, с конической втулкой.

Первый тип, наиболее распространенный ввиду простоты изготовления, представляет собой конус, свернутый из железного листа треугольной формы, конец которого хорошо прокован и иногда имеет квадратное сечение. Второй тип наконечников применялся, видимо, в дротиках, чем объясняются его более вытянутая форма и несколько меньшие размеры. Третий тип наконечников, сохранившихся фрагментарно, был характерен для подобного вида вооружения и в предшествующий период, но в средневековых образцах втулка более массивная и больших размеров. Применение более узкого пера «было удобно для боя с противником, защищенным металлическим чешуйчатым или пластинчатым панцирем»[334], еще более это справедливо для кольчуги.

Копья, аналогичные дербентским, были широко распространены на обширной территории, и находки подобных наконечников известны в Дагестане[335], на Кавказе[336], в Восточной Европе[337] и Средней Азии[338].

Сабли, ножи, кинжалы (мечи) представлены довольно значительным количеством изделий, в основном фрагментарного характера.

Новым видом оружия, появившегося в данный период в Дербенте, были сабли. Находки их весьма малочисленны и представлены всего тремя фрагментами, один из которых относится к VIII—IX вв., а два других — к XI—XIII вв. Сабля как вид наступательного оружия была занесена в Восточную Европу кочевниками Центральной Азии. Пока трудно сказать, откуда была занесена сабля в Дербент, появилась ли она здесь вместе с арабами или была перенята от хазар. Появление и быстрое распространение сабель в южнорусских степях и на Северном Кавказе исследователи связывают с аланами [339]. Слабо изогнутые сабли известны на памятниках Северного Дагестана VII—VIII вв., и появление их связывается с кочевыми племенами Хазарского каганата [340]. Это удобное и эффектное наступательное оружие могло быть перенято дербентскими воинами и от хазар, и от арабов. Салтовские сабли относятся к группе слабоизогнутых коротконечных [341], и сабля из слоев Дагестана VIII—IX вв., с довольно широким слабоизогнутым клинком, напоминает оружие этого типа, близкого, как отмечалось исследователями, к позднесарматским мечам.

Сабли из слоев XI—XIII вв. имеют более изогнутый тонкий клинок и близки к подобным восточным изделиям.

В средневековый период сабля высоко ценилась как на мусульманском Востоке, так и в Восточной Европе. С. А. Плетнева справедливо отмечает, что у кочевников, для которых этот вид орудия являлся наиболее распространенным, «сабля была очень дорогим оружием, и положить ее в могилу могла только богатая семья» [342]. Малочисленность находок этого вида наступательного оружия в Дербенте, как и в слоях многих других городов средневекового Востока, объясняется спецификой использования сабель и ценностью даже поломанного клинка (для изготовления ножей, орудий труда). Ножи в слоях города представлены значительно шире, и число обнаруженных фрагментов достигает 21. Все они однолезвийные, различной величины, от 15 см до 35 см, спинка прямая или несколько изогнутая, рукоять завершается черешковым насадом. Три фрагмента принадлежат двулезвийным ножам типа кинжала или короткого меча. На бытование этого типа оружия указывают находки наконечников их ножен из железа, меди, серебра.

Подобные ножи были широко распространены в VIII—XIII вв. на обширной территории и известны в материалах памятников Дагестана [343], Кавказа [344], Восточной Европы [345] и других областей.

Видимо, не все из выявленных ножей являлись предметом вооружения, но наиболее длинные из них, типа кинжалов, как и аналогичные салтовские изделия [346], служили оружием.

Конская сбруя представлена подпружными пряжками, удилами, фрагментами стремян, подковами. Пряжки в основном круп-

ные, квадратной, реже округлой формы, находят близкие аналогии в материалах памятников Дагестана [347], Кавказа [348], Восточной Европы [349]. В слоях Дербента встречены удила трех типов, хотя их, возможно, было и больше, но плохая сохранность изделий не позволяет это установить. Первый тип представлен наиболее простыми удилами, состоящими из двух звеньев, соединенных посредине, с неподвижными кольцами на концах. Второй тип характеризуется двухсоставными (два звена, соединенные посредине) удилами с двойными кольцами на концах, причем вторые подвижные кольца могут быть овальные или в форме вытянутого шестиугольника. И наконец, удила третьего типа позволяют полагать, судя по сохранившимся фрагментам, что они имели гвоздевидные псалии. Наиболее распространенными являлись удила первого и второго типа, отмеченные в основном в слоях XI—XIII вв., а третий тип более характерен для салтовских памятников [350].

Защитное вооружение представлено в слоях Дербента VIII—XIII вв. кольчугами, пластинками панцирей, отдельными защитными дисками.

Кольчуги как вид защитного вооружения получили наибольшее распространение в VIII—XIII вв., особенно широко они применялись в XI—XIII вв. Ал-Бируни так описал защитные свойства кольчуги: «Кольчуги предназначены для посрамления оружия (врага) в бою, они защищают от того, чем действуют противники» [351]. В Дербенте обнаружено семь фрагментов кольчуг, позволяющих судить об этом виде защитного вооружения. Изготовление кольчуг очень трудоемкое и сложное дело, требующее высокой квалификации мастера и большой затраты труда, поэтому стоили они, видимо, дорого. Однако этот вид защиты, возникнув в Передней Азии еще в древности [352], нашел широкое распространение в средневековый период на мусульманском Востоке [353], в Дагестане [354], Древней Руси [355], Западной Европе [356]. Уже арабские авторы IX—X вв., писавшие о Дагестане, сообщали о изготовлении здесь кольчуг и панцирей. Так, Масуди писал о Кубачах, который зовется «владение Зарикаран (Зирих-Гаран), что означает „мастера кольчуг“, потому что большинство из них делает кольчуги» [357]. Представленные в Дербенте фрагменты кольчуг состоят из колец двух типов: одни, более тонкие, 0,7—1,2 мм толщины, диаметром 5—7 мм, другие — значительно массивнее — 1,5—2,5 мм толщины, диаметром 11—13 мм. Скреплялись кольца с помощью заклепок, но заклепками крепилось только соединительное кольцо, в которое продевались сварные. Видимо, это был основной способ скрепления кольчуг Дербента, хотя плохая сохранность ряда фрагментов не позволяет сделать окончательные выводы. В связи с этим любопытно отметить находку сильно окислившихся отдельных колец, обнаруженных в виде сплошного бесформенного комка в одном из помещений нижней части города [358]. Изготовление кольчуги, состоявшей из 10—20 тыс. колец [359], половина из которых должна быть соединена заклепками, являлось делом не только

трудоемким, но и сложным и требовало высокого профессионального мастерства ремесленника [360]. Дербент с его развитым ремесленным производством был, видимо, наряду с Кубачами и Шинозом [361] одним из центров производства этого вида защитного вооружения. Находки пластинок панциря немногочисленны (все три фрагмента) и маловыразительны. Можно предположить, что этот вид защитного вооружения не претерпел особых изменений, лишь несколько увеличился размер пластинок.

Интересна находка круглого диска диаметром около 10 см с отверстиями по краям (по два с каждой стороны), обнаруженного в богатом здании на уровне пола IX—X вв.[362] Представляется вероятным, что диск использовался в качестве нагрудной защиты в дополнение к металлическому панцирю или кольчуге или к кожаному панцирю. Подобные нагрудные пластинки могли защищать наиболее уязвимые места, однако не исключено, что данный диск является одной из пластин панциря нового типа, из дисковидных кругов.

Следует отметить находки в цитадели города крупных, сильно деформированных коррозией пластин, образовавших целый завал из металлических массивных изделий, определить назначение которых пока не представляется возможным. Не исключено, что это части какого-то защитного вооружения, возможно конского доспеха.

Орудия труда и предметы быта составляют в слоях VIII—XIII вв. самую многочисленную группу металлических изделий. Многие из представленных в ней металлических предметов потеряли первоначальную форму и не поддаются определению, имеется ряд изделий непонятного назначения, но значительную часть орудий труда можно классифицировать по назначению в хозяйственной жизни города и в быту.

Сельскохозяйственные орудия представлены в основном фрагментами железных лопат, мотыжек, серпов, сошников плуга.

Лопаты найдены в средневековых слоях города в виде одного целого изделия, позволяющего судить о подобных сельскохозяйственных орудиях, с широкой пластиной и ушком для насада и нескольких фрагментов пластин со следами ушка. К изделиям подобного назначения относится и сошник плуга, обнаруженный в помещении XI—XIII вв. в нижней части города. Сохранилась его верхняя половина с втулкой с загнутыми краями для насада на крюк плуга. Находка сошника наглядно подтверждает связь населения Дербента с сельским хозяйством, что вообще было типично для средневекового города [363]. Помимо сошника и лопат, к орудиям труда для обработки земли можно отнести небольшие мотыжки с довольно узкой рабочей пластиной и относительно широкой втулкой для насада, образованной за счет загиба верхних углов пластины. Они обнаружены в основном в виде фрагментов в слоях средневекового города.

К сельскохозяйственным орудиям относятся и обнаруженные в слоях VIII—XIII вв. фрагменты серпов в виде сильно изогнутых пластин шириной до 2—3,5 см.

Аналогичные сельскохозяйственные орудия известны среди материалов многих средневековых городов Кавказа [364], Средней Азии [365], Древней Руси [366], что отражало определенные аграрные направления их развития и тесную связь с сельским хозяйством, столь типичную для городов мусульманского Востока, Средиземноморья, Кавказа и других областей.

Строительные орудия и предметы составляют большую часть обнаруженных в слоях средневекового города металлических изделий. Это всевозможные штыри, крюки, кольца, петли, топоры, молотки, тесла, зубила, костыли, гвозди самых различных форм и размеров.

Топоры встречаются в слоях Дербента не часто и в основном в виде бесформенных пластин железа, но находка более сохранившегося экземпляра позволяет говорить, что это были довольно массивные изделия с широким обухом и прокованным лезвием трапециевидной формы. Некоторые, хотя и сильно деформированные в результате коррозии находки подобных предметов позволяют полагать, что были и более маленькие топорики с заостренным верхом, приспособленные, видимо, для подтески мягкого дербентского камня.

Подобные топорики ввиду сильного их окисления трудно отличить от молотков с заостренным верхним концом, которые также, вероятно, использовались каменщиками при строительстве.

В строительстве и камнеобработке применялись и тесла, которыми легко можно было обрабатывать мягкий местный ракушечник.

Обнаруженные в слоях города зубила служили, видимо, для вырубания каменных заготовок блоков в карьерах и для обработки их при строительстве.

Многочисленные крюки, штыри, кольца, костыли и гвозди различных форм и размеров свидетельствуют о широком их использовании в бытовом и общественном строительстве и о массовом изготовлении подобных изделий дербентскими ремесленниками для нужд местного рынка. Среди подобных изделий выделяется целая группа сопутствующих предметов: всевозможные фигурные скобы, петли, замки, ключи и другие поделки.

Орудия, связанные с металлообработкой, представлены довольно немногочисленными предметами, что надо связывать со спецификой распространения подобных изделий (видимо, только в местах нахождения мастерских или городских свалок, куда могли попасть поломанные орудия). К подобным орудиям можно отнести длинную ручку кузнечных щипцов, длинный Т-образный предмет с лопастевидным расширением на конце, молотки с двухсторонними ударными площадками, зубила, точила, массивные пробойники с тонким ударным концом, которые могли, видимо, использоваться и для пробивания отверстий в скрепляющих кольцах кольчуги.

Из кузнечных орудий археологическими находками в Дагестане зафиксированы клещи, зубила, молотки, точила [367]. Помимо

этих орудий, кузнецы использовали для работы наковальни, напильники, различные зажимы. Находка на Цимлянском городище[368] клада инструментов средневекового кузнеца позволяет с достаточной полнотой представить основные орудия труда, употребляемые в металлообрабатывающих ремесленных мастерских и сопоставить с ними аналогичные предметы дербентских ремесленников.

Изучение металлообрабатывающего производства Дербента позволило выявить такие различные приемы обработки металла местными ремесленниками, как литье, горячая и холодная ковка изделий, позволяющая придавать изделиям требуемую форму, пайка, сварка и клепка металлических поделок, скручивание, волочение, изгиб, обрезка, рубка, пробивание отверстий и разнообразные соединения отдельных деталей изделий. Подобные приемы обработки металла были широко распространены в ремесленном производстве не только средневекового Дербента, но и во многих торгово-ремесленных центрах Дагестана[369]. Особое развитие они получают в XI—XIII вв., когда в металлообработке наметилась большая специализация выпускаемой продукции[370].

Исследования металлообрабатывающего производства Дербента свидетельствуют о том, что этот вид городского ремесла находился на высоком уровне и город в средневековый период был одним из крупных центров обработки металла. Ремесленник-кузнец, игравший большую роль в средневековом городе, пользовался особым положением в местном обществе, и его имя окружено особым героическим ореолом в многочисленных сказках и легендах. Местные адаты были вынуждены учитывать особое положение мастеров-кузнецов, которые как общественно-должностные лица не допускались к присяге[371]. Особая роль металлообрабатывающего ремесла и самого металла в хозяйственной и военной сфере народов Кавказа способствовала сложению культа железа, которому приписывалась магическая сила и способность приносить счастье, охранять от болезней, отводить дурной глаз, сохранять верность. Значение этого ремесла в средневековом Дагестане подчеркивается и тем, что с кузнецами впоследствии стали связывать название отдельных кварталов и тухумов[372], и, видимо, подобные кварталы ремесленников существовали в нижней части шахристана средневекового Дербента, где и были сосредоточены в основном обнаруженные раскопками следы металлообрабатывающего производства[373].

ОБРАБОТКА ЦВЕТНЫХ МЕТАЛЛОВ И ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Обработка цветных металлов и ювелирное дело, достигшие в средневековом Дербенте большой высоты[374], имели глубокие традиции[375], и Дербент наряду с другими крупными средневековыми городами был одним из центров этой отрасли металлообрабатывающего ремесла. Уже в IX—X вв. обработка цветных металлов и ювелирное дело отмечаются как самостоятельные виды ремесла,

что отражало успехи развития металлообработки и узкую отраслевую специализацию в ней. Находки медно-металлических шлаков, бракованных предметов, оплавленных кусочков цветного металла и застывших натеков его, почти никогда не совпадающие территориально с местонахождением аналогичных остатков и поделок черных металлов, свидетельствуют, что в средневековом Дербенте процесс разделения металлообрабатывающего ремесла, видимо, уже полностью завершился или зашел достаточно далеко.

Исследования показали, что ведущим приемом обработки цветных металлов в Дербенте, как и в других ремесленных центрах средневекового Дагестана[376], было литье и ковка, а также тесно связанная с последней чеканка[377]. Они засвидетельствованы находками в слоях Дербента VIII—XIII вв. обломков керамических и каменных формочек, медно-металлических шлаков, отдельных застывших натеков меди и бронзы различной величины[378], наличием местной монетной чеканки[379] и многочисленных кованых бляшек, пряжек, пуговиц и других изделий. В отличие от предшествующего албано-сарматского периода, когда важнейшим способом было литье по восковой модели, в средневековое время мастера стали применять постоянную модель вместо восковой и широко использовать каменные и керамические литейные формы[380]. Подобная замена была вызвана сильно возросшим спросом на эти изделия, связанным с значительным расширением внутреннего и внешнего рынка в средневековую эпоху.

Многочисленные бронзовые блюда, кувшины, водолеи, курильницы из Дагестана в виде различных зверей и птиц, богато орнаментированные резьбой и чеканкой, давно украшают многие музеи нашей страны и свидетельствуют о высочайшем мастерстве местных ремесленников, среди которых, несомненно, были и мастера средневекового Дербента — одного из крупнейших ремесленных центров Кавказа и известного очага художественной металлообработки в Дагестане[381]. Эти технические и художественные традиции получили особое развитие в связи с расцветом на Кавказе и Ближнем Востоке так называемого «позднесасанидского искусства», в формировании которого активное участие принимали народы Дагестана[382].

Среди выявленных раскопками металлических изделий средневекового Дербента, к сожалению, пока не обнаружено подобных высокохудожественных произведений, имевших большую ценность во все времена, однако многочисленные предметы украшения и туалета, принадлежности одежды и быта: подвески, кольца, пряжки, зеркала, серьги, медальоны, пуговицы, обкладки из меди, бронзы, серебра и других металлов — дают представление об уровне развития этой отрасли городского ремесла.

К изделиям, связанным с художественной обработкой цветных металлов и ювелирным делом, можно отнести обнаруженные в слоях средневекового города кольца, подвески, всевозможные пряжки, серьги, металлические пуговицы, зеркала, предметы туалета, монеты.

Кольца представлены в основном медными и серебряными изделиями, последние найдены лишь в одном экземпляре. Почти все они были типа перстней и имели вставку (найдено всего три колечка без камня) из стекла, сердолика или агата (наибольшее распространение получили в средневековое время вставки из стекла). Гнездо для вставки округлой или прямоугольной формы. Наличие значительного количества дешевых, медных колец в городе дает основание думать, что все они местного производства, об этом же могут свидетельствовать находки отдельных стеклянных вставок среди материалов стеклоделательного производства города.

Подобные кольца широко встречаются в материалах средневековых городов Кавказа [383], Средней Азии [384], Крыма [385] и других областей.

Пряжки составляют весьма распространенный вид изделий, использовавшихся в поясных ремнях и одежде. В основной массе они выполнены из меди, серебра и железа, хотя железные пряжки редки. Пряжки средневекового Дербента в большинстве своем небольшого размера, округлой и других форм. Все они имеют прямой или изогнутый стержневидный подвижной язычок, прикрепленный к рамке пряжки, но встречаются пряжки прямоугольной и квадратной формы без язычка.

Пряжки, аналогичные дербентским по формам и материалу, были широко распространены в средневековый период на большой территории, и сходные изделия обнаружены на памятниках Дагестана [386], многих областей Кавказа [387], Средней Азии [388] и других регионов. Следует отметить отсутствие в слоях Дербента этого времени пряжек, типичных для памятников, связанных с кочевым миром и широко распространенных на обширной территории от Алтая до Венгрии.

Серьги и подвески составляют довольно немногочисленную группу украшений, обнаруженных в слоях средневекового Дербента. Серьги в основном представлены изделиями из серебра и серебра с позолотой, реже из бронзы. Отмечено два типа изделий: 1) серьги в виде незамкнутого колечка с подвеской в виде полого шарика или овала; 2) серьги с листообразной или овальной контурной рамкой или из тонкой проволоки филигранной работы, поле которой заполнено спиралями и завитками из тонкой припаянной проволоки, иногда с зернью, дужка-держалка в форме сильно изогнутого крючка, верхний конец которого припаян с помощью колечка к верху рамки. Если серьги первого типа довольно просты и находят широкие аналогии среди подобных украшений средневековых памятников Дагестана [389], Кавказа [390], Крыма [391] и Средней Азии [392], то серьги второго типа носят более локальный характер и могут свидетельствовать как о высоком мастерстве дербентских ювелиров, использовавших тонкую филигранную технику, так и об определенной самобытности изготовления отдельных ювелирных украшений средневекового Дербента. Определенное сходство подобные изделия второго типа находят с материалами известного Бухарского клада и шапкой Мономаха, изготовленными, по мнению А. А. Спицина, в Золотой Орде в XIII—XIV вв. [393] Близки ювелирным изделиям второго типа филигранной работы золотые украшения средневековых памятников Крыма [394], датируемые одними исследователями IX—X вв., другими — X—XIII вв. [395]

Подвески, обнаруженные в Дербенте, очень просты и довольно однотипны, в основном имеют форму или полых шариков округлую или грушевидную с небольшой петелькой, припаянной к верхней части изделий или круглых дисков, иногда монет с припаем в виде петельки. Подобные подвески были распространены в средневековый период на обширной территории. Более сложный тип подобных изделий представляют подвески художественного литья с растительным орнаментом в виде побегов, листьев, пальметок.

Пуговицы представлены среди материалов Дербента изделиями округлой или грушевидной формы с петлевидным припаем с внутренней стороны, а также изделиями округлой дисковидной или плоско-выпуклой формы с внутренним петлевидным припаем. Пуговицы аналогичных форм широко бытовали в средневековое время [396].

К предметам туалета из бронзы следует отнести плоские дисковидные зеркала, отлитые в специальных формах и украшенные с внешней стороны растительным орнаментом или стилизованным арабским письмом. Следует отметить, что находки металлических зеркал весьма редки и пока имеются три подобных предмета из средневековых слоев города. Бронзовые зеркала встречаются в материалах средневековых памятников Дагестана [397] и других областей [398]. Среди других предметов туалета, изготовленных из меди и бронзы, можно отметить туалетные ложечки, палочки, щипчики, чашечки, фигурные обкладки и другие изделия.

Исследования металлообработки показали, что в период VI—XIII вв. этот вид ремесла получил в Дербенте широкое развитие. Раскопками было выявлено большое количество предметов из металла, включающих в себя орудия труда, оружие, предметы украшения и быта, ювелирные изделия, что свидетельствует о широком изготовлении в средневековом городе изделий самого различного назначения. Простота и определенная стандартизация большинства из них не оставляют сомнений в том, что основная продукция металлообрабатывающего ремесла города предназначалась для массового потребителя и, видимо, целиком удовлетворяла спрос внутреннего рынка. Одновременно находки фрагментов панцирей и кольчуг, и особенно отдельных несоединенных кольчужных колец, предметов художественного литья и дорогостоящих ювелирных изделий свидетельствуют о выпуске отдельных видов ремесленной продукции только для привилегированной части населения города, об уровне социальной дифференциации в нем.

Изучение металлических изделий из слоев Дербента VI — середины XIII в. позволило выделить два крупных периода в развитии

металлообработки города, первый из которых относится к VI—началу VIII в., а второй — к VIII — середине XIII в. Первый период характеризовался обширным выпуском предметов вооружения и изделий, необходимых для фортификационного строительства, что было связано с преобладающим влиянием факторов военно-политического характера на развитие и жизнь города. Второй период был отмечен необычайно выросшим уровнем металлообработки и новым направлением в ее развитии, ознаменовавшимся тесной связью ее с хозяйственно-экономическими развитием Дербента, с бурным развитием здесь ремесла и торговли, с возросшей ролью сельского хозяйства, с территориальным ростом города. В этот период происходят важнейшие процессы в развитии металлообрабатывающего производства Дербента, связанные с дальнейшей его специализацией. Из него выделяются самостоятельные отрасли: художественная обработка цветных металлов и ювелирное дело. Этот важный процесс ознаменовал качественно новый этап развития данного вида городского ремесла в Дербенте. В XI—XIII вв. в металлообработке наметился еще один важный сдвиг, связанный с широким освоением изготовления ремесленниками города кольчуг, который характеризовал новый уровень развития производства Дербента.

Исследования в Дербенте показали, что второй период развития металлообрабатывающего производства был ознаменован концентрацией его в нижней части города[399], точнее, в северо-восточном районе его рабада, где были обнаружены основные остатки этого вида городского ремесла. Концентрация металлообрабатывающего производства в определенных районах рабада города и узкая его специализация служат показателем высокого уровня его развития, качественного изменения его организации, свидетельствуют о значительной роли металлообработки в социально-экономической структуре средневекового города.

Подобно многим другим развитым средневековым городам Востока и Европы, в Дербенте отмечены процессы территориальной концентрации и выделения отдельных видов ремесленного производства, возникновение специализированных ремесленных кварталов. Видимо, в XI—XIII вв. в металлообрабатывающем производстве города, как и в других видах средневекового ремесла, происходит процесс образования ремесленных корпораций типа цеховых организаций, во главе которых стояли представители местной торгово-ремесленной знати — раисы.

ОБРАБОТКА КОСТИ

Наряду с указанными основными видами ремесленного производства Дербента здесь существовал целый ряд ремесел, не игравших столь заметной роли в его экономике.

Резьба по кости в Дербенте зафиксирована многочисленными находками костяных изделий самого различного назначения, которые по данному признаку можно разделить на несколько

групп: 1) костяные детали вооружения; 2) костяные орудия труда; 3) костяные предметы украшений.

Костяные детали вооружения представлены в основном рукоятями ножей, обкладками луков и рукояток кинжалов (мечей), ножей, защитными кольцами лучников.

Наиболее распространенными костяными деталями вооружения были рукояти ножей, насаженные на металлический черешок изделия. Подобные рукояти цилиндрической или слегка конусообразной формы в основном предназначались для небольших ножей, имевших вероятнее всего, декоративное назначение. Почти все изделия подобного рода были обнаружены в цитадели. Исходным материалом в большинстве случаев служила слоновая кость, тщательно обработанная и зачастую украшенная богатой графировкой.

Обкладки луков представлены фрагментами простых пластинок, позволяющими полагать, что это серединные и концевые накладки тяжелого составного лука.

К предметам вооружения лучника следует отнести и костяные предохранительные кольца, получившие распространение в XII—XIII вв.

Орудия труда из кости в средневековом Дербенте не были особенно распространены и представлены в основном лощилами, служившими для заглажки швов в сапожном и золотошвейном деле, гребнями для расчески шерсти и уплотнителями узлов в ковроделии. Обнаружены также специальные лощила, использовавшиеся в керамическом и ряде других производств, в частности, для нанесения орнаментации на штуковые рельефы (округлые и овальные отверстия в фигурах, точки, вмятины, вдавления). Отмечены находки костяных пряслиц.

Украшения из кости составляют наиболее многочисленную группу костяных изделий Дербента. Сюда относятся бусы, наконечники ремней, подвески, украшения и предметы туалета, детали музыкальных инструментов, шахматные фигурки, поделки для игр.

Среди костяных украшений средневекового Дербента выделяется прекрасная женская статуэтка высотой около 10 см, отличающаяся большим мастерством и реалистичностью исполнения.

Большинство костяных поделок Дербента выполнено из кости домашних и диких животных, широко известных в этих районах Дагестана, но ряд предметов сделан из слоновой и других видов привозных костей. Экспорт в Дербент слоновой кости через Астрахань продолжался, согласно данным источников, до XVI—XVIII вв.[400] Находки в слоях средневекового города заготовок рогов и костей различных животных, однако, свидетельствуют, что основная масса костяных изделий выполнялась из местного сырья дербентскими ремесленниками.

Анализ костяных изделий из Дербента позволяет говорить, что этот вид ремесла получил значительное развитие в средневековом городе и продукция ремесленников-косторезов находила себе широкий спрос среди определенной части дербентского населения — в большинстве своем более зажиточного.

РОЛЬ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В ЭКОНОМИКЕ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА

Связь восточного города с сельским хозяйством неоднократно отмечалась исследователями, и роль сельскохозяйственной округи в экономическом развитии городов была весьма значительна. К. Маркс указывал, что «история Азии — это своего рода нерасчлененное единство города и деревни»[401]. Подобный двойственный характер экономики был типичен для развития древних и средневековых городов Переднего и Среднего Востока, Средиземноморья, Кавказа. Исследователи неоднократно отмечали то же в экономике среднеазиатских городов[402] Ирана и Византии[403]. Неразрывно были связаны с сельским хозяйством античные и средневековые города Грузии[404], Армении[405], Азербайджана[406], являвшиеся центрами развитого земледелия и садоводства. Города Дагестана не представляли в этом плане исключения, и известными очагами земледелия, садоводства и виноградарства были такие крупнейшие средневековые города Северо-Восточного Кавказа, как Дербент, Варачан, Семендер[407].

Исследователи отмечали, что развитые города Дагестана были тесно связаны со своей округой[408].

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Дербент был одним из самых крупных городов Северо-Восточного Кавказа, где эта связь наиболее отчетливо выражена и хорошо прослеживается.

Средневековые письменные источники неоднократно сообщают о посевах и полях вокруг Дербента, где жители города возделывали различные сельскохозяйственные культуры. Связи Дербента с сельской округой наблюдаются с древнейших времен, но значительно усиливались они в сасанидское время, чему способствовали экономический подъем города и земельная политика Сасанидов, широко практиковавших наделение землей военных поселенцев из внутренних областей Ирана[409]. Н. В. Пигулевская, отмечая роль сельского хозяйства в экономике раннесредневековых городов Ирана, писала, что горожанам выделялась окружающая их земля, чтобы населению было чем кормиться. Эта земля находилась от него в зависимости и составляла с городом единый округ[410]. Несомненно, что подобным образом были наделены землей и обитатели Дербента, и Йакут писал о правах стражей прохода «из надежных лиц» на всю прилегающую территорию, которая «была представлена в их исключительное использование» в награду за службу[411].

Однако, несмотря на достаточно весомую роль сельского хозяйства в жизни раннесредневекового города, в первый период экономического развития Дербента число городских обитателей, непосредственно связанных с обработкой земли, было, видимо, относительно невелико. Раскопки показали, что в слоях города

этого времени находки орудий, связанных с сельским хозяйством, довольно редки, хотя в большом количестве встречаются каменные жернова ручных мельниц. Сведения о раннесредневековом Амиде позволяют говорить, что не только жители города, но и военный гарнизон широко использовал ручные мельницы для размалывания полученного солдатами из зернохранилищ зерна[412].

В Дербенте в это время связь с округой в значительной степени осуществлялась через товарообмен; определенная часть продуктов поступала также в виде налога, хотя некоторые горожане и обрабатывали прилегающие к городу земли. Это было связано с тем, что довольно значительную часть обитателей Дербента составляли военные, содержать и обеспечивать которых всем необходимым должно было население окружающих районов Восточного и Северо-Восточного Кавказа.

Раздача земель служилому сословию в условное владение, получившее особенно широкое распространение в Иране после реформ Хосрова Ануширвана[413], способствовала развитию процесса феодализации местного общества, становлению нового класса землевладельцев, укрепляла связи города с его округой, открывала простор для новых производственных отношений.

Арабы в первой половине VIII в. не только сохранили подобное положение, но и взимали в качестве налога для содержания военного гарнизона Дербента большое количество зерна, которое раннесредневековые правители Дагестана должны были «привозить в зернохранилище Баба», и в числе крупных построек, возведенных Масламой в городе в VIII в., упоминается «амбар для ячменя»[414].

Экономический подъем Дербента в VIII—XIII вв., расцвет ремесла и торговли, бурный рост города и значительное увеличение состава его торгово-ремесленного населения благоприятно отразились на развитии сельскохозяйственной округи города. Данные письменных источников и археологический материал свидетельствуют о значительной роли полеводства и животноводства в экономической жизни Дербента той поры.

В известной исторической хронике «Тарих Баб ал-абваб» неоднократно упоминаются зависимые от Дербента земли[415], его городская округа[416], многочисленные поместья («дийа») и «возделанные земли (имарат) народа ал-Баба»[417].

Плодородные почвы, создававшие хорошую основу для земледелия в районе Дербента, стали давать особенно богатые урожаи после создания здесь искусственного орошения. Большие работы по водоснабжению города и прилегающих к нему земель проводились здесь уже при Сасанидах, но особого размаха они достигли в VIII—XIII вв. В это время здесь была создана сложная ирригационная система, включавшая в себя и внушительный канал, прорытый в конце VIII в. от реки Рубас до Дербента[418]. Этот канал, прорытый, по данным «Дербенд-наме», по приказу Харуна ар-Рашида, очевидно, оказал благоприятное воздействие

на восстановление садов и огородов Дербента, доходы с которых халиф приказал отдавать беднякам города [419].

Следы древних оросительных каналов, водосборников и разнообразных водоводов, обнаруженные вокруг города, дополняют сведения средневековых источников об ирригационных сооружениях Дербента и орошаемом земледелии.

Арабские авторы IX—X вв., прославляя многочисленные «возделываемые земли» Дербента, сообщают, что здесь выращивали марену, шафран и другие культуры. Ал-Истахри, писавший о занятии населения города земледелием, подчеркивал: «У (жителей) много посевов, но мало плодов, кроме тех, что привозят туда из разных областей» [420].

В персидском варианте ал-Истахри эти сведения дополняются деталями, говорится, что Дербент «имеет много посевов и пахотных земель (кешт во зераат), однако там мало фруктов, которые доставляются из других мест» [421]. Ибн Хаукал сообщил о «многочисленных возделываемых землях» ал-Баба, а Йакут говорит о «многочисленных возделываемых полях» его жителей [422]. Хотя источники не уточняют, о каких конкретно посевах идет речь, но, судя по данным ал-Истахри, «здесь основное внимание уделялось выращиванию зерновых, в частности пшеницы и ячменя» [423].

Сообщения в источниках об относительно небольшом числе садов надо, очевидно, связывать с распространением зерновых культур и широкой специализацией города на выращивании льна, шафрана, марены.

Источники послемонгольского времени более конкретно свидетельствуют о выращивании здесь зерновых культур, столь необходимых крупному городу. Так, Хамдаллах Казвини писал о земледелии в Дербенте: «Что касается плодородия, [то] хлеб там хорош» [424], а такой интересный памятник древнерусской литературы, как «Сказание о Железных воротах» (сер. XV в.), подробно перечисляет возделываемые здесь зерновые культуры: «А в той земле пашут землю, а сеют пшеницу и ячмень, и ярицу, и полбу» [425]. Хотя эти сведения относятся к Дербенту XIII—XV вв., однако можно полагать, что такие свидетельства будут справедливы и для домонгольского периода, так как трудно представить, что приход монголов оказал благоприятное воздействие на развитие земледелия Дербента и способствовал появлению здесь новых зерновых культур. Напротив, Рубрук указывал на ущерб, причиненный монголами возделываемым землям Дербента, и отмечал: «Внизу этого города земля считалась прежде (т. е. перед монгольским нашествием.— *А. К.*) за настоящий рай земной» [426]. Многочисленные находки жерновов ручных и водяных мельниц, крупных керамических сосудов для зерна и зерновых ям-хранилищ, обмазанных слоем извести или светлой глины, широко встречающиеся в слоях VIII—XIII вв. [427], позволяют полагать, что зерновые культуры возделывались здесь в больших количествах. В связи с этим интересно отметить упоминание источников о существовании в городе многочисленных мельниц,

от податей за которые Харун ар-Рашид «освободил жителей города» [428]. В этих же слоях отмечены многочисленные находки «зерна риса и пшеницы, косточек винограда» [429].

Пшеница и виноград возделывались в Кавказской Албании еще в древности, и Моисей Каганкатваци, говоря о богатствах своей страны, отмечал, что «поля вокруг нее изобилуют хлебом, вином, нефтью, солью, шелком и хлопчатой бумагой» [430], а наличие посевов риса в районе засвидетельствовано данными письменных источников и археологии с IX—X вв. [431]

Особенно широкого размаха в Дербенте достигло, судя по данным источников, выращивание специальных технических культур, производство которых здесь самым тесным образом было связано с рядом отраслей ремесла города и округи.

Это прежде всего касается выращивания марены, шафрана и льна, которые, по сообщениям авторов X—XIII вв., составляли основной вид экспорта города и главное сырье для местного текстильного производства, известного на всем средневековом Востоке. Упоминаемое уже в средневековом Дербенте шелководство потребовало, очевидно, значительных насаждений тутовых деревьев в его окрестностях.

Находки многочисленных фрагментов металлических серпов, мотыг, лопат, сошника, плуга в слоях города VIII—XIII вв. значительно дополняют показания письменных источников и свидетельствуют о тесной связи населения Дербента с полеводством и садоводством, игравшими большую роль в жизни города.

Изучение данных археологии и письменных источников о связях экономики Дербента с сельским хозяйством показало, что эти связи были весьма тесными и имели двойственный характер. С одной стороны, экономический подъем и возвышение Дербента, расцвет ремесла и торговли оказывали большое влияние на его округу, на развитие полеводства на землях средневекового города и выращивание тех или иных культур, особенно технических, а с другой — и сельская округа оказывала влияние на развитие целого ряда городских ремесел.

ЖИВОТНОВОДСТВО

Определенную роль в экономической жизни Дербента играло и животноводство, однако оно не могло сравниться по уровню своего развития и влиянию на экономику средневекового города с земледелием.

Археологические раскопки, проводимые в Дербенте, позволили получить большой остеологический материал, свидетельствующий об определенных успехах, достигнутых жителями средневекового города в разведении скота, и роли животноводства в экономической жизни Дербента.

Изучение костных остатков показало, что в основном население города разводило крупный рогатый скот (быков, коров),

мелкий рогатый скот (овец и коз), а также лошадей и мулов (или ослов). Находки предметов конской сбруи, в том числе удил, псалий, стремян, седельных пряжек, свидетельствуют о том, что лошадь, видимо, применялась в основном для верховой езды и служила главным образом не для хозяйственных, а для военных целей.

Мулы или ослы использовались в качестве вьючных животных и, судя по данным средневековых письменных источников, являлись предметом экспорта из этих областей Кавказа [432].

Крупный рогатый скот использовался в основном в качестве тягловой силы. Овцы и козы обеспечивали город необходимыми продуктами животноводства и сырьем для ряда городских ремесел.

Вопрос о соотношении количества крупного и мелкого рогатого скота в городе весьма сложный и не может пока быть освещен с должной полнотой, так как остеологический материал из ряда районов города пока не обработан, но уже сейчас можно говорить о некотором увеличении количества костей мелкого рогатого скота в слоях раннесредневекового периода существования Дербента. Возможно, это было связано с временным хазарским господством здесь во второй половине VII в. и с ранними этапами арабского завоевания в начале VIII в. В более поздние периоды преобладают костные остатки крупного рогатого скота.

Изучение остеологического материала ряда крупных городищ и поселений раннесредневекового Дагестана показало доминирующую роль здесь крупного рогатого скота [433]. Однако, как справедливо было отмечено А. Р. Шихсаидовым, подобное положение было типично для плоскостных и предгорных районов Дагестана, а на высокогорье с его прекрасными альпийскими лугами успешно развивалось овцеводство [434]. С успехами земледелия было связано увеличение крупного рогатого скота на плоскости и мелкого в высокогорных районах [435].

Исследовавший этот вопрос М. О. Османов пришел к выводу, что большие возделываемые площади вокруг дагестанских поселений при довольно малочисленных пастбищах свидетельствуют о наличии здесь большого числа крупного рогатого скота, так как пахотное земледелие на значительных участках связано было с увеличением спроса на тягловую силу [436]. Подобные выводы справедливы и для Дербента, бо́льшая часть земель которого возделывалась под зерновые, марену, лен, шафран, виноградники и сады. Разведение крупного рогатого скота было тесно связано с интенсификацией земледелия на плоскости и в предгорье [437].

Письменные источники сообщают о стадах скота, принадлежащих жителям Дербента [438], однако сведения эти значительно более скупые, чем о полеводстве и возделываемых землях города, что, несомненно, отражало и их различную роль в экономике средневекового города. Любопытно отметить, что в «Тарих Баб ал-абваб» говорится о наличии пастбищ дербентцев на незащищенной территории с северной стороны города [439], т. е. там, где

в основном не существовали возделываемые земли, что еще раз свидетельствует о ведущей роли земледелия по сравнению с животноводством. Так как почти вся земля с южной стороны города была занята под пашни, огороды и сады, то скот приходилось пасти на опасных, незащищенных стенами северных участках, где он подвергался нападению и неоднократно угонялся во время набегов соседей [440].

Хорошо развитое скотоводство в районах, примыкающих непосредственно к Дербенту как с севера, так и с юга (источники свидетельствуют о богатой добыче арабов в Табасаране, где было захвачено 40 тыс. голов рогатого скота, лошадей, овец, и в Кайтаге, где Джаррах захватил 12 тыс. голов крупного рогатого скота и овец) [441], позволяло горожанам значительно в большей степени уделять внимание замледелию, с некоторым ущербом для животноводства, лишавшегося части пастбищ и лугов, занятых под посевы.

Видимо, недостающее количество продуктов животноводства Дербент получал за счет других районов Дагестана, с которыми вел торговлю, особенно усилившуюся с XI в. Письменные источники сообщают, что уже с X в. бараны входили в число товаров, вывозимых из Серира через Дербент [442].

РЕМЕСЛА, СВЯЗАННЫЕ С ПЕРЕРАБОТКОЙ ПРОДУКТОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА

Тесная связь Дербента с городской округой и заметная роль земледелия и животноводства в жизни средневекового города, развитие товарооборота с внутренними районами Дагестана, для которых Дербент, как и для многих областей Северного Кавказа [443], служил центром сбыта сырья, способствовали появлению в городе целого ряда специализированных ремесел, связанных с переработкой продуктов сельского хозяйства.

Из таких ремесел прежде всего надо отметить обработку кож, поступавших сюда из многих скотоводческих районов Дагестана [444] и Северного Кавказа [445] и от местного животноводства. Кожевенное призводство Дербента, включавшее обработку бараньих шкур, изготовление обуви и разнообразных шорных изделий, таких, как уздечки, седла, подпруги, ремни, а также ряда других предметов, находилось, видимо, на весьма высоком уровне, и письменные источники уже для XI в. сообщают о существовании в городе специализированного объединения ремесленников-профессионалов в этой области [446].

Наряду с обработкой кож в средневековом городе, возможно, был налажен выпуск бумаги. Мы не располагаем сведениями о том, с какого времени ремесленники Дербента освоили это сложное производство, но уже в XI в. источники среди ряда других профессий упоминают торговца бумагой (а возможно, и ее изготовителя) (варрак) [447]. Подтверждение этих данных новыми фактами могло бы служить прекрасной иллюстрацией

высокого уровня экономического развития Дербента. Производство бумаги — сложный технический процесс, и изготовление ее в средневековый период являлось монополией очень немногих городов Средней Азии и Переднего Востока [448].

К числу городов, производивших в Средней Азии в средневековый период бумагу, относится лишь Самарканд, а об изготовлении ее в каких-либо других центрах этого региона нет сведений [449].

Мы не имеем возможности судить о том, каким способом делалась бумага на Кавказе, но если исходить из среднеазиатских параллелей, описанных ал-Бируни [450], то для приготовления бумажной массы использовались водные толчеи, «в которых размельчали коноплю и другие волокнистые материалы» [451]. О. Г. Большаков в своих исследованиях по городам Средней Азии отмечает, что «ремесло бумажников было очень редким; письменные источники их не упоминают, лишь у Сам'ани (л. 166 б) отмечена одна вспомогательная специальность, связанная с производством бумаги, — упаковщик (хэззам)» [452].

Конопля, входившая, согласно сообщениям ал-Бируни, в состав среднеазиатской бумаги, произрастала и в районе Дербента, составляя одну из технических культур, возделываемых населением средневекового города [453]. Сложившиеся, вероятно, в средневековый период традиции изготовления бумаги сохранились в производстве позднефеодального города вплоть до XVIII в. [454]

Среди профессий ремесленников города автор XI в. ад-Дербенди упоминает мыловара (сабуни) [455], что позволяет говорить об изготовлении в Дербенте этого продукта. Мыло делалось из жиров и золы специальных растений и являлось довольно дорогим продуктом, так как, по данным средневековых источников, «для стирки узла одежды нужно мыла больше чем на дирхем» [456]. В Средней Азии известными центрами мыловарения были такие крупные города, как Термез и Балх [457].

Одной из важнейших городских профессий, связанных с обеспечением населения средневекового города хлебом, была работа мукомола. Многочисленные находки в Дербенте мельничных и ручных жернов, а также сведения письменных источников о водяных мельницах города [458] не оставляют сомнений, что в Дербенте существовала и подобная профессия. Следует отметить, что ручные мельницы наиболее характерны были для первого периода развития Дербента, а с VIII в. их находки в слоях города несколько уменьшаются, что, видимо, было связано с появлением водяных мельниц на каналах и родниках города. Очевидно, устройство мельниц несколько отличалось от подобных сооружений в других областях, по крайней мере тех, что строились на родниках, и авторы XVIII в. отмечали, что на «родниках построены многие мельницы, которых расположение весьма много отличается от наших» [459].

Однако, вероятно, значительная часть населения, преимущественно небогатая, молола зерно в домашних условиях с помощью ручных мельниц, о чем свидетельствуют многочисленные находки ручных каменных жерновов почти на всей территории рабада. Тандыр для выпечки хлеба, как показали раскопки, был принадлежностью почти каждого дома. Имелись ли в Дербенте специализированные небольшие пекарни, обеспечивавшие ту часть населения, которая не имела возможности выпекать хлеб в домашних условиях, судить трудно, так как в письменных источниках нет упоминаний о хлебопеках города. Возможно, что дальнейшее изучение интереснейших местных исторических хроник о средневековом городе позволит выявить какие-то факты о существовании подобной профессии, необходимой для больших городов, где всегда находилось много потребителей готового хлеба [460].

Археологические раскопки и данные письменных источников свидетельствуют, что немаловажную роль в экономике средневекового Дербента играли такие промыслы, как рыболовство и охота на тюленей. Уже упоминаемый выше источник XI в. среди слушателей суффийских меджлисов средневекового города называет и рыбака (саммак) [461], а археологические материалы подтверждают эти сведения находками рыболовных крючков, костей и панцирных пластин, рыб осетровых пород [462]. Рыба названа в числе товаров, вывозимых из этих областей Кавказа, а Масуди говорит о «судах рыбаков» [463], плавающих на Каспии.

Подводя итоги исследованиям ремесленного производства Дербента VI — середины XIII в., можно сделать вывод, что в средневековом городе существовали и успешно развивались все основные виды ремесел, присущие крупным феодальным городам Кавказа, Передней и Средней Азии, Восточной Европы.

Многочисленные материалы археологических раскопок и данные письменных источников позволили установить, что Дербент в указанный период имел высокоразвитые керамическое производство, стеклоделие, строительное дело, камнеобработку, ткацкое производство, металлообработку и целый ряд других ремесел. Это дает основание сделать вывод о том, что в средневековую эпоху Дербент превратился в крупный торгово-экономический центр, известный очаг производства многих ремесленных товаров, т. е. он из самого значительного города-крепости Кавказа превратился в развитый феодальный город этого региона.

Анализ огромного количества ремесленной продукции средневекового города и данных письменных источников позволил последить пути этого превращения и выделить три основных периода развития ремесленного производства Дербента, относящихся к VI — началу VIII в., VIII — X вв., XI — середине XIII в.

Исследования комплексов археологических материалов, выделенных по стратиграфии их залегания в слоях указанных периодов, показали, что эти хронологические отрезки существования Дербента были отмечены крупными изменениями в его экономическом развитии, связанными с большими сдвигами в ремесленном производстве города.

Каждый из выделенных периодов экономического развития Дербента имел определенные этапы расцвета или спада отдельных ремесел города, которые были связаны с конкретными историческими явлениями военно-политического и социально-экономического характера.

В первом периоде можно выделить два таких этапа: VI — середина VII в. и вторая половина VII — начало VIII в. Первый из них связан с экономическим подъемом города и развитием в нем ряда ремесел, а второй — с упадком, который наступил в результате ожесточенных арабо-хазарских войн за обладание Дербентом.

Во втором периоде можно выделить этап VIII — начала IX в. и IX—X вв. На первом этапе в экономике города еще значительную роль играли военно-политические факторы, а на втором преобладание экономических причин было подавляющим, что определялось торгово-экономическим подъемом Дербента, связанным с расцветом прикаспийской торговли и ремесленного производства города.

Для третьего периода выделяются этапы, относящиеся к XI — началу XII в. и к XII — середине XIII в. Первый этап характеризовался специализацией отдельных видов ремесла, зарождением профессиональных ремесленных объединений, началом концентрации ремесленного производства в шахристане Дербента, а второй — небывалым подъемом ремесла в городе, связанным с широкой его переориентацией на внутридагестанские рынки, которые значительно увеличили свой спрос в связи с общим экономическим подъемом Дагестана в это время.

Изучение ремесленного производства города показало, что лишь в начале первого периода военные факторы играли основную роль в развитии средневекового города, а в дальнейшем оно было целиком связано с расцветом его экономики, основу которой составляли ремесло и торговля. В VI — середине XIII в. в экономическом развитии города произошли сложные процессы, основанные на росте производительных сил и углублении производственных отношений, приведшие к подъему всего ремесленного производства средневекового Дербента, развитию и специализации отдельных видов ремесла, дальнейшей ориентации его на местный городской и внешние кавказские рынки, к расширению и укреплению феодальных отношений в городе, в процессе развития которых свободный ремесленник становился основной фигурой в структуре местного городского общества. Именно торгово-ремесленный люд являлся главным потребителем основной части массовой продукции, изготовляемой в городе, хотя дорогие парадные изделия и предметы роскоши изготовлялись главным образом на заказ, что также являлось важным фактором развития ремесла. «Первой формой промышленности, отрываемой от патриархального земледелия, является ремесло, т. е. производство изделий по заказу потребителя» [464].

ТОРГОВЛЯ В ДЕРБЕНТЕ В VI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIII в.

В возникновении и развитии средневековых городов Прикаспийского Дагестана, и в первую очередь Дербента, торговым связям принадлежит особая роль.

Широкие военно-политические и торгово-экономические контакты крупнейших государств Восточной Европы и кочевых объединений евразийских степей со средневековым Востоком через Кавказ и знаменитые ворота Дербента, огромные сдвиги в социальном и экономическом развитии местных дагестанских народов способствовали быстрому превращению важных стратегических укреплений Западного Прикаспия в значительные средневековые города. Особую роль сыграло развитие международной торговли по Прикаспийскому пути.

Значение торговли в формировании и развитии средневекового Дербента огромно, и если появлением и превращением его в важнейший опорный пункт Кавказа он обязан факторам военно-политического характера и своему стратегическому положению, то в становлении Дербента как крупного феодального города и торгово-экономического центра особую роль сыграл расцвет международной торговли по Прикаспийскому пути. В средневековый период Дербент являлся не только крупнейшим феодальным городом Кавказа, но одним из наиболее известных торговых центров Арабского халифата, главным посредником в международной торговле мусульманского Востока с «северными странами неверных», сохранившим свое торгово-экономическое значение и после распада халифата.

Прикаспийский путь использовался в торговых целях с древнейших времен. Еще Александр Македонский, а позднее Селевк I пытались выявить торговые пути на северо-западе Каспия. Страбон писал, что уже «аорсы на верблюдах перевозили индийские и вавилонские товары, получая их от армян и мидян» [465], но наибольшая активность в развитии прикаспийской торговли приходится на VIII—XIII вв. Это период расцвета «арабской» торговли на Каспии и наиболее интенсивного развития международных торговых связей между Восточной Европой и Передней Азией через западное побережье его, время возвышения и расцвета Дербента. Однако этот процесс не был одинаково интенсивен на протяжении всего средневекового периода, и, исследуя проблемы становления феодального Дербента, удалось выделить три этапа развития торговли: первый — VI — первая половина VII в., второй — VIII — X вв., третий — XI — первая половина XIII в.

ПЕРВЫЙ ЭТАП

Экспансивные устремления сасанидского Ирана на Северо-Восточном Кавказе и резко возросшая активность кочевников в IV—V вв. способствовали первоначально возникновению лишь

военно-политических контактов между ними, что отрицательно сказалось на развитии торговых связей. Однако уже в VI—VII вв. торговое значение Прикаспийского пути весьма повысилось и, хотя он еще не мог соперничать с известными трассами мировой торговли, торговая активность на западном побережье Каспия значительно возросла.

Особую роль в формировании раннесредневекового города на первом этапе сыграло резкое увеличение внутреннего рынка благодаря широкому строительству Сасанидов в Дербенте и их земельной политике.

Исторические условия, определившие появление раннесредневекового Дербента как одного из главных военно-политических центров на Кавказе, способствовали своеобразному положению города в социально-экономической структуре общества данного региона и сказались на развитии его торговли в данный период.

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, несомненно, способствовало быстрому развитию здесь ремесла и торговли, значительному увеличению среди его населения числа ремесленников и торговцев.

Широкая строительная деятельность Сасанидов в Дербенте, узкая специализация отдельных видов ремесла и дальнейшее отделение его от сельского хозяйства оказали решающее влияние на рост внутреннего рынка и значительное увеличение товарооборота города [466].

Наряду с внутренним рынком на первом этапе расширялись и международные торговые связи Дербента. Ввиду определенной стабилизации положения в VI в. на северных границах Ирана активизировалась торговая деятельность в бассейне Прикаспия и значительно возросла роль Прикаспийского торгового пути. Дальнейшее развитие международной каспийской торговли благоприятно отразилось на росте раннесредневекового города, который в силу своего географического положения полностью ее контролировал. Дербент становится весьма важным центром международной торговли, хотя он, вероятно, в этот период в большей степени выступает как значительный транзитный пункт на Прикаспийской торговой трассе. Письменные источники не донесли до нас конкретных данных о торговой деятельности Дербента, как и большинства других областей Кавказа в этот период. Однако как ни скупы сообщения раннесредневековых авторов, они позволяют говорить, что через «ворота» на север шли рабы — продукт ожесточенных сасанидско-византийских войн, зерно, вино, масла, предметы украшения, роскошные парчовые ткани и шелк, а на юг через Дербент вывозили воск, кожи, мед, клей и другие продукты [467].

Археологические раскопки показали, что наряду с определенным процентом импортной посуды в культурных слоях раннесредневекового Дербента представлены сирийское стекло, привозные предметы украшения из сердолика, агата, халцедона, египетской пасты и другие изделия [468]. В захоронениях представителей верхушки племенных объединений в Приморском Дагестане в большом количестве встречаются предметы роскоши, украшения, богатая посуда и оружие ближневосточного, закавказского, крымского происхождения [469], а также золотые византийские монеты, которые попали сюда не только в результате военных действий, но и благодаря широким торговым контактам через Дербент. На широкое развитие торговли указывают находки сасанидских монет в Дербенте, Закавказье, Приморском Дагестане, Северном Кавказе и далее на север.

Изучение вещественных комплексов Дербента позволяет утверждать, что изделия, представленные в слоях города сасанидского времени, находят себе аналогии не только в материалах памятников Ближнего Востока и Закавказья, но и в раннесредневековой керамике Средней Азии [470]. Наличие среди керамики Дербента привозных изделий, в том числе сосудов, имеющих очень большое сходство с раннесредневековой посудой памятников низовий и среднего течения Сырдарьи, позволяет поставить вопрос о торговых связях Дербента в сасанидский период с областями Средней Азии, в процессе которых, возможно, использовались не только широко известные сухопутные торговые пути, но и морская дорога через Каспий.

ВТОРОЙ ЭТАП

Наметившийся в VI — первой половине VII в. прогресс в развитии прикаспийской торговой деятельности через Дербент и возросший объем внутренней торговли города был прерван арабскими завоеваниями и начавшимся периодом арабо-хазарских войн, в результате которых Дербент неоднократно переходил из рук в руки и пришел в значительный упадок. К середине VIII в. положение на Восточном Кавказе и в Северном Прикаспии стабилизировалось и между враждующими сторонами установилось своеобразное равновесие, когда ни та, ни другая сторона уже не ставила себе задач широкой экспансии, что способствовало нормализации обстановки и значительному прогрессу в развитии прикаспийской торговли.

Со второй половины VIII в. начался расцвет «арабской» торговли в Прикаспии, куда сместились важнейшие трассы мировой торговли, и Прикаспийский торговый путь в этот период стал столь же известен, как знаменитый «шелковый путь» из Китая.

В VIII—X вв. Дербент предстает как один из наиболее значительных торговых центров на Переднем Востоке. Сюда доставлялись товары из всех областей Прикаспия и многих других мусульманских и немусульманских государств.

Все сырье и предметы экспорта Дагестана, Северного Кавказа и Прикаспия шли через Дербент. Город служил главным посредником в торговле между Передним Востоком и Хазарией, Древней Русью, северными странами. Важнейшей статьей торговли являлись очень высоко ценившиеся на средневековом Востоке знамени-

тые северные меха[471], идущие вниз по Волге[472], и рабы «из стран неверных»[473]. Сюда, по сведениям Табари, прибывали купцы из Закавказья, а также «из Джурджана, Табаристана, Дейлема»[474], и Дербент служил перевалочным пунктом и рынком для товаров «из Хазарии, Серира, Хайзана, К. р. дж., Руклана, Зирихгерана, Амика»[475] и других мест, т. е. почти для всего Дагестана и многих областей Северного Кавказа и Прикаспия.

Одним из важных показателей обширных торговых связей Дербента является описание торговой трассы от Бердаа до Баб ал-абваба и дальше на Семендер и Итиль с точной фиксацией перехода в днях и фарсахах[476]. Не менее известны были и морские торговые пути Дербента — главного порта на Каспии[477].

Дербентские купцы, по данным Масуди, имели налаженные связи с причерноморскими степями, где вели не только торговую деятельность, но и антивизантийскую пропаганду[478].

Важнейшими статьями экспорта Дербента были льняное полотно, полотняные одежды, марена, шафран.[479] Дербентское полотно славилось по всему средневековому Востоку, а марену вывозили вплоть до Индии. О том, что из Дербента в большом количестве «вывозят льняные одежды», писали ал-Истахри, Ибн-Хаукал, Йакут и другие арабские авторы, но наиболее яркое представление о том, насколько обширны были торговые связи, дает сообщение автора X в. Балами: «На этих путях расположен город, самый крупный из абвабов, называемый Баб ал-абвабом... В этом городе производят ткани, называемые махсуди, которые вывозят в Азербайджан, Ирак, Фарс, Керман, Табаристан и Хорасан»[480].

В этот период Дербент был крупнейшим портом на Каспийском море. Он обладал прекрасной гаванью внушительных размеров, устроенной между вдававшимися в море стенами города. Размеры гавани, согласно сделанным нами расчетам, были весьма значительны, хотя протяженность морских стен оценивалась арабскими авторами очень разноречиво. Но если даже принимать во внимание лишь самую минимальную длину морских стен города (ал-Истахри — 6 башен, т. е. около 450—500 м; Хилаль ас-Саби — 600 локтей, т. е. около 300—400 м), то площадь гавани достигала 15—25 га. Если же верить сведениям других арабских авторов, то она была в несколько раз больше (Баладзори, Кудама, Ибн Русте — около 300 га, Масуди — около 100 га; Хамдаллах Казвини — около 50 га).

Все арабские авторы, писавшие о Дербенте этого времени, отмечают, что гавань была хорошо укреплена и вход в нее строго контролировался. Ал-Истахри так описал дербентский порт: «Баб ал-абваб — приморский город. В середине его находится якорная стоянка для судов. Между этой стоянкой и морем, по обе стороны моря, построены две стены, так что вход для судов узок и труден, а у входа протянута цепь, и таким образом, суда не могут выйти или войти без приказа»[481]. Баладзори и Ибн Хаукал говорят о специальном коменданте порта, который давал разрешение на вход и выход из него. Причем Ибн-Хаукал отмечал, что цепь,

которой закрывались ворота гавани, была заперта на замок, ключ от которого находился у того, кто наблюдал за морем, и «судно входит [в гавань] только с разрешения владельца замка»[482].

Наличием надежных укреплений дербентской гавани объясняет В. В. Бартольд то обстоятельство, что Дербент не был затронут грабительскими походами в X в.[483]

В этот период значение Дербента как крупнейшего порта на Каспии огромно, и он является «оком» на Восток не только для местных дербентских купцов, но и для купцов Хазарии, Серира, Хайзана, Руклана, Зирихгерана, Амика. Ал-Истахри так описал значение Дербента как центра международной морской торговли: «Это порт на Хазарском море [для] Серира и других стран неверных. Это также порт и для Джурджана, Табаристана и Дейлема»[484]. А Ибн Хаукал добавляет, что «в трех последних встречаются хлопчатобумажные одежды, которые вывозят через этот порт»[485]. И не случайно арабские географы и историки IX—X вв. считали ширину Каспийского моря по дням пути «от Табаристана до Баб ал-абваба»[486], т. е. по наиболее известной в средние века морской торговой трассе.

Археологические исследования, проводимые в последние годы в Дербенте, не только позволили существенно дополнить сведения письменных источников, но и пролили свет на совершенно новые стороны торговых связей города в средневековое время. Многочисленная импортная посуда из Рея, Самарры, Багдада, китайский фарфор, сосуды для благовоний, стеклянные браслеты и кольца — закавказские витые и гладкие, византийские — монохромные и полихромные, многочисленные импортные украшения из пасты, металла и кости, перстни, подвески и бусы из ценных камней, обнаруженные в культурных слоях Дербента VIII—X вв.[487], служат прекрасной иллюстрацией его обширной торговой деятельности и роста роли города как крупнейшего торгового центра Кавказа. Даже краткое перечисление раскопанных в Дербенте импортных изделий наглядно показывает, сколь широка была география его торговых и культурных контактов.

Особо выделяются белофаянсовые сосуды, покрытые очень высококачественной глазурью прекрасного золотисто-кремового тона, с мельчайшими трещинками, напоминающими то кожицу персика, то треснутый лед, то тончайшую паутину[488]. Через эти трещинки в черепок проникли грязь и жировые составы, окрасившие изделие в рыжевато-бурые цвета, придавшие выразительность, весьма похожую на натуральные разводы камня и древесины. Подобный способ орнаментации изделий, известный под названием цека или краклэ, был разработан в средневековом Китае, и такая посуда необыкновенно теплых, золотисто-рыжих тонов столь высоко ценилась на Востоке, что уже в средневековье побудила фальсификаторов подражать цеку[489]. Находки в Дербенте большого количества сфероконусов различных размеров[490], использовавшихся на средневековом Востоке для перевозок ртути и благовоний[491] и производившихся, судя по имеющимся сейчас

данным, непосредственно в самом Дербенте, проливают новый свет на торговую деятельность города в этот период.

Несмотря на значительное число находок импортных предметов, они составляют лишь незначительный процент среди того огромного количества керамической посуды, изделий из стекла и металла, украшений и других поделок, обнаруженных в слоях Дербента этого периода. Археологические раскопки показали, что в VIII—X вв. Дербент был не только важнейшим центром международной торговли, но и многолюдным городом[492] с обширным внутренним рынком, являвшимся главным потребителем продукции его развитого ремесленного производства. Простота и стандартизация основной части ремесленной продукции Дербента этого периода свидетельствуют, что она изготовлялась для массового потребителя и спрос на нее, т. е. внутренний рынок, был очень велик.

Расцвет торговой и ремесленной деятельности Дербента привели к бурному территориальному росту города, стремительному развитию основных частей шахристана и рабада. Именно в этот период, по сообщениям арабских историков и географов IX—X в., Дербент превратился в крупнейший феодальный город Кавказа, и торговле в этом процессе его становления принадлежала одна из главных ролей.

ТРЕТИЙ ЭТАП

На XI — первую половину XIII в. приходится новый этап социально-экономического развития Дербента, характеризующийся дальнейшим ростом ремесла и торговли, углублением процесса феодализации местного общества и его дальнейшей дифференциацией. Это — период дальнейшего развития новых производственных отношений в Дагестане, подъема его экономики, качественного и количественного развития сельского хозяйства и ремесла. На этой основе начинает происходить процесс огромной важности — специализация производства в отдельных районах и аулах[493], что способствует активизации внутридагестанской торговли и ее дальнейшей специализации[494]. Эти процессы и ряд причин политического характера привели к значительным изменениям в торговой деятельности города. Разгром Хазарского каганата и захват половцами южнорусских степей лишили Дербент торговых контактов с северными странами, и прежде всего с такими крупнейшими средневековыми государствами, как Хазария и Русь, что сильно сказалось на его торговой деятельности и связях.

Роль Дербента как главного посредника в торговле между Юго-Восточной Европой и Передним Востоком резко снизилась, и город теряет свое значение крупнейшего транзитного пункта и «складского места» для товаров «севера и юга». Происходящие в этот же период широкие сдвиги в экономической жизни Дагестана, образование крупных населенных пунктов и ремесленных центров[495] способствовали значительному расширению торговых

контактов Дербента с внутренними районами Дагестана, переориентации торговой деятельности города на дагестанские рынки. При этом сам Дербент остается одним из важнейших рынков сбыта для продукции основных районов Дагестана и главным «оком» для экспорта местных товаров на Ближний Восток и в Закавказье. Через Дербент на внутридагестанские рынки поступали предметы роскоши и украшения из крупнейших ближневосточных и закавказских торгово-ремесленных центров[496], и среди многочисленных средневековых памятников Дагестана этого периода широко представлены импортные предметы из стекла, ювелирные изделия и украшения, поливная керамика, парадная фаянсовая и фарфоровая посуда[497]. Особой статьей ближневосточного экспорта являлись белофаянсовые изделия с пышной подглазурной росписью и благопожелательными надписями, причем подобная посуда была обнаружена не только в Дербенте, но и в других районах Горного Дагестана[498].

Автор XII в. ал-Гарнати сообщает о богатых восточных материях, парчовых тканях и шелке, которые зирихгеранцы используют при погребении своих умерших[499], что дает основание предполагать о существующем импорте дорогих ближневосточных тканей в Дагестан через Дербент.

В этот период в силу целого ряда экономических и политических причин все более тесными становятся связи Дербента с государствами Закавказья и средневекового Востока, и ярким показателем этой усилившейся ориентации торговли на юг могут служить обнаруженные в культурных слоях города многочисленные керамика и стекло, полностью аналогичные подобным изделиям из Орен-калы, Шемахи, Кабалы, Двина, Ани и других средневековых центров Закавказья[500]. Это белофаянсовые сосуды, расписанные люстром по белой непрозрачной глазури[501], центрами производства которых являлись Рей и Кашан, фаянсовая и фарфоровая посуда с росписью из Ирана и Китая[502], дорогие высококачественные блюда и чаши из китайского селадона[503].

В то же время через Дербент из внутренних районов Дагестана на ближневосточные рынки вывозили шерсть, кожи, полотно, ремесленную продукцию, мед, фрукты. Ал-Гарнати в середине XII в. писал о жителях дагестанских долин, что «много у них всяких благ, таких, как мед, и мясо, и фрукты»[504].

Особой статьей дагестанского экспорта были оружие и металлическая посуда, очень высоко ценившиеся на Кавказе и средневековом Востоке. «Близ Дербента... живет народ, называемый зирихгеран, т. е. изготовители броней, которые изготовляют всякое военное снаряжение — кольчуги, панцири, шлемы, мечи, копья, луки, стрелы, кинжалы и всевозможные медные изделия»[505].

Однако в это время Дербент не только важнейший партнер и посредник в кавказско-дагестанской и ближневосточной торговле, он — крупнейший феодальный город Кавказа с обширной местной торговлей. В городе широкий размах получают, судя по археологическим данным, керамическое, стеклоделательное,

металлообрабатывающее и ряд других производств. В керамическом промысле широко применялись новые приемы изготовления и орнаментации посуды, изготовлялась местная керамика, подражавшая иранскому фаянсу и даже китайскому селадону, изделия местных мастеров целиком обеспечивали потребности внутреннего рынка и вывозились во многие районы Дагестана [506]. Местные предметы украшения и изделия из стекла успешно выдерживали конкуренцию ближневосточного и закавказского импорта и составляли основную часть подобной продукции, обнаруженной в слоях Дербента этого периода при раскопках.

Показателем дальнейшего роста торговой деятельности Дербента и развития его торговых связей могут служить многочисленные находки монет дербентской чеканки в слоях самого города и во многих районах Дагестана, Закавказья и других областях, а также наличие в средневековых слоях Дербента этого периода монет сопредельных государств [507].

Исследования торговой деятельности Дербента VI — первой половины XIII в. позволяют проследить этапы ее развития и периоды наибольшей активности, дают возможность выявить роль торговли в формировании средневекового города.

Удалось установить, что наибольший расцвет торговой деятельности Дербента приходится на IX — первую половину XIII в., т. е. на второй и третий этапы, причем если на втором этапе развития международным торговым связям принадлежала ведущая роль в торговле города, то на третьем этапе значительно усилилась связь с внутридагестанскими рынками и значение местной торговли в жизни Дербента сильно возросло.

Археологические раскопки и анализ письменных источников позволяют делать вывод о том, что в VI — первой половине XIII в. Дербент являлся одним из крупнейших торгово-ремесленных городов Кавказа и наиболее значительным посредником в международной транзитной торговле между Восточной Европой и Передней Азией, главным центром морской торговли на Каспии.

Изучение экономического развития Дербента позволило проследить его становление как крупного торгово-ремесленного центра Дагестана и всего Кавказа и выявить основные периоды этого становления. Превращение города в крупный центр региона было связано с дальнейшим развитием производительных сил, расцветом ремесла и торговли, зарождением и укреплением новых феодальных отношений.

Каждый из выделенных периодов характеризовался дальнейшим подъемом производительности труда, качественными и количественными изменениями в ремесленном производстве города, усилением специализации в различных его отраслях. В связи с прогрессом в развитии городов и непрекращавшимся ростом производства Ф. Энгельс отмечал, что «в ткачестве, в обработке металлов и других ремеслах, все более и более обособлявшихся друг от друга, во все возраставшей степени увеличивалось разнообразие и совершенствовалось мастерство производства» [508].

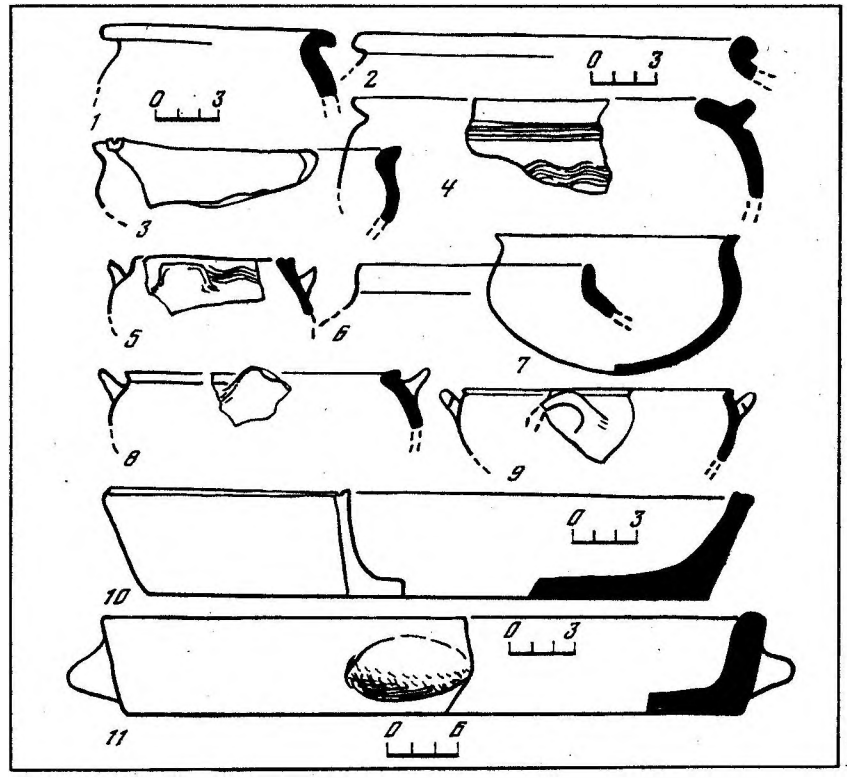


Рис. 32. Кухонная керамика Дербента сасанидского периода. VI—VII вв.

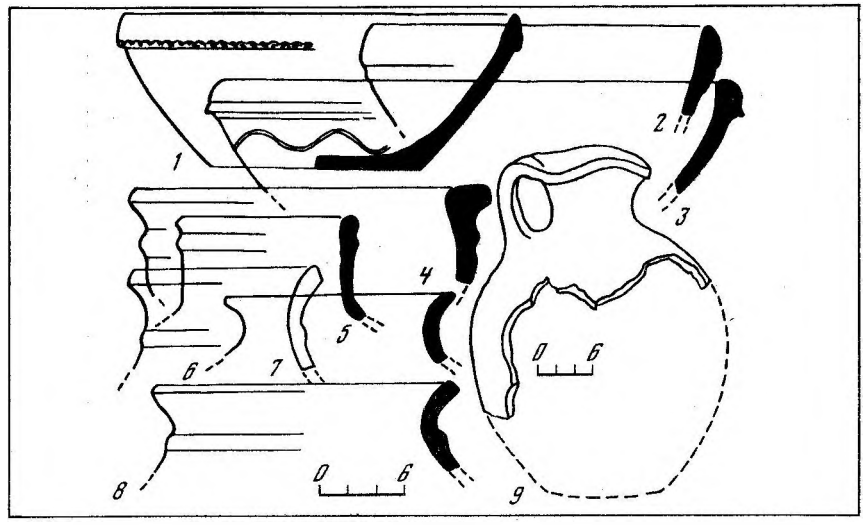


Рис. 33. Столовая и тарная керамика Дербента сасанидского периода. VI—VII вв.

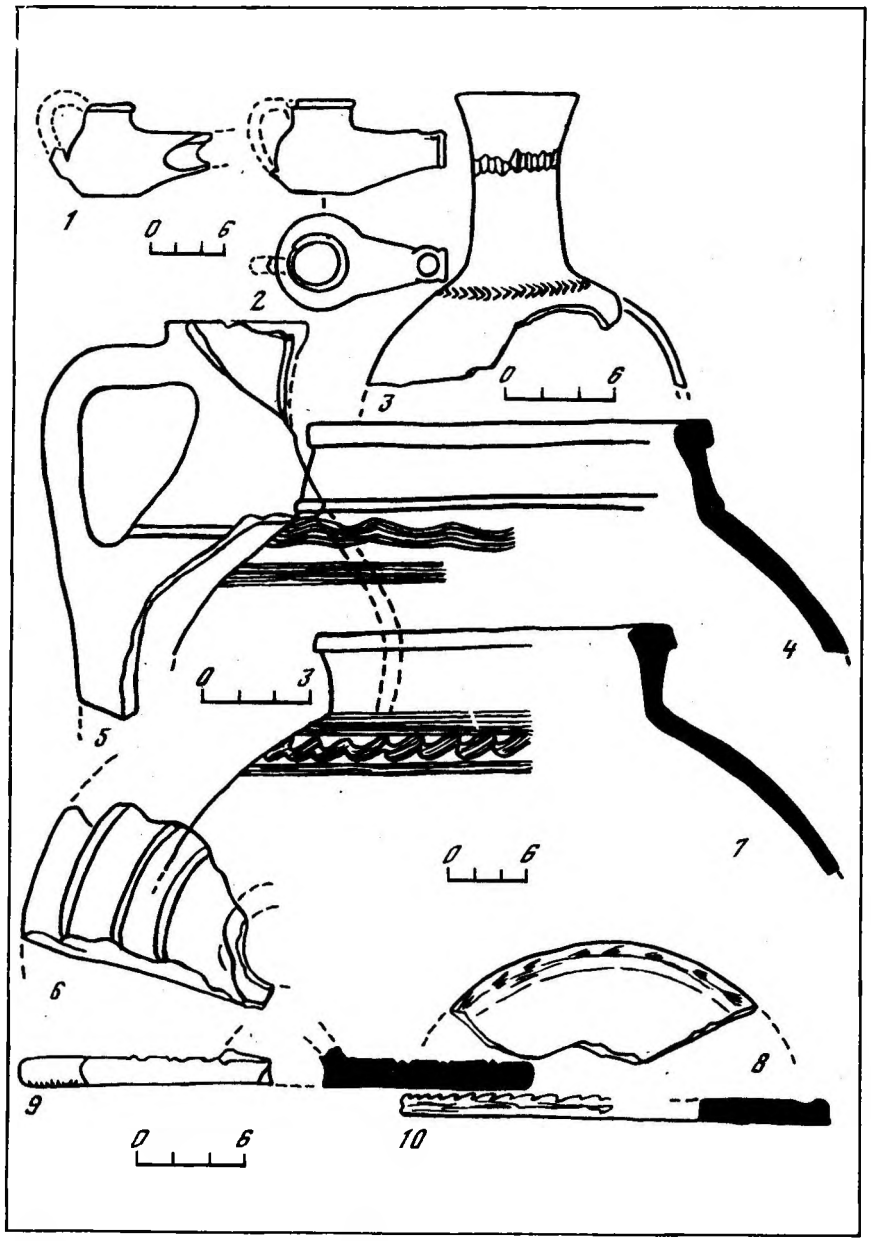


Рис. 34. Столовая и тарная керамика Дербента сасанидского периода. VI—VII вв.

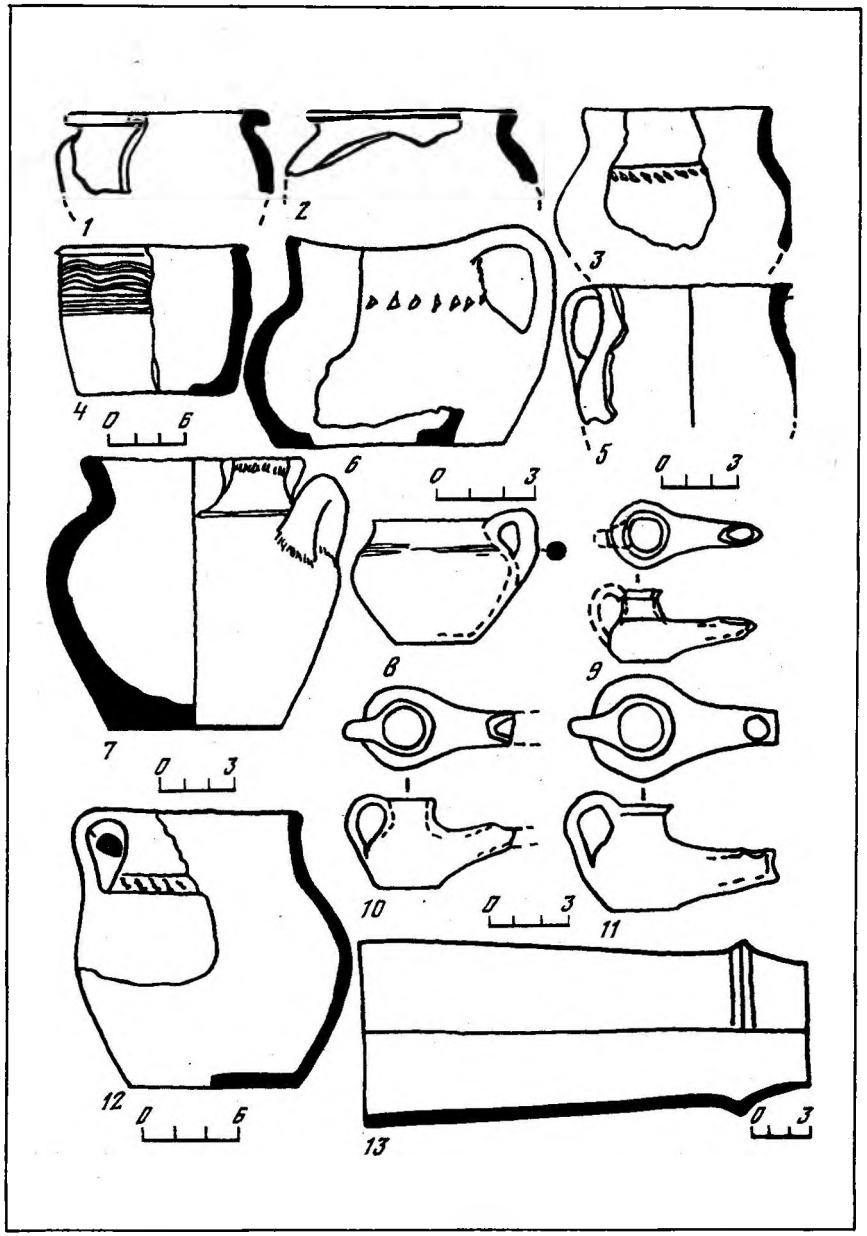


Рис. 35. Неполивная керамика Дербента средневекового периода. VIII—X вв.

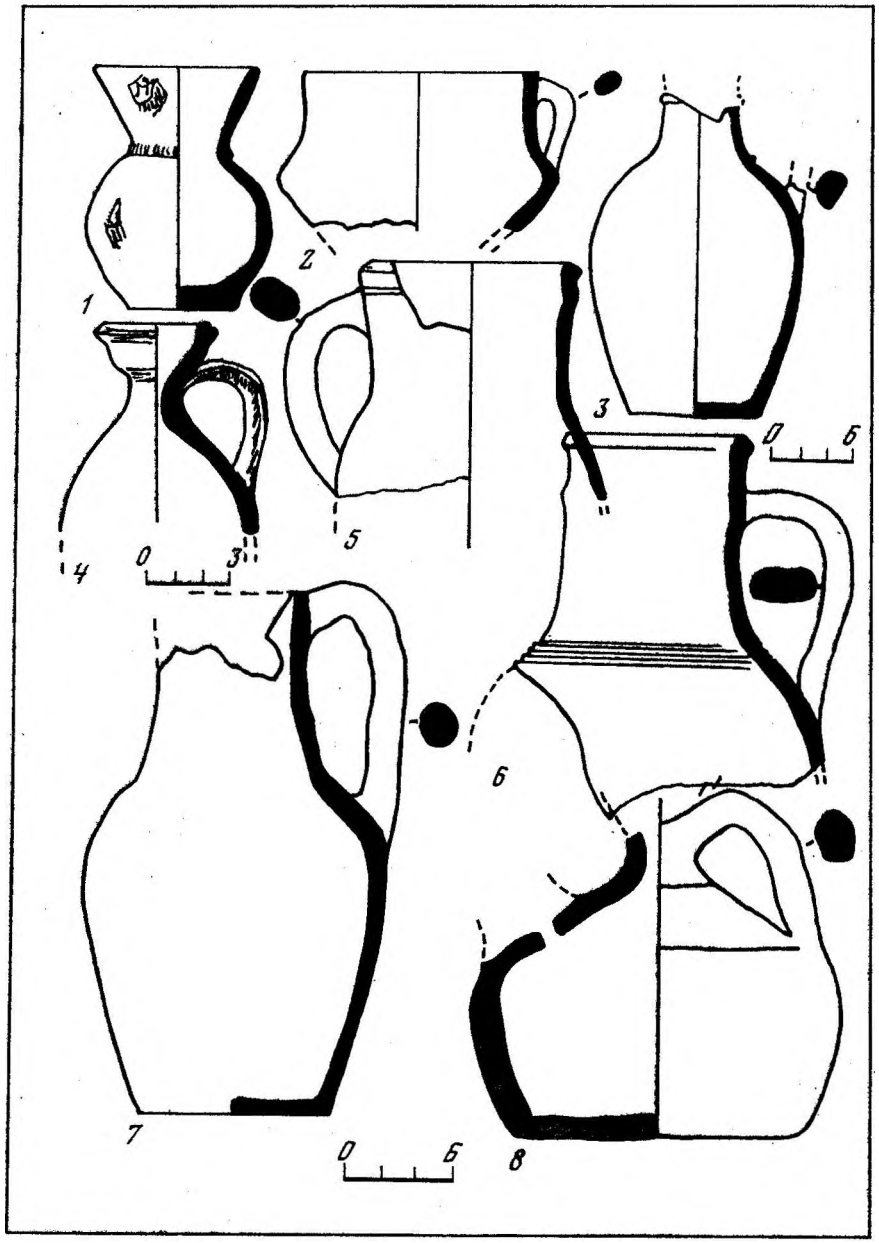


Рис. 36. Неполивная столовая керамика Дербента средневекового периода. VIII—X вв.

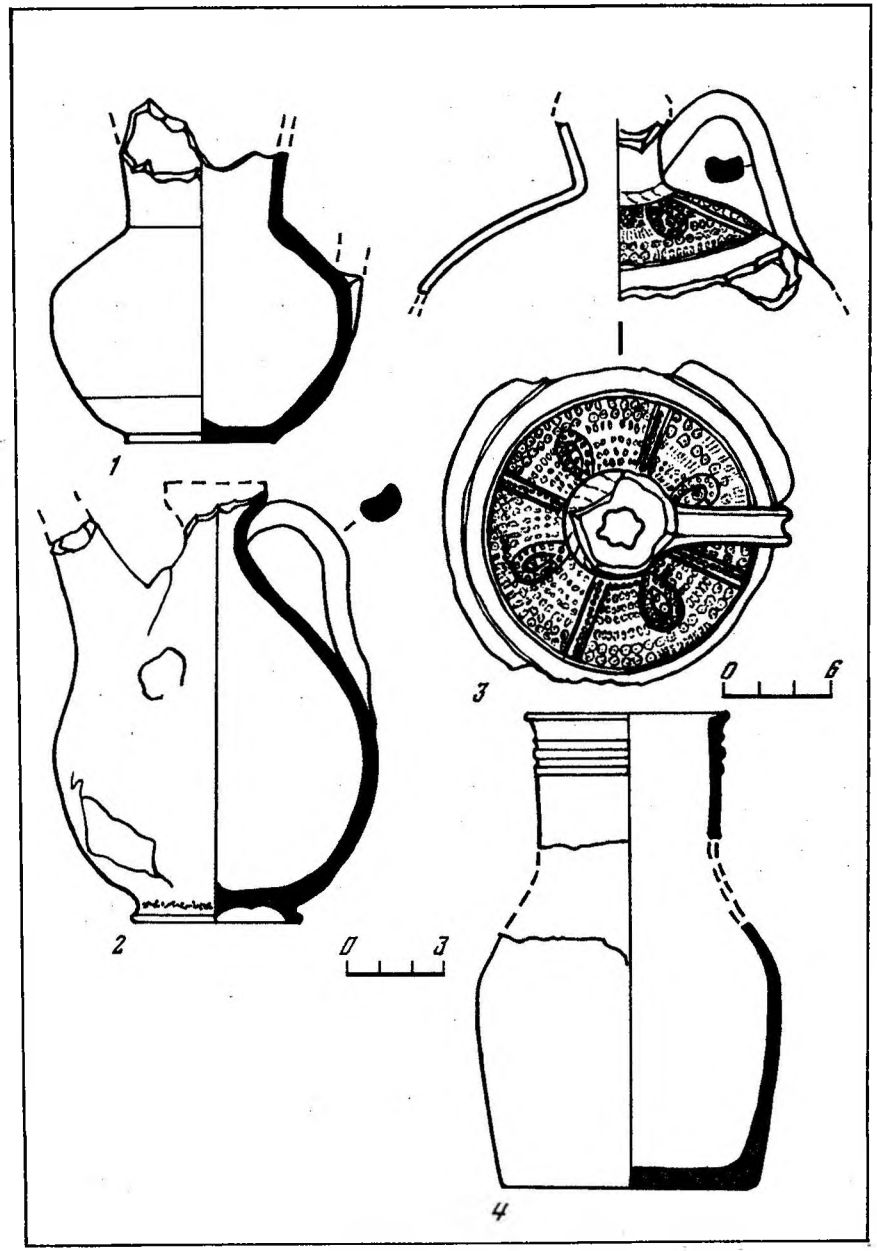


Рис. 37. Неполивная столовая керамика Дербента. X—XI вв.

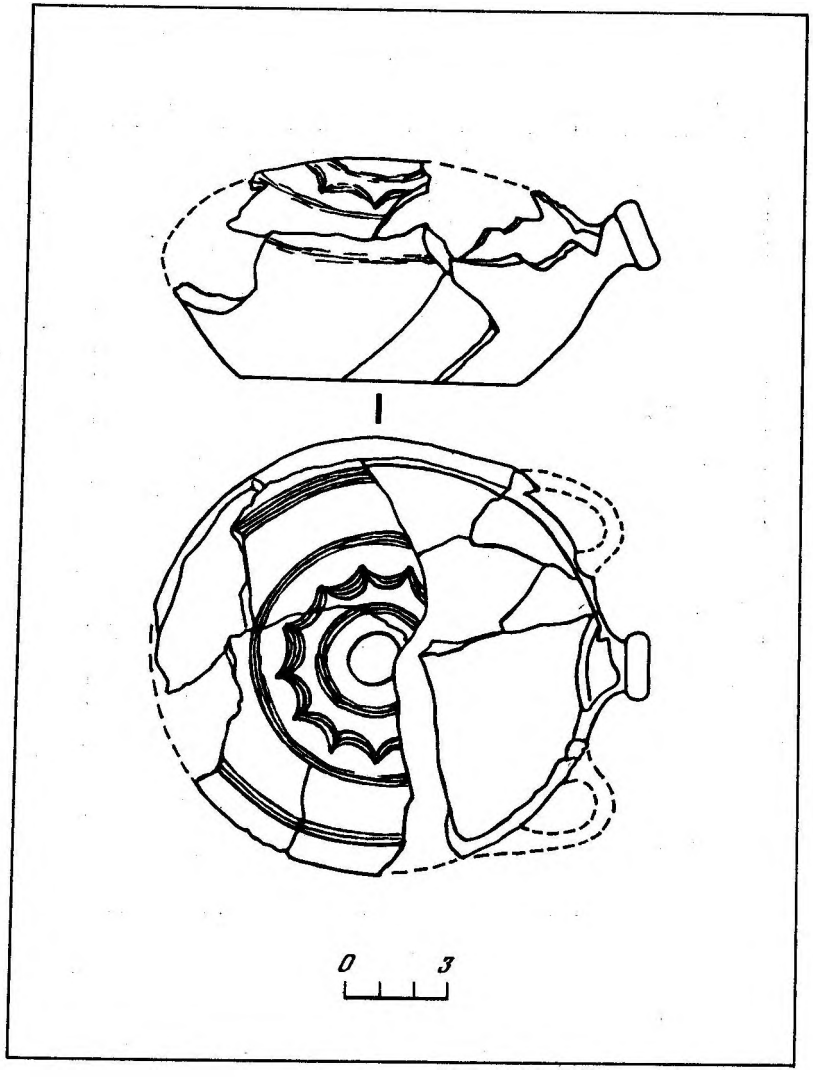


Рис. 38. Сосуд с гравировкой. XI—XII вв.

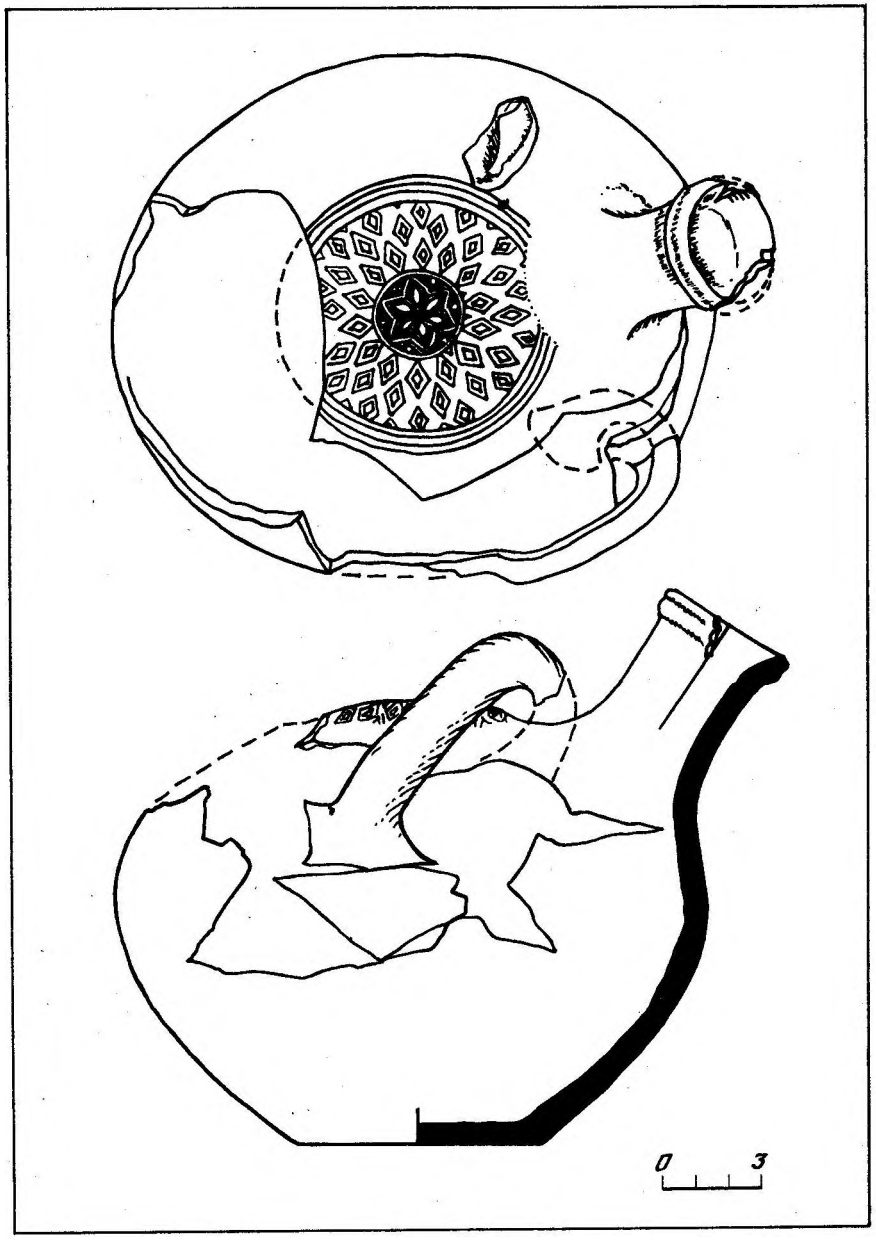


Рис. 39. Штампованный сосуд. XII в.

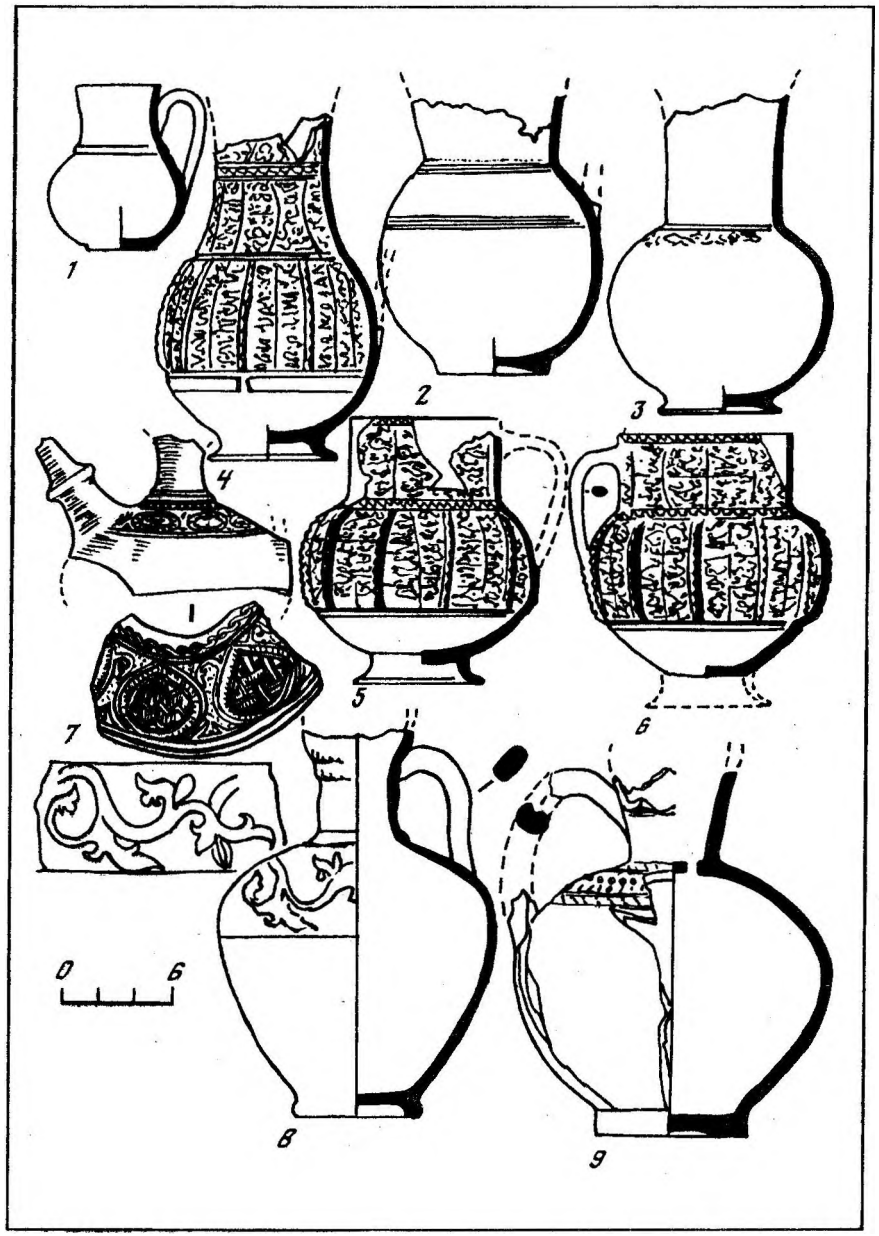


Рис. 40. Неполивная столовая керамика Дербента средневекового периода. XI—XIII вв.

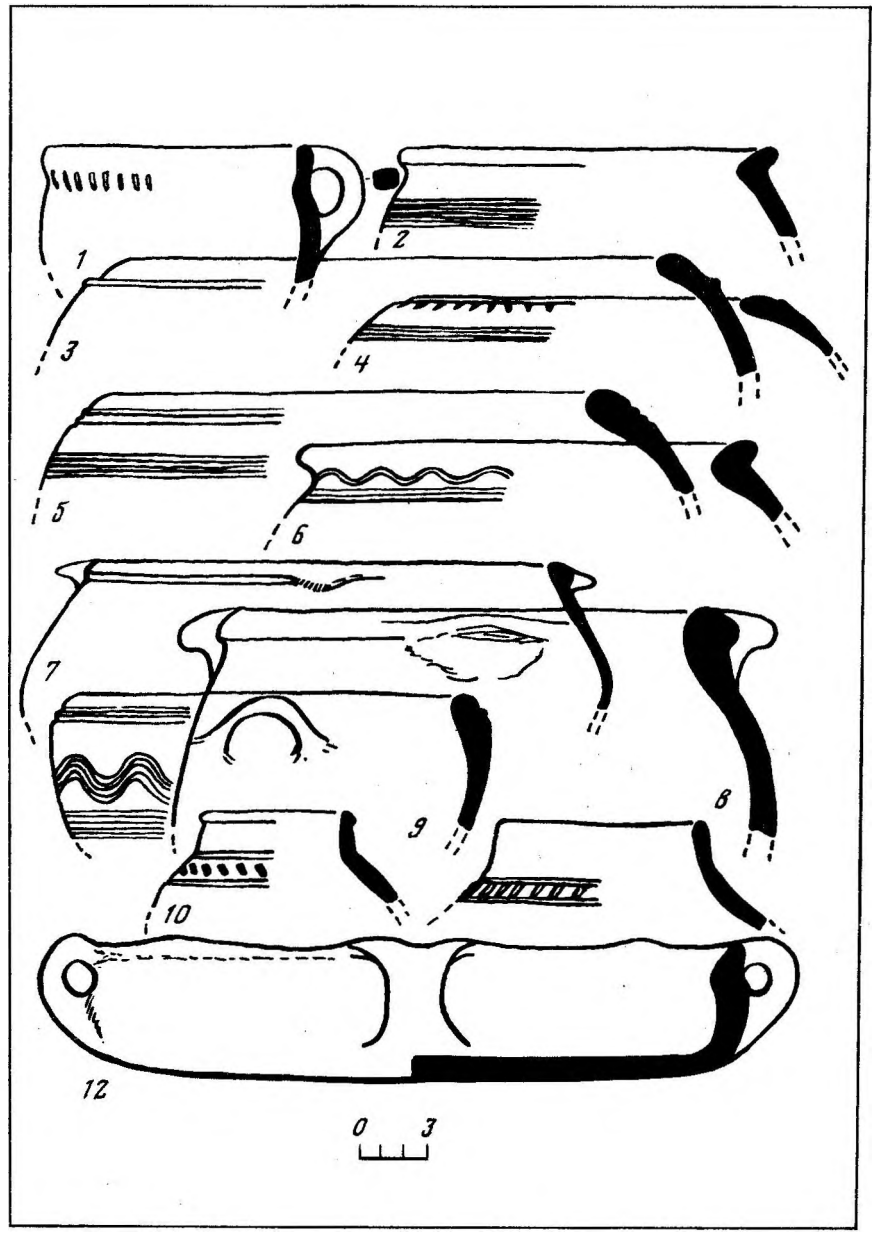


Рис. 41. Неполивная кухонная керамика Дербента средневекового периода. VIII—XIII вв.

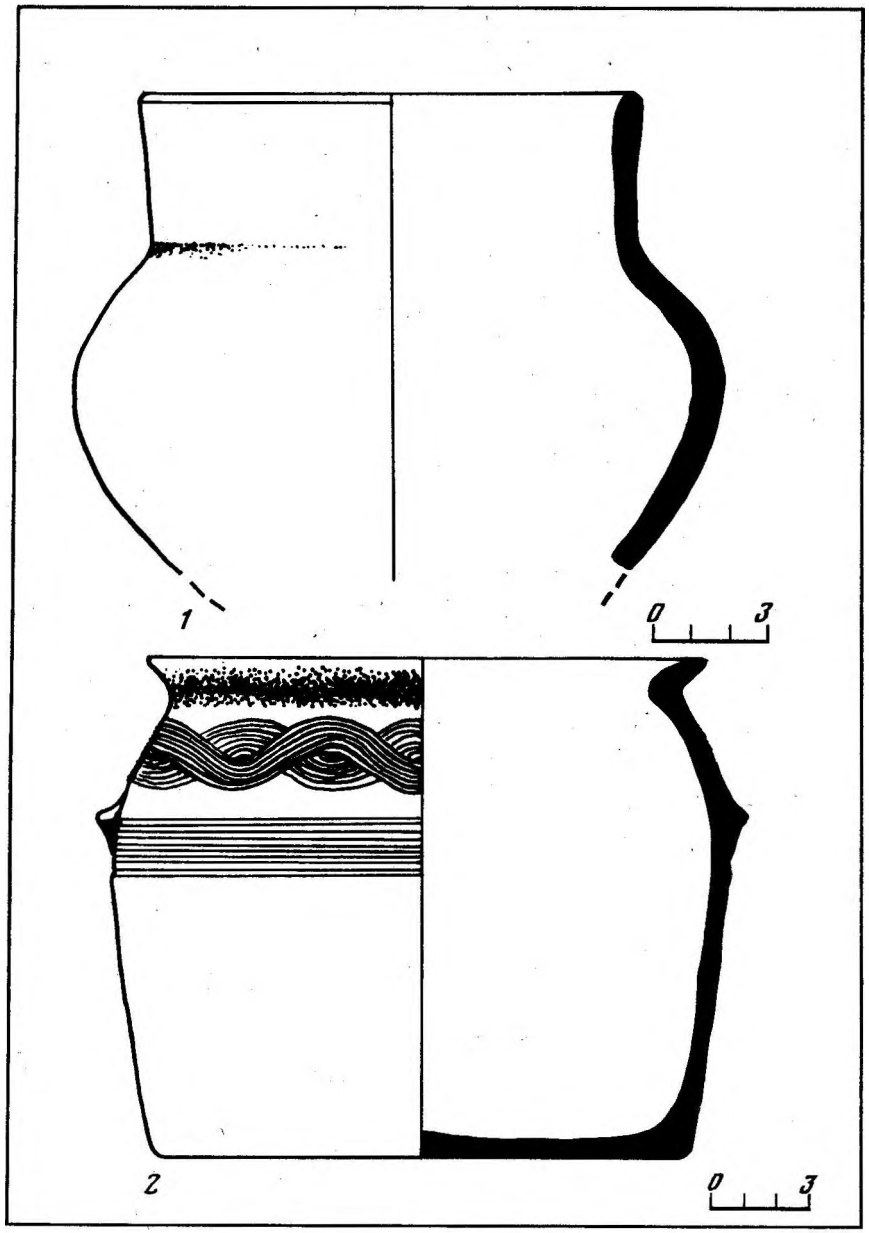


Рис. 42. Неполивная кухонная керамика Дербента средневекового периода. VIII—IX вв.

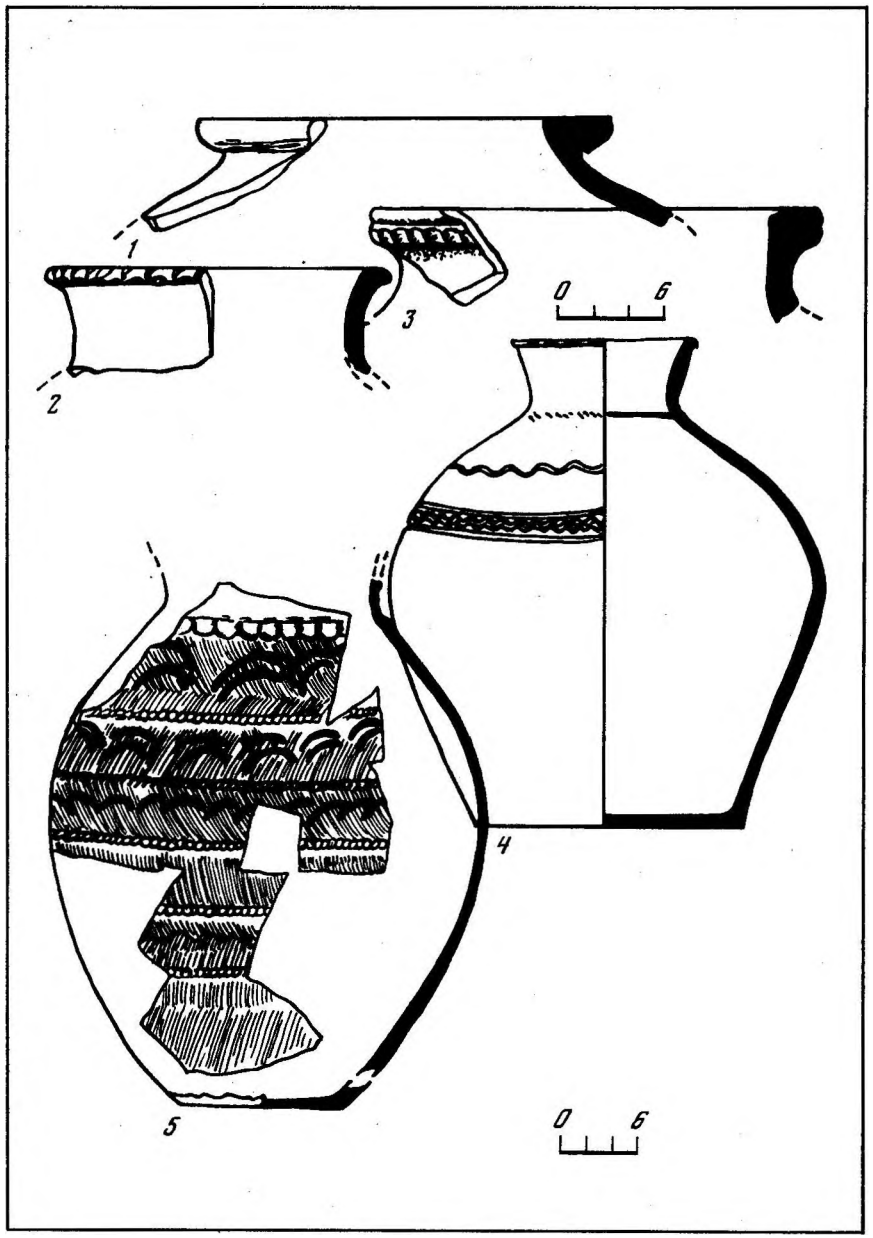


Рис. 43. Неполивная тарная керамика Дербента средневекового периода. VIII—XIII вв.

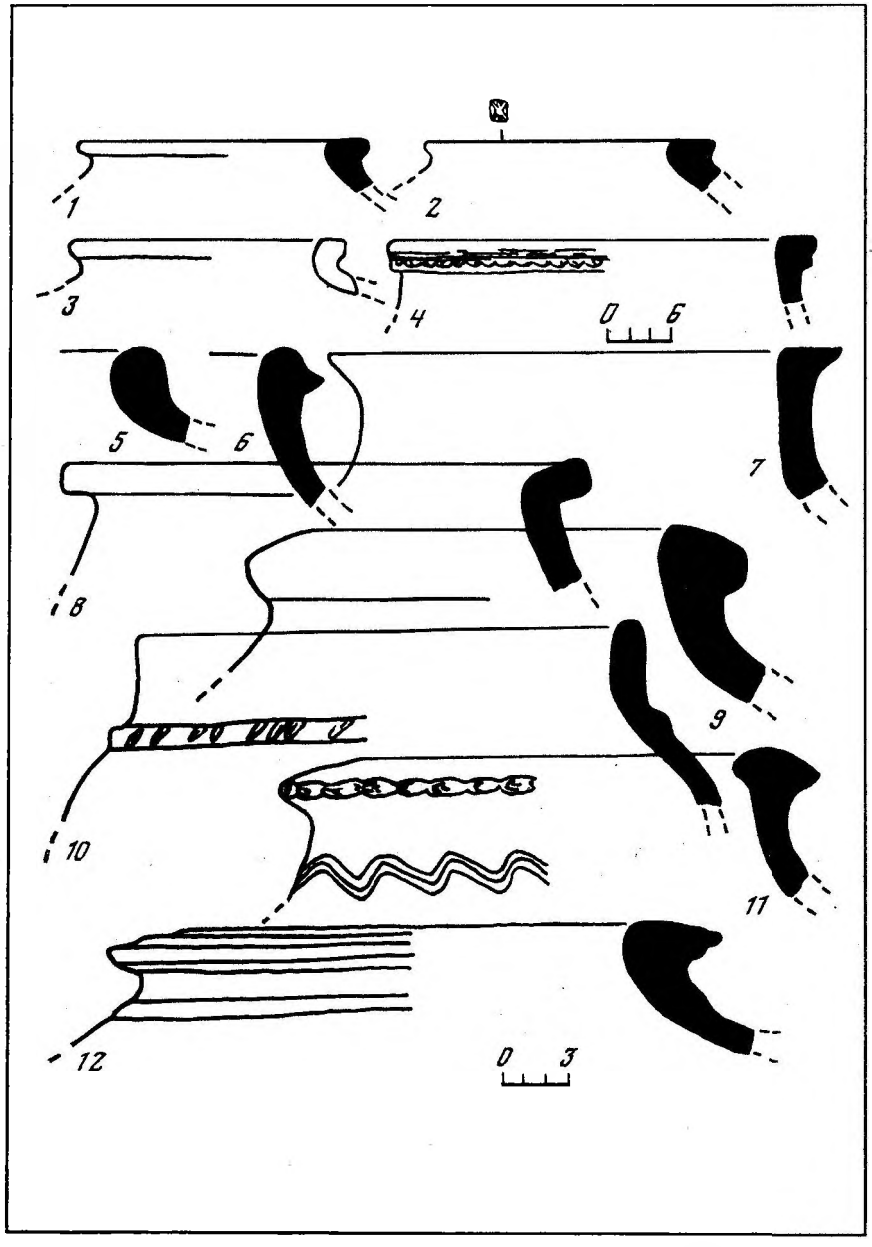


Рис. 44. Неполивная тарная керамика Дербента средневекового периода. VIII—XIII вв.

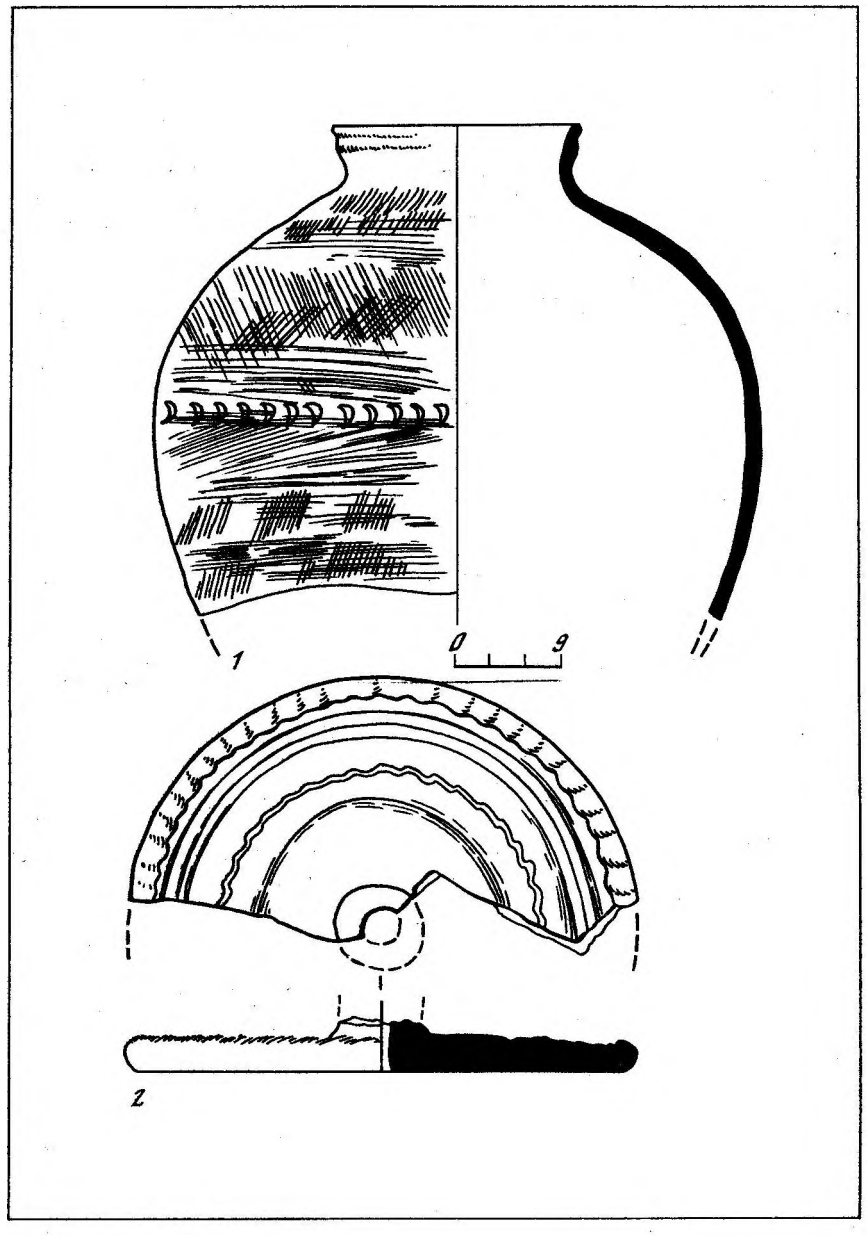


Рис. 45. Неполивная тарная керамика Дербента средневекового периода. XI—XIII вв.

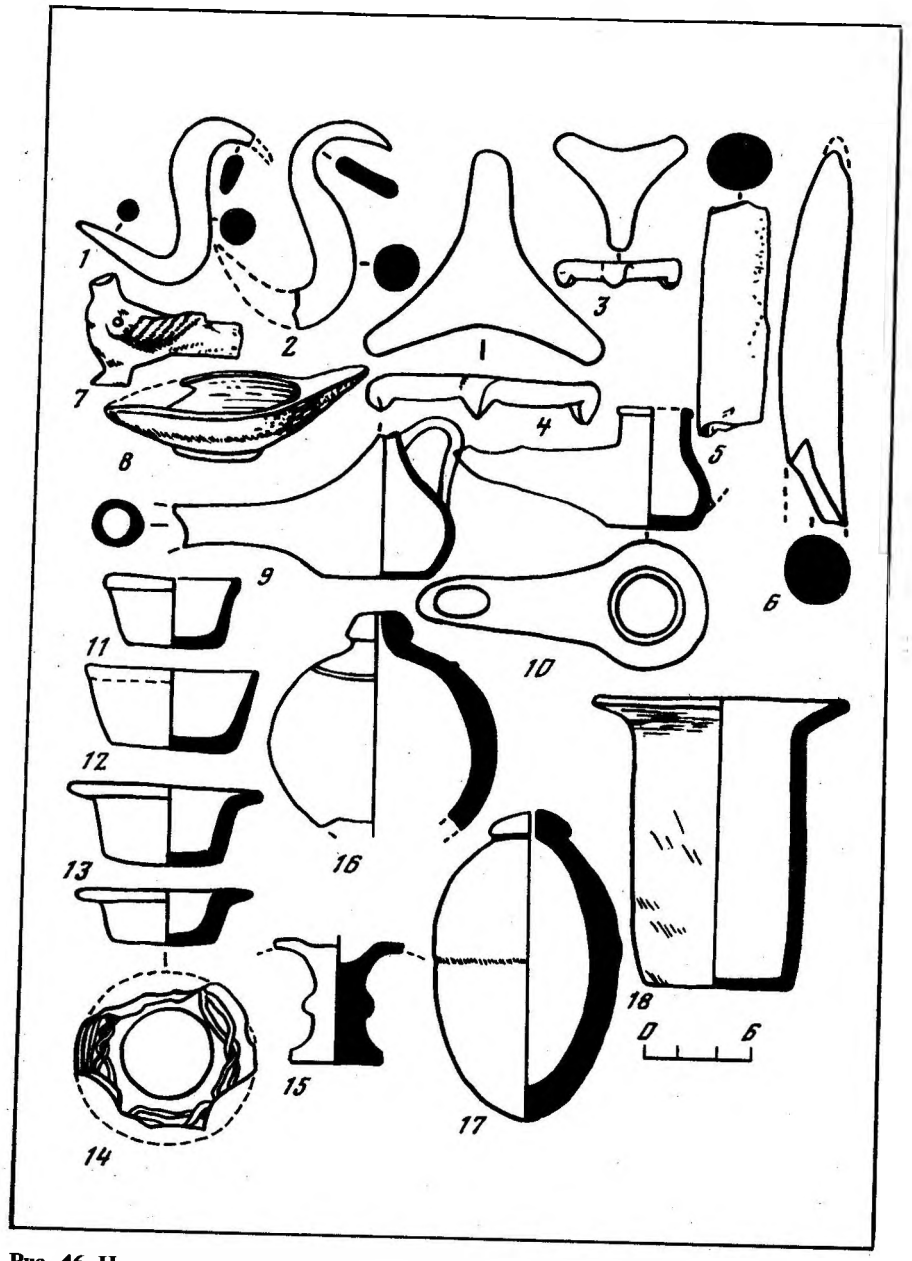


Рис. 46. Неполивная керамика и приспособления для обжига посуды средневекового периода. VIII—XIII вв.

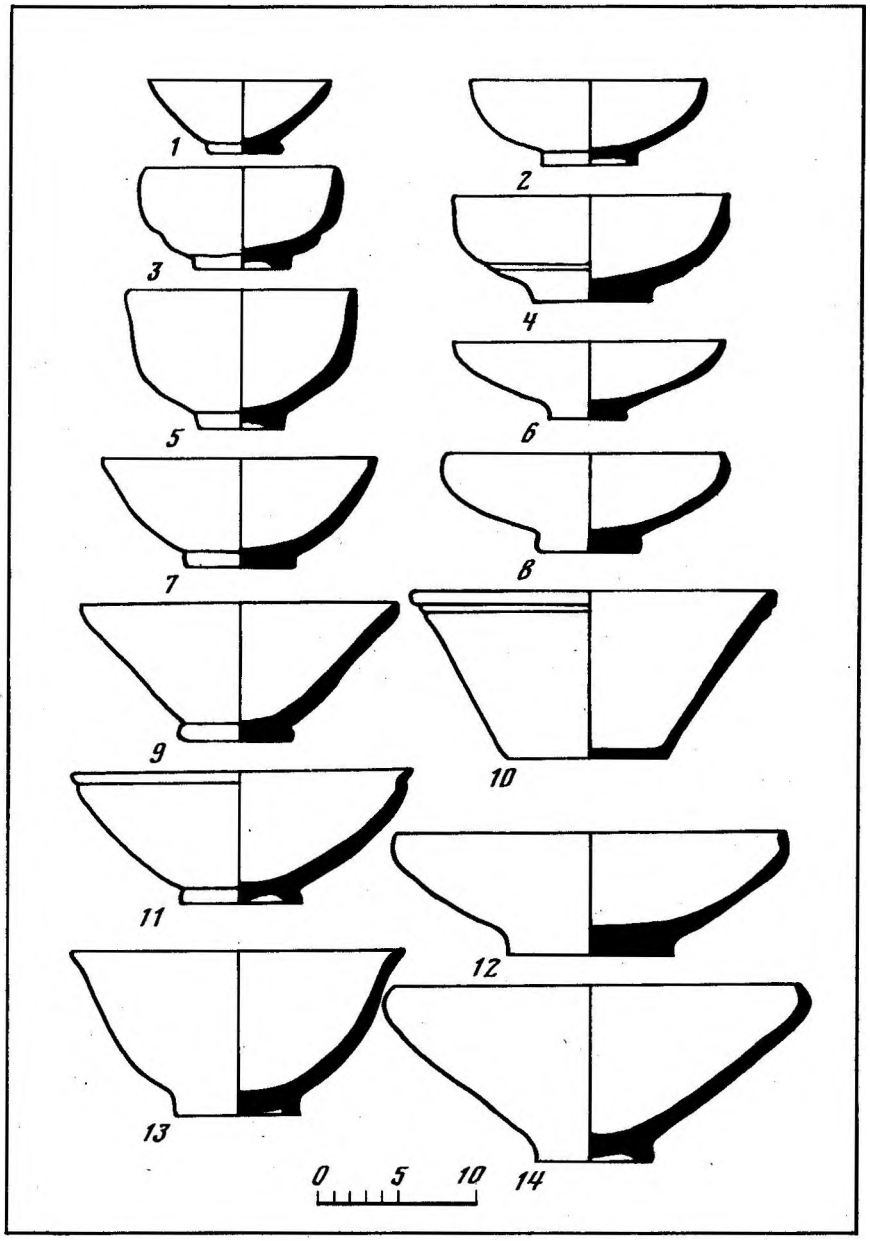


Рис. 47. Формы поливных чаш Дербента. VIII—XIII вв.

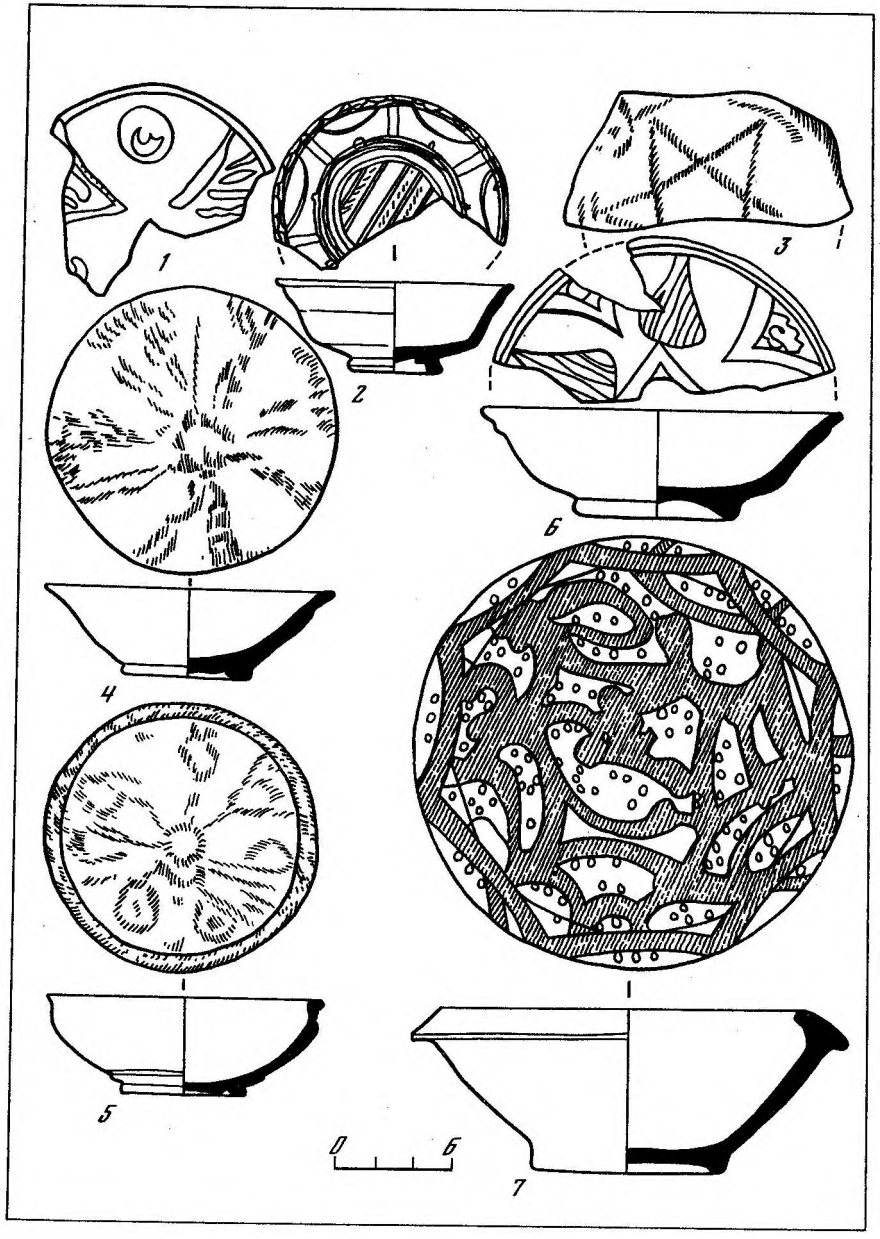


Рис. 48. Поливная керамика Дербента средневекового периода. VIII—X вв.

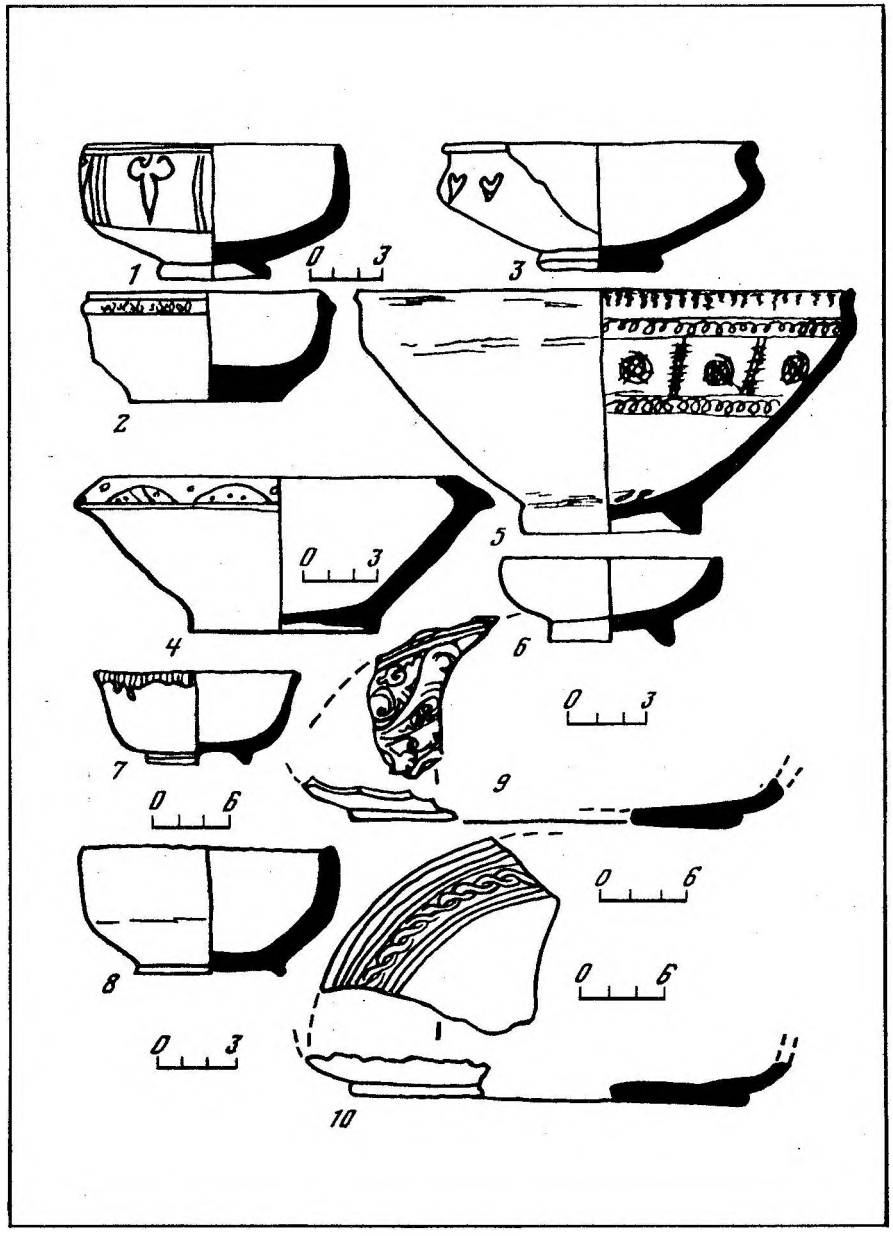


Рис. 49. Поливная керамика Дербента средневекового периода. VIII—X вв.

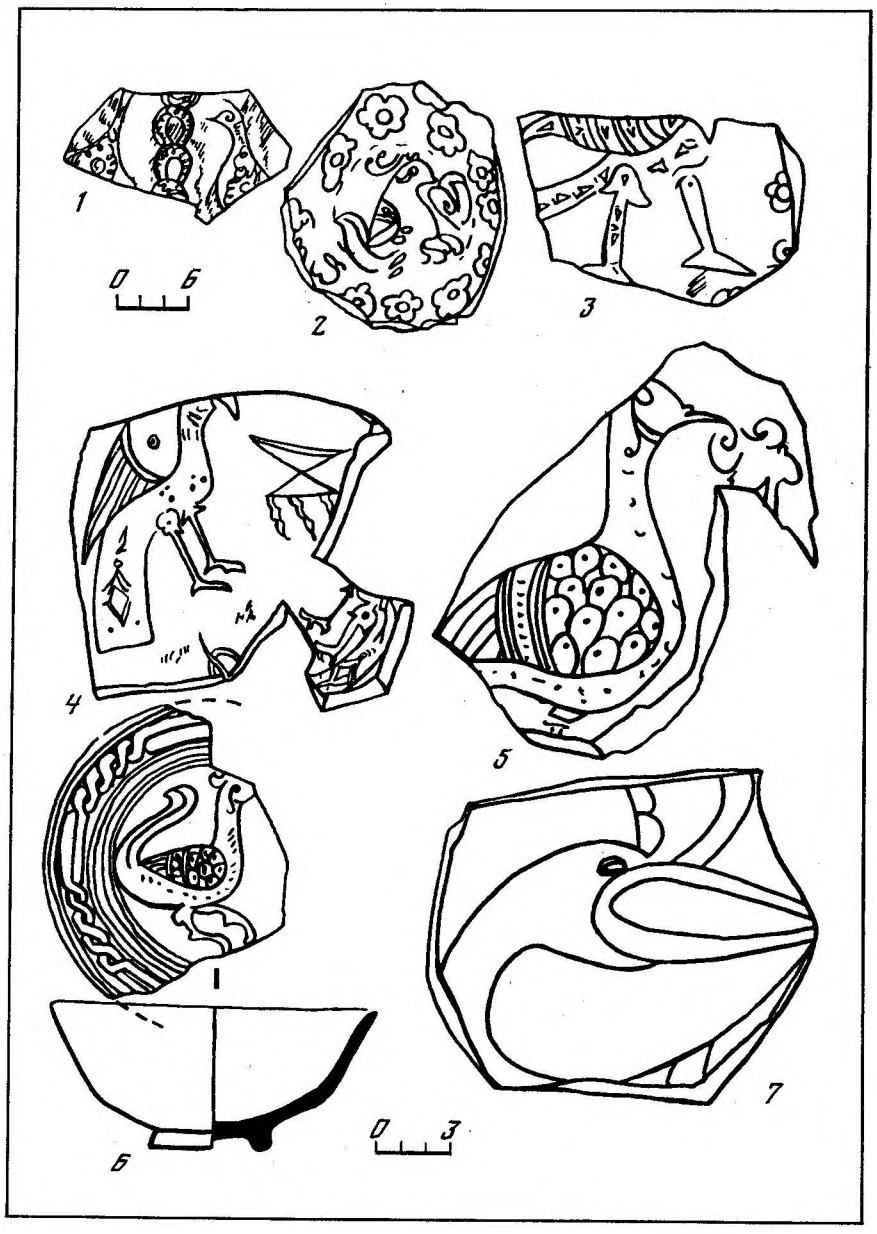


Рис. 50. Поливная керамика Дербента средневекового периода. Изображения птиц на керамике X—XI вв.

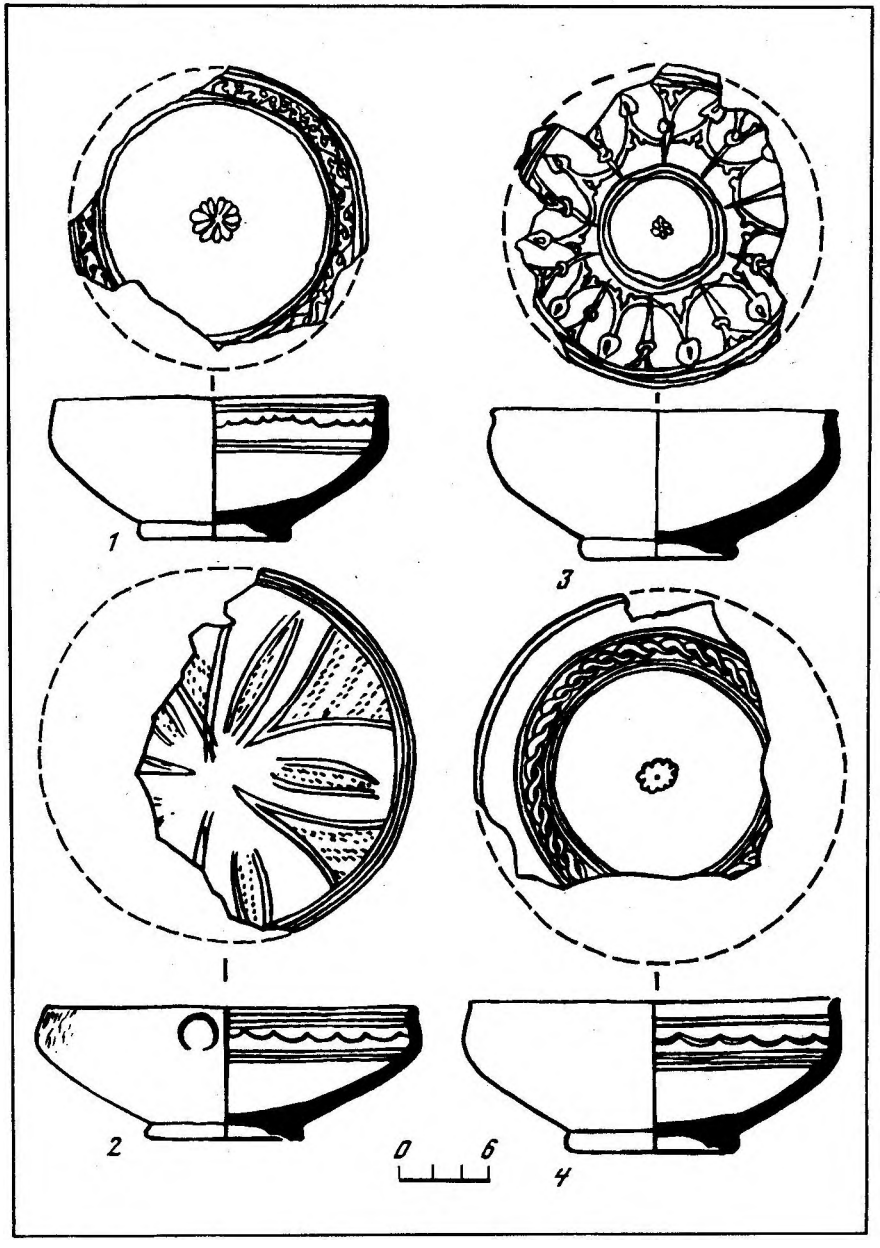


Рис. 51. Поливная керамика Дербента средневекового периода. X—XI вв.

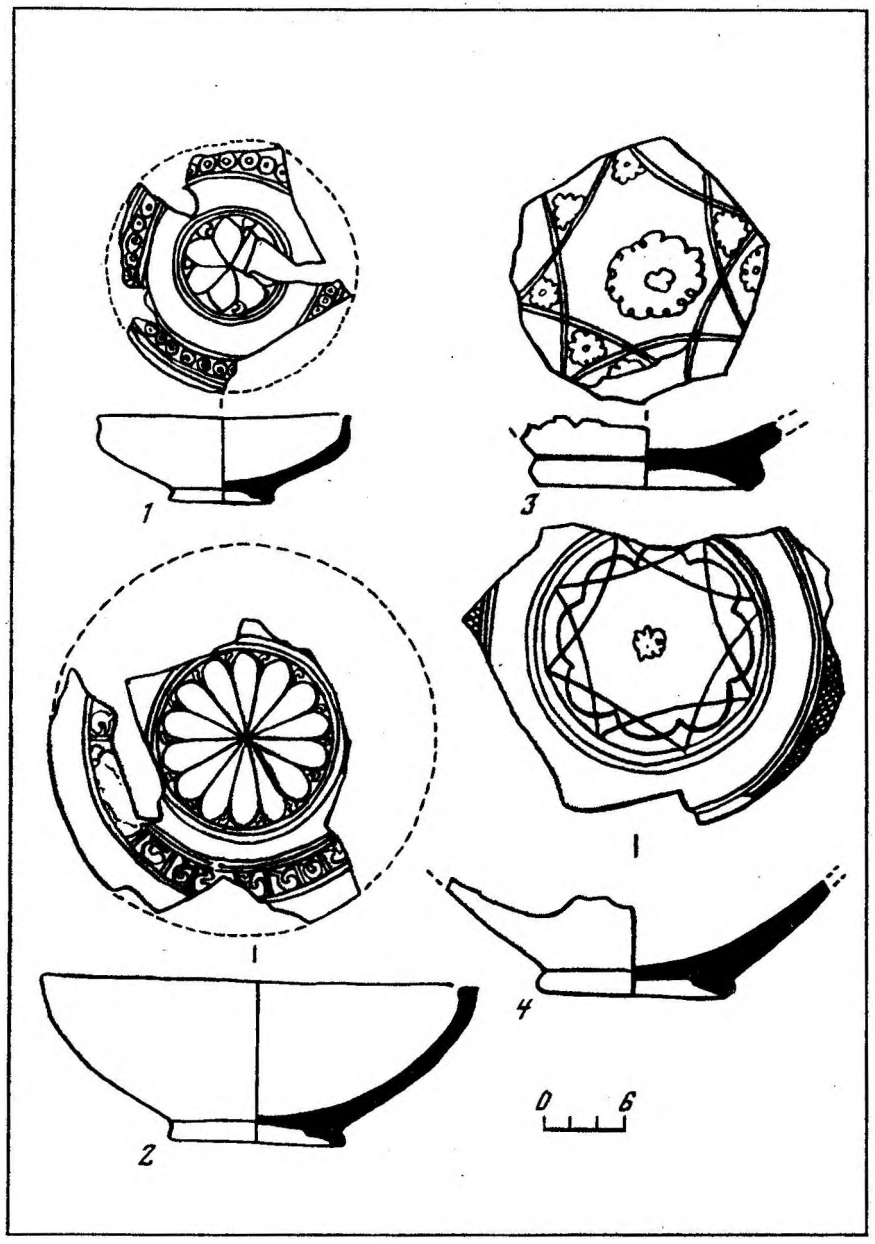


Рис. 52. Поливная керамика Дербента средневекового периода. X—XI вв.

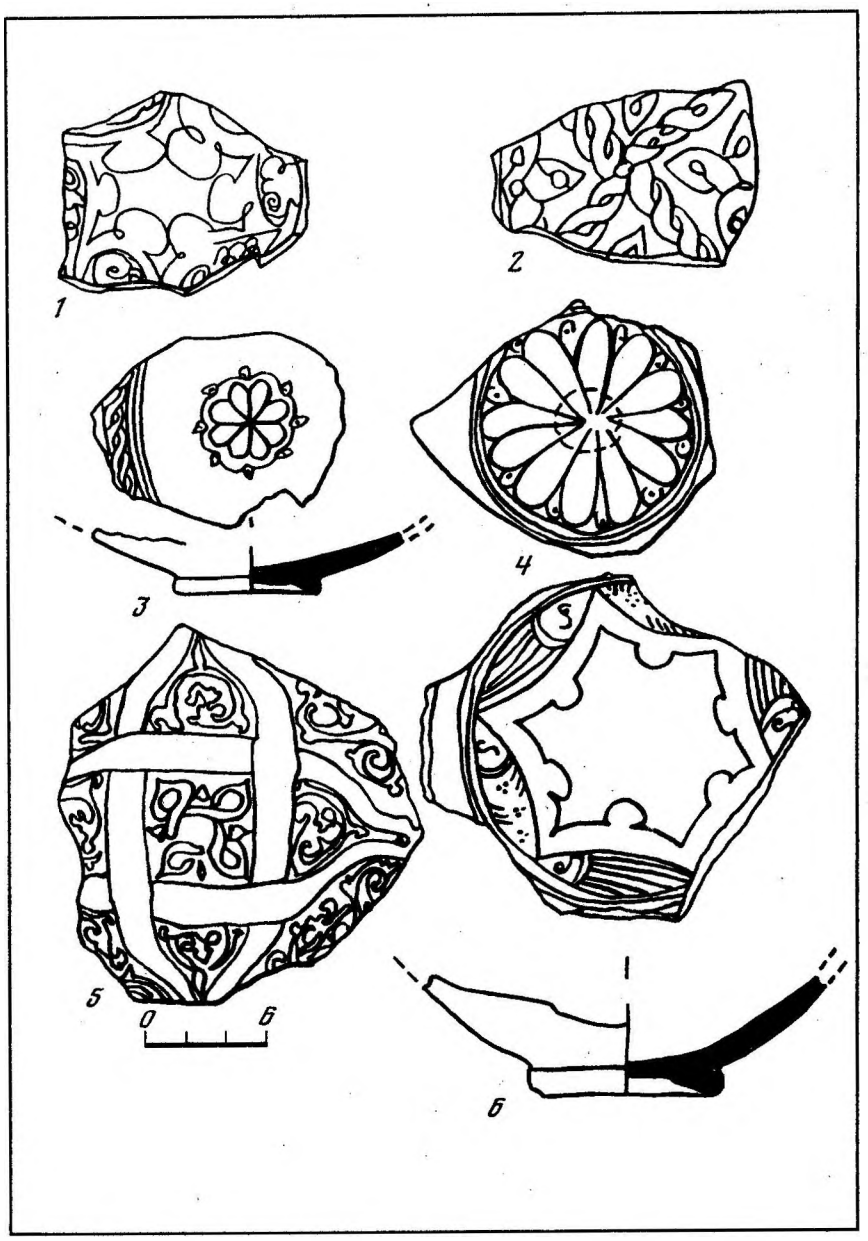


Рис. 53. Поливная керамика Дербента средневекового периода. X—XI вв.

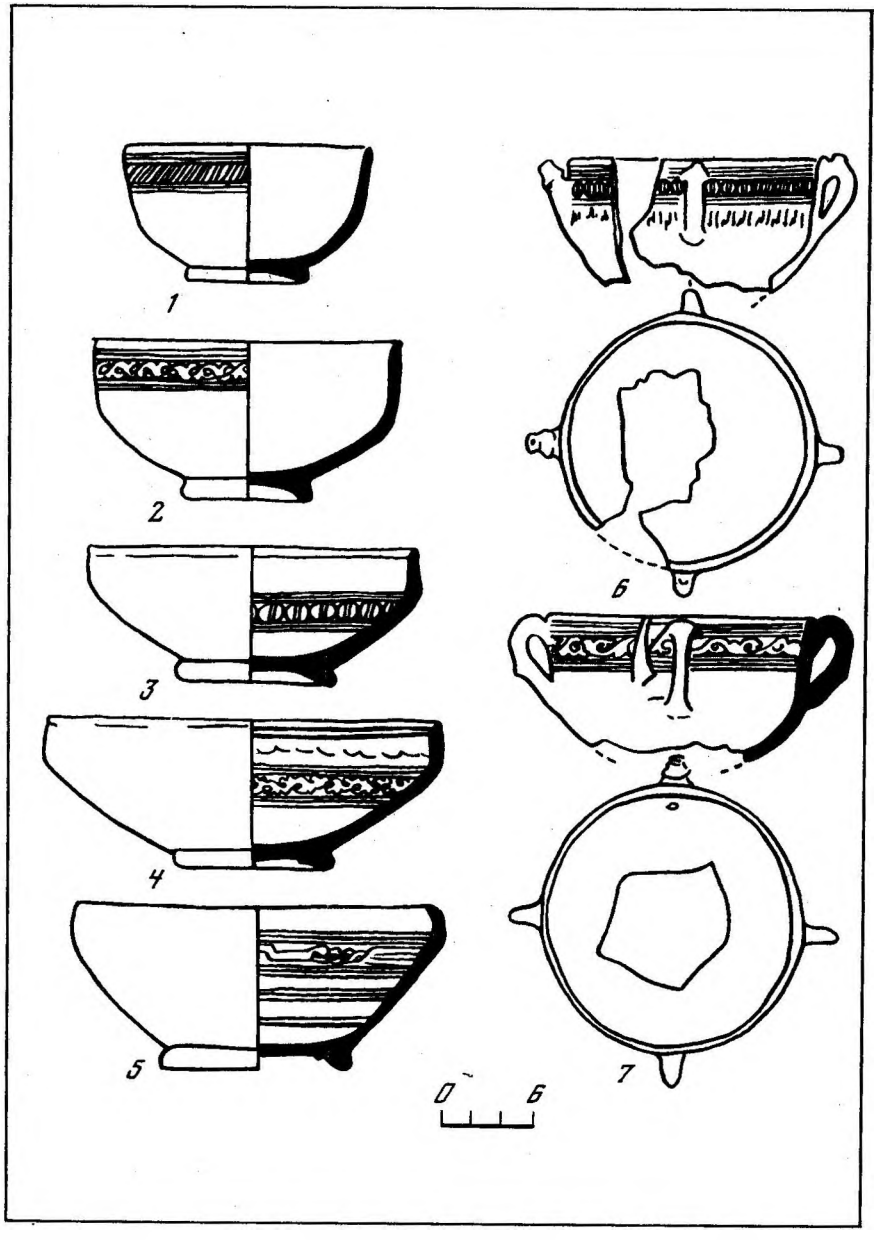


Рис. 54. Поливная керамика Дербента средневекового периода. X—XI вв.

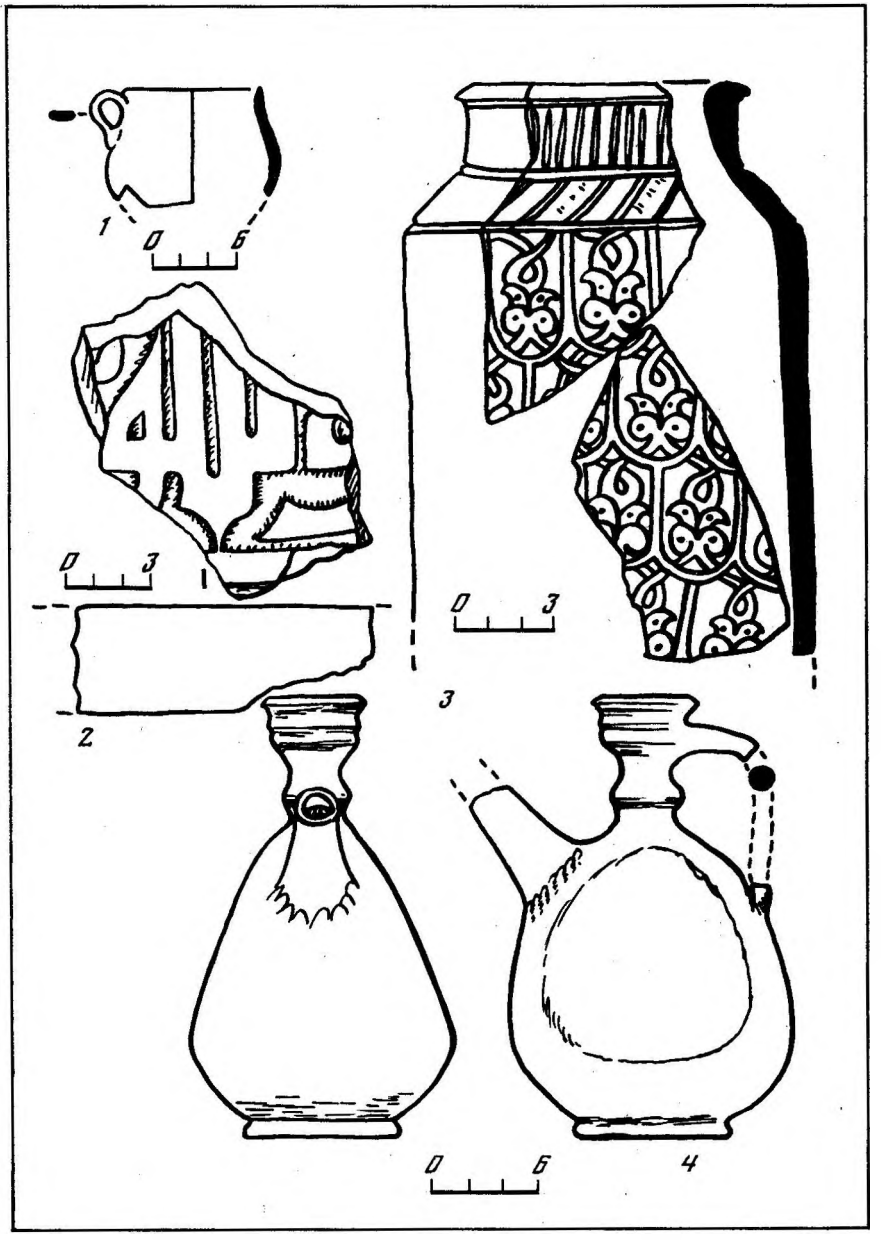


Рис. 55. Поливная керамика Дербента средневекового периода. X—XI вв.

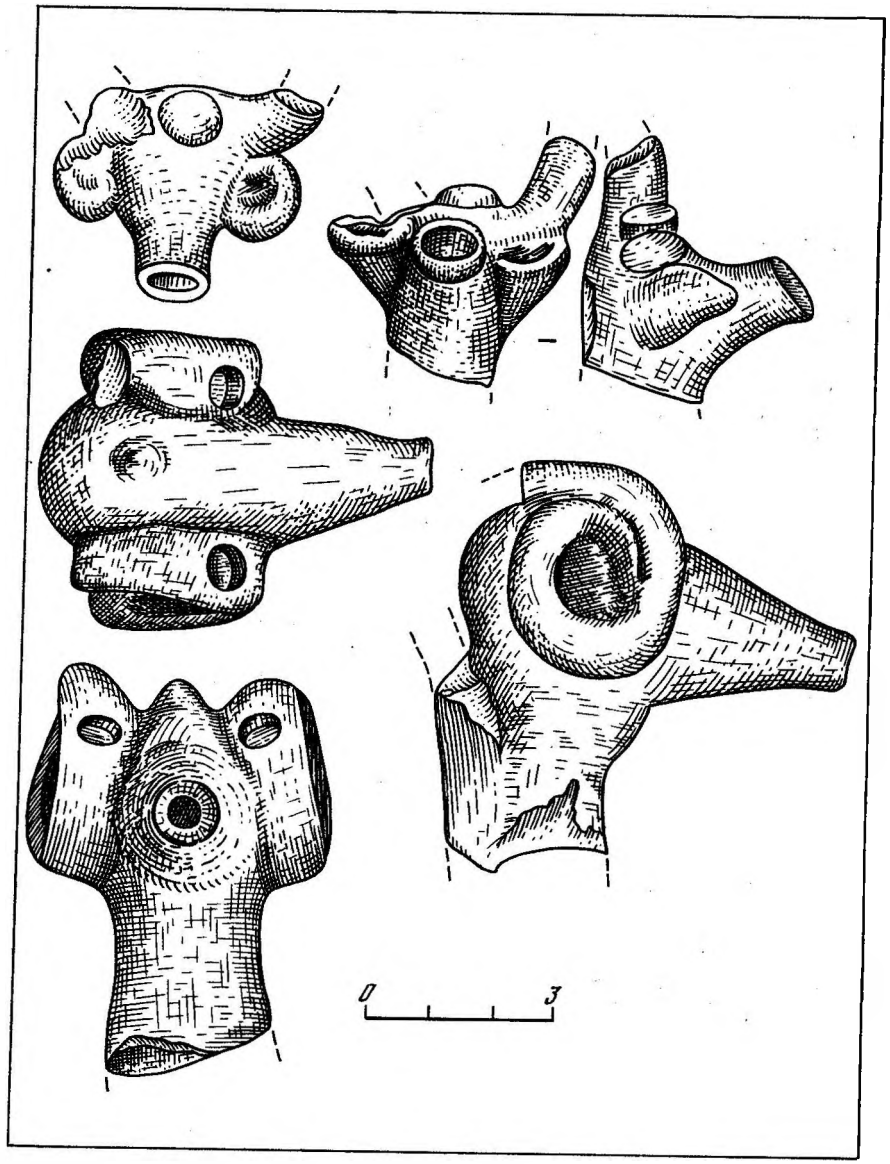


Рис. 56. Зооморфные сливы поливных сосудов X—XII вв.

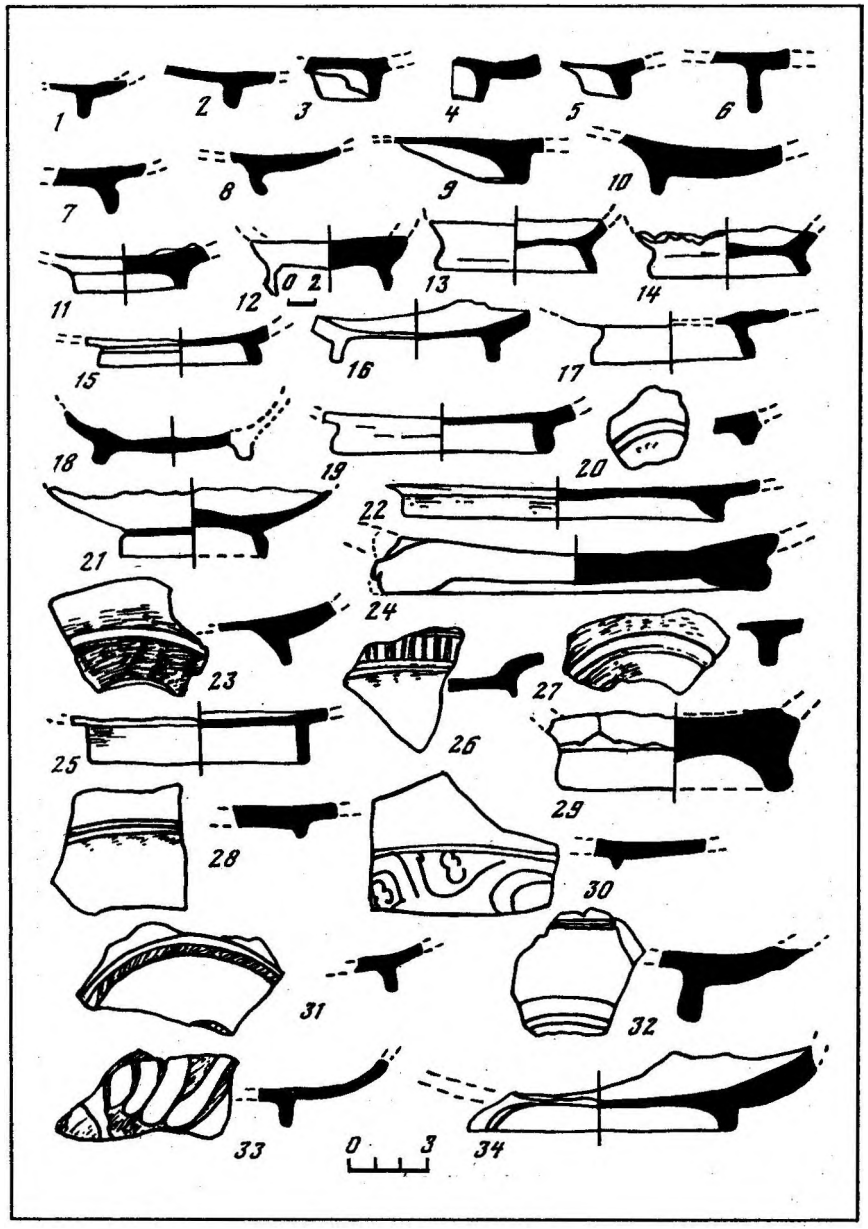


Рис. 57. Поливная керамика Дербента средневекового периода. XII—XIII вв.

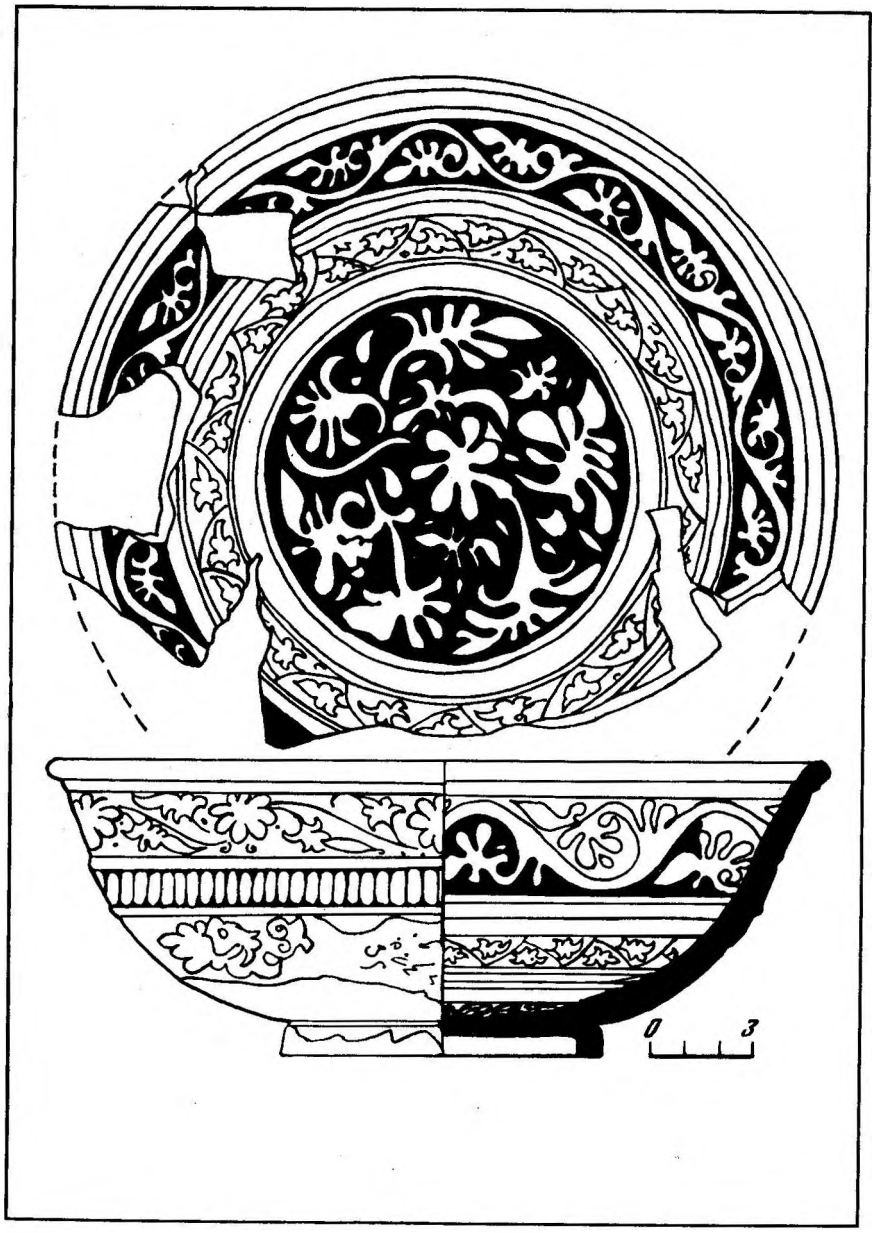


Рис. 58. Поливная чаша средневекового периода. XII—XIII вв.

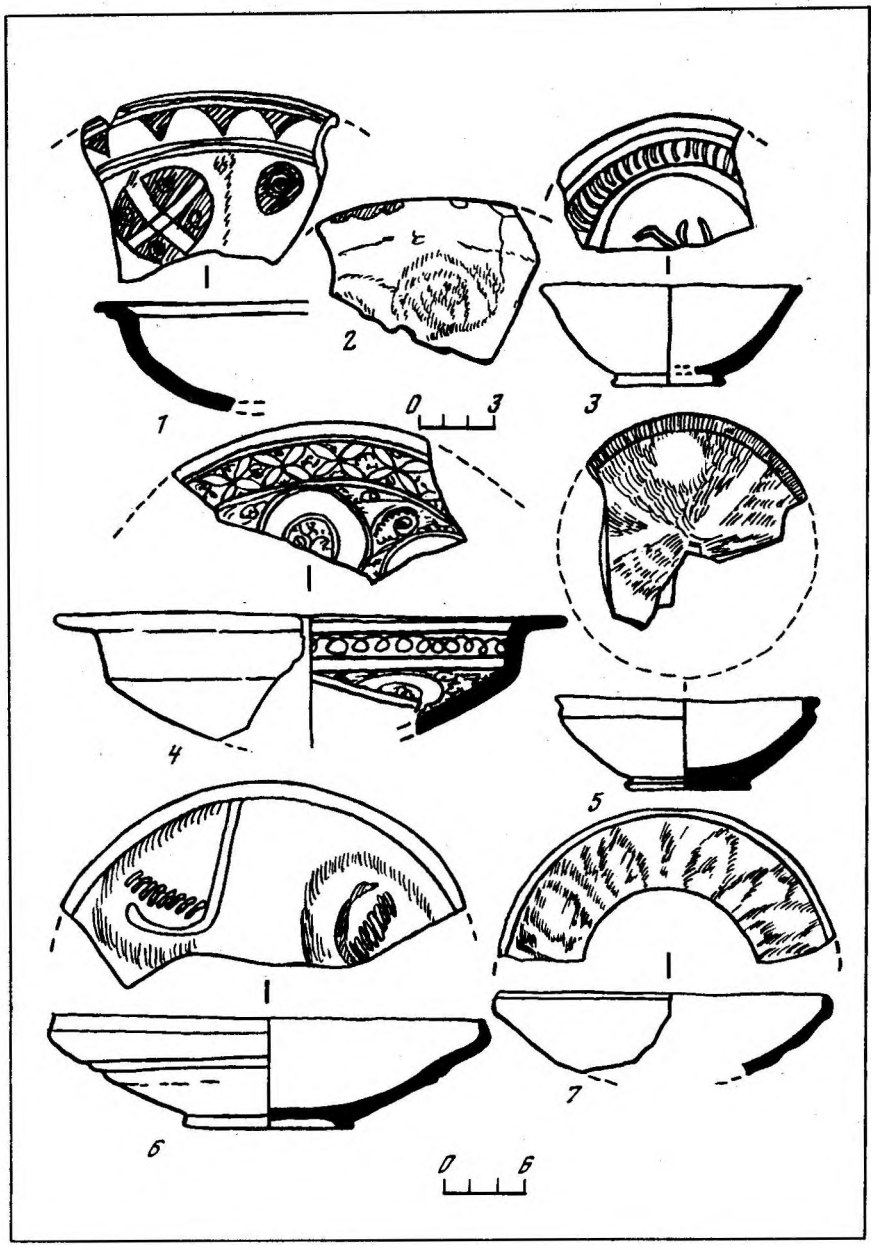


Рис. 59. Поливная керамика Дербента средневекового периода. XII—XIII вв. (5—7 период VIII—X вв.)

8*

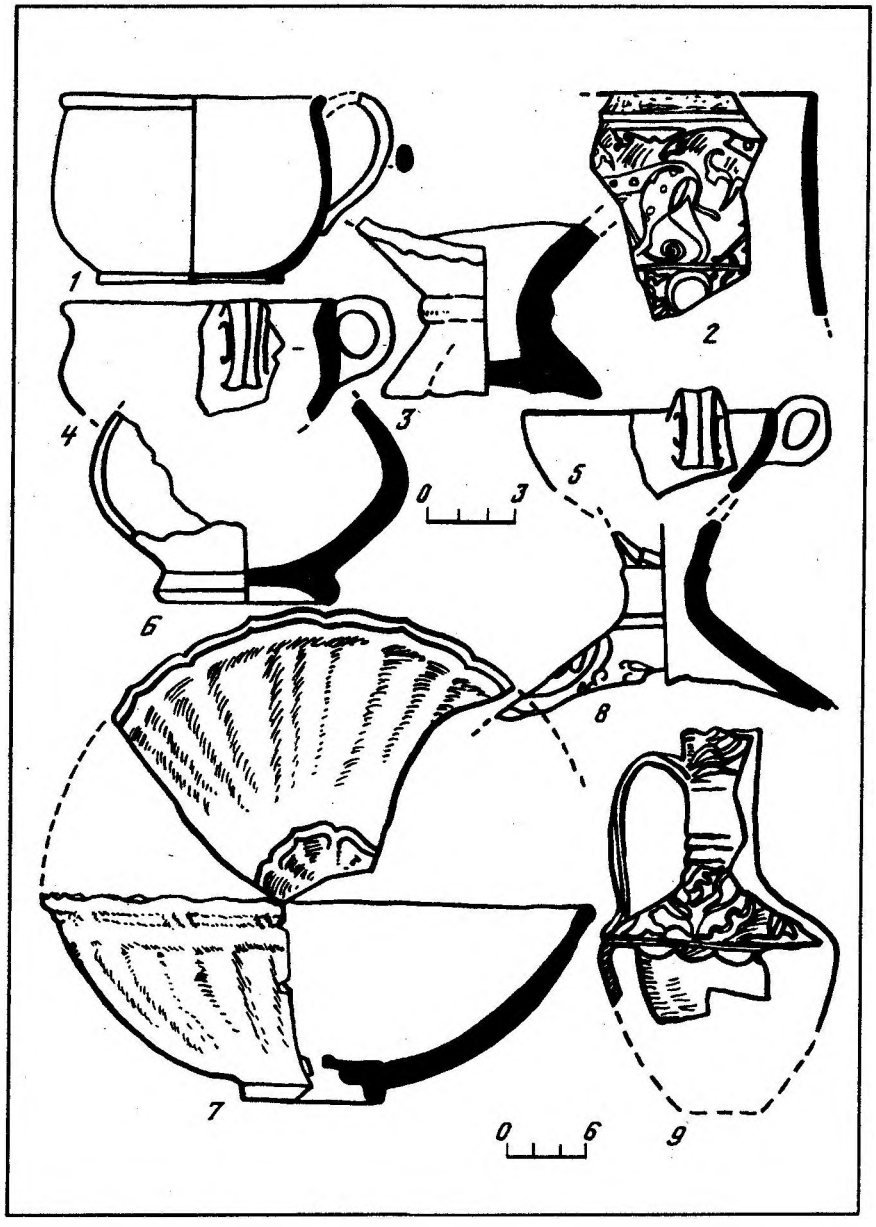


Рис. 60. Импортная поливная, белофаянсовая и фарфоровая керамика Дербента средневекового периода. VIII—XIII вв.

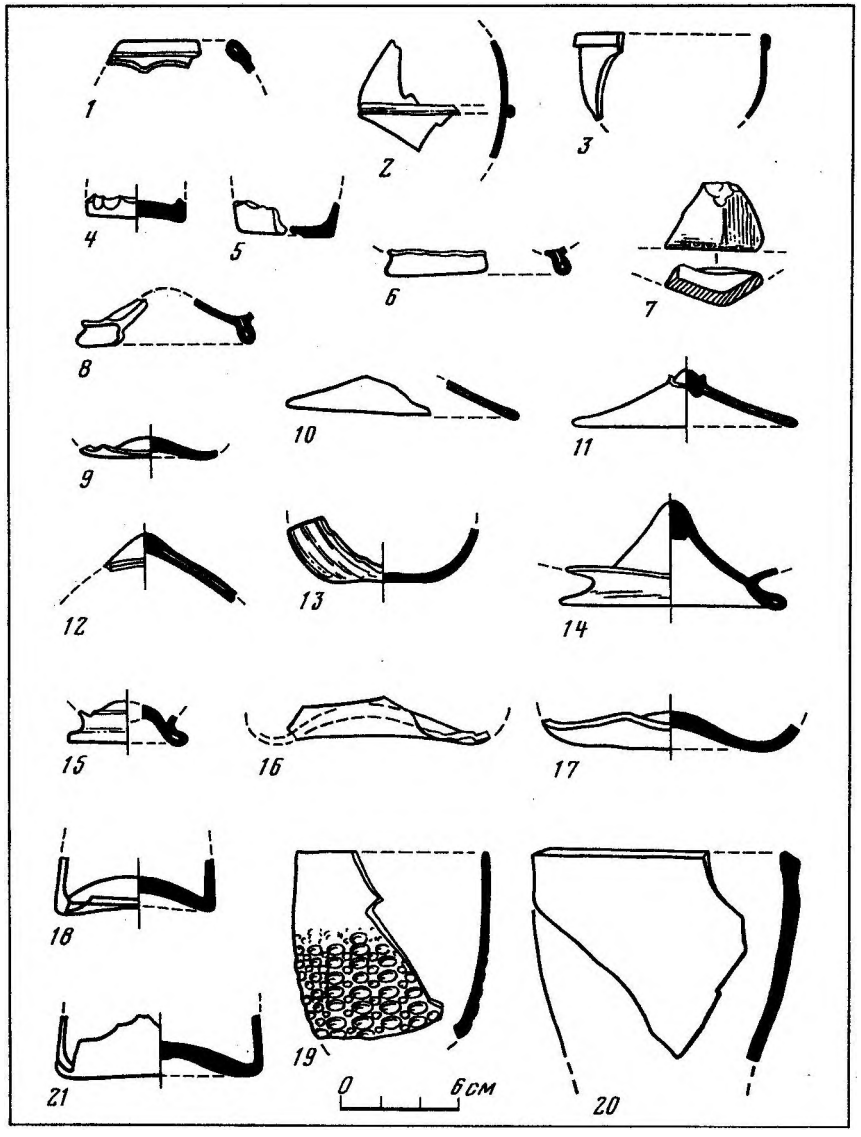


Рис. 61. Стеклянные изделия Дербента. VI—X вв.

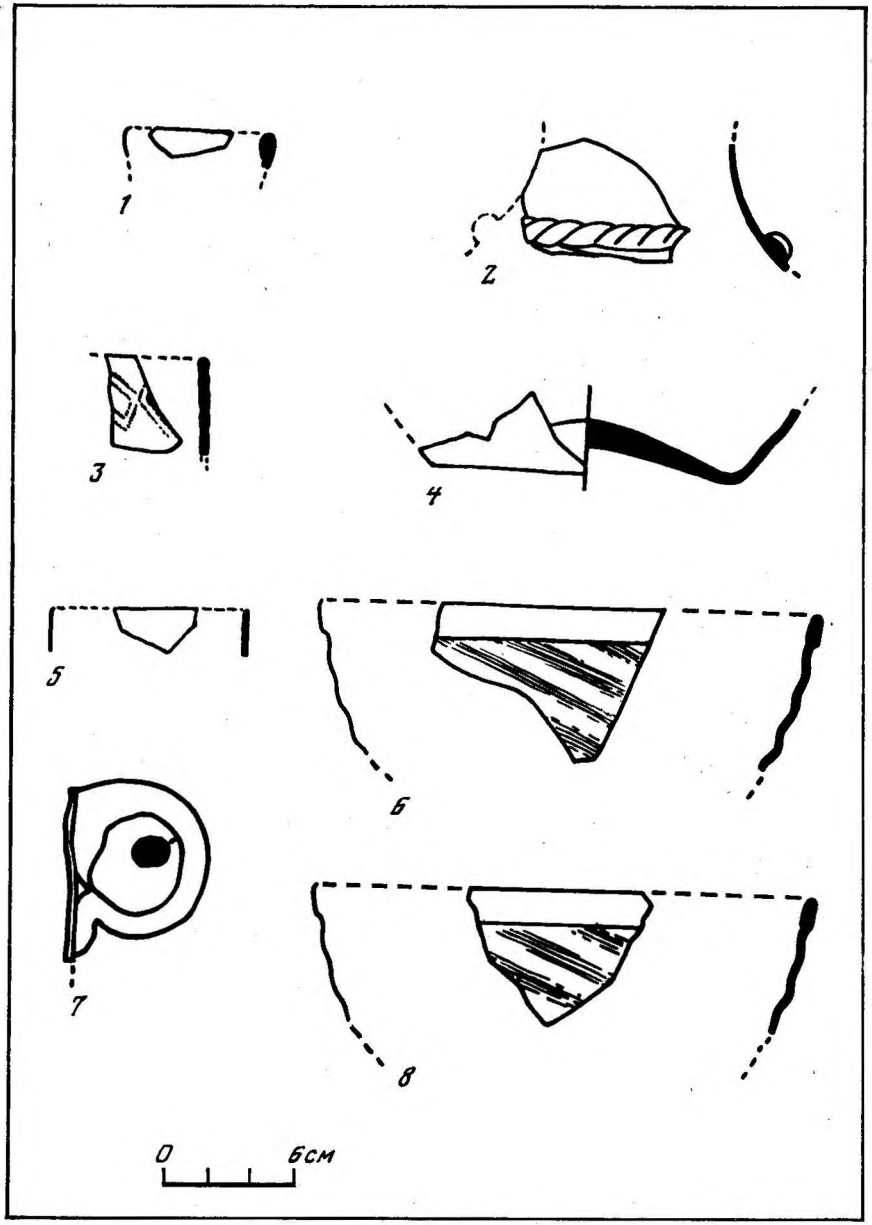


Рис. 61а. Стеклянные изделия Дербента. VI—X вв.

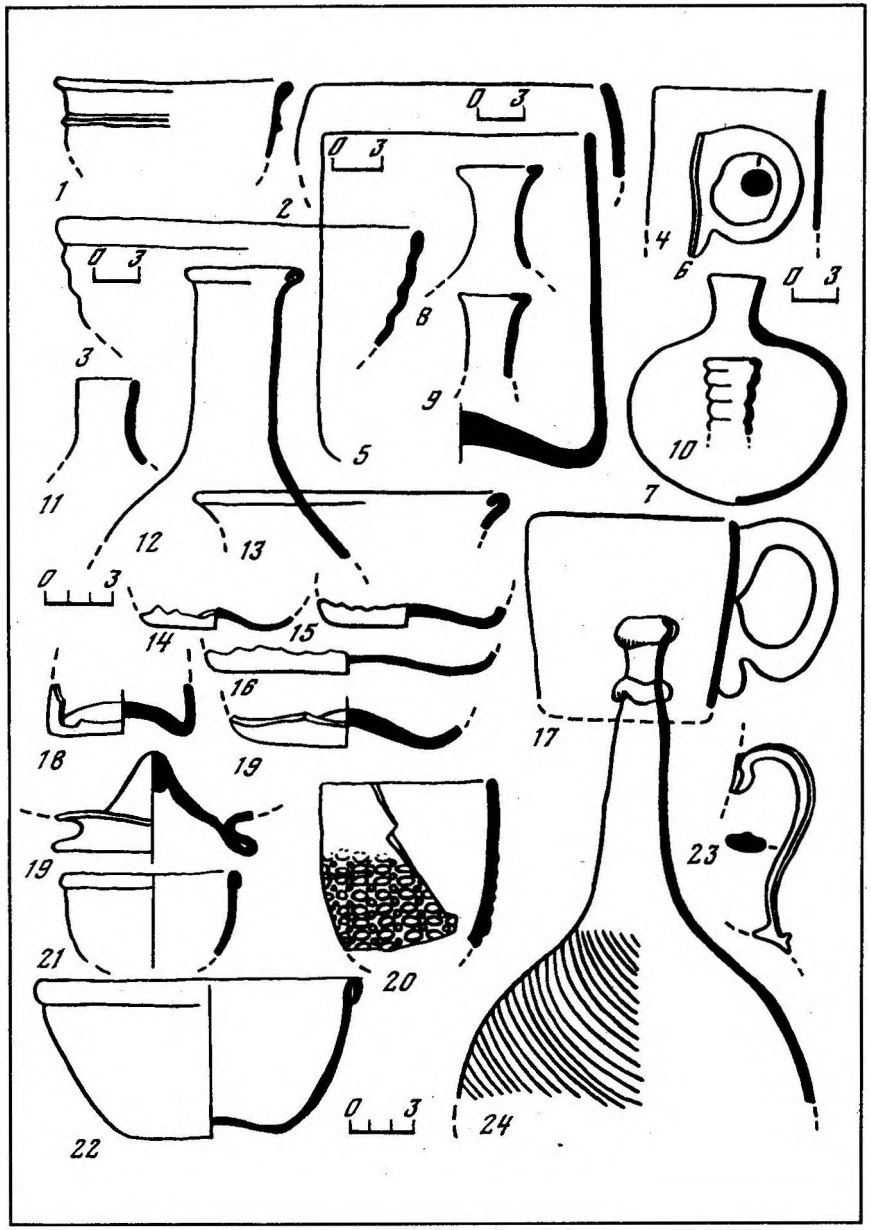


Рис. 62. Стеклянные изделия Дербента. VI—X вв.

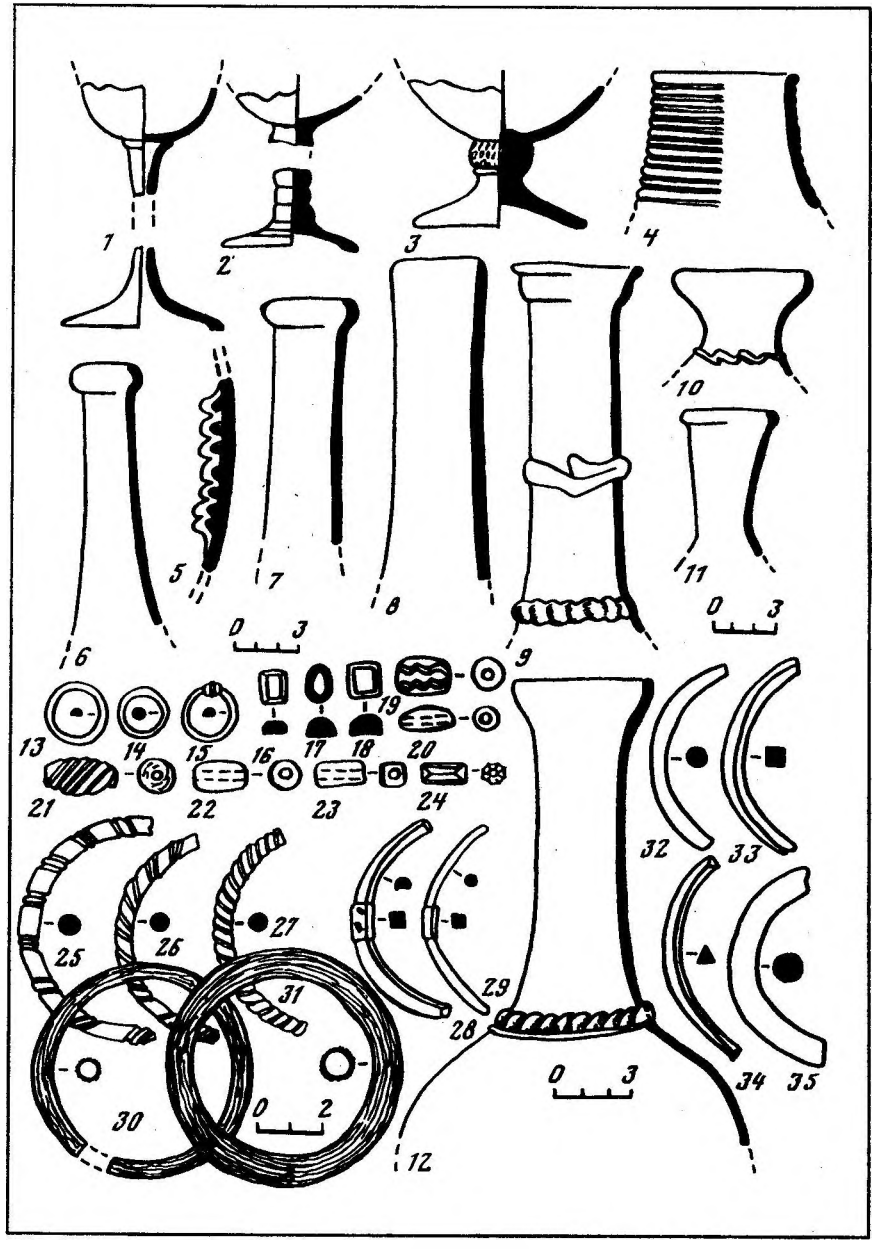


Рис. 63. Стеклянные изделия Дербента. VIII—XIII вв.

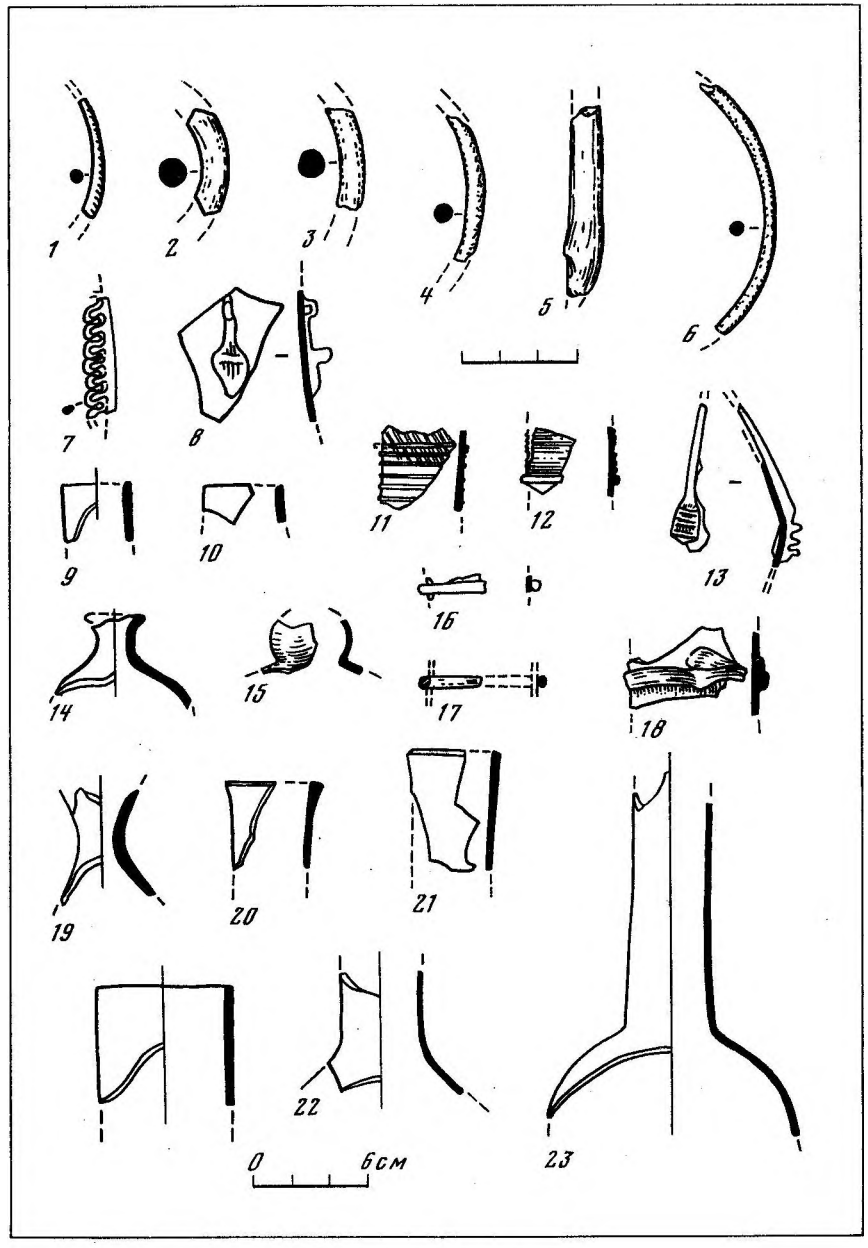


Рис. 64. Стеклянные изделия Дербента. VIII—XIII вв.

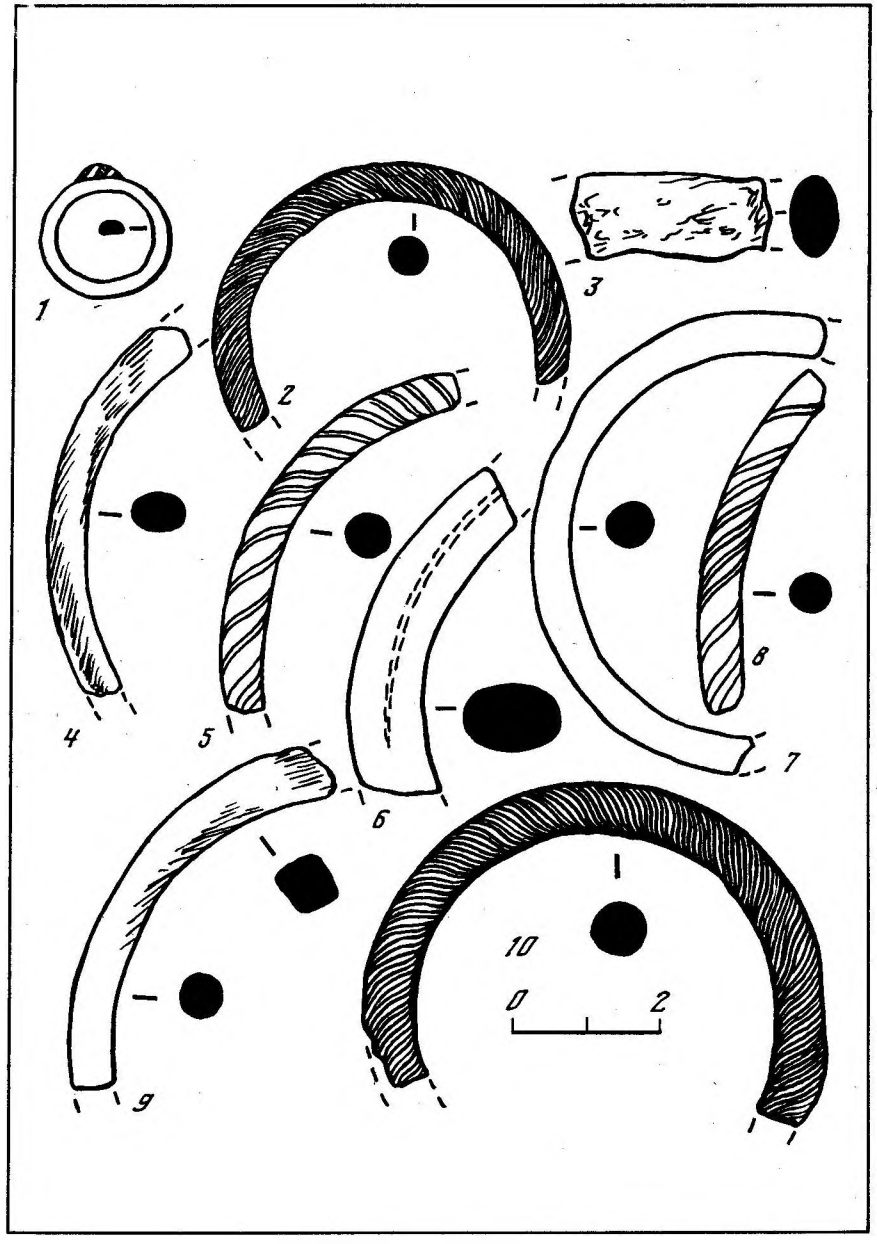


Рис. 65. Стеклянные украшения средневекового Дербента. IX—XIII вв.

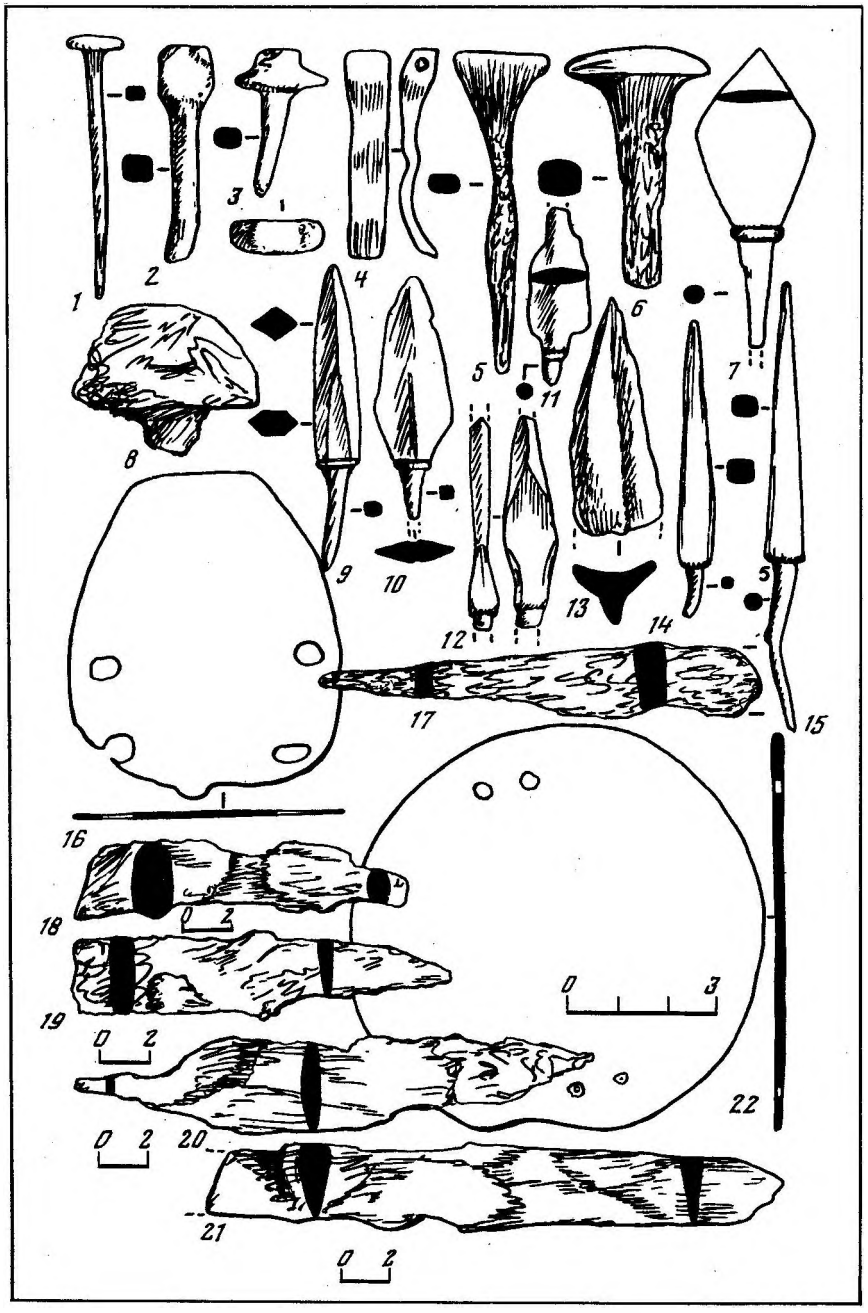


Рис. 66. Металлические изделия средневекового Дербента. Предметы вооружения и быта VI—X вв.

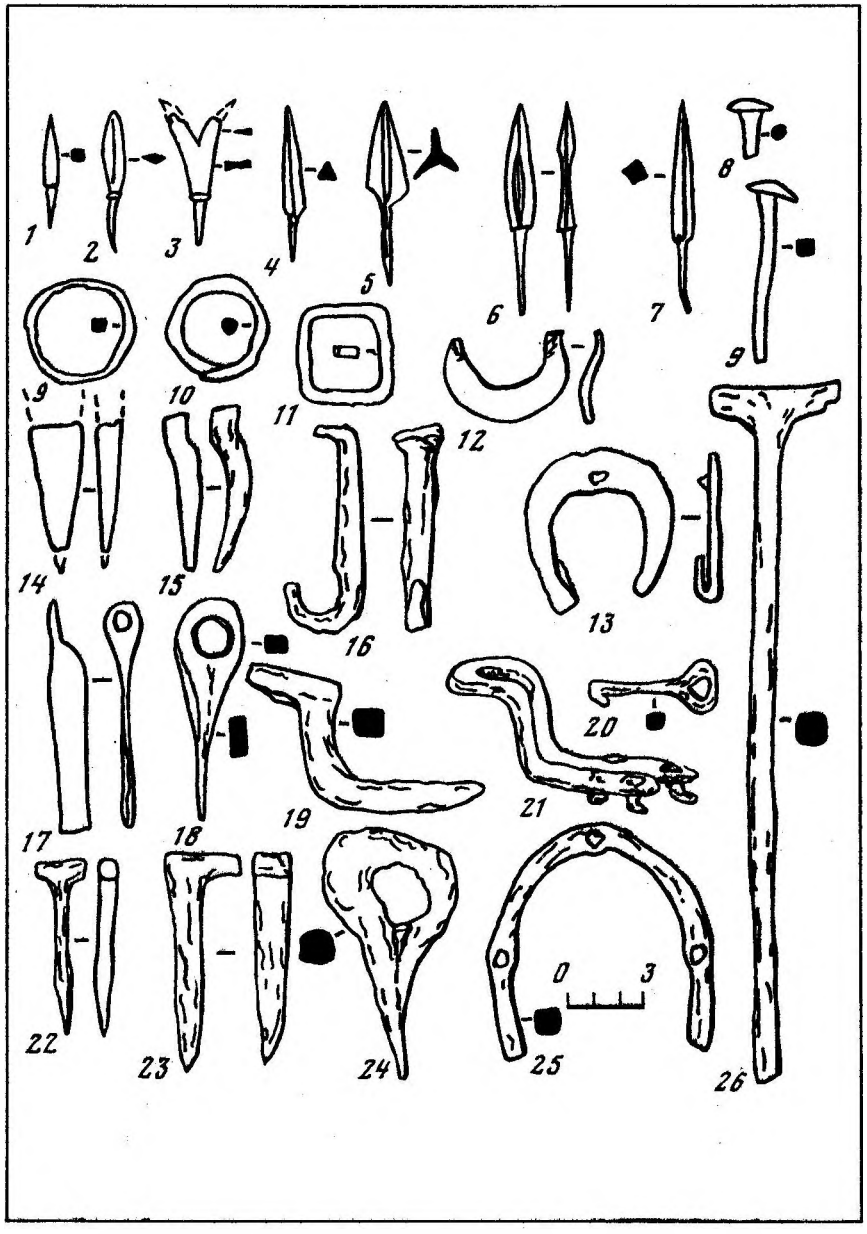


Рис. 67. Металлические изделия средневекового Дербента. Предметы вооружения и быта VIII—XIII вв.

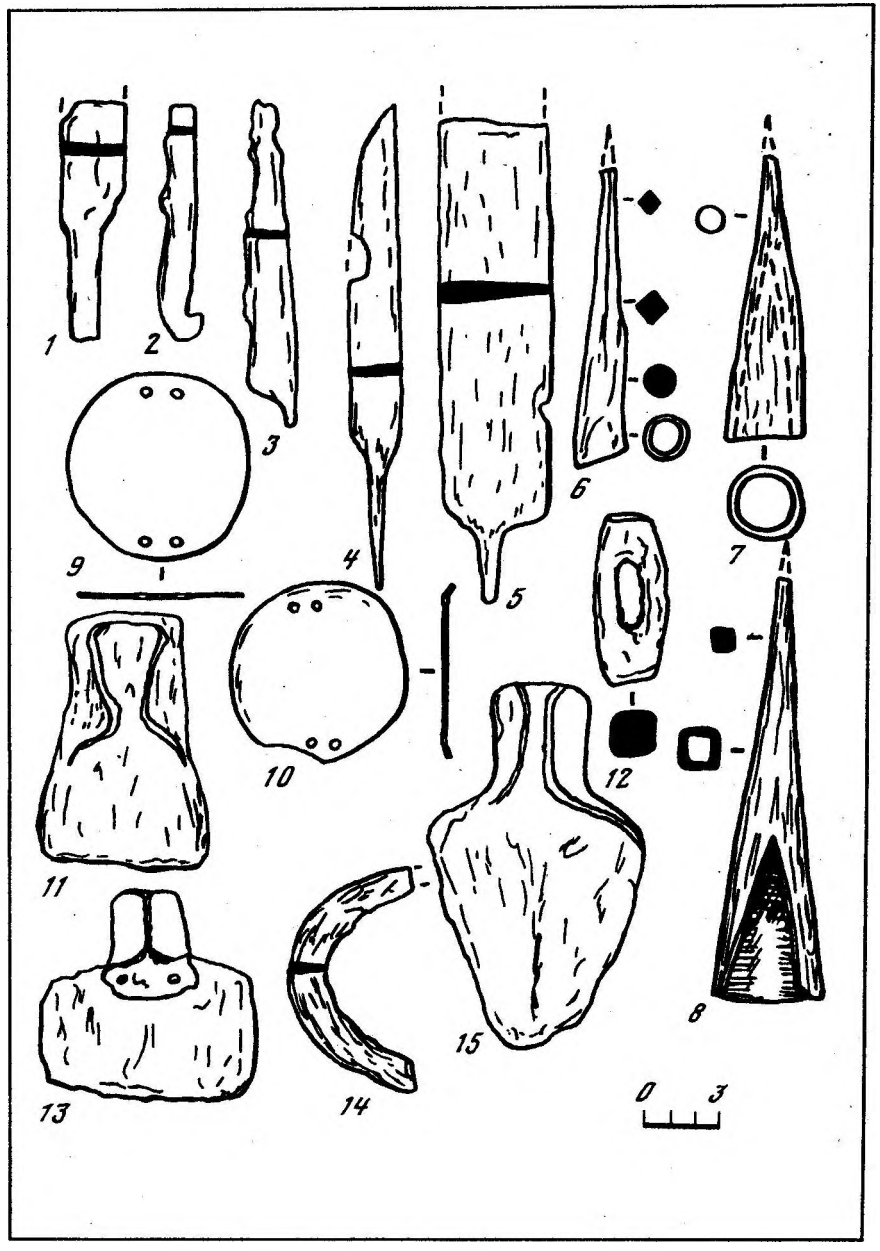


Рис. 68. Металлические изделия средневекового Дербента. Предметы вооружения и орудия труда VIII—XIII вв.

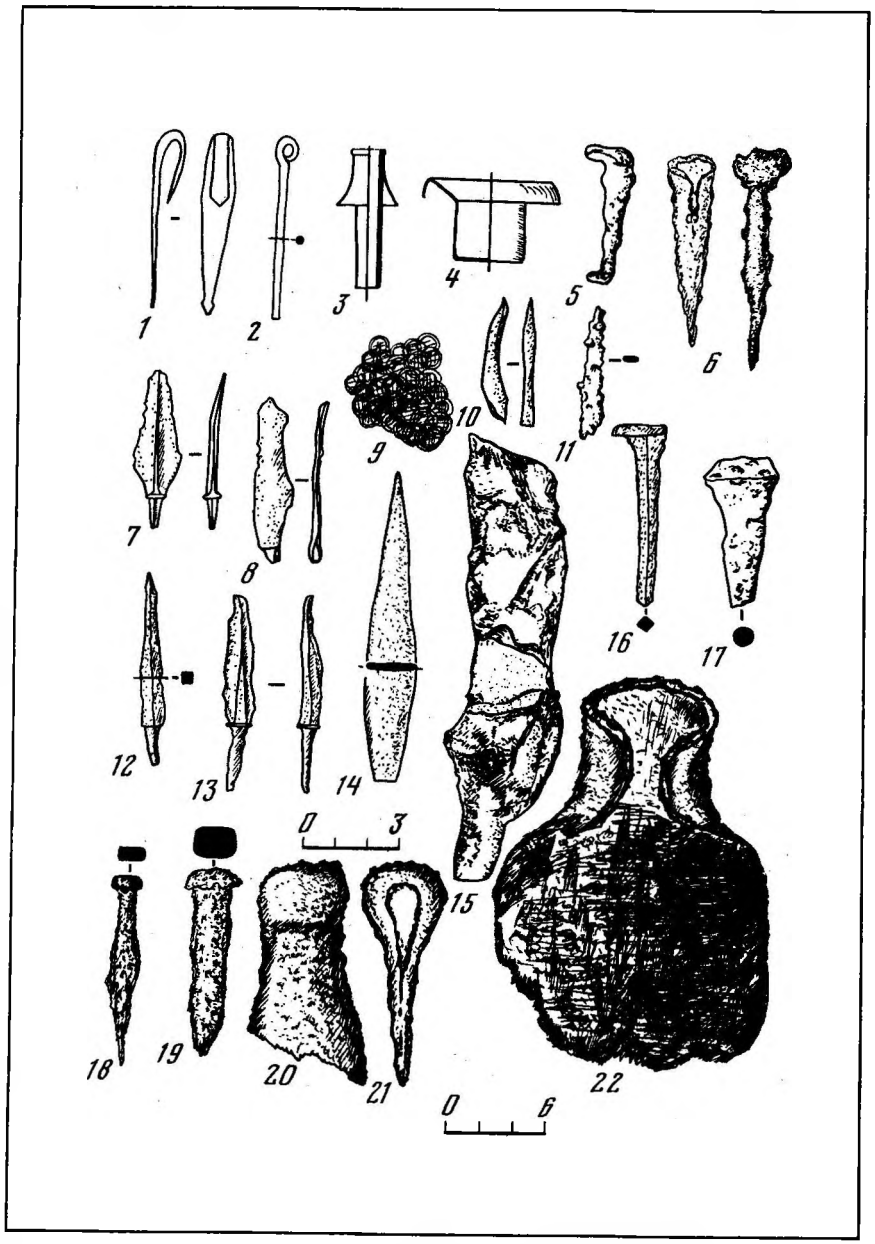


Рис. 69. Металлические изделия средневекового Дербента. VIII—XIII вв.

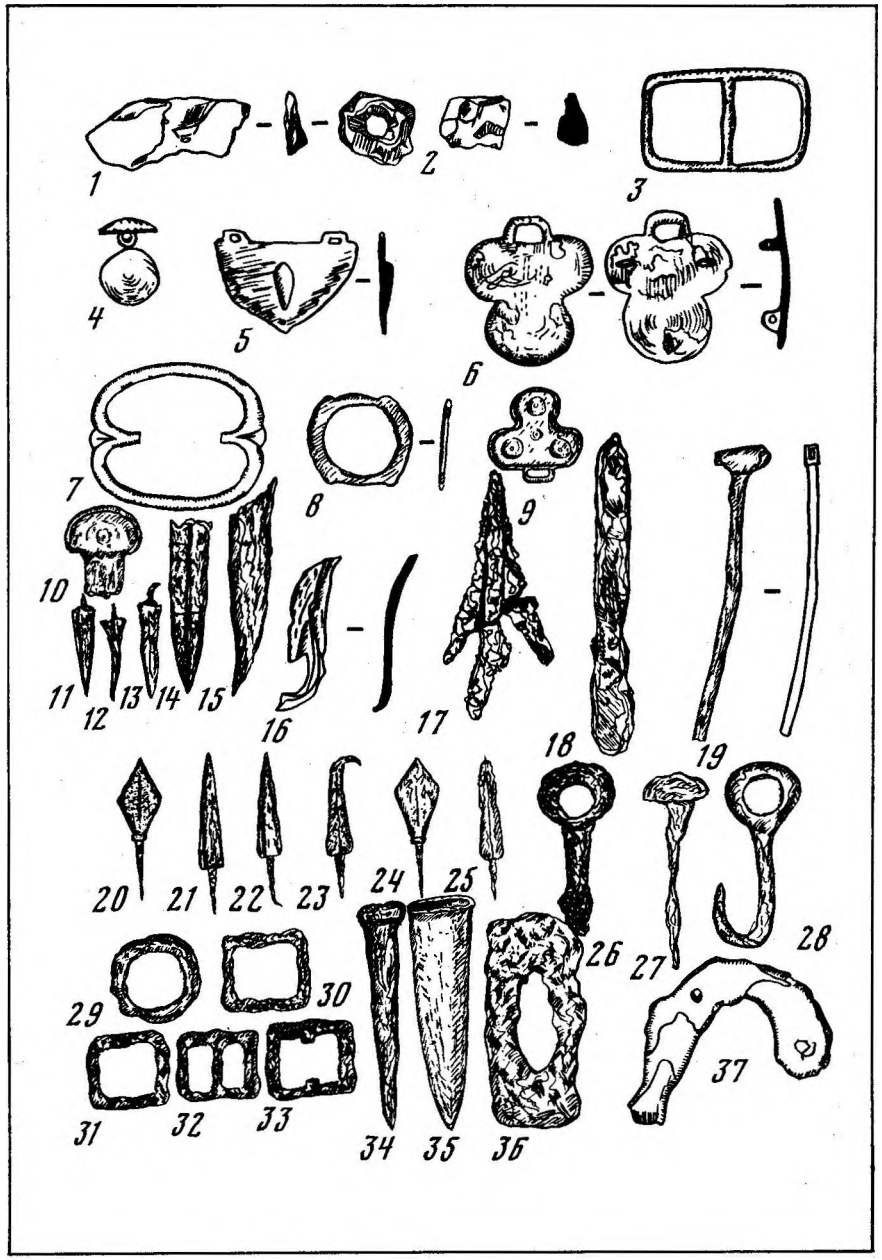


Рис. 70. Металлические изделия средневекового Дербента. VIII—XIII вв.

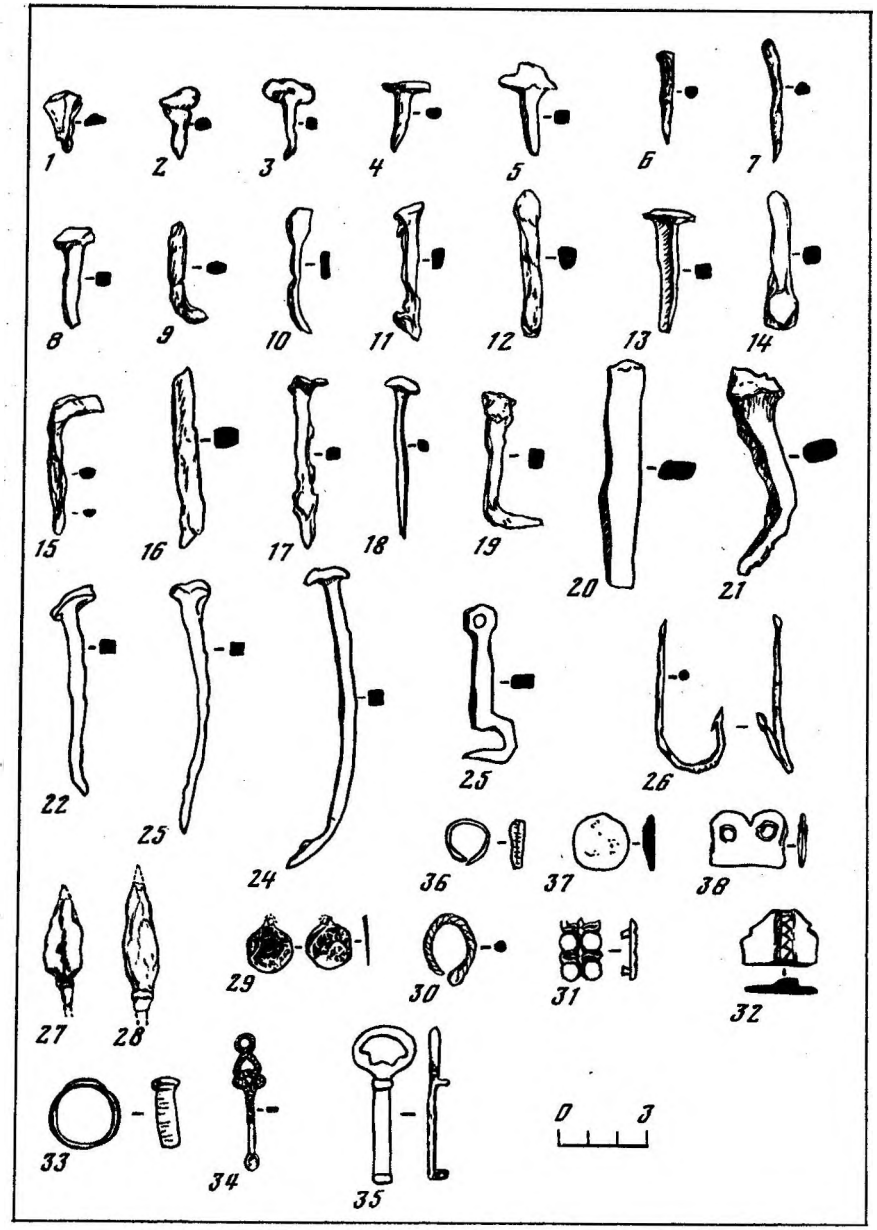


Рис. 71. Металлические предметы и украшения Дербента. VIII—XIII вв.

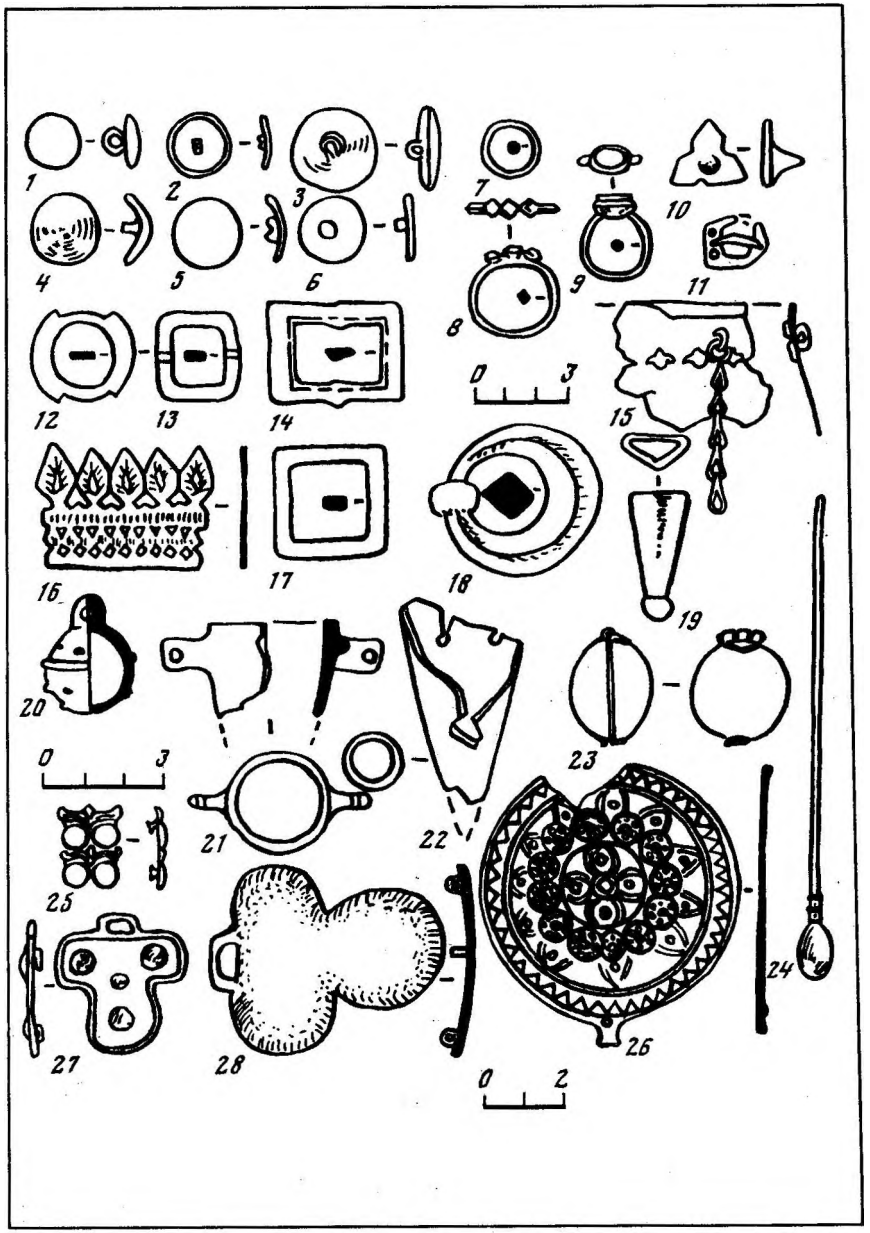


Рис. 72. Металлические изделия средневекового Дербента. Предметы украшения и быта VI—XIII вв.

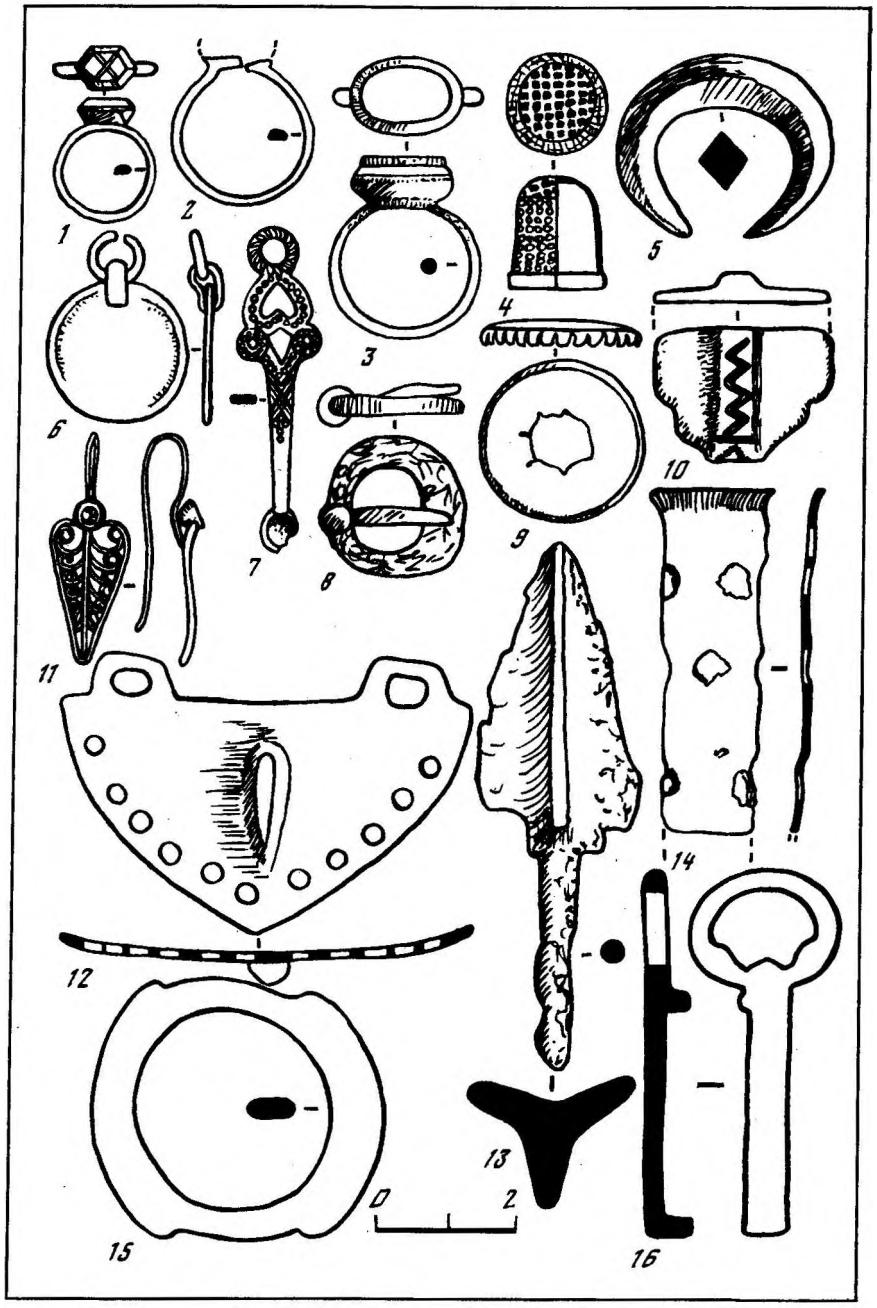


Рис. 73. Металлические изделия средневекового Дербента. Предметы украшения и быта VIII—XIII вв.

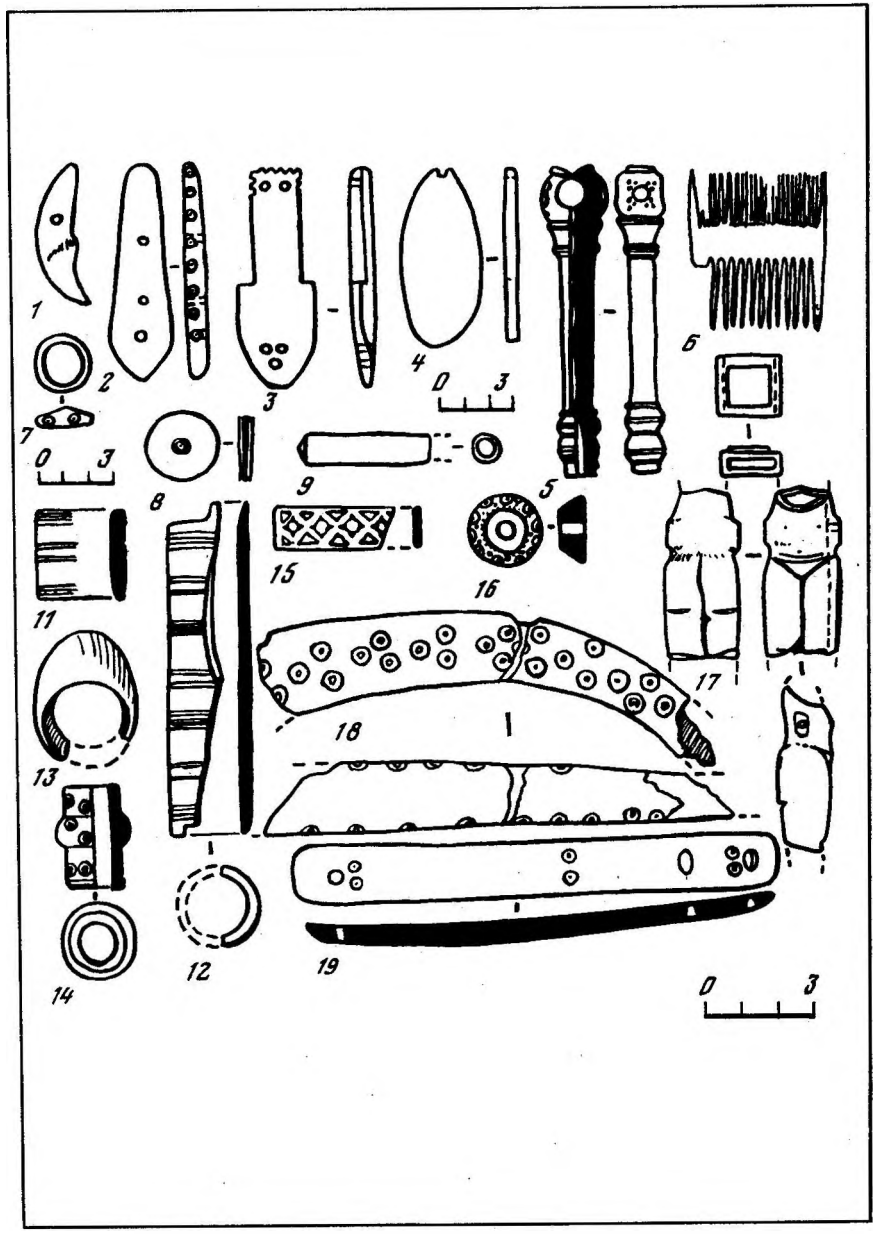


Рис. 74. Изделия из кости. Предметы украшения, вооружения и быта Дербента. VI—XIII вв.

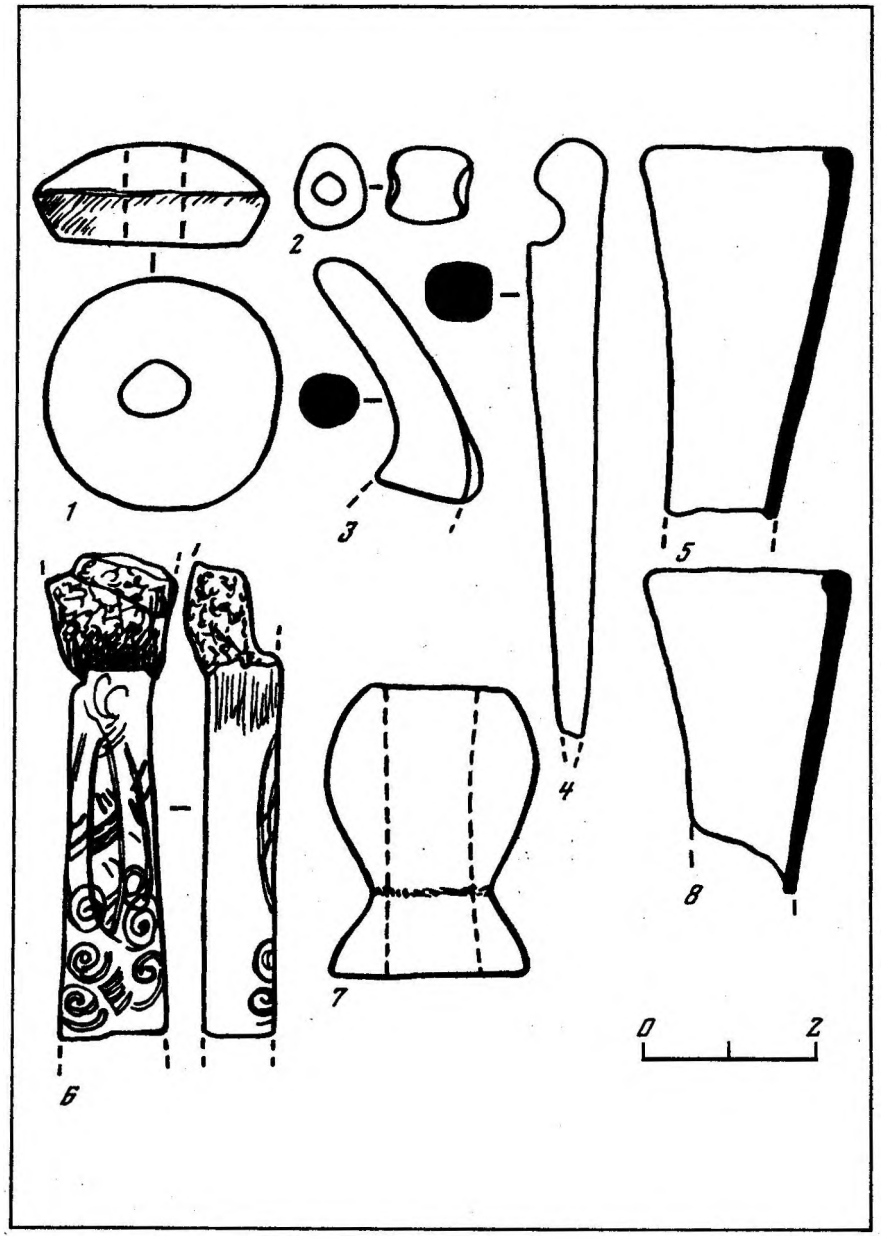


Рис. 75. Орудия труда и предметы быта из кости. VIII—XIII вв.

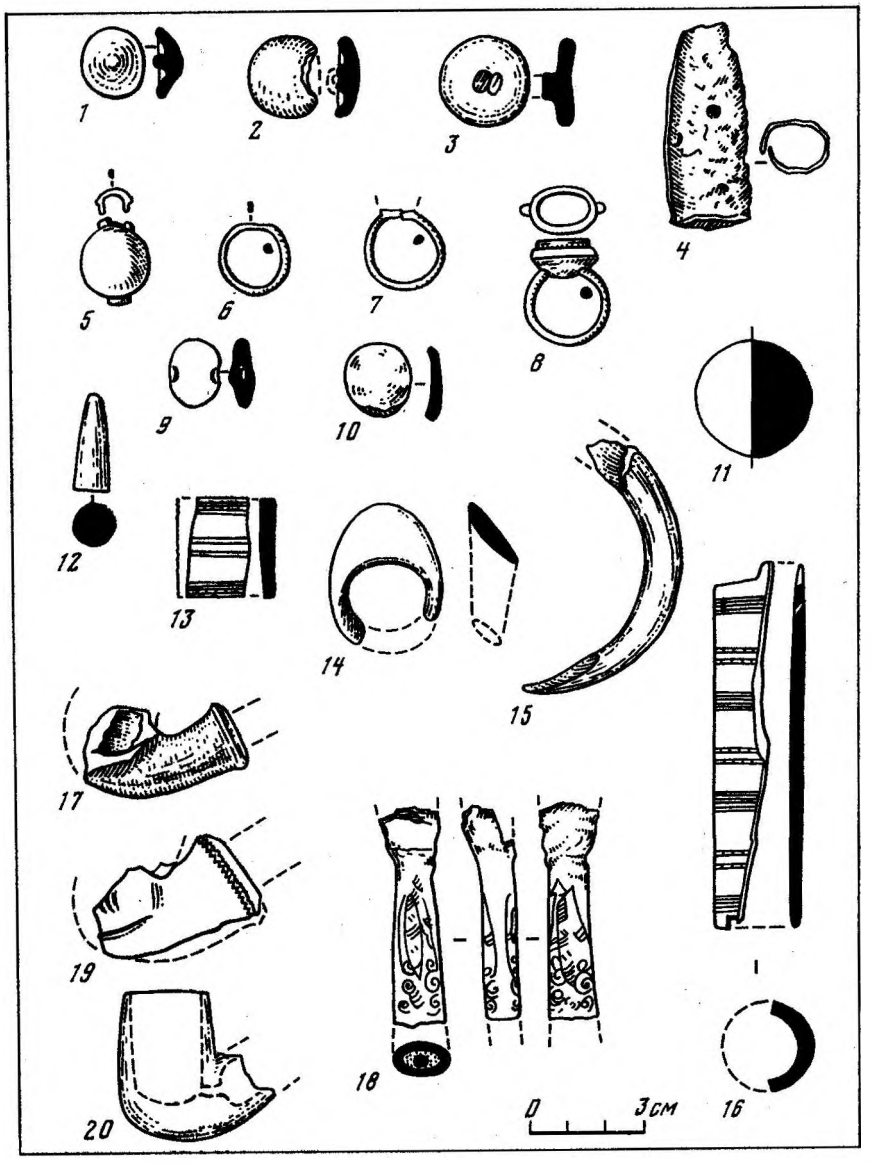


Рис. 76. Предметы вооружения, украшения и быта из кости. VIII—XIII вв. (1—10 украшения из металла с вставками из кости)

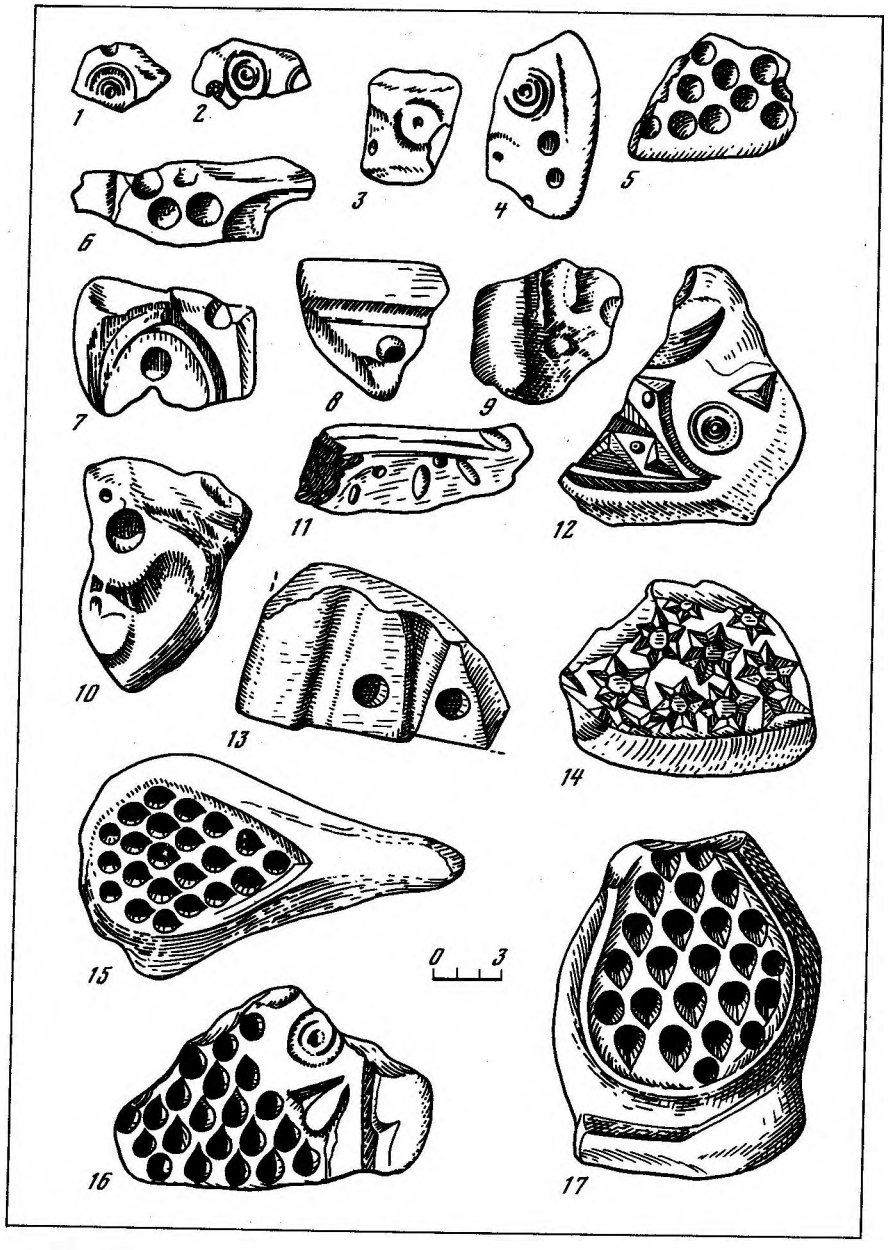


Рис. 77. Образцы резного штука из богатых зданий шахристана Дербента IX—XI вв.

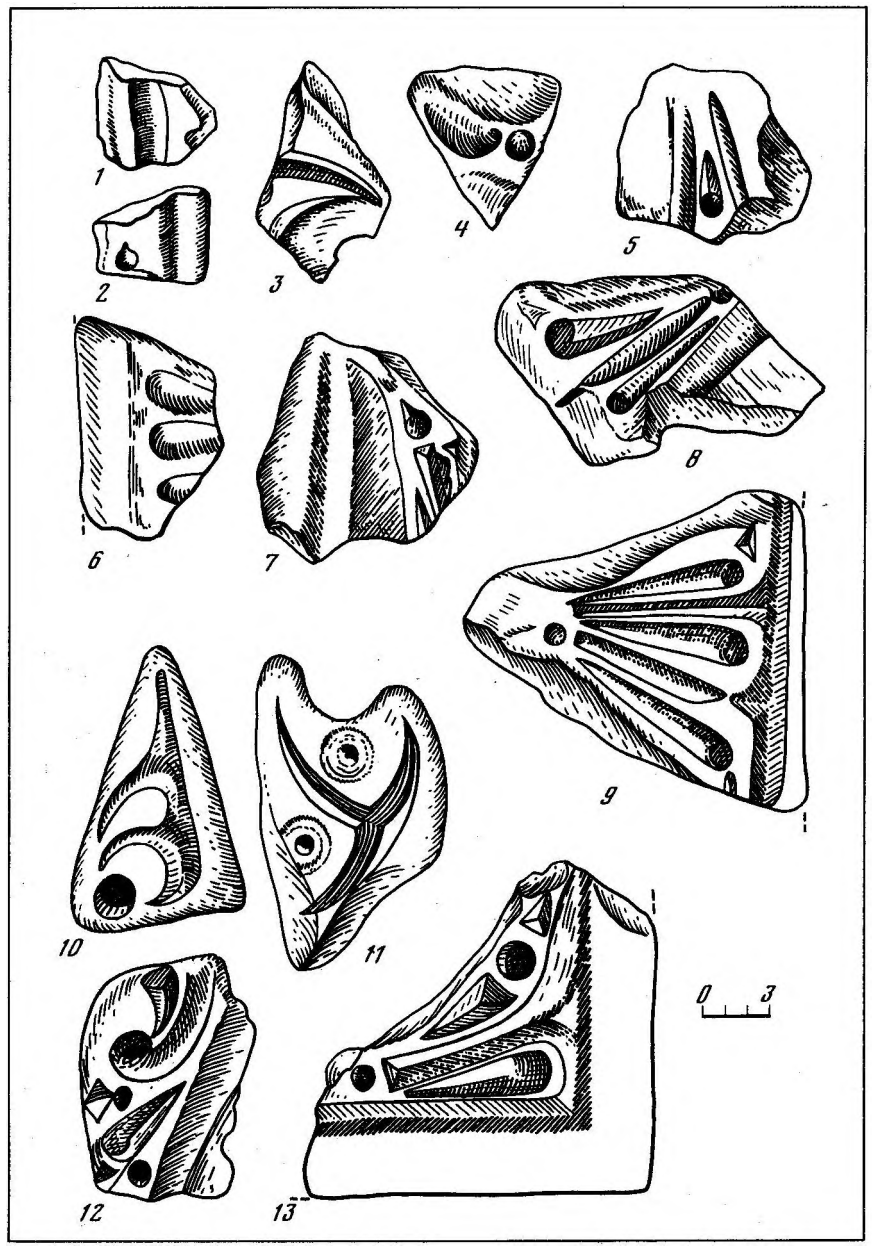


Рис. 78. Образцы резного штука из богатых зданий шахристана Дербента IX—XI вв.

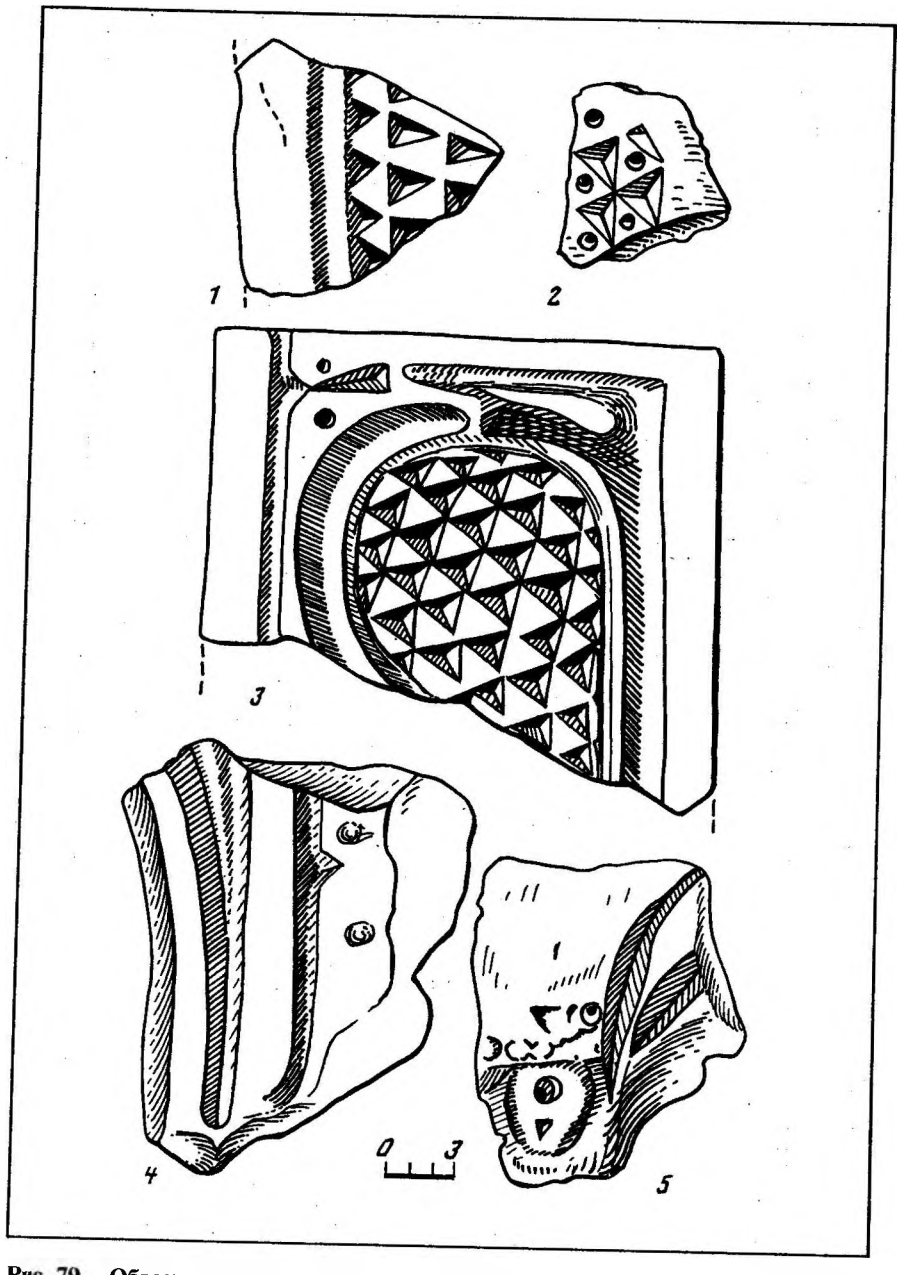


Рис. 79. Образцы резного штука из богатых зданий шахристана Дербента IX—XI вв.

Бо́льшая часть ремесленной продукции города готовилась для дербентского и внутридагестанских рынков, а он сам служил общедагестанским рынком почти для всех территорий Дагестана.

Исследования показали, что феодальный Дербент был наиболее крупным городом средневекового Дагестана и его становление как торгово-ремесленного центра было результатом социально-экономического и политического развития местного дагестанского общества, активизации международной и местной торговли, общего подъема городской жизни и экономики во всем регионе. В свою очередь, город оказал большое влияние на развитие многих торгово-экономических центров Северо-Восточного Кавказа, на пути становления здесь ремесла и торговли и уровень их культурного роста.

СОЦИАЛЬНЫЙ СТРОЙ ДЕРБЕНТА VI — СЕРЕДИНЫ XIII В.

Прогресс в развитии города, рост его производительных сил, подъем ремесла и торговли были тесно связаны с зарождением и укреплением в Дагестане, как и на всем Кавказе, новых производственных отношений. Процесс феодализации местного общества имел ряд специфических особенностей и отличался по степени интенсивности в различных районах Дагестана. В его прикаспийских областях, более развитых и тесно связанных со странами Закавказья и Переднего Востока, где феодальные отношения начали утверждаться раньше, процесс этот шел быстрее, а в горных — несколько медленнее. Однако в обоих случаях зарождение и становление феодализма было связано с процессами внутреннего развития дагестанского общества и являлось следствием прогресса, достигнутого им на данном этапе. Вопрос о генезисе феодализма и путях формирования феодально-зависимого крестьянского сословия в странах Закавказья освещается в историографии по-разному в зависимости от признания или отрицания теми или иными учеными существования в дофеодальных обществах Кавказа рабовладельческой формации.

Сторонники существования в Закавказье рабовладельческой формации связывают процесс феодализации местного общества с кризисом рабовладения, в результате которого большая часть рабов трансформируется постепенно в феодально-зависимых крестьян[509]. Другие ученые, мнение которых в настоящее время наиболее обоснованно, главную роль в формировании феодальных отношений и зависимого крестьянства отводят эволюции сельской общины, ее социальному разложению и закабалению свободного общинника, постепенно сближавшегося по своему положению с различными категориями зависимых лиц, существовавшими и ранее[510].

Касаясь генезиса феодализма в Кавказской Албании, закономерности развития которого во многом характерны и для

дагестанских ее территорий, А. П. Новосельцев в своей фундаментальной работе «Генезис феодализма в странах Закавказья» дает социальную структуру албанского общества периода зарождения и укрепления раннефеодальных отношений. Она весьма отчетливо характеризует местное феодализирующееся общество, основу которого в этот период составляют духовные (епископы, корепископы, священники) и светские (азаты, нахарары-ишханы) феодалы, закабаленное население (рамики), подвластное азатам, и свободные крестьяне-общинники (шинаканы)[511]. Убедительно показав разницу между рамиками и шинаканами, под которыми некоторые исследователи понимали простонародье, в том числе крестьян, ремесленников и городской люд, А. П. Новосельцев приходит к выводу, что «албанское свободное крестьянство (шинаканы) в своей массе потеряло свободу где-то на рубеже VII—VIII вв. С этим связаны упадок царской власти и резкое усиление княжеских домов»[512].

Как уже отмечалось, процесс закабаления свободных общинников в Дагестане протекал более медленно, чем в странах Закавказья, и раннефеодальные отношения отличались здесь особой устойчивостью, надолго сохранив патриархально-феодальный характер и относительную свободу общинников[513].

Одной из особенностей развития феодализма в Дагестане было подавляющее преобладание натуральной ренты и слабое развитие отработочной в связи с отсутствием крупного собственного хозяйства феодалов, основанного на барщинном труде, что было характерно для многих стран средневекового Востока. В связи с этим как на равнине, так и в горах получила особое распространение сдача земли в аренду, широко практиковавшаяся в средневековом Ираке[514], Иране[515], Азербайджане[516] и других странах.

Однако процесс становления феодальных отношений в Дагестане развивался не везде одинаково. Определенная неравномерность генезиса феодализма объяснялась как внутренним социально-экономическим развитием различных его районов, так в некоторой степени и внешними влияниями. Дербент и прилегавшие к нему районы, составлявшие в средневековый период территорию этого феодального государства, оказались в наиболее выгодном положении, и развитие феодальных отношений здесь шло более быстрыми темпами, во многом соответствуя аналогичным процессам в Ширване, Арране и ряде других государств средневекового Востока.

Развитие феодальных отношений во многих горных районах Дагестана, в основном центральных и северо-западных, характеризовалось устойчивостью пережиточных форм общинного быта в виде патронимии, сельско-общинных социальных институтов, элементов военно-демократического уклада, специфического характера рабства, подчиненного интересам утверждения феодальной формации. Во многом сходный путь развития феодализма был характерен для горских обществ Центрального и Северного Кавказа[517].

Генезис феодальных отношений в Дагестане является одной из актуальных тем историографии. Здесь наиболее слабо изучена проблема социального развития средневекового городского общества, его структура, феодальная иерархия, классовый состав. «Формирование антагонистических классов-сословий, составляющих социальную основу феодального общества... является главной чертой генезиса феодальной формации»[518]. В Дагестане домонгольской поры социальная структура феодального общества наиболее четко прослеживается в Дербенте, который в этом плане выступает в полном смысле феодальным городом.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ДЕРБЕНТСКОГО ОБЩЕСТВА VI—ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XIII В.

Раннесредневековый Дербент, подобно городам сасанидского Ирана, служил административным и экономическим центром прикаспийского Дагестана (области Чора), что нашло отражение в его социальной структуре. Можно предполагать, что она во многом была сходна со структурой общества раннесредневековых городов Ирана и Закавказья. Н. В. Пигулевская справедливо отмечала, что в раннесредневековый период происходят значительные изменения социальной структуры города и его роли в социально-экономическом развитии феодализирующегося общества. Экономически города «были центрами ремесла и торговли, а также административными единицами. Политически они становились опорой укреплявшейся феодальной знати, когда попадали в зависимость от нее, особенно в более поздний период развития средневекового общества»[519]. В раннесредневековых городах Ирана и Закавказья население обладало более льготными условиями существования, чем крестьянство[520].

Обширная строительная деятельность, военно-политические и экономические мероприятия Сасанидов в Дербенте способствовали росту города и увеличению состава его населения.

Скопление в Дербенте больших людских масс, оторванных от привычной хозяйственной деятельности и нуждавшихся в самых необходимых предметах обихода, привело к быстрому развитию здесь ремесла и росту внутреннего рынка, значительному увеличению среди обитателей города числа ремесленников и торговцев.

Торгово-ремесленный люд

Изучение топографии и застройки шахристана Дербента VI—начала VIII в. дает основание считать, что значительную часть населения города этой поры составлял торгово-ремесленный люд, который в отличие от периода конца IV—V в. стал преобладать над военной и другими категориями его населения. В этом сыграли свою роль в основном два фактора: первым и решающим был экономический подъем города, связанный с развитием его ремесла и торговли, а вторым — значительное уменьшение

количества воинов в связи с появлением мощной каменной фортификации Дербента, сильно облегчившей защиту «ворот»[521].

Выявленный в ходе археологических исследований высокий уровень экономического развития раннесредневекового Дербента, несомненно, отразился и на социальной структуре местного общества.

Подобно ряду других раннесредневековых городов Ирана и Закавказья, здесь на первое место в количественном отношении выдвинулись ремесленники и мелкие торговцы, на что указывают характер застройки шахристана этого времени и выявленные остатки различных видов ремесленного производства (гончарного, металлообрабатывающего, ткацкого, стеклоделательного и др.), а также разнообразные приспособления и орудия труда ремесленников. В раннесредневековом Дербенте ремесленник — свободный производитель, как и везде на Востоке[522], постепенно становился центральной фигурой. Однако исследования этого сословия в раннесредневековых городах Ирана и Закавказья показали, что оно занимало одну из самых низких ступеней в социальной иерархии и в зороастрийском Иране даже не имело своего священного огня[523]. «Не только Авеста, но и памятник, воспевающий Арташира I, — Карнамаг знает в Иране только три сословия — жреческое, военное и земледельческое»[524]. Рост числа городов и их экономический подъем в сасанидском Иране, увеличение количества ремесленников и их возросшая роль в феодализирующемся обществе способствовали выделению особого «городского сословия», которое характеризовалось как «прислуживающее» или «услуживающее»[525]. Подобная социальная стратификация, надо полагать, была присуща и дербентскому раннесредневековому обществу. Это «четвертое сословие» в Дербенте не было однородно, и углубление процессов феодализации общества вело к его социальной и имущественной дифференциации. Имущественное расслоение внутри этого сословия, видимо, дополнялось неравным положением отдельных этнических групп городского населения, слагавшегося, несмотря на значительную пестроту, в основном из двух частей: местной и пришлой, переселенной сюда сасанидскими правителями из других частей государства. Некоторые данные археологических исследований дают основание думать, что местное население составляло беднейшую, или более бесправную, часть городского люда и обитало в основном на окраинах шахристана[526]. Возможно более высокая квалификация и покровительство иранских правителей Дербента ставили переселенцев-ремесленников (сирийцев, евреев, греков и др.) в привилегированное положение по сравнению с местными жителями.

В связи с положением отдельных категорий сельского и городского населения Закавказья в период персидского владычества А. П. Новосельцев пишет «о неодинаковом положении различных категорий трудящегося люда, равно как и об их постепенном сближении в процессе феодализации»[527].

Экономический подъем Дербента в IX — начале XIII в., расцвет ремесла и торговли в городе средневековой поры не могли не сказаться на развитии дербентского общества, углублении процессов его феодализации, социальном составе. Ремесленники самых различных профессий становятся здесь, как и в других крупных городах средневекового Востока, основой городского населения, главным компонентом его социальной структуры. Материалы археологических раскопок и данные письменных источников служат ярким доказательством этого.

Два крупных исторических сочинения: «Тарих Баб ал-абваб» и «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик», составленные в Дербенте в XI в., — называют целый ряд профессий, существовавших в средневековом городе, в том числе «дубильщиков»[528], а также продавцов книг и бумаги, шелководов, рыболовов, мыловаров, портных, лекарей[529].

Эпиграфические памятники города свидетельствуют о высокой специализации строительного дела и о существовании здесь профессиональных мастеров-строителей, зодчих, камнерезов[530]. Но особенно внушительное представление о разнообразии ремесленных профессий и о месте ремесленников в социальной структуре города дает археологическое изучение средневекового Дербента. Остатки ремесленного производства, развалы печей, разнообразные орудия труда и многочисленные бракованные изделия позволяют говорить о наличии в составе дербентского населения гончаров, стеклодувов, каменотесов, специалистов резьбы по штуку и камню, ткачей, кузнецов, медников, оружейников, ювелиров, косторезов, плотников, шорников, мукомолов, рыбаков, моряков, сельхозрабочих и др.[531]

В средневековых городах Востока ремесленники нередко были объединены в специальные корпорации, напоминающие цеховые организации Западной Европы, но несколько отличающиеся от них внешним оформлением и внутренней структурой.

Отдельные сообщения источников позволяют предполагать существование подобных объединений ремесленников по специальностям и в средневековом Дербенте. Так, «Тарих ал-абваб» упоминает о «раисе дубильщиков»[532], что позволяет говорить о существовании подобного профессионального объединения в средневековом Дербенте. В. Ф. Минорский установил, что «раисы» обычно стояли во главе ремесленных объединений или купеческих гильдий и известны «и в Арране, и в Ширване»[533]. Наличие подобного объединения у дубильщиков Дербента позволяет предполагать существование аналогичных организаций и по другим профессиям городских ремесленников[534]. В пользу этого свидетельствуют и неоднократные упоминания в названном источнике многочисленных дербентских раисов[535], игравших важную роль в политической жизни Дербента X—XI вв. Подобные объединения существовали и в других средневековых городах Кавказа (мы знаем о раисах Баку, Гянджи, ряда других городов Ширвана)[536], но нигде нам не известна столь сильная

и многочисленная социальная прослойка городской знати, стоявшая во главе ремесленных корпораций и торговых гильдий, как в Дербенте.

Согласно сведениям «Тарих Баб ал-абваб», именно позиция городских низов оказывала нередко решающее влияние на исход политической борьбы за власть в средневековом городе [537]. Источник четко выделяет городской люд в социальной структуре города, именуя его народом ал-Баба, горожанами, простолюдинами [538], и, упоминая о жителях Дербента вообщем, делит их на «знатных людей и простолюдинов» [539]. Несомненно, что в «простолюдинах» Дербента надо видеть его торгово-ремесленное население, составлявшее основу феодального города.

Средневековые города Востока были обычно крупными центрами ремесла и торговли. Там процветали самые разнообразные ремесла с узкой специализацией металлообрабатывающего, ткацкого, кожевенного, гончарного и других видов производства [540]. Подобная же картина отмечена для крупных средневековых городов Кавказа домонгольского времени, где ремесленники разнообразных профессий составляли наиболее многочисленную группу их населения [541].

Городская знать и характер феодального землевладения в Дербенте в VI—XIII вв.

Господствующий класс феодального Дербента отличался значительной социальной пестротой и разнообразием. В раннефеодальном обществе города основу его составляла военно-феодальная знать, духовенство и «бюрократическая» прослойка государственных чиновников, а в период наивысшего развития феодальных отношений в Дербенте, приходящегося, как в Передней Азии и Закавказье, на X—XII вв. [542], их дополняет многочисленный влиятельный слой торгово-ремесленной знати. В X—начале XIII в. в Закавказье, как и на всем средневековом Востоке, бурно развивается товарное производство, растут города, денежное обращение, что повышает роль торгово-ремесленной знати в социальной структуре городского общества и происходит постепенное слияние части ее с землевладельческой знатью.

Военно-феодальное сословие в городском обществе раннесредневекового Дербента было представлено в основном военной администрацией и войсками иранского гарнизона, а также феодальным ополчением из Албании и Армении, вспомогательными отрядами из местной знати. До военной реформы Хосрова Ануширвана все войско Сасанидов состояло из ополчения, главной силой которого была конница из свободных. Подобное ополченское войско было трудноуправляемым и весьма ненадежным, особенно в борьбе сасанидских правителей со знатью. Оно было заменено Хосровом Ануширваном на регулярную армию, состоявшую на жаловании у царя, а потому целиком преданную ему, основу которой также составляла конница [543].

Подобная политика способствовала формированию новой военно-феодальной прослойки, служившей опорой царю в его борьбе со старой знатью.

Упоминание источниками о «десяти тысячах конницы» войска «марзпана Чора» позволяет полагать, что и в Дербенте, подобно другим областям сасанидского государства, в основе военных сил стояла кавалерия. Из конницы формировались отряды албанских и армянских нахараров, которые, по сообщениям раннесредневековых армянских авторов [544], несли охрану ворот вместе с персами. Армянские и албанские конные отряды («азатагунд или азатахумб» — конное войско) состояли из мелких и средних феодалов-азатов, вассалов царей, нахараров и церкви [545].

По мнению А. П. Новосельцева, азаты в IV—VIII вв. «в своей массе не что иное, как сохранивший свободу и влившийся в состав господствующего класса остаток народа-войска» [546]. Однако азаты в Армении и Албании не совсем тождественны этому сословию в Иране, несмотря на идентичность терминологии. Скорее всего, армянским и албанским азатам «соответствуют дехкане, т. е. верхушка общинного крестьянства, выделившаяся в Иране где-то в V—VI вв., часть которой затем, сменив уничтоженную или слившуюся с ней родовую знать, стала в конце VI—VII в. крупнейшими земледельцами Сасанидского государства кануна его падения» [547]. К периоду крушения сасанидского Ирана относится упоминание источниками социального термина „дехкан“ для Дербента. «Самое раннее упоминание уроженцев ал-Баба мусульманские источники дают под 15 г. х./636 г. (или 637.— *А. К.*): некий дихкан из ал-Баба, по имени Шахрийар, чья наружность (подобно верблюду) поразила арабов, командовал отрядом сасанидской армии и был убит в единоборстве с одним арабом в Куса, около ал-Мада'ина» [548]. Мас'уди сообщает о «дехкане» Хурмузе из Чарой-Баб ал-абваба [549].

А. П. Новосельцев, исследовавший вопросы формирования феодальных классов-сословий в странах Закавказья, считает, «что термин «дехкан», причем в иранском варианте, имел хождение в Кавказской Албании. Правда, у Каланкатваци, как и в прочих памятниках на грабаре, этого слова нет, но мы знаем о его употреблении в более позднее время, вплоть до XI—XII вв., когда дехкане Ширвана и Аррана были средними землевладельцами» [550]. Термин этот, мало употреблявшийся и быстро исчезнувший в армянской среде, «бытовал в Албании, а затем в Ширване, где прошел ту же эволюцию, что и в Иране» [551]. Есть основания полагать, что все сказанное по поводу термина «дехкан» и социально-экономического положения этой прослойки в феодальном обществе указанных регионов справедливо и для Дербента, крупнейшего города Албании с иранским и местным албанским населением.

Арабское завоевание не оказало существенного влияния на традиционное положение военно-феодального сословия в социальной структуре города, изменился лишь его этнический состав,

в котором преобладание иранского элемента было заменено арабским. Правители Дербента вынуждены были считаться с различными военно-феодальными группировками Дербента, которым покровительствовали арабские наместники Кавказа и халифы. При Омайадах и первых Аббасидах правитель города назначался непосредственно халифом и являлся прямым представителем центрального правительства, однако отношения феодальной знати Дербента с представителями верховной власти были весьма сложными и несколько необычными. Баладзори писал, что ни один наместник халифа не допускался в город до тех пор, пока он не раздавал жителям деньги и подарки. А по версии местной исторической хроники «Дербенд-наме», халиф Харун ар-Рашид разрешил жителям города изгонять правителей, злоупотреблявших властью.

Так, Харун ар-Рашид, назначив в 180 г. х. (796 г.) Хафса б. Омара правителем Дербента, сказал ему: «Все дела Дербенда в твоих руках; если ты совершишь предательство, станешь нерадив в борьбе с неверными или будешь угнетать народ, я даю право народу Дербенда свергнуть тебя»[552]. Право управлять городом в случае смерти или смещения наместника халифа было предоставлено известному дербентскому феодалу Аглабу ас-Сулами, а в дальнейшем его потомкам: «Если бы правитель Дербенда умер или оказался бы тираном, Аглаб Сулейми (Сулами) должен был стать заместителем до прибытия нового правителя»[553]. Сообщения «Дербенд-наме» и данные ряда арабских авторов, возможно, несколько преувеличивают роль местной арабской знати в управлении городом, но В. В. Бартольд справедливо отмечал, что «история действительно знает большое число князей и наместников Аррана и Дербента из племени сулейм от Усейда б. Зафира, современника халифа Хишама, до Сейф аддина Мухаммеда б. Халифы, упоминаемого в VI/XII в. путешественником Абу Хамидом Андалуси»[554].

В X — начале XIII в. городская феодальная знать составляла наиболее могущественную социальную группировку Дербента, обладавшую большой экономической и политической силой. Феодальная верхушка, первоначально состоявшая в большинстве своем из предводителей знатных арабских родов и видных военачальников, получивших здесь большие земельные наделы и разбогатевших на эксплуатации сельского и городского населения, а также в многочисленных походах «за веру», уже при омайадских и аббасидских наместниках представляла собой внушительную силу.

По мере экономического и политического развития средневекового Дербента, углубления процессов феодализации происходило дальнейшее расслоение общества и внутри господствующего класса выделилась крупная землевладельческая знать, основу могущества которой составляли огромные доходы от внушительных поместий, обширной международной торговли, ростовщичества и военной добычи, включавшей и живой товар — «рабов из стран неверных». Она стала главной оппозицией верховной

власти города — эмирам, их постоянным политическим противником. Эти представители городской аристократии именуются в источниках «раисами» (ру'аса — «начальники»), и их влияние на политическую жизнь города и расстановку социальных сил в нем было очень велико. В странах мусульманского мира раисы обычно являются выборными представителями местного населения из наиболее уважаемых семей и они выступают как бы связующим звеном «между администрацией и населением, передавая правительственные распоряжения и делая представления от имени жителей города»[555]. Влияние раисов на жизнь Дербента огромно, фактически они были хозяевами города, и уже в X в. эмиры порой полностью зависели от раисов. Так, «Тарих Баб ал-абваб» сообщает: «Эмир Маймун оставался в правительственном здании как пленник, а вся власть была в руках раисов»[556]. В 381, 383, 412, 414, 427, 430, 446, 456, 457, 468 гг. х. раисы ал-Баба неоднократно восставали и изгоняли своих эмиров, а иногда лишали их не только власти, но и жизни[557].

Высокое положение раисов в дербентском обществе было традиционным, и В. Ф. Минорский в связи с их местом в социальной структуре города отмечал, что, «каково бы ни было положение раисов в других местах, в ал-Бабе с самого начала мусульманской администрации они занимали особое и важное положение»[558]. По версии «Дербенд-наме», Харун ар-Рашид в определенной мере подчинял местным раисам своего наместника. Так, Халиф говорит наместнику Дербента: «Я поручил Абду-л-Малику б. Аглабу быть надзирателем [назир] над тобой. Я назначил его командующим войском [сар-лашкар] и даруга, так как он наш верный человек»[559].

Термин «раис», употребляемый источником для определения городской знати Дербента, вероятно, в определенной мере собирательный и скрывает за собой различные категории феодальной верхушки города[560]. Им обозначались как крупные, так средние и мелкие феодалы, занимавшие различное положение в местной социальной иерархии.

В некоторых из них можно отчетливо видеть представителей крупной феодальной аристократии города, обладавших большими «дийа», обрабатываемыми зависимыми крестьянами и издольщиками, собственными вооруженными силами, вассалами, телохранителями-гуламами и многочисленной челядью. Они могли даже осуществлять судебные функции[561]. Их власть была наследственной и в «Тарих Баб ал-абваб» сообщается об одном из таких представителей высшей феодальной знати города — раисе Али б. Хасане б. 'Анаке, который «унаследовал власть раиса от своих предков и обладал отвагой царей и величием султанов»[562]. О том, сколь велика была власть упомянутого раиса, свидетельствует сообщение того же источника, отмечавшего, что «цари и эмиры боялись его»[563]. Этот раис действительно не уступал эмирам ни в знатности рода, ни в богатстве, ни в политическом влиянии. Он был женат на дочери «эмира Хайдака», а дочь этого раиса уже после смерти отца вышла замуж за эмира

Дербента Мансура, причем последний пошел на этот брак явно из политических соображений [564].

Источник сообщает и о другом раисе, занимавшем очень важное положение в городе и именуемом в тексте названного сочинения раисом раисов (начальником начальников). Судя по сведениям «Тарих Баб ал-абваб», этот представитель феодальной верхушки города по имени Муфарридж б. Музаффар был одним из крупнейших землевладельцев Дербента, которому принадлежали большие наделы, поместья, пастбища «между двумя реками» [565], видимо Рубасом и Самуром. В лице Муфарриджа б. Музаффары мы сталкиваемся с наиболее влиятельной категорией феодальной знати Дербента, стоявшей на самых высших ступенях иерархической лестницы. Это обладатели крупных пашен, поместий, скота и целых селений, где на них работало множество «крестьян и издольщиков» [566]. Они опирались на значительные военные силы, состоявшие из телохранителей и зависимых людей. Так, в свои многочисленные поместья, «лежащие между двумя реками», глава раисов Муфарридж б. Музаффар отправился «со своим родом (‘ашира), семьей и раисами, а кроме того, с гуламами и подчиненными» [567]. О том, что здесь идет речь о раисах, зависимых от этого крупного феодала, весьма определенно сообщается в другом отрывке источника, где прямо указывается, что «Муфарридж б. Музаффар с другими раисами, принадлежащими к его дому, и их гуламами убил эмира» [568].

В цитируемых нами источниках неоднократно подчеркивается, что часть дербентских раисов являлась владельцами земельных наделов в различных районах эмирата, а некоторые из них были очень крупными землевладельцами. Исследователи отмечают существование в средневековом Дагестане домонгольской поры пяти форм земельной собственности: государственная, дийа, икта, вакф и общинная [569].

Рост феодальной собственности на землю в районах, прилегающих к Дербенту, стал развиваться уже при Сасанидах, чему в немалой степени способствовала их земельная политика, но значительно интенсивнее этот процесс стал протекать после арабских завоеваний. Специалисты отмечали, что арабы стали практиковать пожалование земель в условную форму держания — икта [570], а знатные феодальные роды по мере углубления процессов феодализации местного общества стремились превращать икта в безусловную феодальную собственность, т. е. «закрепить юридические функции верховных собственников в отношении тех земель, с которых они когда-то имели право взимать харадж» [571]. Несомненно, что при арабах в Дагестане, и особенно в районах Дербента, произошло определенное перераспределение земельного фонда, но, как отмечал А. П. Новосельцев, на Кавказе верховное право мусульманской общины (фактически халифата) «на покоренные земли сочеталось с существованием иранского дехкана, армянского нахарара, грузинского мтавери и т. д. на принадлежащую ему землю. Поэтому на практике это верховное право мусульманской общины было даже в ранний период (VII — нач. VIII в.) в значительной мере фикцией, хотя, быть может, сперва и имело большое значение» [572]. Вероятно, уже с IX в. верховная собственность Арабского халифата на землю в Дагестане была в значительной мере формальной [573]. Однако в отношении Дербента положение было несколько иным, и имеющиеся многочисленные данные о раздаче здесь пригородных земель множеству арабских воинов позволяют думать, что значительная часть этих земель была государственной. Но широкая раздача земель, отданных, очевидно, в икта, хотя вопрос о форме собственности на эти земли в дагестанской историографии не решен, способствовала быстрому сокращению фонда государственных земель в районе Дербента. Вероятно, с целью его пополнения в начале IX в. было ликвидировано «царство Маскат» [574], а обитавшие в междуречье Самура и Рубаса маскуты были вытеснены за реку Самур [575]. В 237 г. х. (851 г.) халиф Мутаваккил пожаловал «в качестве лена город Баб ал-абваб с зависящими от него землями» [576] основателю ширванской династии Йазидов Мухаммеду б. Халиду. Это позволяет предполагать, что к середине IX в. значительная часть земель в районе Дербента причислялась к разряду условных держаний без права отчуждаться, т. е. не была мульком.

Дальнейшее распространение институт икта получил, очевидно, после утверждения в Дербенте власти сельджукидов (1075 г.), когда «султан пожаловал пограничную область Сау-Тегину» [577]. Хотя в самом тексте источника не говорится об икта, но земельная политика сельджукских султанов, широко практиковавших раздачу в икта, причем в ее условной форме, позволяет говорить, что здесь идет речь именно об условном держании [578]. Эта форма феодального землевладения продолжала существовать в Дербенте и накануне монгольского завоевания. Источники сообщают, что последний хорезмшах султан Джалал ад-Дин (1220—1231 гг.), одарив воспитателя малолетнего эмира города Асада, «назначил на его имя и на имя ребенка, его государя, икта, рядом с которым Дербент казался ничтожно малым» [579].

Углубление процессов феодализации местного общества, усиление феодальной знати и ослабление власти верховного правителя, дальнейшее закабаление рядовых общинников и захват феодалами общинных земель способствовали росту феодальной собственности на землю, постепенному превращению бывших условных землевладений в безусловные, т. е. наследственные.

В «Тарих Баб ал-абваб» неоднократно упоминаются дийа [580], принадлежавшие крупным дербентским феодалам в XI в. [581] В связи с этим В. Ф. Минорский отмечал, что упоминаемые в тексте источника дийа, «очевидно, были в пользовании князей и высшего класса... Дийа, по-видимому, были обширными личными поместьями, жалуемыми (первоначально?) из земельного фонда халифов» [582]. Однако А. Р. Шихсаидов предполагает, что в Дагестане «под термином „дийа“ выступает феодальное имение

независимо от его размеров, как крупное, так и мелкое. Более того... дийа можно понимать также и как земли, находящиеся в собственности свободных крестьян (мульк)»[583].

А. П. Новосельцев считает, что дийа арабских авторов соответствует агаракам и дастакертам армянских и грузинских источников[584] и что в Армении в IX—XIII вв. под ними можно понимать обрабатываемые земли, а также поселения, где жили крепостные крестьяне.

Анализ исторической хроники «Тарих Баб ал-абваб» свидетельствует, что подобный вывод справедлив и для Дербента, где под дийа крупных феодалов города можно понимать обрабатываемые земли, поместья и поселения с крепостными. В связи с этим следует отметить, что, сообщая о землях и поместьях, принадлежавших в Маскате эмиру и раисам, в которых эмир Мансур собирался пресечь «беззакония и злоумышления» курдов, источник упоминает в них «крестьян и издольщиков»[585].

Одной из категорий земельной собственности являлись вакфные земли, появление которых в Дагестане, и в первую очередь в Дербенте, связано с арабским господством и распространением ислама. Вакф в Дагестане, в том числе и в Дербенте, рассмотрен в работах Ш. М. Ахмедова и А. Р. Шихсаидова, что позволяет нам не останавливаться подробно на этой форме собственности. Отметим лишь, что в Дербенте, как и в других пограничных областях халифата, вакф получил большое распространение и значительная часть его шла на содержание военно-религиозных группировок города и его округи — «гази» (борцов за веру). В Дербенте в качестве вакфной собственности выступали пахотные участки, сады, колодцы, мельницы, караван-сараи, кроме того, в вакф городу были отданы доходы с нефтяных и соляных промыслов Ширвана (Баку)[586].

Таким образом, источники позволяют говорить, что в Дербенте существовали все основные виды феодальной собственности на землю, характерные для многих районов Дагестана и развитых стран Закавказья. Наличие среди феодального класса-сословия Дербента крупных, средних и мелких землевладельцев, которым принадлежали как многочисленные очень значительные по размерам «дийа», так и более мелкие наделы земли, «дийа жителей ал-Баба», находившиеся в условном или безусловном держании, свидетельствует о зрелости феодальных отношений здесь и о далеко зашедших процессах феодализации местного городского общества, в котором землевладельческой аристократии принадлежала ведущая роль.

Торгово-ремесленная знать

Наряду с землевладельческой торгово-ремесленная знать играла значительную роль в жизни феодального города. Она именовалась в источниках различными терминами, отражавшими, вероятно, положение различных ее категорий в социальной структуре Дербента: «раисы», «знатные люди», «купцы и уртаки», «а'йан ас-суфуф».

По поводу очень сложного и многозначного термина «раис» В. Ф. Минорский писал: «Мы слышим о раисах и в Арране, и в Ширване, и некоторые из них, несомненно, были главами городских гильдий»[587]. Так, в «Тарих ал-абваб» несколько раз упоминается о «раисе дубильщиков», который играл значительную роль в политической жизни средневекового города[588]. В феодальной иерархии Дербента он занимал более низкую ступень, чем такой крупный феодал, как Муфарридж б. Музаффар, который мог приказывать первому[589] как подчиненному. Однако роль раиса дубильщиков в политической жизни средневекового Дербента была весьма значительна, и этот глава одного из ремесленных объединений города более 30 лет находился в центре его событий.

В отличие от феодальной верхушки Дербента торгово-ремесленная знать не стояла в столь непримиримой оппозиции к эмирам, чем, возможно, и объясняется приказание Муфарриджа раису дубильщиков выступать посредником в перемирии между раисом раисов и эмиром. Однако это не означает, что крупные землевладельцы города не были связаны с торгово-ростовщическим капиталом, а представители торгово-ремесленной знати не обладали значительными земельными наделами. Подобное слияние феодальной и торгово-ремесленной знати стало отчетливо проявляться в политических и экономических центрах халифата уже при ранних Аббасидах, где наблюдалось сосредоточение в одних руках торгового капитала и землевладения[590], и получило дальнейшее развитие в городах средневекового Востока домонгольского и монгольского времени. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в столь крупном торгово-экономическом центре, как Дербент, в лице крупного землевладельца-раиса мы можем видеть и представителя торгового капитала, участника международных торговых сделок, хозяина оптовых партий товара, караванов и караван-сараев.

Развитие караванной и морской торговли и особая роль Дербента как одного из главных посредников в торговых сношениях между «северными странами» и мусульманским Востоком способствовали сложению в составе господствующего класса города значительной прослойки торговой знати. Дербент был местом, куда съезжались купцы «из Джурджана, Табаристана, Дейлема», «Серира и других стран неверных». Подобно торговым гостям в городах Древней Руси они пользовались покровительством феодальных правителей[591], получавших значительный доход с привозимых товаров. Однако средневековые источники сообщают не только об иноземных торговых гостях Дербента, но и о местных купцах, занимавшихся как крупной международной, так и внутренней торговлей. У Мас'уди есть сведения о дербентских купцах, которые имели налаженные связи с причерноморскими степями[592]. Шафран и марена, вывозимые вплоть до Индии, льняное полотно и полотняные одежды, прославившие ткацкое ремесло города на

весь средневековый Восток, знаменитые северные меха и «рабы из стран неверных», перекупаемые на дербентских базарах, открывали широкие возможности перед купцами Дербента и позволяли им успешно конкурировать на рынках средневекового Востока, Хазарии, Древней Руси. В этот период в городе существовали торговые объединения, «товарищества» купцов, характерные для крупных экономических центров средневекового Востока. Мы знаем об «уртаках и купцах» Дербента, которые, по сообщению Рашид ад-Дина, были ограблены в 1228 г. монгольским отрядом [593]. Рашид ад-Дин употребил для обозначения этих представителей дербентской торговой знати два термина — «уртаки» и «купцы». Уртак — это купец, который ведет торговое дело в компании с другими купцами, один из членов купеческих товариществ, характерных для средневекового Востока предмонгольского времени и державших в своих руках транзитную торговлю и целые караванные трассы [594]. А. Ю. Якубовский писал, что «это были организации, обладавшие большими капиталами, которые вкладывались в торговлю, связанную с очень отдаленными странами, вплоть до Монголии и Китая» [595]. Видимо, и дербентские уртаки были участниками подобных компаний и организаторами торговых караванов, «которые ходили туда и обратно» [596].

Наряду с представителями крупного торгового капитала, занимавшимися в основном оптовой международной торговлей, в средневековом городе существовала и более мелкая торгово-ростовщическая знать, образно охарактеризованная исследователями как «аристократия базаров» или «знать среднего класса» [597]. Речь идет о социальной прослойке города, обозначенной в «Тарих Баб ал-абваб» термином «а'йан ас-суфуф», который не имеет себе параллелей в арабской социальной терминологии мусульманского Востока. В. Ф. Минорский, исследовавший значение этого термина, предположил, что, вероятно, в источнике «речь действительно идет об именитых (купцах) из (торговых) рядов» [598]. Исследуя довольно сходный термин «ахл ас-суфуф», В. М. Бейлис пришел к аналогичным выводам для средневекового Байлакана, где «суфуф» (ряды) объединяли торговцев и ремесленников города, так же как и в Дербенте [599]. Этот разряд дербентской знати держался в отличие от раисов на стороне эмиров, которым он оказывал прямую поддержку, или оставался лояльным в период смут и междоусобиц [600]. Думается, что эта торгово-ростовщическая «знать среднего класса», «аристократия базаров», связанная в основном с местной торговлей, нуждалась в сильной централизованной власти и потому поддерживала дербентских эмиров.

Духовенство города

Дербент в течение многих веков являлся одним из крупнейших идеологических центров средневекового Кавказа, где получили распространение и в определенные периоды сосуществовали три мировые религии: зороастризм, христианство, ислам.

В период V—VII вв. в Дербенте господствовали христианство и зороастризм и служители этих культов играли большую роль в жизни местного общества.

Христианское духовенство занимало особое положение в социальной структуре дербентского общества, что было связано не только с очень сильными позициями христианской церкви в Дербенте, как и во всем Закавказье, но и со сложными противоречиями идеологического характера, которые возникали в силу различного вероисповедания сасанидской военно-административной верхушки и основной части населения города. Христианство, начавшее укрепляться в Дербенте еще в IV в.[601], в V в. уже было религией основной части неиранского населения города. Христианское духовенство являлось «особым слоем, весьма сильным и влиятельным во всех странах Закавказья» [602], и духовенство Дербента не было исключением в этом плане. Близость Ватнианского поля, где погиб мученической смертью от рук маскутов один из первых христианских миссионеров на Восточном Кавказе — епископ Григорис [603], и пребывание здесь албанского царя Вече II, ярого противника зороастризма, потерявшего корону из-за своей приверженности к христианству [604], выделяли Дербент среди других раннехристианских центров Восточного Кавказа. В V—VII вв. город был крупнейшим идеологическим центром Кавказской Албании, где, по сообщениям раннесредневековых источников, находилась резиденция католикоса (патриарха) страны, перенесенная в середине VI в. в Портав [605].

Особое положение среди высшей духовной знати Албании глава дербентской церкви сохранил и после перенесения престола, о чем свидетельствует титулатура албанских католикосов, подписывавшихся на бумагах «католикос агванский, лбинский и Чога (т. е. Дербента.— *А. К.*)» [606]. Это позволяет думать, что две данные области, Лбиния и Чога, являлись какими-то особыми епископствами, занимавшими более высокое положение по сравнению с другими областями Албании, что и подчеркивалось в титулатуре католикоса. Как свидетельствует автор «Истории агван», подобная титулатура католикоса была введена главой албанской церкви Тер-Аббасом, при котором престол был перенесен в Партав и «вошло в обыкновение писать на адресе бумаг — католикосу Агвании, Лпинии и Чора» [607].

Все это позволяет полагать, что, несмотря на усиление власти Ирана в районе Дербентского прохода и на наличие в самом городе значительного персидского гарнизона, Дербент оставался крупным христианским центром Кавказа с многочисленным христианским населением и духовенством, имевшим характерную для этого сословия в Кавказской Албании иерархическую структуру. У нас нет прямых данных о взаимоотношениях христианского духовенства со светской властью Дербента, представленной иранскими правителями, исповедовавшими зороастризм. Однако археологические исследования последних лет, подтверждавшие факт существования в раннесредневековом городе христианских

памятников[608], в том числе и огромного христианского храма V—VII вв.[609], а также данные письменных источников, сообщавших о существовании здесь еще в начале VIII в. «восточного патриаршего дворца»[610], который не рискнул тронуть арабский полководец Маслама, свидетельствуют о весьма высоком месте, занимаемом христианским духовенством в социальной структуре раннесредневекового Дербента.

Подобно многим раннесредневековым городам Западного Ирана и Закавказья, где, несмотря на присутствие крупных персидских гарнизонов, преобладало христианское население, основу торгово-ремесленного люда Дербента составляли христиане, среди которых было много переселенных сюда иранцами сирийцев и греков. М. М. Дьяконов писал, что в сасанидском Иране «городское население запада состояло в основном из сирийцев, евреев и греков, преимущественно ремесленников, переселенных сюда из завоеванных сасанидскими царями городов»[611]. Подобное положение было характерно и для раннесредневекового Дербента, христианские культовые памятники которого имеют очень близкие параллели с сирийскими[612].

М. М. Дьяконов, об аналогичных Дербенту городах сасанидского Ирана, где христианское население «составляло значительную часть жителей или даже основную», отметил, что там «религиозный глава играл роль посредника между шахом и его христианскими подданными — горожанами. Несторианскому католикосу, например, передавалось право собирать подати с христиан для передачи их в казну»[613]. Вероятно, аналогичную роль осуществлял и глава дербентской церкви, выступавший посредником между сасанидской администрацией и христианским населением города, но, учитывая специфику Дербента, права его могли быть значительно шире. Все это позволяет предполагать, что, несмотря на противоречия идеологического характера, христианское духовенство не в меньшей степени, чем зороастрийское, служило опорой сасанидской администрации Дербента, и одной из главных причин подобной веротерпимости было совпадение их интересов в деле защиты от набегов кочевников Закавказья и западных провинций Ирана, где преобладало христианское население.

У нас нет конкретных данных о зороастрийском духовенстве Дербента, но, учитывая наличие здесь значительного количества иранцев (верховная власть, административно-чиновничий аппарат, воины гарнизона), можно предположить существование в городе зороастрийского жречества, служившего опорой власти и занимавшего традиционно высокое положение в социальной структуре восточного общества. Влияние зороастрийского духовенства на персидскую часть населения города было, вероятно, весьма велико.

В первой четверти VII в. Дербент после ожесточенных арабо-хазарских войн вошел в состав халифата и превратился в один из главных опорных пунктов арабов на Кавказе. В город было переселено большое число (до 24 тыс.) арабов-мусульман

и возведено не менее восьми мечетей[614], главная из которых (Джума-мечеть) была перестроена из христианского храма. С этого времени Дербент стал оплотом мусульманского мира на северных границах, крупнейшим центром распространения ислама, а мусульманство — господствующей идеологией основной части его населения. Если на первом этапе укрепления своей власти в Дербенте арабы весьма уважительно отнеслись к главе христианского духовенства города[615], то позднее, в VIII—IX вв., в период распространения и укрепления ислама на Восточном и Северо-Восточном Кавказе, связанных с многочисленными походами дербентских «газиев» против «неверных», мусульманские правители города отличались значительно меньшей веротерпимостью.

Социально-экономическое и политическое развитие Дербента в VIII—XIII вв. способствовало сложению в городе определенной прослойки мусульманского духовенства, которое, опираясь на многочисленные военно-религиозные группы дербентского населения, играло значительную роль в его жизни.

Мусульманское духовенство, несомненно, играло большую роль в социальной жизни Дербента, но, однако, судя по источникам, эта категория представителей господствующего класса города не была столь сильной, как землевладельческая и торгово-ремесленная знать. У нас нет сведений о каких-либо больших группах крупных духовных феодалов в городе средневековой поры и о том, что духовенство выдвигало свои экономические и политические требования или отстаивало свои интересы. В связи с этим Р. М. Магомедов писал, что «духовенство Дербента, судя по материалу письменных источников, не проявляло себя во внутренней борьбе как социальная прослойка, сознающая свои особые интересы и способная их отстоять»[616]. Однако думается, что роль мусульманских священнослужителей и различных военно-религиозных группировок в жизни средневекового города была более весомой и заметной.

Мусульманское духовенство не имело столь сложной иерархической структуры, как христианское, но и здесь существовала определенная градация служителей культа. В письменных источниках применяют при упоминании мусульманского духовенства города такие термины, как «имам»[617], «шейх»[618], «проповедник»[619], «кади ал-кудат»[620].

К духовному сословию весьма близко примыкали определенные прослойки населения Дербента, условно названные нами военно-религиозными группами, которые в значительной мере служили социальной опорой мусульманского духовенства города. К ним можно отнести «чтецов корана» (курра), «мусульманских добровольцев» (муттави'и), в определенной мере «борцов за веру» (гази)[621].

Взаимоотношения дербентского духовенства с светской властью города домонгольской поры носили весьма сложный характер и менялись по мере социально-экономического и политического

развития Дербента, углубления процессов феодализации местного общества, обострения классовых и внутрисословных противоречий в нем.

В VIII—IX вв. в Дербенте духовенство еще не играло достаточно весомой роли в политической жизни города и о представителях этого сословия почти нет упоминаний в письменных источниках. Вероятно, в этот период происходит процесс формирования сословия и выделения его в самостоятельную социальную категорию обитателей города.

В основе интересов дербентского духовенства и многочисленных представителей военно-религиозных групп лежит в этот период главным образом «джихад» (война с неверными), в которой они целиком поддерживают политику наместников омайадских и аббасидских халифов. Эта категория населения города и «воины исламских центров» составляли главную социальную опору дербентских правителей в многочисленных «походах за веру», уступив, однако, последним приоритет идеологического руководства в них. Вероятно, это было связано с тем, что в военизированной жизни пограничного города, своего рода форпоста мусульманской идеологии и передового рубежа «борьбы за веру», светские феодалы в значительной степени подменили духовную власть и взяли на себя многие функции последней. Правитель Дербента считался не только крупнейшим светским феодалом, но и главой всех мусульман города и округи. Дербентские эмиры неоднократно возглавляли походы «гази» «в страны неверных»[622]. В этом видели одну из главных своих обязанностей перед «мусульманским миром» как наместники халифа, так и сменившие их у власти Хашимиды. Обогащаясь в этих многочисленных походах, проводившихся под идеологическими лозунгами «борьбы за веру», и давая возможность поживиться за счет «неверных» самым различным социальным слоям города и округи, дербентские правители выступали в них не только как военные предводители, но и как идеологические вожди. Опираясь на наиболее фанатично настроенные социальные прослойки города, сделавшие «джихад» своей профессией, эмиры в определенной мере сами оказывались зависимыми от этих мусульманских военно-религиозных группировок и в угоду им вынуждены были поддерживать знамя «священной войны», выступая ревностными поборниками веры и защитниками ислама. В этом плане показательно поведение уже первого эмира из местной династии Хашимидов, Хашима б. Сурака, который, едва укрепившись на престоле, сразу же «сделал набег [гази] на Серир и перебил много народу»[623]. Повторяли дербентские эмиры набеги неоднократно и позднее. На ранних этапах эти социальные группы, являвшиеся главной силой в попытках распространения ислама на север, были основной военной опорой правителей Дербента. Когда город был пожалован халифом Мутаваккилом в 237 г. х. (851 г.) Мухаммаду б. Халиду, то последний нашел полную поддержку у газиев Дербента. «С помощью газиев ал-Баба Мухаммад

б. Халид также ходил на неверных, живущих по-соседству с ал-Бабом и Дербентом»[624].

При халифе Мансуре (754—775 гг.) его наместник Йазид ас-Сулами обложил нефтяные и солеваренные промыслы Ширвана налогами в пользу жителей Дербента (имелись в виду прежде всего «борцы за веру»), собираемыми специальным чиновником[625]. От имени халифа подати в пользу защитников северных границ брались в Южном Дагестане и Ширване. В 803 г. Дербент получил от Харун ал-Рашида фирман на право ежегодного сбора доходов с нефтяных источников и соляных промыслов, которые шли на содержание военных сил города. В 270 г. х. (883/84 г.) халиф Мутамид приказал отобрать все нефтяные и соляные промыслы у ширванцев и подарил их жителям Дербента, назначив управляющего для сбора налогов[626]. При назначенном халифом правителе Ширвана Мухаммеде Ибн Йазиде управляющий промыслами принимал все что добывалось под расписку, а сам ширваншах и эмиры подписали и скрепили печатью грамоту о передаче всех доходов от соли и нефти (в вакф) воинам Дербента. Грамота была вручена правителю Дербента, и ширваншах из этих доходов «ни на крупинку, ни на динар не польстился»[627]. Центральные власти снабжали газиев хлебом, доставлявшимся из Ширвана. Известно, что при правителе Ширвана Хайсаме б. Мухаммеде «весь урожай свозился в амбары, которые он построил в своей столице, после чего он правильно распределялся среди нуждающихся членов пограничных областей ал-Баба и среди газиев»[628]. Но уменьшение зависимости Дербента от Багдада и превращение его в самостоятельное феодальное владение лишили газиев этого источника существования. Дербентские эмиры не имели возможности, подобно наместникам халифов, содержать столь значительные силы самостоятельно, что привело к отходу этих социальных групп от правителей города. С этого времени начинают меняться и взаимоотношения правителей города с духовенством, тесно связанным с данными военно-религиозными мусульманскими группировками.

В X—начале XIII в. начался новый этап развития Дербента, характеризовавшийся дальнейшим углублением социальных противоречий в его феодальном обществе и острой борьбой с Ширваном за гегемонию на Восточном Кавказе. В борьбе с мятежной знатью города, именуемой в источниках «раисами», дербентские эмиры не могли рассчитывать на мусульманские военно-религиозные группировки, переставшие служить им опорой, или на помощь торгово-ремесленного люда, находившегося под значительным влиянием раисов. Главной опорой их становятся личные телохранители—гуламы, нередко состоявшие из иноверцев-русов. Вмешательство мусульманского Ширвана в дела Дербента и поддержка, оказываемая ширваншахами мятежным раисам, поощрявшим сепаратистские, центробежные тенденции дербентской феодальной знати, заставили дербентских эмиров искать союзов с немусульманскими правителями Северо-Восточного

Кавказа [629], против которых они ранее вели «священную войну за веру». Все это осложняло отношения эмиров с мусульманским духовенством города и создавало нередко конфликтные ситуации между главными «защитниками» ислама и его священнослужителями, заканчивавшиеся порой поражением эмиров. Мы знаем случаи, когда в результате обострения противоречий между духовенством и светской властью эмир был вынужден покинуть город, а мусульманский «проповедник сосредоточил в своих руках все государственные дела» [630].

Иногда мусульманское духовенство диктовало самым жестоким образом дербентским правителям свои условия. Так, мусульманский проповедник Муса ат-Тузи, восстановивший население города против эмира и его телохранителей-русов, «требовал у эмира выдать ему его телохранителей-русов (гуламов), чтобы им был предложен ислам или смерть. Так как эмир ответил отказом, начались беспорядки, и ...дела приняли такой оборот, что эмир был вынужден просить проповедника обеспечить ему безопасность (аман) с условием, что он сдаст ему цитадель, а сам со своими гуламами уйдет в Табарсаран» [631].

Подобной ситуацией нередко пользовалась знать города, стремившаяся с помощью духовенства ослабить власть эмиров и усиленно раздувавшая их недовольство светскими правителями. Городская феодальная верхушка, имевшая и при наместниках халифа большое влияние на решение духовных дел в городе и даже хранившая у себя ключи от «Газаватских ворот» [632] (ворота Баб-ал-Джихад), сумела еще больше его упрочить в X—XII вв.

Мусульманское духовенство Дербента, не нашедшее в этот период ни политической, ни экономической опоры в лице светской власти, было вынуждено ориентироваться на различные группировки городской знати, весьма пестрые по социальному составу и разнохарактерные по своим сословным интересам. Являясь выразителями интересов различных слоев феодальной и торгово-ремесленной знати Дербента, духовное сословие не было едино и находилось под значительным влиянием очень сильных в экономическом и военно-политическом отношении лидеров этих социальных группировок. А. Ю. Якубовский, занимаясь изучением Сарай-Берке, отмечал, что в средневековых городах Востока представители различных социальных группировок знати и ремесленников имели своих идеологических наставников — шейхов [633]. А. Р. Шихсаидов, отмечая упомянутых в «Тарих Баб ал-абваб» «шейхов города» (шуйух ал-белад), предположил, что они были не случайно упомянуты вместе с «а'йан ас-суфуф» и, возможно, речь идет о «шейхах, наставниках дербентского купечества и ремесленников» [634]. Если подобное предположение верно, то своих шейхов должны были иметь и другие слои населения средневекового города.

Огромное влияние мусульманское духовенство оказывало на городские низы Дербента, и здесь особая роль принадлежала

суфийским шейхам и дервишам, являвшимся идеологами торгово-ремесленного люда города.

Дербент в средневековый период был одним из крупных центров суфизма. Рассматривая идеологию суфизма, И. П. Петрушевский отмечал, что «суфийско-дервишские ордена были связаны с ремесленными корпорациями: в проповеди суфиев слышались протест против богатства и роскоши высших классов, идеализация бедности» [635]. Исследования в этой области свидетельствуют, что Дербент не только был одним из очень значительных очагов суфизма на Кавказе, но и оказывал большое влияние на широкое распространение этого течения в Дагестане [636]. До нас дошло одно из интереснейших произведений по суфизму — «Рейхан ал-хакаик ва бустан ад-дакаик», составленное в городе в XI в., где упомянуты имена многих шейхов-суфиев Дербента [637]. На суфийские маджлисы в Дербенте приходили многочисленные ремесленники и мелкие торговцы (продавец бумаги и книг, шелковод, мыловар, рыбак, портной, лекарь и др.) [638], составлявшие основу населения средневекового города. Подобная картина была характерна и для других суфийских центров средневекового Востока, где «на суфийские маджлисы, устраивавшиеся дервишскими шейхами, собиралось много слушателей, большинство которых составляли ремесленники и мелкие торговцы» [639].

Роль дервишских общин в жизни средневековых городов была значительна, и «связь с дервишами облегчала ремесленнику борьбу с крупными предпринимателями и купечеством» [640].

Вероятно, дервишские шейхи составляли одну из самых многочисленных прослоек духовенства города и, являясь беднейшими представителями мусульманских служителей культа, были выразителями идеологии городских низов.

Классовые и внутрисословные противоречия в дербентском обществе

Феодально-клерикальная литература, как и буржуазная историография, старалась умалчивать о народных выступлениях и недовольстве масс. Однако наличие даже в таких источниках некоторых данных о городских восстаниях в Дербенте и острых классовых противоречиях внутри его общества может свидетельствовать о том, что в социальной жизни средневекового города им принадлежало особое место. Классовая борьба в Дербенте, одном из наиболее развитых городов средневекового Дагестана, характеризовалась как выступлением городских низов, так и восстаниями зависимого крестьянства дербентской округи.

Страдая от налогового гнета верховной власти и феодальной знати, разоряемые многочисленными войнами и грабежами, городской люд и крестьяне зависимых земель не раз поднимали восстание против эксплуататоров. Нередко выступления, начавшиеся в городе, перекидывались в сельскую местность, где феодальная эксплуатация зависимых крестьян и издольщиков была

более сильной, чем ремесленников-горожан в самом Дербенте. Так, в период смут в городе в середине X в. «восстали крепости и деревни, принадлежавшие Дербенту»[641].

Крупные волнения вспыхнули в Дербенте в 955—956 гг. в связи с попыткой марзбана Саллара б. Мухаммада увеличить налоговое бремя[642], что в первую очередь, видимо, ударило по городским низам «и вызвало в Дербенте восстание, которое Марзбан ибн Мухаммад усмирил»[643].

Усиление феодального гнета приводило к острому недовольству народных масс средневекового Дербента, выражавшемуся в многочисленных выступлениях городского люда против правителей города. Так, «в 414/1023 году жители ал-Баба изгнали эмира Мансура из своего города»[644], а в 1035 г. население ал-Баба снова «выгнало [своего] эмира Абд ал-Малика»[645]. Позднее городские низы еще неоднократно участвовали в волнениях 1044, 1054, 1065, 1071, 1075 гг.[646] Однако в большинстве случаев политические и экономические выгоды от подобных выступлений извлекали не народные массы, являвшиеся главной движущей силой восстаний, а городская аристократия — раисы, которые в силу своей организованности, экономического могущества и сословных привилегий обычно оказывались у руля управления, а нередко и главными подстрекателями подобных волнений.

Феодальная знать города, выступавшая главной сторонницей ослабления централизованной власти, старалась использовать в борьбе с дербентскими эмирами недовольство ремесленного и торгового люда и организовать выступления этих мощных сил в своих целях. В связи с этим многие выступления горожан во главе с раисами против эмира надо рассматривать не только как борьбу внутри господствующего класса-сословия, но и как проявление выступлений городских низов против высшей феодальной власти. Аналогичные явления были присущи и антикняжеским выступлениям жителей в древнерусских городах, где «непрерывную смену князей в стольных городах» часто считают лишь борьбой внутри господствующего класса и «до сих пор еще не учитывают роли горожан в княжеских усобицах»[647]. Как в средневековых городах Древней Руси «смену князей и междоусобицы» нельзя рассматривать лишь «как проявление борьбы между князьями»[648], так и в Дербенте изгнание раисами очередного эмира не было проявлением борьбы лишь только внутри феодальной верхушки города.

Протест городских масс против гнета феодальной верхушки и торгово-ремесленной знати Дербента нашел отражение и в широком распространении здесь суфизма, проповедывавшего отказ от богатства и роскоши и идеализировавшего бедность и равенство. К. Маркс отмечал, что религиозная окраска «черта, общая для всех восточных движений»[649] и в Дербенте одной из форм социального протеста низов было широкое восприятие суфийских идей.

Однако наряду с классовой борьбой социальное развитие Дербента характеризовалось и обострением противоречий внутри господствующих слоев средневекового города. Эмиры, стремившиеся монополизировать политическую власть в городе и выступавшие ярыми сторонниками централизации, сталкивались с центробежными устремлениями феодальной знати Дербента, пытавшейся всячески ограничить права центра. Эта борьба особенно обострилась с приходом к власти в городе Хашимидов, которые были лишь «первыми среди равных» и поначалу решали все дела «только посоветовавшись с мудрыми стариками ('укала) и начальниками (ру'аса)»[650]. Но попытки феодальной верхушки города свести эмиров до роли послушных марионеток встречали ожесточенное сопротивление последних, что выливалось в острые социальные конфликты, затрагивавшие все слои феодального общества[651].

В связи с острой политической борьбой внутри господствующего класса встает вопрос о том, на какие слои опирались в ней эмиры и раисы. В тех случаях, когда в этой борьбе принимали участие и городские низы, победа доставалась той группировке господствующего класса, которая сумела направить выступление народных масс в выгодное для себя русло и навязать им свои идейные лозунги и социально-экономические требования. В большинстве случаев это были раисы, более тесно связанные с торгово-ремесленным людом и нередко возглавлявшие специализированные ремесленные корпорации и торговые гильдии. Когда раисам удавалось сплотить широкие слои населения города против эмира, правитель терпел поражение, даже несмотря на поддержку наемных отрядов русов[652] и войск соседних феодальных правителей[653]. Но в тех случаях, когда эмирам удавалось отколоть народные массы от раисов, терпели поражение они. В 1064 г. дальновидный и тонкий политик эмир Мансур сумел переманить народные массы Дербента: «жители перешли на сторону эмира и покорились ему», а раисы потерпели поражение[654]. Любопытно, что раисы сейчас же попытались наказать дербентцев сначала с помощью сирирцев, угнавших городское стадо скота[655], а позднее, предательски убив эмира в его поместье, «велели гуламам разграбить город (балад). И в эту же ночь в городе произошло великое бесчинство, о подобном которому никто в этих краях не слыхивал»[656].

Значительную роль в этих ожесточенных столкновениях феодальной верхушки играли гази, служившие в VIII—IX вв. одной из главных военных сил правителей города, но позднее, с приходом к власти Хашимидов, которым было не под силу поддерживать финансами их многочисленные отряды, гази стали отходить от эмиров и больше ориентироваться на раисов.

Судя по данным источников, поддержку эмирам оказывали «купцы из торговых рядов» (а'йан ас-суфуф), нуждавшиеся в сильной централизованной власти[657].

Непосредственно военной силой, на которую опирались как эмиры, так и раисы, были их гуламы, целиком преданные своим господам, а также наемные отряды и войска феодальных

правителей Восточного Кавказа и Дагестана. Эмиры чаще всего использовали в своей борьбе табасаранцев, серирцев, кайтакцев, иногда хазаров и русов [658], а раисы обычно опирались на военную помощь Ширвана [659].

Исследования засвидетельствовали сложную структуру общества средневекового города и острые конфликтные ситуации, характеризующие его социальное развитие, которое было связано с дальнейшим углублением феодальных отношений, обострением классовых и внутрисословных противоречий.

Историческая топография как показатель социального развития Дербента

Социальная структура феодального общества Дербента и его острые внутренние противоречия нашли яркое отражение в исторической топографии города VI—середины XIII в. Определенным показателем социальной стратификации дербентского общества служит четко засвидетельствованная нашими исследованиями структура самого города, отражавшая уровень его социально-экономического развития: двухчастная в раннесредневековый период и трехчастная в средневековый. Раскопки показали, что в сасанидское время цитадель была резиденцией правителя города — иранского наместника (марзпана), местопребыванием его двора, административно-чиновничьего аппарата, воинов, служителей культа. Здесь были обнаружены монументальные дворцовые постройки с помещениями жилого, административного, хозяйственно-бытового и общественного назначения общей площадью свыше 3000 кв. м. Сопоставление дворцового комплекса раннесредневековой цитадели с многочисленными памятниками гражданской архитектуры шахристана показало, что по своей монументальности, сложноплановости, многим конструктивным решениям, разнообразию архитектурных деталей, богатству интерьера и инвентаря он намного превосходит жилище представителей всех остальных слоев города, что подчеркивает особое положение обитателей дворца в социальной структуре Дербента.

По размерам и архитектурному оформлению дворцовые сооружения раннесредневековых правителей Дербента не могут быть пока сопоставлены ни с одним из аналогичных комплексов крупнейших памятников Восточного Кавказа этой поры, что, видимо, надо воспринимать как свидетельство высокого места дербентского правителя в феодальной иерархии региона.

В арабское время цитадель продолжает играть ту же роль в структуре города, что и в раннесредневековый период: она остается резиденцией правителя города. Ни по размерам, ни по богатству оформления и обнаруженного в нем инвентаря дворец правителя города VIII—IX вв. не сопоставим с любым другим гражданским сооружением шахристана. Внушительные размеры и монументальность дворцовых сооружений, сложность

планировки и наличие крупных помещений с квадратными колоннами, сплошь орнаментированных резным штуком, богатство внутреннего убранства и обнаруженных здесь материалов, включающих самую раннюю поливную посуду, дорогие изделия из стекла и металла, оружие, многочисленные импортные предметы и ювелирные украшения свидетельствуют, что, подобно сасанидским наместникам, омайадские и аббасидские правители города стояли на самой высокой ступени иерархической лестницы.

Большие изменения отмечены в топографии цитадели X—середины XIII в. В этот период, как и в более раннее время, цитадель остается резиденцией дербентских эмиров, местопребыванием их двора, личной гвардии, административно-бюрократического аппарата, но дворцовые сооружения переносятся из восточной части цитадели в северо-западную. В этом перемещении дворцовых комплексов правителей Дербента нашла отражение та острая социальная борьба в городе, которая была присуща развитию его феодального общества. Ни сасанидским наместникам, ни арабским правителям не приходилось особенно опасаться угрозы со стороны самого города, от неприятеля же защищенного мощными оборонительными стенами. В противоположность им дербентским эмирам пришлось столкнуться не только с внешними врагами, но и с внутриполитическими противниками, которые стали даже опаснее первых. Именно обострение социальных конфликтов вынудило дербентских эмиров перенести свой дворец в более безопасную с X в. северо-западную часть цитадели и дополнительно укрепить обращенную в сторону города восточную стену. Здесь появляются мощные, далеко вынесенные полукруглые башни, фланкировавшие торцы восточной стены цитадели в местах ее стыка с северной и южной стенами города, а также полукруглая башня, которая дополнительно укрепила восточную стену цитадели от нападения со стороны города. С X в. цитадель выделяется из общей оборонительной системы города и в значительной степени изолируется от него. Дворцы X—XIII вв. отличаются несколько меньшими размерами и монументальностью, чем комплексы правителей города сасанидской и арабской поры, но значительно превосходят жилые дома в городе. Во внешнем оформлении дворцовых комплексов меньше парадности и величия, но интерьер их даже превосходит оформление дворцов сасанидского и арабского времени. Здесь очень много резных архитектурных деталей и украшений, плит с надписями, стены помещений покрывались простой и цветной штукатуркой, резным штуком, штукатуркой с цветной росписью и росписью золотом. Разнообразием и богатством отличаются обнаруженные здесь материалы, включающие прекрасную поливную местную и импортную посуду, богатое оружие, изделия из слоновой кости, китайский фарфор (в том числе большое количество селадона), ближневосточный фаянс, сосуды с люстровой росписью из Рея и Кашана, разнообразные ювелирные украшения и многие другие дорогостоящие предметы.

Изучение исторической топографии цитадели как одной из составных частей структуры средневекового города убедительно свидетельствует, что в местном феодальном обществе на вершине иерархической лестницы находился правитель Дербента, проживавший в отделенной от остального города его части. Цитадель, полностью господствуя над городом, была неотъемлемым составным компонентом его структуры и в то же время несла в себе черты социального развития Дербента феодальной поры. В X—середине XIII в., в период наибольшего развития феодальных отношений и обострения социальных конфликтов в местном обществе, цитадель выступает не только как резиденция правителя и административный центр города, но и как надежное убежище эмиров, совершенно самостоятельная часть дербентской фортификации, своего рода неприступный феодальный замок, способный выдержать осаду со стороны как внешних врагов, так и собственных подданных.

Не менее ярким показателем социального и имущественного расслоения дербентского общества, углубления процессов его феодализации является историческая топография двух других составных частей структуры города — шахристана и рабада.

Шахристан Дербента отличался плановой регулярной застройкой, основу которой составляли симметричные кварталы, начавшие складываться еще в сасанидский период. Здесь были сосредоточены крупнейшие гражданские и культовые сооружения, общественно-торговый центр, дома городской знати. Бóльшая часть выявленных здесь жилых строений уступает по размерам дворцам дербентских эмиров, но превосходит основную массу жилищ города. Крупные дома достигают площади 200—300 кв. м и имеют довольно значительные дворы с хозяйственно-бытовыми и жилыми пристройками.

В качестве строительного материала в подобных домах использовался только тщательно обработанный камень и жженый кирпич, уложенные на известковом растворе. Инвентарь, обнаруженный в этих домах, отличается разнообразием и богатством. Здесь широко встречаются высококачественная местная и привозная поливная керамика, многочисленные предметы и украшения из стекла и кости, дорогое оружие, импортный, в том числе китайский, фарфор и фаянс, прекрасные сосуды с люстровой росписью, ювелирные украшения и другие дорогие предметы. Ряд дорогостоящих импортных изделий, как, например, очень редкие белофаянсовые сосуды из Китая, орнаментированные «цеком» или «краклэ», не встречаются даже во дворцах эмиров. Несомненно, что обитатели подобных домов принадлежали к высшим слоям дербентского общества. По убранству и богатству инвентаря некоторые из этих домов не уступали дворцовым комплексам цитадели и, видимо, являлись жилищами крупных аристократов-раисов типа Муфарриджа б. Музаффара, оспаривавших у эмиров права на политическое и социально-экономическое господство в средневековом Дербенте. В IX—XIII вв.

шахристан Дербента превратился в привилегированную часть города, где в основном обитала дербентская знать с зависимыми от нее людьми.

Рабад составлял самую значительную часть городской структуры Дербента. Он появился у города в VIII—X вв. и продолжал развиваться в X—XIII вв. Основу его застройки также составляли кварталы, но планировка их не отличалась симметричностью, а застройка регулярностью. Кварталы здесь имеют самые различные размеры и очертания, улицы узкие, кривые, с большим количеством тупиков и переулков, столь типичных для планировки средневекового восточного города. Выявленные в рабаде жилые дома отличаются небольшими размерами (до 20—60 кв. м.), очень маленькими двориками (или без них) простотой, а нередко асимметричностью планировки и строительных материалов (в основном бутовый или частично обработанный камень на глиняном растворе), относительной бедностью инвентаря, в котором отсутствуют предметы роскоши, дорогостоящий импорт, высококачественные стекло, керамика, оружие, украшения. Находки многочисленных остатков ремесленного производства: развалов печей, горнов, криц, шлаков, натеков стекла, металла, поливы, бракованных изделий и керамических отвалов, самых разнообразных орудий труда не оставляют сомнений, что основной частью населения шахристана являлся ремесленный люд. Наличие специализированных мастерских, выпускавших, например, только сфероконусы или столовую поливную посуду, свидетельствует о большой специализации ремесленного производства. Тот факт, что остатки отдельных видов ремесла средневекового Дербента группировались в определенных районах рабада, позволяет говорить не только об узкой специализации ремесла, но и о территориальной концентрации его производства по отраслям (керамическое, стеклоделательное, металлообрабатывающее и т. д.). Это дает основание полагать, что, подобно другим крупным городам средневекового Востока и Закавказья, в Дербенте существовали специализированные кварталы ремесленников. Территориальное объединение ремесленников по кварталам наряду с их объединением в профессиональные корпорации дает представление об уровне социального развития средневекового города, организации его ремесленного производства, роли этого слоя населения Дербента в социальной структуре.

Квартальная планировка была характерной чертой многих древних и средневековых городов Переднего и Среднего Востока, Кавказа и других регионов. Подобно им, в феодальном Дербенте кварталы были не только территориальными, но социальными, этноплеменными и административными единицами. Первые сведения о кварталах относятся к началу VIII в., когда Маслама поделил Дербент на четыре квартала и в каждом построил мечеть, т. е. выделил их в особые единицы. Сначала кварталы формировались по этноплеменному признаку, и, согласно данным Балами, расселенные в них арабы «происходили из Дамаска,

Химса, Куфы и ал-Джезиры»[660]. По данным «Дербенд-наме», Маслама разделил город на семь кварталов, «построил в каждом по одной мечети, которые по именам преобладающих в каждой части племен получили название: первая — Хазарской, вторая — Палестинской, третья — Дамасской, четвертая — Хамасской, пятая — Кайзарской, шестая — Джазаир и седьмая — Мосульской»[661]. Как видно из показаний этого источника, в городе уже в тот период существовали не только арабские, но и местные кварталы. По мере социально-экономического развития Дербента кварталы выступают уже не только этно-племенными и территориальными, но и социально-административными единицами. Аналогичная картина характерна для Средней Азии, где «квартал был ячейкой феодального города не только в территориальном отношении. Он являлся административной единицей, с которой имели дело городские власти, действовавшие через старшин кварталов»[662]. «В XI—XV вв. это было характерно для мусульманских городов от Египта до Средней Азии»[663]. Квартальная планировка была типична для дагестанских средневековых аулов[664]. Порой кварталы городов средневекового Востока отделялись друг от друга стенами[665], хотя это было характерно не для всех городов[666]. Дербент не имел стен, разделяющих кварталы, но у него существовали «поперечные стены», выделявшие отдельные части его структуры.

О «средней (поперечной) стене» Дербента «Тарих Баб-ал-абваб» сообщает неоднократно[667] в основном в связи с важнейшими политическими событиями в жизни города, развитие которого в X—XI вв. характеризовалось острыми социальными конфликтами и сословными противоречиями. «Средняя стена» города привлекла особое внимание исследователей тем, что к ее возникновению и функционированию имели отношение две крупные враждующие группировки средневекового Дербента: феодальные правители и городская знать.

Представители двух враждующих партий, одну из которых возглавляли дербентские эмиры, а другую — оспаривавшие у них власть раисы (за ними стояли различные социальные слои города), отмечали свои политические победы разрушением «средней стены». В. Ф. Минорский[668] и некоторые последующие исследователи[669] уже отмечали особую роль этой стены в борьбе различных феодальных группировок за власть в периоды обострения внутренних противоречий в местном городском обществе. Возводя или разрушая ее, противоборствующие группировки пытались добиться определенного военного и политического преимущества[670].

Однако подобное толкование сведений «Тарих Баб ал-абваб» о «средней стене» не объясняет имеющихся в них противоречий. Согласно данным источника, стену разрушали обе противоборствующие группировки — и эмиры и раисы, причем нередко разрушение и строительство следовали одно за другим с незначительными промежутками. Так, после смерти дербентского эмира

Ахмада в 366 г. х. (976 г.) раисы сумели захватить власть в городе и его сын эмир Маймун б. Ахмад б. 'Абд ал-Малик был «заключен в правительственном здании, а жители начали разрушать среднюю (поперечную) стену [города]»[671].

В 378 г. х. (988 г.) эмир Маймун восстановил цитадель Дербента и укрепился в ней с помощью русов, что вызвало недовольство жителей города, которые во главе с гилянским проповедником Мусой ат-Тузи изгнали в 379 г. х. (989 г.) эмира, а «Тузи разрушил среднюю стену и, захватив управление городом, послал приглашение Ширваншаху[672]. Однако, собрав силы, эмир Маймун вернулся в Дербент и в 383/993 г. он отвоевал цитадель у Ширваншаха и разрушил среднюю стену»[673].

Таким образом, в течение 16 лет «средняя стена» была разрушена трижды, причем два раза противниками верховной власти города и один раз самим эмиром. Факты разрушения «средней стены» отмечены и в другие периоды[674].

Подобные сообщения источника стали объяснимы лишь в свете широких археологических раскопок в Дербенте, в результате которых были обнаружены две поперечные стены города X—XI вв.[675]

Стараясь уничтожить эти поперечные стены, каждая из враждующих группировок преследовала свои военные и политические цели. Так, разрушая нижнюю поперечную стену, эмиры лишали обитателей верхней привилегированной части города (раисов и их приближенных) территориальной обособленности от городского люда, обитавшего в нижней части Дербента и нередко выступавшего на стороне эмиров. Кроме того, верхний город становился более доступным для войск союзных дербентским эмирам правителей прикаспийского Дагестана (через ворота Кирхляр-капы) и терял возможность бесконтрольного общения с Ширваном (через ворота Орта-капы), который активно вмешивался в этот период в дела Дербента и поддерживал антиправительственные настроения местной феодальной знати.

Уничтожение верхней стены ослабляло оборону цитадели, способствовало ее изоляции от союзников в самом городе и за его пределами. Однако поперечным стенам Дербента принадлежала более важная роль в истории города, чем это можно было предположить исходя из данных «Тарих Баб ал-абваб». Было установлено, что появление пеперечных стен было не только свидетельством обострения социальных противоречий в дербентском феодальном обществе, но и отражением основных процессов социально-экономического развития города и формирования его структуры. Поперечная стена, проходившая в районе Джума-мечети, расположение которой заставило В. Ф. Минорского усомниться в правильности своего перевода одной фразы источника, делила город на две части: верхнюю — привилегированную и нижнюю — торгово-ремесленную.

Территориальное сопоставление этих двух частей феодального Дербента показало, что шахристан занимал площадь около 26—

27 га, а рабад около 130 га, т. е. около $^5/_6$ территории города. Проведенные нами подсчеты количества населения Дербента[676] в период его наибольшего расцвета, в X—начале XIII в., свидетельствуют, что подобное соотношение площади шахристана и рабада заключало в себе и определенную социальную характеристику дербентского феодального общества. Сначала для сравнения нами были проведены подсчеты населения позднефеодального Дербента, для чего были использованы планы города начала XVIII—первой половины XIX в. (т. е. когда его планировка не претерпела еще изменений, произведенных впоследствии русской военной администрацией). В это время площадь обживаемой части Дербента составляла около 45—50 га и на этой территории, согласно данным источников, имелось 2189 жилых домов, 15 мечетей, армянская церковь, 6 караван-сараев, 500 лавок, монетный двор, 30 шелковых и 115 хлопчатобумажных мастерских[677]. Таким образом, на 1 га застроенной территории города приходилось 44 домовладения средней площадью 227 кв. м (сюда вошел определенный процент незастроенной территории и площадь нежилых помещений). Средняя численность семьи в средневековую эпоху для Европы и мусульманских стран Востока составляла, согласно многочисленным данным советских и зарубежных исследователей, 6 человек, что позволило вычислить плотность населения на 1 га обживаемой территории позднефеодального Дербента — 264 человека. Общее количество его обитателей, согласно этим расчетам, составляло в указанный период 13 200 человек. Сопоставив эти данные с материалами переписи населения Дербента в 1824 г., когда в городе имелось 1818 домов и проживало 11 060 жителей[678], мы пришли к выводу, что примененный метод подсчета дает результаты, полностью соответствующие действительности, и приводит к верным выводам.

Зная площадь застройки шахристана и рабада города X—XIII вв. и размеры одного домовладения (без учета незастроенной территории и нежилых строений) — около 200—400 кв. м для шахристана и около 40—140 кв. м в рабаде[679], можно сделать приблизительные подсчеты количества обитателей в них. В шахристане могло быть около 900 домов (с приблизительной средней площадью домовладения около 300 кв. м), т. е. около 5 тыс. человек, а в рабаде около 13 тыс. домовладений (с приблизительной средней площадью 100 кв. м), т. е. около 78 тыс. человек. Если учесть, что в городе заселена не вся территория (проезжая часть улиц и площадей, нежилые строения) и уменьшить количество домов на 20%, как это делает О. Г. Большаков для феодальных городов Средней Азии[680], то, следовательно, население шахристана могло составить около 4,5 тыс. человек, а рабада — 62—63 тыс. человек. Однако надо учитывать, что в рабаде выявлены также дома, площадь которых не превышает 20—40 кв. м, и дома без двориков. Кроме того, в домах дербентской знати, помимо семьи, жили зависимые люди (возможно, и рабы), а эмир имел двор, личную гвардию, зависимых людей, какой-то процент населения составляло духовенство (дервиши, шейхи, кадии, ученики медресе). Все это позволяет оценивать общее количество населения феодального Дербента в период расцвета города примерно в 70—80 тыс. с возможным отклонением в ту или другую сторону на 15—20%.

Приведенные подсчеты наглядно свидетельствуют о социальном составе дербентского феодального общества, основу которого, как и в большинстве городов средневекового Востока, составлял торгово-ремесленный люд. Таким образом, историческая топография средневекового Дербента является ярким показателем внутренней структуры и классового состава феодального общества города, его социальной дифференциации и имущественного неравенства, свидетельствующих о высоком уровне развития феодальных отношений.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историко-археологическое изучение Дербента феодальной поры позволило проследить сложный процесс формирования крупного средневекового города Дагестана и выявить его историческое место среди аналогичных памятников Кавказа и всего средневекового Востока.

Особый военно-политический статус и определенная специфика планировки Дербента, выделявшие его среди других городов сасанидского Ирана и Арабского халифата, дали основание многим авторитетным специалистам видеть в нем лишь мощную крепость на северных границах крупнейших государств средневекового Востока, наиболее значительную из «длинных стен» Кавказа, имевшую существенные отличия от феодальных городов этого и соседних регионов.

Подобные предположения, базировавшиеся в основном на данных письменных источников, способствовали тому, что Дербент до последнего времени считался памятником с уникальной структурой и топографией, к которому понятие «город» прилагалось лишь после X в.

Однако комплексное изучение Дербента позволило установить, что существующее в исторической литературе мнение об особом пути его развития и сложении исторической топографии города не соответствует действительности.

Дербент, древнейшие этапы существования которого связаны еще с эпохой ранней бронзы, как крупный укрепленный пункт в одном из важных мест Прикаспийского пути возник в конце VIII — начале VII в. до н. э. и прошел сложный путь развития, во многом типичный для ряда феодальных городов Дагестана и Азербайджана.

Археологическое исследование позволило выявить, что более чем за тысячу лет до проникновения в район Каспийского прохода Сасанидов и возведения ими здесь первых укреплений на дербентском холме уже была мощная крепость, план которой лег в основу топографии цитадели Дербента феодальной поры. Таким образом, планировка одной из важнейших частей структуры феодального города начала складываться еще в древний период на базе укреплений, возведенных местным дагестанским населением, тесно связанным с обитателями других районов Дагестана и Северного Азербайджана едиными этнокультурными традициями.

Планировка других составных частей структуры феодального города (шахристана и рабада) была определена военно-стратегическим назначением его стен, сплошь перекрывших узкую полосу прохода от цитадели на вершине холма до моря. На первом этапе сасанидского строительства (439—451 гг.) это была мощная сырцовая стена, первая «длинная стена» в системе сасанидских укреплений на Восточном Кавказе, а на втором — грандиозный оборонительный комплекс из камня, заменивший сырцовую фортификацию города.

Раскопки показали, что структура и динамика развития Дербента были характерны для целого ряда наиболее значительных феодальных городов Северо-Восточного и Восточного Кавказа и составляют весьма близкие параллели с городами средневекового Востока. Было установлено, что Дербент, как и большинство домусульманских раннесредневековых городов Кавказа, Переднего и Среднего Востока, ряда других регионов, в VI — начале VIII в. имел в своей структуре две четко выделенные составные части — цитадель и шахристан. В раннесредневековый период цитадель (площадь около 4,5 га) служит резиденцией сасанидского правителя (марзпана), военно-административным центром города, где были сосредоточены военные силы персов, административно-чиновничий аппарат, иранское духовенство, а также дворцовые и культовые постройки.

Шахристан, отличавшийся регулярной квартальной застройкой и значительными размерами (площадь около 26—27 га), являлся основной частью города, где проживало большинство гражданского населения (в значительной мере неиранского) и было сосредоточено его ремесленное производство. Сравнение обживаемой территории Дербента VI — начала VIII в. с площадью известных городищ Кавказа и Средней Азии этого периода показало, что по своим размерам он не уступал крупным раннесредневековым городам этих регионов. В VIII—X вв. в связи с расцветом международной торговли в Прикаспии и экономическим подъемом Дербента, он превращается в один из крупнейших городов Кавказа. В этот период в структуре города появляется третья составная часть — рабад, получивший наибольшее развитие в X — начале XIII в.

В рабаде города проживала основная часть населения Дербента — его торгово-ремесленный люд — и было сосредоточено ремесленное производство. Дома здесь отличаются небольшими размерами, простотой строительного материала, относительно небогатым инвентарем. Главной отличительной особенностью исторической топографии Дербента VIII — XIII вв. является формирование его рабада не за пределами городских стен, как в большинстве городов средневекового Востока, а на территории межстенного пространства.

Крупные средневековые города Дагестана, как и Дербент, возникли в большинстве своем на месте древних населенных пунктов скифского и албанского времени, расположенных на

важнейших транскавказских и внутридагестанских коммуникациях. Выявленные для Дербента закономерности и этапы сложения исторической топографии во многом характерны для целого ряда наиболее значительных городов средневекового Дагестана.

Изучение средневековых памятников Дагестана показало, что основная масса городищ — остатков небольших и средних по размерам городов — группировалась в предгорной полосе и на приморской равнине вдоль каньонов рек и ущелий, где пролегали, как правило, внутридагестанские коммуникации. Наиболее крупные городища располагались в стратегически важных местах Прикаспийского пути, в узких проходах, у переправ, у разломов предгорных хребтов, в местах пересечения местных и международных средневековых трасс. В настоящее время, исходя из закономерностей сложения городской структуры и топографии, можно говорить о трех типах дагестанского средневекового города. Два первых, представленные остатками крупных (до 150 га), средних (до 40—50 га) и мелких (до 10—12 га) городищ, характерны в основном для плоскостных и предгорных территорий Дагестана и несут в себе черты городской структуры, застройки и социально-экономического развития характерные для средневековых городов Кавказа и соседних регионов. Третий тип, выявленный в Горном Дагестане, охарактеризован исследователями как поселения городского типа и пока еще недостаточно изучен.

Сказанное позволяет выделить в настоящее время два основных типа средневекового дагестанского города, имеющие принципиальные отличия в путях их сложения.

Города первого типа возникли как крупные опорные пункты в стратегически важных местах известной военной и торговой трассы древнего и средневекового мира — Прикаспийском пути. Все они, согласно имеющимся в настоящее время данным, являются крупнейшими памятниками сасанидского фортификационного строительства на Восточном Кавказе и появились в период наибольшей иранской экспансии в Западном Прикаспии, в конце IV — начале VII в.

Эти памятники характеризуются значительными размерами, четко прослеживаемой городской структурой, регулярной планировкой и застройкой, а также развитой системой оборонительных сооружений, включающих мощные укрепленные башнями стены из камня и сырцового кирпича толщиной от 3 до 8 м или глинобитные валы толщиной 10—12 м со рвами шириной 20—25 м.

Города первого типа представлены наиболее крупными по размерам городищами, площадью до 100—150 га, что может свидетельствовать о их величине, значительно превосходящей второй тип дагестанских средневековых городов.

Остатками этих крупных дагестанских городов являются Арменкалинское, Топрахкалинское, Махачкалинское городища и Дербент. Все они расположены в важнейших местах Прикаспийского пути и контролировали его в главных стратегических

пунктах: у известной переправы в устье р. Самур, у р. Рубас, в узких проходах (Дербентском, Махачкалинском), где горы ближе всего подходят к морю.

В основе появления этих городов лежали причины военного характера, поэтому они были возведены как единовременные сооружения с правильной, геометрической планировкой и четкой структурой, включавшей в себя цитадель и межстенную территорию шахристана. Планировка и очертание стен этих городов определены их военно-стратегическим назначением и максимально приспособлены к рельефу местности, но опираются они на известные фортификационные и градостроительные традиции Переднего и Среднего Востока. Уже в первоначальной планировке этих памятников лежат основы дальнейшего формирования исторической топографии города и динамики его развития, заложены городская структура и размеры основных частей города — шахристана и цитадели, определены его ядро и направление территориального роста. Первоначальная застройка подобных памятников отличается плановостью. В цитадели это крупные архитектурные комплексы, являвшиеся ее основой, а в шахристане — регулярная квартальная застройка с развитой уличной сетью, составляющая его ядро, от которого шло дальнейшее территориальное развитие города.

Наличие очень больших межстенных территорий позволяло подобным городам свободно расти и развиваться в пределах этого пространства. Они, в отличие от многих крупных средневековых городов Кавказа, Переднего и Среднего Востока и других регионов не имели больших обживаемых территорий за городскими стенами, т. е. здесь отсутствовали столь характерные для эпохи средневековья торгово-ремесленные пригороды, а рабады (посады) как социально-экономическая часть города выделились в пределах межстенного пространства.

Развитие ремесла и торговли, особенно расцвет международного товарооборота по Прикаспийскому пути, способствовало подъему и быстрому возвышению этих городов, занимавших важнейшее положение на прикаспийской торговой трассе, и превращению их в крупные торгово-ремесленные и политические центры Дагестана и всего Восточного Кавказа.

Города второго типа представлены среди памятников Дагестана феодальной поры значительно шире. В настоящее время известно более тридцати городищ в плоскостных и предгорных районах Дагестана, которые можно сопоставить с этим типом средневековых городов.

Эти города отличались относительно небольшими размерами, и остатки их представлены в основном мелкими и средними городищами, расположенными, как уже отмечалось, на внутридагестанских коммуникациях или в местах пересечения последних с Прикаспийским путем.

Отличительной особенностью подобных городов были иррегулярная планировка, разнохарактерная застройка, максимальная

приспособленность к рельефу, разновременность в формировании отдельных частей городской структуры.

Города второго типа складывались постепенно, без единого плана, с бессистемной внутренней планировкой и с разновременным характером застройки. Эти города возникали, как правило, на месте древних населенных пунктов, лежащих вдоль Прикаспийского пути, на базе укреплений, контролировавших важные внутридагестанские коммуникации, или складывались около феодальных замков, резиденций местных феодальных правителей, ремесленных центров. Остатками средневековых городов, возникших на базе древних населенных пунктов, лежавших вдоль Прикаспийского пути, можно считать Мамедкалинское, Эскиюртовское, Чакавуркентское, Ленинкентское, Урцекское, Гурджиюртовское городища и др. Нетрудно заметить, что все они расположены по кромке предгорий вдоль Прикаспийского пути между крупнейшими городами средневекового Дагестана — Дербентом и Семендером. На всем этом значительном расстоянии, достигавшем, по данным средневековых авторов, четырех дневных переходов, не было городов, характерных для первого типа, но вдоль всей этой торговой трассы создавался другой тип дагестанского средневекового города.

Целый ряд городов второго типа сложился на основе укрепленных пунктов, расположенных в стратегически важных местах внутридагестанских коммуникаций. К остаткам таких городов можно отнести городища: Ашагаярагское, Сабновинское (Кяфирский пост), Турпагкалинское, Какашуринское, Шамшахарское, Аркасское, Усемикентское (Гур-Бет), Сигитминское и др.

Исследования показали, что небольшие средневековые города возникали и у феодальных замков, которые затем входили в структуру города и превращались в одну из составных ее частей — цитадель. К остаткам подобных городов можно отнести Музаимское, Араблинское, Эвлерхантепинское городища.

В небольшие города превращались порой резиденции местных феодальных правителей или ремесленные центры, с остатками которых, например, могут быть сопоставлены городище Таргу, развалины Кала-Корейша или населенные пункты типа Кумуха, Кубачи и Хунзаха, отождествляемого со столицей Серира городом Хумраджем.

В отличие от первых городов, возникших как крупные фортификационные сооружения на Прикаспийском пути, у городов второго типа сначала складывались древнее ядро и территория застройки, а потом уже формировались городская структура, планировка и система оборонительных стен.

Пути формирования обоих типов средневекового дагестанского города не являлись специфичными только для данной территории и находят себе широкие аналоги среди памятников Восточного Кавказа. Так же как в Дагестане, города первого типа представлены на Восточном Кавказе остатками крупных городищ, возникших здесь как памятники фортификационного строительства. К числу их можно отнести городища у горы Бешбармак и на реке Гильгин-чай, развалины средневекового города Шабирана. Их планировка, как и Дербента, была подчинена военно-стратегическим целям и отличалась регулярностью, единовременностью и внушительной монументальностью. В ней заложены городская структура и основы развития исторической топографии этих городов. Остатки средневекового города у Бешбармака и развалины Шабирана имеют не только сходный с Дербентом путь формирования исторической топографии, но и полностью аналогичны с ним по планировке, что еще больше сближает их между собой.

Все это позволяет говорить, что сходный с Дербентом путь складывания исторической топографии прошел целый ряд крупных городов Восточного и Северо-Восточного Кавказа и в средневековый период подобные города составляли особую группу наиболее значительных памятников в Западном Прикаспии.

В отличие от многих средневековых городов Передней и Средней Азии, Кавказа, Восточной Европы Дербент не имел крупных обживаемых территорий за городскими стенами, где обычно формировался торгово-ремесленный пригород — рабад и куда постепенно смещалась торгово-экономическая и культурно-общественная жизнь феодального города. В Дербенте эта часть городской структуры сформировалась внутри межстенного пространства и была отделена от шахристана мощной поперечной стеной. Шахристан феодального Дербента не потерял своего значения, напротив, здесь в средневековое время сложился общественно-торговый и культурный центр города и сюда из цитадели даже переместился ряд административных ведомств. Шахристан VIII — середины XIII в. сохранил в основных чертах территориальные границы раннесредневекового города и его ядро с регулярной квартальной застройкой. Остальная часть территории Дербента превратилась в своеобразный рабад, сложившийся внутри межстенного пространства от Джума-мечети до моря. В этом заключалась главная специфика формирования городской структуры средневекового Дербента. Однако по своей социально-экономической сущности, размерам и территориальному развитию рабад Дербента полностью соответствовал этой части городской структуры многих других крупных средневековых городов Кавказа и соседних регионов. Выявленная в процессе исследований узкая специализация и территориальная концентрация ремесленного производства в рабаде города сближает в этом плане Дербент с основной массой крупных средневековых городов Востока, Кавказа, Средней Азии, Древней Руси, такими, как Кабала, Байлакан, Шемаха, Ани, Двин, Дамаск, Самарра, Алеппо, Мерв, Самарканд, Бухара, Новгород.

Все это позволяет считать Дербент памятником с характерной для развитых кавказских и восточных городов структурой, для которых было типично двухчастное деление в раннесредневековый период и трехчастное в средневековый.

Сасанидские цари и арабские халифы приложили много сил и стараний для превращения Дербента в крупнейший военно-политический и идеологический центр Кавказа, но не их деятельность составила основу быстрого возвышения его в средневековый период и превращения в один из наиболее значительных феодальных городов региона. Широкое развитие международной торговой деятельности в Прикаспии в IX—X вв. и расцвет морской торговли были одной из главных причин его возвышения и роста экономического могущества. Располагаясь в важнейшем месте Прикаспийского пути, обладая просторной, хорошо защищенной гаванью и мощными стенами, Дербент быстро превратился в главный центр морской и сухопутной торговли в Прикаспии и в один из известных международных рынков на всем средневековом Востоке и в Восточной Европе. Находясь на границе двух миров, Дербент был местом их активного соприкосновения и извлекал из этого большие выгоды, и прежде всего от международного товарообмена.

Дербент в значительной степени вошел в ареал распространения единой культуры, сложившейся в средневековый период на мусульманском Востоке, именуемой В. В. Бартольдом культурой «мусульманского мира», и являлся одним из крупных социально-экономических и культурно-идеологических центров этого мира. В то же время город находился на северной границе ареала распространения этой культуры и являлся последним крупным очагом ее на Восточном Кавказе и в Прикаспии, связующим звеном Закавказья и Северного Кавказа. В силу этого Дербент оказывал значительное воздействие на развитие средневековых городов и поселений всего Дагестана, выступая главным центром распространения ближневосточных культурных традиций. Однако он не был инородным восточным городом в местной дагестанской среде. Исследование материальной и духовной культуры обитателей Дербента и сопредельных территорий Дагестана показало, что в средневековый период здесь складывались общие этнокультурные традиции, основанные на неразрывной слитности передовых достижений Востока и местной дагестанской культуры.

Одной из особенностей Дербента была его квартальная система, зафиксированная источниками еще для города первой половины VIII в. Кварталы (кисм) в Дербенте, как и на всем мусульманском Востоке и Кавказе, например, в Дамаске, Алеппо, Самарре, Багдаде, Мерве, Бухаре, Ани, Байлакане, были не только территориальными, но и социальными и административными единицами. Квартальная система по этносоциальным признакам была свойственна, видимо, основной части крупных городов и поселений средневекового Дагестана и сохранилась в современной топографии и топонимике дагестанских аулов.

В результате историко-археологического изучения Дербент предстает как крупный феодальный город с развитой социальной структурой, сложной стратификацией местного общества, острыми классовыми и внутрисословными противоречиями. Из всех городов Дагестана Дербент, несомненно, имел наиболее сложную социальную структуру и зрелые общественные отношения с далеко зашедшими процессами феодализации. Уже в VI—VII вв. мы можем характеризовать дербентское общество как раннефеодальное, с развитой иерархией и социально-экономическими институтами. В период VI—XIII вв. свободный ремесленник и мелкий торговец стали главными фигурами местного феодального общества, основой его городского населения. В этом плане Дербент значительно отличается от большинства средневековых городов Дагестана, не достигших на данном этапе столь высокого уровня социального развития. В XI—середине XIII в. по своему социальному устройству Дербент имел значительные отличия от ряда средневековых городов Востока и больше походил на развитые торговые центры Европы. Экономическая мощь феодальной верхушки города и особенности социально-экономического развития Дербента привели к значительному политическому усилению городской аристократии и способствовали ослаблению центральной власти, усилению центробежных стремлений, возникновению острых внутрисословных противоречий. Дербентские эмиры, не обладая престижем и правами восточных владык, были лишь «первыми среди равных».

Таким образом, на примере Дербента впервые показаны пути и закономерности развития феодальных городов Дагестана, уровень их социально-экономического развития и историческое место в регионе.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

[1] Подробнее об этом см.: *Крачковский И. Ю.* Арабская географическая литература // Соч. М.; Л., 1957. Т. 4.

[2] Описание стратиграфических исследований, анализ и датировка обширных археологических материалов даны в полевых отчетах экспедиций за 1971—1988 гг., в статьях и монографиях автора.

[3] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 3.

[4] *Ashtor-Strauss E.* L'administration urbaine en Syrie medievale // RSO. Roma, 1956. Vol. XXXI; *Grünebaum G.* Die Islamische Stadt. Saeculum. 1955. Vol. VI; *Cahen C.* Mouvements populaires et autonomisme urbaine dans l'Asie musulman au Moyen Age // Arabica. Leiden, 1958—1959. Vol. V—VI; *Ashtor-Strauss E.* Quelques indications sur les revenues dans la Syrie medievale // Arabica. 1959. Vol. VIII; *Russel J.* Late Ancient and Medieval Population // Transactions of the Amer. Philosoph. Soc. Philadelphie, 1958. Vol. 48, pt. 3; *Mumford L.* The City in History. N. Y., 1961; *Bosworth C. E.* The Ghaznavids. Edinburgh, 1963; *Haurani A. H., Stern S. M.* Papes on Islamic History // The Islamic City: A Colloquium. Oxford, 1970; *Lassner J.* The Topography of Baghdad in the Middle Ages. Detroit, 1970, *Brown C.* From Medina to Metropolis. Princeton, 1973.

[5] *Lapidus J. M.* Muslim Cities in the Later Middle Ages. Cambridge, 1967; *Sourdel J.* and *D.* La Civilisation de l'Islam classique. P., 1968.

[6] *Lapidus J. M.* Muslim Cities and Islamic Societies // Middle Eastern Cities. Berkly, Los Angeles, 1969; *Idem.* The Evolution of Muslim Urban Society // Comparative Studies in Society and History. 1973. Vol. 15; *Bulliet R.* The Patricians of Nishapur. Cambridge, 1973.

[7] *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1; Очерки истории Дагестана. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 33—35.

Глава первая

[1] Подробнее о легендарных версиях возникновения Дербента см.: *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. М., 1982. С. 14—23.

[2] Там же.

[3] *Геродот.* История. I, 106.

[4] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 30.

[5] *Геродот.* История. III, 97.

[6] *Афинэй.* Обед софистов. XII, 36.

[7] *Кудрявцев А. А.* О новой хронологии древнего Дербента // СА. 1982. № 4. С. 165; *Он же.* Древний Дербент. С. 30—31; *Он же.* Новые археологические материалы по истории древнего Дербента // Задачи советской археологии в свете решений XXVII съезда КПСС. М., 1987. С. 137.

[8] *Кудрявцев А. А.* Работы Дербентской экспедиции // АО, 1976. М., 1977. С. 106.

[9] *Кудрявцев А. А.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 48—49; *Он же.* Первые исследования досасанидского Дербента // Древние памятники Северо-Восточного Кавказа. Махачкала, 1977. С. 134; *Он же.* О новой хронологии... С. 177.

[10] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 55—65; *Он же.* Первые исследования... С. 137—146; *Он же.* Древний Дербент. С. 36—39.

[11] *Геродот.* История. I. 103—106.

[12] *Кудрявцев А. А.* О новой хронологии... С. 169; *Он же.* Древний Дербент. С. 42.

[13] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 102—103.

[14] *Дьяконов И. М.* Ассиро-вавилонские источники по истории Урарту // ВДИ. 1951. № 2/3. № 65.

[15] *Иессен А. А.* Поселение Уч-тепе // МИА. 1965. № 125. С. 126.

[16] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164.

[17] *Ковалевский С. А.* Карта Птолемея в свете исторической географии Прикаспия // Изв. Всесоюз. геогр. о-ва. 1952. Т. 85, вып. 1. С. 33—34; *Кудрявцев А. А.* Город... С. 138; *Он же.* Древний Дербент. С. 60—62.

[18] *Патканьян К.* Опыт истории династии Сасанидов // Тр. ВОРАО. СПб., 1869. Ч. XIV. С. 12—13.

[19] Там же. С. 20—21.

[20] Накш-и Рустамская надпись Картира на «Ка'бе Зороастра», KZ и KKZ. Цит. по: *Луконин В. Г.* Культура сасанидского Ирана. М., 1969. С. 87—88. Перевод этой надписи Картира, приводимый Р. Фраем, отличается от цитируемого очень незначительно, и в нем сообщается, что «страну Армению, Грузию, Албанию и Баласаган, вплоть до Албанских ворот, Шапур, царь царей, со своими конями и людьми разграбил, сжег, опустошил». Р. Фрай отмечает, что «название Баласаган прилагалось к побережью Каспийского моря к югу от Дербента, включая Муганскую степь» (*Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. Примеч. 23).

[21] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 34—35, 73; *Он же.* Древний Дербент. С. 67.

[22] *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 132—134.

[23] *Флавий Вописк.* Божественный Аврелиан. Гл. 41.

[24] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 62—76; *Он же.* Первое исследование... С. 142—146; *Он же.* Древний Дербент. С. 68—71.

[25] *Аммиан Марцеллин.* История // ВДИ. 1949. № 3. С. 306.

[26] Армянская география VII в., приписываемая Моисею Хоренскому / Пер. К. П. Патканова. СПб., 1887. С. 38.

[27] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 164.

[28] *Клавдий Эллиан.* О животных. // ВДИ. 1949. № 4. С. 255—256.

[29] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 32—33; *Он же.* Древний Дербент. С. 76—96.

[30] В исторической литературе существует мнение о наличии в Прикаспии еще одной «длинной стены» — Рубасской, что не нашло, однако, подтверждения при исследованиях. См.: *Кудрявцев А. А.* «Длинные стены» на Восточном Кавказе // ВИ. 1979. № 11. С. 31—43.

[31] *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье // ПИМК. 1933. № 9/10. С. 44—47; *Еремян С. Т.* Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов // Изв. Арм. ФАН СССР. 1941. № 7 (12). С. 33—40; Очерки истории СССР III—IX вв. М., 1958.

[32] *Тревер К. В.* Очерки по истории... С. 277, 278.

[33] *Артамонов М. И.* Древний Дербент // СА. 1946. VIII. С. 135, 137; *Он же.* История хазар. Л., 1962. С. 122.

[34] *Еремян С. Т.* Указ. соч. С. 33—40; Очерки истории СССР III—IX вв. С. 316—317.

[35] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 82—90; *Он же.* О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978. № 3. С. 246—251.

[36] *Хан-Магомедов С. О.* Башни и стены Дербентской крепости // АН. 1964. № 17. С. 122—123.

[37] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 83; *Он же.* О датировке... С. 247.

[38] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 83—85; *Он же.* О датировке... С. 247—250.

[39] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 87—91; *Он же.* О датировке... С. 252—257.

[40] *Егише.* О Вардане и войне армянской / Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971. С. 53.

[41] История Егише вардапета / Пер. П. Шаншиева. Тифлис, 1853. С. 70.

[42] *Егише.* О Вардане и войне... С. 31.

[43] Там же. С. 79.

[44] Там же. С. 118.

[45] История агван Моисея Каганкатваци / Пер. К. Патканова. СПб., 1861. С. 88.

[46] *Лазар Парпеци.* История Армении. Тифлис, 1904. С. 66. На арм. яз. Цит. по: *Тревер К. В.* Очерки по истории... С. 209.

[47] *Тревер К. В.* Очерки по истории... С. 209.
[48] История армянского народа. Ереван, 1951. Ч. 1/Под ред. Б. Н. Аракеляна, А. Р. Иоаннесяна. С. 86; *Еремян С. Т.* Народно-освободительная война армян против персов // ВДИ. 1951. № 4. С. 55; Очерки истории СССР. III—IX вв. С. 201.
[49] *Тревер К. В.* Очерки по истории... С. 209, 269, 271.
[50] Там же. С. 209.
[51] Там же. С. 209, 271.
[52] *Langlois V.* Fragmenta historicorum graecorum. P., 1870. T. V. P. 180; *Лазар Парпеци.* История Армении. С. 66; История Армении Моисея Хоренского/Пер. Н. О. Эмина. М., 1893. С. 113, 144—151; История Егише Вардапета. С. 13, 70; *Егише.* О Вардане и войне... С. 53, 118; История епископа Себеоса/Пер. Ст. Малхастянца. Ереван, 1939. С. 30, 121; Армянская география VII в. ... С. 38; *Пигулевская Н.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 82—85; *Приск Панийский.* Готская история. IV, 37.
[53] История Армении Моисея Хоренского. С. 151.
[54] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 33—68; *Он же.* Древний Дербент. С. 56—64, 81—84.
[55] Там же.
[56] История Дагестана. Т. 1. С. 122.
[57] *Дьяконов М. М.* Очерки истории древнего Ирана. М., 1961. С. 277.
[58] Там же.
[59] *Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей // Пер. и коммент. Г. В. Цулая. М., 1979. С. 81.
[60] Там же. С. 89.
[61] *Козубский Е. И.* История города Дербента. Темир-Хан-Шура, 1906. С. 13.
[62] *Пигулевская Н.* Сирийские источники... С. 67.
[63] Там же.
[64] Из «Тарихи ал-Камиль» (Полного свода истории) Ибн ал-Асира/Пер. А. Жузе. Баку, 1940. С. 9.
[65] *Якуби.* История/Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 5—6.
[66] *Артамонов М. И.* Древний Дербент. С. 137.
[67] *Хан-Магомедов С. О.* Башни и стены... С. 125; *Кудрявцев А. А.* Город... С. 103—104.
[68] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 103.
[69] *Ат-Табари.* История пророков и царей/Пер. А. Р. Шихсаидов. Махачкала, 1971 // РФ ИИЯЛ. № 4803. С. 12.
[70] *Фрай Р.* Наследие Ирана. С. 308.
[71] *Ибн Ал-Факих.* Книга о странах/Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1902. XXXI. С. 23; *Якуби.* История. С. 6; *Мас'уди.* Россыпи золота/Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История... С. 189—190; *Ал-Истахри.* Книга путей и царств/Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1901. XXIX. С. 11; *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений для познания климатов/Пер. Н. А. Караулова // Там же. 1908. XXXVIII. С. 9.
[72] *Баладзори.* Книга завоеваний стран/Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 7; *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 11; *Хилаль ас-Саби.* Вузара. С. 217.
[73] *Бартольд В. В.* Дербент // Соч. М., 1965. Т. 1, ч. 3. С. 419—430; *Он же.* Новое известие о стенах Дербента // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 788; *Пахомов Е. А.* Крупнейшие памятники... С. 37—47; *Спасский П.* Дербентские укрепления. Баку, 1929; *Бакланов И. Б.* Архитектурные памятники Дагестана. Л., 1935; *Артамонов М. И.* Древний Дербент. С. 121—144; *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. М., 1959; *Он же.* Башни и стены... С. 121—146; *Он же.* Раннесредневековая горная стена в Дагестане // СА. 1966. № 1. С. 234; *Тревер К. В.* Очерки по истории... С. 274—287.
[74] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 82—117; *Он же.* Древний Дербент. С. 72—105.
[75] *Кудрявцев А. А., Гусев С. В., Новоселов А. С.* Изучение «морских» стен и средневекового порта Дербента // Тез. докл. науч. сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1984—85 гг. Махачкала, 1986. С. 8.
[76] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* и др. Исследования в Дербенте // АО, 1977 г. М., 1978. С. 125—126; *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. С. 103.

[77] Там же.
[78] *Пахомов Е. А.* Пехлевийские надписи Дербента. Баку, 1929. С. 3—22; *Он же.* К толкованию пехлевийских надписей Дербента // Изв. АзНИИ. Баку, 1930. Т. 1, вып. 2. С. 13—16.
[79] Очерки истории СССР III—IX вв. С. 316—317; *Дьяконов М. М.* Очерки истории... С. 314; *Тревер К. В.* Очерки по истории... С. 346—353; *Минорский В. Ф.* История... С. 121, примеч. 36.
[80] *Дьяконов М. М.* Очерки истории... С. 314; *Минорский В. Ф.* История... С. 121.
[81] *Ниберг Г. С.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербента. Баку, 1929. С. 23—33.
[82] Приношу глубокую благодарность В. Г. Луконину и М. Н. Боголюбову за возможность ознакомиться с новыми материалами.
[83] *Кудрявцев А. А.* О датировке... С. 256—257; *Он же.* Древний Дербент. С. 93—95.
[84] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 132.
[85] *Ат-Табари.* История пророков и царей. С. 39.
[86] *Дорн Б.* Известия о хазарах восточного историка Табари/Пер. П. Тяжелова // ЖМНП. 1844. Ч. XIII, № 7/8. С. 11—12.
[87] *Ат-Табари.* История... С. 21.
[88] Там же. С. 22.
[89] История агван... С. 261.
[90] *Баладзори.* Книга завоевания стран... С. 18.
[91] Там же.
[92] Там же.
[93] *Наршахи Ш.*/Пер. О. Г. Большакова // Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город... С. 151.
[94] *Баладзори.* Книга завоевания стран... С. 17; *Ат-Табари.* История пророков и царей. С. 52.
[95] *Ат-Табари.* История... С. 52; *Бартольд В. В.* Дербент. С. 421.
[96] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город...
[97] *Заходер Б. Н.* Из истории волжско-каспийских связей Древней Руси // СВ. 1955. № 3. С. 108—118.
[98] *Манандян Я. А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954. С. 198.
[99] *Месхиа Ш. А.* Из истории грузинского феодального города IX—XIII вв. // Тр. Ин-та истории АН ГССР. Тбилиси, 1956. Т. 2. С. 133—134.
[100] *Али-заде А. А.* Некоторые сведения о Ширване // Изв. АН АзССР. Баку, 1947. № 12. С. 9.
[101] Derbend-Nâmeh. SPb., 1851. P. 135; *Минорский В. Ф.* История... С. 165.
[102] Ibn Wadhih qui dicitur al-Jacqubi. Historiae/M. Th. Houtsman. Lugduni Batavorum. 1883. Pars II. P. 518; Derbend-Nâmeh. P. 132—133.
[103] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 422.
[104] Derbend-Nâmeh. P. 590, 592.
[105] Derbend-Nâmeh. P. 590, 592; *Бакиханов А. К.* Гюлистан-Ирам. Баку, 1926. С. 47; *Ашурбейли С. Б.* Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964. С. 51.
[106] *Минорский В. Ф.* История... С. 46.
[107] Там же. С. 65. [108] Там же. С. 163. [109] Там же. С. 40, 98.
[110] Там же. С. 166.
[111] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 424.
[112] BGA, I, 184/Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История... С. 168.
[113] Там же. С. 68. [114] Там же. [115] Там же. С. 153.
[116] Там же. С. 68—69, 153.
[117] *Минорский В. Ф.* История... С. 66—69.
[118] Там же. С. 67. [119] Там же. С. 73. [120] Там же. С. 73.
[121] Там же. С. 72. [122] Там же. С. 75. [123] Там же. С. 77.
[124] Там же. [125] Там же. [126] Там же. С. 78.
[127] Там же. С. 79. [128] Там же. С. 184.
[129] *Ибн ал-Азрак ал-Фарики.* Тарих Маййафарикин/Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История... С. 184, 222—225.

[30] *Хакани.* Диван. Тегеран, 1937. С. 187—195; *Минорский В. Ф.* История... С. 185.
[31] *Минорский В. Ф.* История... С. 185—186.
[32] Там же. С. 186.
[33] *Minorsky V.* Khagani and Andronicus Comnenus // BSOAS. 1945. Vol. XI, pt. 3. P. 550—578; *Минорский В. Ф.* История... С. 186.
[34] *Пахомов Е. А.* О Дербентском княжестве XII—XIII вв. // Изв. АзГНИИ. Баку, 1930. Т. 1, вып. 2. С. 3—13.
[35] *Минорский В. Ф.* История... С. 185.
[36] Там же. С. 186.
[37] *Крымский А. Е.* Низами и его современники. Баку, 1981. С. 165.
[38] *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. Т. 2, ч. 1. С. 692.
[39] *Буниятов З. М.* Государство атабеков Азербайджана. Баку, 1978. С. 158—159.
[40] *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны/Пер. с араб., коммент. и примеч. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 61.
[41] *Ибн ал-Асир.* Тарих ал-Камил. IX. С. 340; *Буниятов З. М.* Государство атабеков Азербайджана. С. 164.
[42] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей/Пер. О. И. Смирновой. М.; Л., 1952. Т. 1, кн. 2. С. 228—229.
[43] *Киракос Гандзакеци.* История Армении/Пер. и коммент. Л. А. Ханларян. М., 1976. С. 103.
[44] *Juwaini.* The History of the World-Conqueror/Transl. from persian by J. A. Boyle. Manchester, 1958. Vol. 1. P. 149.
[45] *Ибн ал-Асир.* Тарих ал-Камил. IX. С. 348—349; *Буниятов З. М.* Государство атабеков Азербайджана. С. 165.
[46] Там же.
[47] Jakut's geographisches Wörterbuch/Hrsg. von F. Wüstenfeld. Leipzig, 1871. Bd. III. S. 317.
[48] *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание... С. 221.
[49] *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии: Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982. С. 74—118.
[50] *Вильгельм де Рубрук.* Путешествия в восточные страны/Введ. и примеч. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 85—173.

Глава вторая

[1] *Бартольд В. В.* Дербент // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 423—424; *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 280.
[2] *Патканов К. П.* Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому // ГИМПН. 1883. Март. С. 30.
[3] История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века/Пер. К. Патканьяна. СПб., 1862. С. 26.
[4] История агван Моисея Каганкатваци. СПб., 1861. С. 105.
[5] Там же.
[6] *Баладзори.* Книга завоевания стран. Баку, 1927. С. 17; Тарихи Дербенд-наме/Пер. и коммент. М. Адиханова-Аварского. Тифлис, 1898. С. 78—79; *Бартольд В. В.* Дербент. С. 421.
[7] *Ат-Табари.* История пророков и царей. Махачкала, 1971 // РФ ИИЯЛ. № 4803. С. 52.
[8] История агван Моисея Каганкатваци. С. 261.
[9] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 174.
[10] *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 331.
[11] Там же. С. 329.
[12] *Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р.* Опыт периодизации экономического развития средневекового Дербента (VI—XVIII вв.). М., 1979. С. 134—145; *Кудрявцев А. А.* Основные этапы развития ремесленного производства Дербента VI—XIII вв. // IX Крупновские чтения. Элиста, 1979. С. 45—46.
[13] *Кудрявцев А. А.* К вопросу о размерах Дербента в эпоху Сасанидов // Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976. С. 30—32; *Он же.* Территориальное развитие и застройка средневекового Дербента в свете новых археологических данных // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1978—1979 гг. Махачкала, 1980. С. 8—11.
[14] *Кудрявцев А. А.* К истории древнего Дербента // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 164—166; *Он же.* О структуре раннесредневекового Дербента // V Крупновские чтения по археологии Кавказа. Махачкала, 1975. С. 102—104.
[15] *Кудрявцев А. А.* и др. Исследования в Дербенте // АО, 1977. М., 1978. С. 125.
[16] Там же.
[17] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.
[18] *Кудрявцев А. А.* К вопросу о размерах Дербента... С. 30—32; *Он же.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 122—124.
[19] Там же.
[20] Там же.
[21] *Кудрявцев А. А.* Интерпретация некоторых сведений «Тарих Баб ал-абваб» по исторической топографии Дербента в свете новых археологических данных // Бартольдовские чтения, 1981. М., 1981. С. 48; *Он же.* Древний Дербент. М., 1982. С. 152—155.
[22] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 62, 77.
[23] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 6.
[24] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 426; *Тревер К. В.* Очерки... С. 280.
[25] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 7.
[26] *Кудрявцев А. А.* К истории... С. 165; *Он же.* О структуре... С. 102—104.
[27] История халифов вардапета Гевонда, писателя VIII века. С. 28; *Баладзори.* Книга завоевания... С. 17.
[28] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975. С. 26.
[29] *Минорский В. Ф.* История... С. 51, 62, 70.
[30] *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. С. 93.
[31] *Кудрявцев А. А.* О датировке первых сасанидских укреплений в Дербенте // СА. 1978. С. 249; *Он же.* Город... С. 130.
[32] *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Махачкала, 1975. С. 19—20 (Далее: Кудрявцев А. А. Древний Дербент: Автореф.); *Он же.* Город... С. 87—88.
[33] *Кудрявцев А. А.* О структуре... С. 103—104; *Он же.* Город... С. 82—116; *Он же.* О датировке... С. 257.
[34] Там же.
[35] Там же.
[36] *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. С. 121.
[37] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели древнего Дербента // АО, 1973 г. М., 1974. С. 115.
[38] *Кудрявцев А. А.* Историческая топография цитадели как показатель социального развития Дербента VI—XIII вв. // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1980—1981 гг. Махачкала, 1981. С. 5; *Он же.* Исследования в цитадели древнего Дербента // АО, 1981 г. М., 1982. С. 127.
[39] Там же.
[40] Всеобщая история архитектуры. М., 1973. Т. 2. С. 38—39.
[41] Там же. С. 38.
[42] *Бестужев-Марлинский А.* Соч. СПб., 1834. Т. 2. С. 239.
[43] *Кудрявцев А. А.* О связях Дербента с Ближним Востоком в эпоху средневековья // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981. С. 73.
[44] *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 328.
[45] Там же.
[46] *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. С. 127—128.
[47] *Кудрявцев А. А.* К истории... С. 165; *Он же.* О структуре... С. 103.
[48] *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. С. 110—114.
[49] Там же.
[50] *Кудрявцев А. А.* К истории... С. 165—166; *Он же.* К вопросу о размерах Дербента... С. 31.

[51] Там же.
[52] Там же.
[53] Там же.
[54] *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания VIII—XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977. С. 79.
[55] *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие и застройка... С. 9.
[56] ЦГВИА. Ф. 349. Оп. 12. Д. 1959, 1961, 1253; ВУА. Д. 21855; ЦГАДА. Ф. 192, Д. 15; *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. М., 1958. Рис. 2; 4; 5.
[57] *Sauvaget J.* Esquisses d'une histoire de la ville de Damas // REI. 1934. Cahier IV. P. 421—480; *Sauvaget J.* Alep. Essai sur le développement d'une grande ville syrienne des origines au milieu du XIX siècle. Paris, 1941. Vol. I. P. 40, fig. 13; *Sauvaget J.* Le plan de Laodicée-sur-mer. Memorial Jean Sauvaget. Damas, 1954. T. I. P. 114—139.
[58] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 235—238.
[59] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 123—124; *Он же.* Древний Дербент. С. 123—124.
[60] *Sauvaget J.* Alep. P. 40—41; *Sauvaget J.* Le plan de Laodicée-sur-mer. P. 114—139; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 236—237; рис. 94.
[61] Там же.
[62] *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М.; Л., 1948. С. 352—353.
[63] *Сухарева О. А.* К истории городов Бухарского ханства. Ташкент, 1958. С. 28; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 236—237; *Литвинский Б. А.* Кушанский город // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 123.
[64] *Кудрявцев А. А.* К вопросу о размерах Дербента... С. 30—31; *Он же.* Сложение исторической топографии средневекового Дербента // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. Махачкала, 1980. С. 205; *Он же.* Древний Дербент. С. 124.
[65] История агван Моисея Каганкатваци. С. 105; *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений для познания климатов // СМОМПК. Тифлис, 1908. XXXVIII. С. 9.
[66] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 124; *Он же.* Сложение... С. 194—195.
[67] *Бартольд В. В.* К истории Мерва // Соч. М., 1966. Т. 4. С. 134, 139; *Массон М. Е.* Новые данные по древней истории Мерва // ВДИ. 1951. № 4. С. 95—96; *Он же.* К изучению прошлого Старого Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т. 12. С. 5—16; *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // Тр. ИИАЭ АН КазССР. Алма-Ата, 1958. Т. 5. С. 66—72; *Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И.* Выдающиеся памятники архитектуры Узбекистана. Ташкент, 1958. С. 16—20; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 5—13, 163—254; Древний Ташкент. Ташкент, 1973. С. 13—17.
[68] *Марр Н. Я.* Ани. М.; Л., 1934. С. 14—17; *Кафадарян К.* Город Двин... С. 170—180; *Чилашвили Л. А.* Город Рустави. Тбилиси. 1958. С. 14—15; *Он же.* Городище Урбниси. Тбилиси, 1964. С. 21—28; 121; *Он же.* Города феодальной Грузии. Тбилиси, 1970. С. 172—189; История Азербайджана. Баку, 1958. Т. 1. С. 133, 148; *Ашурбейли С. Б.* Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964. С. 61—63; *Джидди Г. А.* Крепость Гюлистан. Баку, 1967; *Он же.* Шемаха-Йездиия и крепость Гюлистан // МКА. Баку, 1973. Т. 7. С. 325—330; *Он же.* Средневековый город Шемаха. Баку, 1981. С. 40—43; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование городища Кабалы // МКА. Баку, 1967. Т. 5. С. 45—50; *Ахмедов Г. М.* Средневековый город Байлакан. Баку, 1979.
[69] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 136—137; *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана // МАД. Махачкала, 1957. Т. 1. С. 195—242.
[70] История халифов... С. 28; *Баладзори.* Книга завоевания... С. 17.
[71] История агван Моисея Каганкатваци. С. 261.
[72] *Баладзори.* Книга завоевания... С. 17.
[73] *Я'куби.* История / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 9.
[74] *Ахмад Ибн А'сам ал-Куфи.* Книга завоеваний. С. 64.

[75] Viae et regna. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal // BGA. II. Lugduni Batavorum, 1873. P. 242.
[76] Viae regnorum. Descriptio ditionis moslemicae auctore Abu Ishak al-Farisi al-Istakhri- // BGA. I. Lugduni Batavorum, 1870. P. 184.
[77] *Ibn Haukal.* Viae et regna. P. 242.
[78] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 422.
[79] *Кудрявцев А. А.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106; *Он же.* Раскопки средневековых ханских дворцов в Дербенте. С. 13.
[80] *Кудрявцев А. А.* Поливная художественная керамика Дербента VIII—X вв. // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979. С. 111—112.
[81] Монеты определены М. Е. Массоном, приношу ему глубокую благодарность.
[82] *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспи: Дербент в эпоху феодализма. Махачкала, 1982. С. 45.
[83] Там же. С. 45—46.
[84] *Кудрявцев А. А.* Отчет 1973 года // РФ ИИЯЛ. № 394. С. 23—30; *Он же.* Великий город на Каспии. С. 49—50.
[85] *Кудрявцев А. А.* Отчет 1973 года. С. 13, 23, 27, 33.
[86] *Хан-Магомедов С. О.* Ворота Дербента // АН. 1972. № 20. С. 141.
[87] *Кудрявцев А. А.* Раскопки средневековых ханских дворцов... С. 12.
[88] *Кудрявцев А. А.* Поливная художественная керамика... С. 112—121; *Он же.* Великий город на Каспии. С. 53—55.
[89] *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии. С. 56—58.
[90] Монеты слоя определялись М. Е. Массоном, Г. А. Федоровым-Давыдовым, М.-С. Саидовым, приношу им свою глубокую благодарность.
[91] См.: *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания... С. 92.
[92] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* и др. Новые данные... С. 13—14; *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие и застройка. С. 9—10.
[93] *Бартольд В. В.* Берда'а // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 372; *Он же.* Кеш // Там же. С. 460; *Он же.* К истории Мерва. С. 172—195; *Якубовский А. Ю.* Феодальное общество... С. 4—5; *Он же.* Главные вопросы... С. 7—13; *Тревер К. В., Якубовский А. Ю., Воронец М. Э.* История народов Узбекистана. Т. 1. С. 204—238; *Массон М. Е.* К периодизации... С. 166; *Он же.* Новые данные... С. 95—96; *Он же.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1966. Т. 13. С. 17—55; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. С. 143—145; *Он же.* Искусство Туркменистана. М., 1967. С. 98—99; *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории... С. 72; *Гафуров Б. Г.* История таджикского народа. М., 1955; История Самарканда. Т. 1. С. 146—147; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 166—255.
[94] *Кудрявцев А. А.* Сложение... С. 203—208.
[95] *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений... С. 9.
[96] *Минорский В. Ф.* История... С. 68—89, 73.
[97] Дословно «дар ал-имара», т. е. резиденция в нижнем городе.
[98] *Минорский В. Ф.* История... С. 68.
[99] *Артамонов М. И.* Древний Дербент // СА, 1946. № VIII. С. 141—143; *Хан-Магомедов С. О.* Джума-мечеть в Дербенте // СА. 1970. № 1. С. 211—214.
[100] Подробнее о Джума-мечети см. в гл. «Культура».
[101] *Кудрявцев А. А.* Отчет 1971 года // РФ ИИЯЛ. № 345. С. 3—67.
[102] *Кудрявцев А. А.* Водоснабжение древнего Дербента // РФ ИИЯЛ, № 430. С. 10—11; *Он же.* Сложение... С. 205—206.
[103] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в Дербенте // АО, 1972 г. М., 1973. С. 132—133; *Он же.* Раскопки богатого здания... С. 74—103.
[104] *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания... С. 74—103.
[105] *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие и застройка... С. 9—10; *Он же.* Сложение... С. 206—209.
[106] *Я'куби.* История. С. 6; *Ибн ал-Факих.* Книга о странах / Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1902. XXXI. С. 25—26.
[107] *Кудрявцев А. А.* Сложение... С. 209—210.
[108] *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие и застройка... С. 10—11; *Он же.* Археологические данные о социальной топографии... С. 28.

[109] *Аракелян Б. Н.* Города Армении в IX—XIII вв.: Автореф. ... дис. д-ра ист. наук. Ереван, 1954. С. 5—7; *Цинцадзе В.* Тбилиси. Тбилиси, 1958. С. 77; *Ваидов Р. М.* Мингечаур в III—VIII вв. Баку, 1961. С. 99; *Чилашвили Л. А.* Города феодальной Грузии. С. 172—177; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры... С. 143; *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 17; *Губаев А.* Поселения сасанидского времени в Южном Туркменистане: Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Л., 1967. С. 4—7; *Сюзюмов М. Я.* О роли закономерностей, факторов, тенденций и случайностей при переходе от рабовладельческого строя к феодальному в византийском городе // АДСВ. Свердловск, 1965. Вып. 3. С. 8; *Медведев И. П.* Феномен трансурбанизации и его роль в становлении феодального византийского города // Там же. 1969. Вып. 6. С. 79—80; *Он же.* Мистра. Л., 1973. С. 10.

[110] *Чилашвили Л. А.* Город Рустави. С. 14—19; История Азербайджана. Т. 1. С. 133, 148; *Шарифли М. Х.* Азербайджан в IX—XII вв. // Тр. ИИ АН АзССР. Баку, 1957. Т. 12. С. 44, 92—93; *Аракелян Б. Н.* Города и ремесла Армении IX—XIII вв. Ереван, 1958. Т. 1. С. 177 и след.; *Чилашвили Л. А.* Города феодальной Грузии. С. 180—185; *Ахмедов Г. М.* Средневековый город Байлакан. С. 93—95; *Джидди Г. А.* Средневековый город Шемаха. С. 113—114; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 351; *Агеева Е. И., Пацевич Г. И.* Из истории... С. 72; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 166—210.

[111] *Минорский В. Ф.* История... С. 61.

[112] *Кудрявцев А. А.* Сложение... С. 199—211.

[113] *Кудрявцев А. А.* Сложение... С. 190—211; *Он же.* Исследования в древнем Дербенте. С. 134; *Он же.* Великий город на Каспии. С. 90.

[114] *Кудрявцев А. А.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106; *Он же.* Великий город на Каспии. С. 90.

[115] Там же.

[116] *Кудрявцев А. А.* Сложение... С. 199—211; *Он же.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106.

[117] *Хан-Магомедов С. О.* Ханский дворец в Дербенте // ПК. 1961. № 3. С. 163, рис. 4; С. 170—171, рис. 9—10.

[118] *Кудрявцев А. А.* Сложение... С. 199—200.

[119] Там же.

[120] Там же. С. 202. [121] Там же.

[122] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 422.

[123] Там же.

[124] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* и др. Новые данные... С. 14—15; *Кудрявцев А. А.* Исследования в Древнем Дербенте. С. 126; *Он же.* Территориальное развитие и застройка... С. 10.

[125] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 24.

[126] *Иоанн де Плано Карпини.* История монголов // Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малеина. СПб., 1911. С. 170.

[127] Путешественники об Азербайджане. Баку, 1961. Т. 1. С. 92.

[128] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 426.

[129] *Бартольд В. В.* Ани // Соч. Т. 3. С. 328—329; *Он же.* Берда'а. С. 372; *Он же.* Бухара // Соч. Т. 3. С. 380; *Он же.* К истории Мерва. С. 172—195; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 210; *Иессен А. А.* Городище Орен-кала // МИА. 1959. 67. С. 33—50; *Аракелян Б. Н.* Города и ремесла Армении в IX—XIII вв.; *Атаев Д. М.* Аркасское городище — памятник раннесредневекового Дагестана. С. 11—16; *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище / / Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 125—126; *Ахмедов Г. М.* Средневековый город Байлакан. С. 78—86; *Джидди Г. А.* Средневековый город Шемаха. С. 43—44, 114; *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956; *Каргер М. К.* Древний Киев. М.; Л., 1958. Т. 1.

[130] *Кудрявцев А. А.* Сложение... С. 205—211.

[131] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* Новые данные... С. 14.

[132] *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии. С. 101—104.

[133] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 88—89.

[134] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С.* и др. Новые данные... С. 13—14.

[135] *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие и застройка... С. 10; *Он же.* Основные этапы... С. 47; *Он же.* Великий город на Каспии. С. 105—106.

[136] Там же.

[137] *Кудрявцев А. А.* Археологические данные о социальной топографии и структуре... С. 27—28; *Он же.* Интерпретация... С. 45—47.

[138] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 62.

[139] Там же. С. 62, примеч. 45.

[140] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 178.

[141] Там же. С. 210.

[142] *Шишкин В. А.* Архитектурные памятники Бухары. С. 11—13; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 232—255; *Ахраров И. Е.* Археологические исследования городища Ахсыкент в 1960 г. // ОНУЗ. 1962. № 8. С. 53—58; *Чуланов Ю. Г.* Городище Ахсыкент // СА. 1963. № 3. С. 199.

[143] *Бартольд В. В.* Ани. С. 328; *Он же.* Берда'а. С. 372; *Джафарзаде И. М.* Историко-археологический очерк Старой Ганджи. Баку, 1949. С. 14—15, 102; История Азербайджана. Т. 1. С. 133—134, 145—150; *Бердзенишвили Н., Джавахишвили И., Джанашиа С.* История Грузии. Тбилиси, 1950. Ч. 1. С. 200—203, 228; История армянского народа. Ереван, 1951. Ч. 1. С. 167; *Аракелян Б. Н.* Развитие ремесел и товарного производства в Армении в IX—XIII вв. // СА. 1956. С. 26; *Али-Заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956. С. 52—53; *Чикоидзе Ц. Н.* К истории г. Телави // Археологические памятники феодальной Грузии. Тбилиси, 1969. Т. 1. С. 44; *Джандиери Е. Г.* К истории средневекового города-крепости Ахалкалаки (в Джавахети) // Там же. С. 70—72; *Чилашвили Л. А.* Города феодальной Грузии. С. 182—189; *Ахмедов Г. М.* Средневековый город Байлакан. С. 71—84, 94—95; *Джидди Г. А.* Средневековый город Шемаха. С. 113—115.

[144] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 210.

[145] *Иессен А. А.* Городище Орен-кала. С. 33—34.

[146] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город...

[147] Там же. С. 197; 256—268.

[148] *Ибн ал-Факих.* Книга о странах. С. 25; *Ал-Мукаддаси.* Лучшее из делений... С. 9; Тарихи Дербенд-наме. С. 79, 112.

[149] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XVIII вв. М., 1966. Ч. 1. С. 24, 59, 74, 135, 169 и др.

[150] *Ат-Табари.* История пророков и царей. С. 52; *Бартольд В. В.* Дербент. С. 421; Тарихи Дербенд-наме. С. 78—79.

Глава третья

[1] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 175.

[2] Подробную классификацию, типологию и хронологию древней и раннесредневековой керамики Дербента см.: *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент: (Опыт ист.-археол. изучения): Дис. ... канд. ист. наук. (Далее: *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент: Дис.). Махачкала, 1975. С. 94—120, 154—187; *Он же.* Город, не подвластный векам. Махачкала, 1976. С. 55—68; *Он же.* Древний Дербент. М., 1982. С. 110—114.

[3] *Кудрявцев А. А.* Город... С. 55—68; *Он же.* Древний Дербент. С. 110—114.

[4] Там же.

[5] *Якобсон А. Л.* Средневековые пифосы Северного Причерноморья // СА. 1966. № 2. С. 202.

[6] Там же.

[7] *Кудрявцев А. А.* Первые исследования досасанидского Дербента // Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1977. С. 140—145.

[8] *Массон В. М.* Хумы Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1953. Т. 2 С. 416—433, рис. 5; 16; *Дьяконов М. М.* Археологические работы в нижнем течении реки Кафирниган (Кобадиан) // МИА. 1953. 37. С. 291, рис. 27; *Бентович И. Б.* Керамика Пянджикента // Там же. С. 135, рис. 2; *Усманова З. И.* Эрк-кала // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1963. Т. 12. С. 81, рис. 40; *Ташходжаев Ш. С.* Разрез городской

стены Гяур-калы // Там же. С. 110, рис. 8; *Левина Л. М.* Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. М., 1971. С. 107—119, рис. 31, 34—35; Древний Ташкент / Отв. ред. И. Ахраров. Ташкент, 1973. С. 134, рис. 38; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 55, рис. 25.

[9] *Чубинов Г.* Декоративное убранство анийских карасов. Пг., 1917. Т. 5. С. 21, табл. IX, *1, 2*; *Марр Н. Я.* Ани. Л.; М., 1934. Табл. XIV, *192*; *Кафадарян К.* Город Двин и его раскопки. Ереван, 1952. С. 185, рис. 158; *Ваидов Р. М.* Мингечаур в III—VII веках. Баку, 1961. Табл. II, III; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование городища Кабалы // МКА. Баку, 1965. Т. 5. С. 62, табл. XII, *2*; *Кузнецов В. А.* Аланские племена Северного Кавказа // МИА. 1962. 106. Рис. 34, *1, 2*; *Чилашвили Л. А.* Городище Урбниси. Тбилиси, 1964. Табл. XXXVII—XXXIX; *Оруджев А. Ш.* Раннесредневековое поселение в Салман-тепе // МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 137, табл. III.

[10] *Пикуль М. И.* Раскопки в Южном Дагестане в 1962 году: (Полевой отчет) // РФ ИИЯЛ. 1963. № 3255. С. 90, табл. XI, *3*; *Магомедов М. Г.* Отчет о работе Верхнечирюртовской археологической экспедиции в 1972 году // Там же. 1973. № 4943. Альбом, рис. 30, 31, 54.

[11] *Бурнашева Ф. А.* К вопросу использования химико-технологических методов при изучении керамики (котлов) средневековья // ИМКУз. Ташкент, 1964. Вып. 6. С. 170.

[12] *Сайко Э. В.* История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1966. С. 29; *Она же.* Техника и технология керамического производства Средней Азии в историческом развитии. М., 1982. С. 82; *Бурнашева Ф. А.* К вопросу... С. 169.

[13] *Кафадарян К.* Город Двин... С. 199, табл. 174; *Геюшев Р. Б.* Керамика города Кабалы (I—X вв.): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Баку, 1962. С. 16; *Чилашвили Л. А.* Городище Урбниси. С. 112, рис. 47; *Якобсон А. Л.* Археологические исследования на городище Орен-кала в 1957 г. // МИА. 1965. 133. С. 23, рис. 16, 2, м., н.; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование... С. 56, табл. VI, *4, 5*; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика Орен-кала // МИА. 1969. 67. С. 189, табл. I, *1—3*; *Нуриев А. Б.* О кувшинных погребениях Шергоха // МКА. Баку, 1973. Т. 7. С. 233, табл. I, II; *Оруджев А. Ш.* Раннесредневековое поселение... С. 153, 155, табл. I, II.

[14] *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. Самарканд, 1926. С. 37, рис. 44; *Терешкин А. И.* Раскопки в кухендизе Пянджикента // МИА, 1950. 15. С. 89, 90, табл. 41, *1, л. к. 3з*; *Беленицкий А. М.* Работы Вахшского отряда в 1946 г. // Там же. Табл. 65; *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. Фрунзе, 1959. С. 25, табл I, *1, 6*; *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. // МИА. 1958. 66. С. 315—317, рис. 27, *3*; *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя Пянджикента (VII—VIII вв.) // Там же. 1964. 124. С. 272—290, рис. 10; 30—31; Древний Ташкент. С. 45—46, рис. 11, *4*; *Дьяконов М. М.* Археологические работы... С. 288, рис. 24; *Левина Л. М.* Керамика... С. 139, рис. 49, *26*.

[15] *Исмизаде О. Ш.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956. Табл. XII, XIV—XVIII, XXIII; *Он же.* О раскопках на холме Каратепе в 1957 г. // МКА. Баку, 1962. Т. 4. С. 171—199, табл. IV, V, VIII, X; *Казиев С. М.* Альбом кувшинных погребений Мингечаура. Баку, 1960. Табл. XXI—XXII.

[16] *Крупнов Е. И.* Новые памятники древних культур Дагестана // МИА. 1951. 23. С. 218, рис. 9; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники албаносарматского времени у сел. Карабудахкент // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 191, рис. 21, 309; *Маммаев М.* Знаки на керамике Урцекского городища // Там же. 1973. Т. 3. С. 93, рис. 5; *Давудов О. М.* Культуры Дагестана эпохи раннего железа. Махачкала, 1974. С. 180—181, табл. X—XI.

[17] *Кудрявцев А. А.* Первые исследования... С. 146, 156, табл. VIII, *1, 3*.

[18] *Пикуль М. И.* Хабадинский могильник // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 148—157, табл. X, *8*; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники... С. 170, 215, 216, рис. 3; 39; 40; *Маммаев М.* Знаки... С. 89, рис. 1, *10*.

[19] *Алиев К.* О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я. И. Гуммелем в 1939 г. // МКА. Баку, 1973. Т. 7. С. 237, 4, 6, 7; *Ваидов Р. М.* Мингечаур... Табл. V, *7, 8, 13*; *Толордава В.* Материалы к истории Иберийского царства в последние века I тысячелетия до н. э. // МАГК. Тбилиси, 1963. Т. 3. Табл. V, *7, 8*; *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники... С. 172, рис. 5, №113; *Оруджев А. Ш.* Раннесредневековое поселение... С. 153, табл. I, *4*.

[20] *Книпович Т. Н.* Некоторые вопросы датировки среднеазиатской керамики домусульманского периода // КСИИМК. 1949. 28. С. 76, рис. 17; *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода // Керамика Хорезма. Труды ХАЭЭ. М., 1959. Т. 4. С. 63—220. С. 133, рис. 30, *4, 7, 8, 11, 12, 21* и др.; *Маршак Б. И.* Отчет о работах на объекте XII за 1955—1960 гг. // МИА. 1964. 124. С. 230, рис. 22, *1—3*; *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках в северо-восточной части объекта III // МИА, 1964. 124. С. 102, рис. 9, *3*; *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы... С. 299, рис. 6, *9, 10*; *Литвинский Б. А.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973. Табл. 9, 10, 39, 51, 52; *Левина Л. М.* Керамика... С. 130, рис. 44; С. 143, рис. 51 и др.

[21] *Бердзенишвили К. И.* К изучению «краснолаковой керамики Бичвинты» // МАГК. Тбилиси, 1963. Т. 3. С. 111, рис. 2, *2*; С. 113, рис. 3, *1, 4*; *Путуридзе Р. В.* Краснолаковая керамика из Сухумской древней крепости // Там же. 1965. Т. 4. С. 101, рис. 9; С. 102; рис. 11; *Силантьева Л. Ф.* Краснолаковая керамика из раскопок Илурата // МИА. 1958. 85.

[22] *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники... С. 191, рис. 21; С. 122, рис. 22; С. 195, рис. 24; С. 202, рис. 26; С. 207, рис. 32; С. 210, рис. 35; *Пикуль М. И.* Эпоха раннего железа в Дагестане. Махачкала, 1967. С. 152, рис. 28, *2*; *Маммаев М.* Знаки... С. 89, рис. 1, *5*; *Атаев Д. М., Магомедов М. Г.* Андрейаульское городище // Древности Дагестана. Махачкала, 1974. С. 315, рис. 35, *8—10*.

[23] *Якобсон А. Л.* Археологические исследования... С. 23, рис. 16, *а*; *Кузнецов В. А.* Аланские племена... Рис. 27, *9*; 3, *Б, 7*; *Ахмедов Г. М.* Некоторые итоги археологических раскопок городища Орен-кала в 1959—1963 гг. // Археологические исследования в Азербайджане. Баку, 1965. С. 135, рис. 1; *Чилашвили Л. А.* Городище... Табл. XXX, XXXI, XI; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование... Табл. VIII, *2, 6, 7*; IX, *2*; *Рамишвили.* Археологические раскопки в Бичвинта // МАГК. Тбилиси, 1963. Т. 3. С. 74, рис. 5; *Ваидов Р. М.* Мингечаур... Табл. II, *2*; IX, 2; *Исмизаде О. Ш.* О раскопках на холме... С. 207, табл. V.

[24] *Большаков О. Г.* Отчет о раскопках в северо-восточной части объекта III // МИА. 1964. 124. С. 101, рис. 8, 1, 2; *Литвинский Б. В.* Керамика из могильников Западной Ферганы. М., 1973. Табл. 46. *2, 1, 3*; *Кожемяко П. Н.* Раннесредневековые города... С. 27, табл. II, *1, 2, 6*; С. 31, табл. IV, *7, 8*; С. 51, табл. XII, *10*; *Зауров Е. З.* Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяур-кала Старого Мерва // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. 11. С. 198—204, рис. 17, *21—22*; *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма афригитского периода // Керамика Хорезма. М., 1959. С. 229, рис. 1, *13*; *Бентович И. Б.* Керамика верхнего слоя... С. 270, 286, рис. 6; 25; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 60—61, рис. 29—30; *Левина Л. М,* Керамика... С. 97—98, 102, 126, 128, 171, рис. 25, 26, 29, 40, 42, 57.

[25] *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана // МАД. Махачкала, 1959. Т. 1. С. 232, табл. VI, *1, 3*; *Маммаев М. М.* Знаки... С. 89, рис. 1; С. 93, рис. 5; *Федоров Г. С.* Случайные археологические находки из Карабудахкента // МАД. Махачкала. 1973, Т. 3. С. 100, табл. 1, *2*; *Гмыря Л. Б.* Из опыта классификации керамики // Керамика древнего и средневекового Дагестана. Махачкала, 1981. С. 53—54, рис. 1—2.

[26] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С, Гамзатов Г. Г.* и др. Новые данные об исторической топографии Дербента // МАД. Махачкала, 1973. Т. 3. С. 13; *Они же.* Исследования в Дербенте // АО.1977 г. М., 1978. С. 125.

[27] *Кудрявцев А. А.* Керамическое производство средневекового Дербента: (Классиф. неполив. керамики VIII—XIII вв.) // РФ ИИЯЛ. 1978. № 454. С. 7—69; *Он же.* Керамическое производство средневекового Дербента: (Классиф. полив. керамики VIII—XIII вв.) // Там же. 1977. № 78. С. 3—96; *Он же.* Поливная художественная керамика Дербента VIII—X вв. // Народное декоративно-прикладное искусство Дагестана и современность. Махачкала, 1979. С. 111—132; *Он же.* Поливная керамика Дербента XI—середины XIII в. // Керамика древнего и средневекового Дагестана. С. 78—109; *Он же.* Великий город на Каспии: (Дербент в эпоху феодализма). Махачкала, 1982. С. 98—127.

[28] *Чубинов Г.* Декоративное убранство анийских карасов. С. 21; *Левиатов В. Н.* Украшения на карасах из Старой Ганджи // Изв. АН АзССР. 1945, № 8. С. 51—61; *Кафадарян К.* Город Двин... Рис. 158; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 192—205, табл. III—V.

[29] *Массон В. М.* Хумы Нисы. С. 413—436; *Вактурская Н. Н.* Классификация средневековой керамики Хорезма. Керамика Хорезма. М., 1959. С. 274, рис. 1; С. 303, рис. 19—20.

[30] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес // МИА. 1950. 17. С. 107—109, рис. 63—69.

[31] *Кафадарян К.* Город Двин... С. 199, табл. 174; *Джафарзаде.* Историко-археологический очерк Старой Гянджи. Баку, 1949. С. 69; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 187—192, табл. I—II; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование... Табл. VI; *Исмизаде О. Ш.* О результатах археологического исследования территории «Ичари Шахар» в 1966 г. // МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 167, 169; табл. II—IV; *Кузнецов В. А.* Глиняные котлы Северного Кавказа // КСИА. 1964. 99; *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания VIII—XIII вв. в жилом квартале средневекового Дербента // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. Махачкала, 1977. С. 90, табл. VI; *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана албано-сарматского и раннесредневекового времени: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1970. Рис. 16, *3—5*; 17, *2*; *Гмыря Л. Б.* Глиняные котлы Андрейаульского городища I тысячелетия н. э. // СА, 1979. № 3. С. 271—274; *Ионе Г. И.* О гончарных обжигательных печах из Мингечаура // МАК. Баку, 1951. Т. 2. С. 66. табл. IV; *Калантарян А. А.* Двин: Раскопки центрального квартала (1964—1970 гг.) // АРА. Ереван, 1976. № 13. С. 61, рис. 20; табл. XXIV, XXVI; *Геюшев Р. Б.* Керамика города Кабалы. С. 16—17.

[32] *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. С. 37, рис. 44; *Бернштам А. Н.* Труды Семиреченской археологической экспедиции // МИА. 1950. 14. Табл. XXIX, *3, 4*; *Бентович И. Б.* Керамика Пянджикента. С. 134—135, рис. 1.

[33] Здесь можно отметить работы Г. М. Ахмедова, В. А. Кузнецова, Г. И. Ионе, Л. Б. Гмыри.

[34] *Бурнашева Ф. А.* К вопросу использования... С. 171.

[35] Там же.

[36] *Дьяконов М. М.* Керамика Пайкенда // КСИИМК. 1949. 28. С. 91, 92.

[37] *Массон М. Е.* Городища Нисы в селении Багир и их изучение // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 60, рис. 19.

[38] *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVII вв.) // Керамика Хорезма. М., 1959. Т. 4. С. 261—342; С. 280, 282, рис. 5.

[39] *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 207—208, рис. 1. Табл. IX, *4*.

[40] *Брыкина Г. А.* Карабулак. М., 1974. С. 53, рис. 32.

[41] *Кафадарян К.* Город Двин... С. 201, 202, рис. 177, 178.

[42] *Казиев С. М.* Археологические раскопки в Мингечауре // МКА. Баку, 1949. Т. I. С. 9—49; С. 39, рис. 32; *Исмизаде О. Ш.* Ялойлутепинская культура. Табл. I, VIII, XII, XV и др.; *Давудов О. М.* Культура Дагестана... Табл. X, XI.

[43] *Кафадарян К.* Город Двин... С. 187, рис. 160; С. 192, рис. 165; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 211—213, табл. X, *9*; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскоп на городской стене Орен-сала в 1953—1954 гг. // МИА. 1959. 67. С. 156, рис. 11, *5*; *Якобсон А. Л.* Археологические исследования... С. 14, рис. 4.

[44] *Лунина С. Б.* Гончарное производство в Мерве X — начале XIII в. // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1962. Т. 11. С. 231, рис. 8; *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация... С. 298, рис. 8, *8*.

[45] Декоративное искусство Дагестана. М., 1977. С. 20, рис. 2.

[46] *Кафадарян К.* Город Двин... С. 119, табл. 174.

[47] *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 211, рис. 2; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956—1958 гг. // МИА. 1965. 133. С. 26—46.

[48] *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 211, 213, табл. X, *2*; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование... С. 56, табл. VII, *II*.

[49] *Левина Л. М.* Керамика... С. 107, рис. 31, 43, С. 171, рис. 57, *5, 6*; *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация... С. 278, рис. 8, *16*.

[50] *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 211, 213, табл. X, *1*.

[51] Там же. С. 211.

[52] *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники... С. 208, рис. 24, *272, 275*; рис. 32, *418, 421*.

[53] *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники Аварии // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 240, рис. 16, *3*.

[54] *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамиа... С. 212, рис. 3, *1*.

[55] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 57, рис. 26.

[56] *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма... С. 242, рис. 6, *16*; С. 251, рис. 10, *2*.

[57] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 63, рис. 33.

[58] *Литвинский Б. А.* Керамика... Табл. 2, *1—4*.

[59] *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование... С. 48; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскоп на городской стене... С. 156, рис. 11, *2*; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 217, табл. XII, *8*.

[60] *Лунина С. Б.* Гончарное производство... С. 368, рис. 85, 88; *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация... Рис. 8, *20, 21*.

[61] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 275.

[62] *Schmidt E. F.* The treasury of Persepolis and other discoveries in the homeland of Achaemenians. Chicago, 1939. P. 101.

[63] *Наджафова Н.* Художественная керамика Азербайджана. Баку, 1964. С. 5—6; *Нуриев А. Б.* О некоторых античных сосудах, найденных на территории Кавказской Албании // МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 146—148; *Рзаев Н. И.* Искусство Кавказской Албании. Баку, 1975. С. 157, 158; *Сайко Э. В.* Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв. Душанбе, 1963. С. 10; *Ахраров И. Е.* К истории появления поливной керамики в Средней Азии // ИМКУз Ташкент, 1965. Т. 6. С. 148.

[64] *Белецкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 274, 275; *Якобсон А. Л.* Археологические исследования... С. 24.

[65] *Тереножкин А. И.* Вопросы историко-археологической периодизации древнего Самарканда // ВДИ. 1947. № 4. С. 132.

[66] *Наджафова Н., Шелковников Б.* Художественная глазурованная керамика Азербайджана IX в. // Изв. АН АзССР. 1958. № 4; *Наджафова Н.* Художественная керамика... С. 6.

[67] Там же.

[68] *Кафадарян К.* Город Двин... С. 210, 276.

[69] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика Байлакана (Орен-кала) // МИА. 1959. 67. С. 244; *Он же.* Археологические исследования... С. 24.

[70] *Кудрявцев А. А.* Поливная художественная керамика... С. 111—132.

[71] *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания VIII—XIII вв. ... С. 74—103.

[72] *Оруджев А. Ш.* О кустарном гончарном промысле в Кубинском районе. МКА. Баку, 1976. Т. 8. С. 255.

[73] *Левитов В. Н.* О типах глазурованной керамики Азербайджана в VII—XV вв. // Изв. АН АзССР. 1946. № 7; *Джапаридзе В. В.* Керамическая промышленность Грузии в XI—XIII вв. Тбилиси, 1956; *Майсурадзе З.* Грузинская художественная керамика XI—XIII вв. Тбилиси, 1954; *Шелковников Б. А.* Поливная керамика из раскопок города Ани. Ереван, 1957; *Наджафова Н.* Художественная керамика ...; *Мицишвили М. Н.* Из истории производства грузинской поливной керамики. Тбилиси, 1976.

[74] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 228—302.

[75] Подробную классификацию и описание групп керамики Дербента VIII—X вв. см.: *Кудрявцев А. А.* Керамическое производство средневекового Дербента... С. 14—48; *Он же.* Поливная художественная керамика... С. 111—132.

[76] Там же.

[77] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 275, 276.

[78] Там же. С. 276.

[79] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 236, 237, табл. XV.

[80] *Сайко Э. В.* Глазури керамики ... С. 15; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 276.

[81] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 235, 237, табл. XV, *1, 2, 5, 6*.
[82] *Pézard M.* La céramique archaique de l'Islame et ses origines. Paris, 1920. XXXV; *Koechlin R.* Les céramiques musulmanes de Suse. Paris, 1928, XV, *113*; *Sarre Fr.* Die Keramik von Samarra. S. 67. XX, *4*; *Hobson R. L.* A Guide to the Islamic Pottery of the Near East. London, 1932. pl. 13.
[83] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 237.
[84] *Sarre Fr.* Die Keramik von Samarra. S. 66, 67.
[85] *Сайко Э. В.* История технологии... С. 4; *Она же.* Глазури керамики... С. 15; *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация... С. 285; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 276.
[86] Там же.
[87] *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация... С. 285, рис. 7, *3*.
[88] *Левиатов В. Н.* О типах глазурованной керамики... С. 37; *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 231—237; табл. I—V, XIII—XV.
[89] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... Табл. XIII, *10*.
[90] *Джапаридзе В. В.* Керамическая промышленность... Табл. XII, XIII, XXXIV.
[91] *Stein Aurel.* Archaeological Reconnaissances in North-Western India and South-Eastern Iran. London, 1937, IV, XXI; *Hobson R. L.* The George Eumorfopoulos Collection. Catalogue of the Chinese, Corean and Persian Pottery and Porcelaine. London, 1928. IV, LIV, LV.
[92] *Левиатов В. Н.* Керамика Старой Ганджи // Баку, 1940. С. 4—7; *Караханян Г. О.* Неполивная орнаментированная керамика из раскопок Двина и Ани: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ереван, 1954; *Джанполадян Р. М.* Сферонические сосуды из Двина и Ани // СА. 1958. № 1; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика ... С. 186—227; *Он же.* Неполивная керамика Азербайджана. Баку, 1959. На азерб. яз.; *Калантарян А. А.* К вопросу о способах изготовления керамики в средневековой Армении. Ереван, 1974; *Исмизаде О. Ш.* О раскопках в Кабале на территории южной части городища в 1960 г. // МКА. Баку, 1964. Т. 5. С. 88—89, табл. IV; *Он же.* О результатах... С. 173, табл. V; *Джидди Г. А.* Средневековый город Шемаха. Баку, 1981. С. 55—61.
[93] *Дьяконов М. М.* Керамика Пайкенда. С. 91—92; *Массон М. Е.* Городища Нисы в селении Багир... С. 67, рис. 27; *Лунина С. Б.* Гончарное производство... С. 286—354; *Гражданкина Н. С.* К истории керамического производства в Средней Азии // ИМКУз. Ташкент, 1964. Вып. 5. С. 195—197; *Вактурская Н. Н.* Хронологическая классификация... С. 261—342, рис. 2—3, 5, 22—26.
[94] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 242—250, табл. XVIII, XX; *Шелковников Б. А.* Художественная керамика двинских раскопок // Изв. Арм. ФАН СССР. 1940. № 4/5. С. 184, 185, рис. 4.
[95] *Sarre F.* und *Herzfeld E.* Archäologische Reise im Euphrat und Tigris-Gebiete. Berlin, 1920. IV. S. 19; *Hobson R. L.* A Guide... P. 8, 24, 25; *Sarre F.* Die Keramik... S. 62, XXVII; *Stein A.* Archaeological Reconnaissances... IV, 169, 258, 311.
[96] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 248, 249, табл. XX, *3*.
[97] Там же. С. 252.
[98] Там же.
[99] *Hobson R. L.* A Guide to the Islamic Pottery... P. 24, 25; *Pézard M.* La céramique..., LXXVII, LXXVIII.
[100] *Hobson R. L.* A Guide to the Islamic Pottery... P. 25.
[101] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 252.
[102] *Кверфельдт Э. К.* Керамика Ближнего Востока. Л., 1947. Табл. IV; *Шелковников Б. А.* Поливная керамика... С. 24, 25, 27, рис. 9—11.
[103] *Якобсон А. Л.* Средневековый Херсонес. Табл. XVI, *61*.
[104] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 273—277.
[105] Там же. С. 254—270, табл. XXIII, XXIV, XXX.
[106] *Шелковников Б. А.* Поливная керамика... С. 27, 28.
[107] Там же. С. 28.
[108] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 264—269, табл. XXIX, XXX.
[109] Там же. С. 246—248, рис. 2.
[110] Там же. С. 238—240, табл. XVI, *3—6*.
[111] Там же. С. 264—269, табл. XXVIII—XXX; *Шелковников Б. А.* Поливная керамика... Рис. 9—11, 14—16; *Казиев С. М.* Историко-археологическое обследование... Табл. XIII; *Наджафова Н.* Художественная керамика... Рис. 17—19, 57, 64 и др.

[112] *Якобсон А. Л.* Художественная керамика... С. 273.
[113] Там же.
[114] *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки ремесленного квартала..., с. 31.
[115] *Кудрявцев А. А.* Раскопки Дербентской экспедиции // АО, 1979 г. М., 1980. С. 114—115.
[116] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* и др. Новые данные... С. 14.
[117] Там же.
[118] *Ломтатидзе Г. А.* Археологические раскопки в Тбилиси зимой 1948 года // МАГК. Тбилиси, 1955. Т. 1. С. 119—170; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки гончарных печей на городище Орен-кала // МИА. 1959. 67. С. 174—185; *Она же.* Раскопки ремесленного квартала... С. 26—46.
[119] *Рыбаков Б. А.* Ремесло древней Руси. М., 1948. С. 345—351.
[120] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* и др. Новые данные... С. 14.
[121] Там же.
[122] Эти новые материалы пока не опубликованы нами.
[123] *Кудрявцев А. А.* Керамическое производство средневекового Дербента... С. 52—96; *Он же.* Поливная керамика Дербента XI—середины XIII в. С. 78—109.
[124] *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 174.
[125] Подробная классификация, типология и хронология стеклянных изделий средневекового Дербента разработаны автором в ряде специальных работ. См.: *Кудрявцев А. А.* Стеклоделательное производство Дербента VI—XIII вв. // РФ ИИЯЛ. 1984. № 512. С. 1—65; *Он же.* Великий город на Каспии. С. 132—142; и др.
[126] *Качалов Н.* Стекло. М., 1959. С. 50.
[127] *Свешников М.* Тайны стекла. Л.; М., 1940. С. 6.
[128] *Угрелидзе Н.* К истории производства стекла в раннесредневековой Картли. Тбилиси, 1947. С. 6; *Она же.* Стекло в древней Грузии. Тбилиси, 1961. С. 3—14; *Аракелян Б. Н.* Гарни I. Ереван, 1951. С. 59—69; *Гагошидзе Ю.* Памятники раннеантичной эпохи из Ксанского ущелья. Тбилиси, 1964. С. 72—74; *Сагинашвили М. Н.* Стеклянные сосуды Урбнисского могильника. Тбилиси, 1970. С. 87, 88, 93; *Нуриев А. Б.* О производстве стекла в древней Шемахе // МКА. Баку, 1965. Т. 6. С. 115; *Рзаев Н. И.* Художественное стекло Кавказской Албании // Изв. АН АзССР. Сер. обществ. наук. 1964. № 5. С. 91—101; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия из городища Кабалы // МКА. Баку, 1964. Т. 5. С. 158.
[129] *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э.—V в. н. э.) // САИ. М., 1970. Вып. Д1—27. С. 101, рис. 73, *4*; 74, *7*.
[130] Там же. С. 101, рис. 74, *10*.
[131] *Сагинашвили М. Н.* Стеклянные сосуды... Табл. 11.
[132] *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды из могильника Харакса // Кавказ и Восточная Европа... С. 184, рис. 1, *4*; С. 185, рис. 2, *10*.
[133] Там же. С. 185, рис. 2, *11*, *12*.
[134] Там же. С. 184, рис. 1, *5*; С. 185, рис. 2, *14*.
[135] *Нуриев А. Б.* О некоторых античных сосудах... С. 143, табл. II, *9*; С. 147, табл. III, *2*.
[136] *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия... С. 107, рис. 78, *18*, *19*.
[137] Там же. С. 109, рис. 79, *9*.
[138] *Сорокина Н. П.* Стеклянные сосуды... С. 185, рис. 2, *10*.
[139] Там же. С. 185, рис. 2, *11*, *12*, *15*, *18*.
[140] Там же. С. 185, рис. 16.
[141] *Угрелидзе Н.* Стекло в древней Грузии; *Нуриев А. Б.* О производстве стекла... С. 116, 121; *Он же.* О некоторых античных сосудах... С. 140—143.
[142] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло с Таманского городища // Керамика и стекло древней Тмутаракани. М., 1963. С. 141, рис. 3; С. 144, рис. 4; С. 154, 155.
[143] Там же. С. 141, рис. 3.
[144] Там же. С. 161.
[145] *Угрелидзе Н.* К истории производства... С. 8; *Сагинашвили М. Н.* Стеклянные сосуды... С. 92.

[146] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 138, рис. 1, *12*.
[147] Там же. С. 143.
[148] Там же. С. 136.
[149] Очерки истории СССР, III—IX вв. М., 1958. С. 725.
[150] МАК. 1900. Т. VIII. Табл. CXXVIII; *Сагинашвили М. Н.* Стеклянные сосуды... Табл. 178; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1.
[151] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 143.
[152] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 68, рис. 38.
[153] *Kraeling C. H.* Gerasa sity of Decapolis. New Haven, 1938. P. 532, pl. 28; *Harden D. B.* Roman Glass from Karanis. Ann Arbor, 1936. P. 191, pl. XVIII; *Harden D. B.* Tomb-groups of Glass of Roman date from Syria and Palestine // Iraq, 1949. R. II. P. 154.
[154] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 68, рис. 38.
[155] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1.
[156] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 144, 145, 156, рис. 4, 25, 5, 18.
[157] Там же. С. 156.
[158] *Угрелидзе Н.* Стекло в древней Грузии. Рис. 15—16; *Нуриев А. Б.* О производстве стекла... С. 116, 121; *Он же.* О некоторых античных сосудах... С. 140—143; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 158—159.
[159] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 141—155, рис. 3—4.
[160] Там же. С. 141; рис. 3.
[161] Там же. С. 161.
[162] *Качалов Н.* Стекло. С. 49.
[163] Там же. С. 48.
[164] *Джанполадян Р. М.* Средневековое стекло Двина IX—XIII вв. // Археологические памятники Армении. Ереван, 1974. Т. 7, вып. 2. Рис. 3—7, 12, 15—17, 37—39, 68—69, 76—77, 82, 85—86, 96, 107—109; *Фоменко В. П.* Стеклянные изделия городища Орен-кала VIII—X вв. // Изв. АН АзССР. Баку, 1963. № 7; *Она же.* О технике изготовления стеклянных изделий из Байлакана (Орен-калы) // МКА. Баку, 1976. 8. С. 219—222; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 158—159.
[165] *Давидович Е. А.* Стекло Нисы // Тр. ЮТАКЭ. Ашхабад, 1949. Т. 1. С. 373—399, рис. 1—3, 5; *Шишкин В. А.* Варахша. М., 1963. С. 79, рис. 3; *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1963. С. 111—147.
[166] *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 381, табл. III.
[167] *Шишкин В. А.* Варахша. С. 79, рис. 33, *12, 14*.
[168] *Фоменко В. П.* Стеклянные изделия городища Орен-кала VIII—X вв.; *Она же.* О технике изготовления... С. 219—222.
[169] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 158—159.
[170] *Фронджуло М. А.* О раннесредневековом ремесленном производстве в Юго-Восточном Крыму // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968. С. 150—151, рис. 16.
[171] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, 12, 16, 18; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 221, 222, табл. 1, 4.
[172] *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 379, 382, 386—388, табл. 2, *12*; рис. 4; *Шишкин В. А.* Варахша. С. 79, рис. 33, *10*.
[173] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 222, табл. 1.
[174] *Сорокина Н. П.* Позднеантичное и раннесредневековое стекло... С. 148—150, рис. 7, 8.
[175] *Саханев В. В.* Раскопки на Северном Кавказе в 1911—1912 гг. // МАК. 1914. Вып. 56. С. 138.
[176] *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 219—220, 222, табл. 1, *1, 3*.
[177] *Lamm C. J.* Das Glass von Samarra. Berlin, 1928. S. 10.
[178] *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 374—377, табл. I; *Шишкин В. А.* Варахша. С. 79, рис. 33, *13, 15—17*.

[179] *Фронджуло М. А.* О раннесредневековом... С. 151, рис. 16.
[180] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия. С. 159, табл. I; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 221.
[181] *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 386—387; *Шишкин В. А.* Варахша. С. 79, рис. 33, *5—7*; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 67, рис. 37.
[182] *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 222, табл. 1, *5*.
[183] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. I, *1—3*.
[184] *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 379—380, табл. II, *9*.
[185] *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. С. 64, табл. IX.
[186] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, *4, 6, 7*; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 222, табл. 1; *Угрелидзе Н.* К истории производства... С. 93; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки ремесленного квартала... С. 31, рис. 4, *2*.
[187] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 67, рис. 37; *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. С. 64, табл. IX; *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 379, табл. II.
[188] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, *4, 9, 17*; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 221; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки ремесленного квартала... С. 31, рис. 4.
[189] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, *9, 10*; *Нуриев А. Б.* О производстве стекла... С. 116; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 222, табл. 1; С. 31, рис. 4, *1*.
[190] *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. С. 62, рис. 75; *Шишкин В. А.* Варахша. С. 79, рис. 33, *3, 4, 8, 9*.
[191] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 159, табл. 1, *5, 11*.
[192] *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 379, табл. II, *3*; *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. С. 62, рис. 76.
[193] *Фронджуло М. А.* О раннесредневековом... С. 151, рис. 16, *3*.
[194] *Кропоткин В. В.* О производстве стекла и стеклянных изделий в средневековых городах Северного Причерноморья и на Руси // КСИИМК. 1957. 68. С. 36; *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник // Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961. С. 126; *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия средневековой Тмутаракани // Керамика и стекло древней Тмутаракани. С. 102—133; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 157—158; *Джанполадян Р. М.* Средневековое стекло... рис. 129—132; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 223—224.
[195] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 157—158; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 223—224.
[196] *Тиханова М. А.* Мангуп // МИА. 1953. 34. С. 374—375; *Шапова Ю. Л.* Стеклянные изделия... С. 103.
[197] *Кропоткин В. В.* О производстве стекла... С. 36; *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник. С. 126.
[198] *Львова З. А.* Стеклянные браслеты и бусы из Саркела-Белой Вежи // МИА. 1960. 75. С. 314, 319.
[199] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 157—158, 160, табл. 2, *1—7*; *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 223—225, табл. 2, *1—4*; *Исмизаде О. Ш.* О раскопках в Кабале... С. 105, 126, 127, табл. XIV, *5, 6*; табл. XV, *12*.
[200] *Львова З. А.* Стеклянные браслеты... С. 308—311.
[201] *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. 63; *Кропоткин В. В.* О производстве стекла... С. 36 и след.; *Шапова Ю. Л.* Стеклянные изделия... С. 104—112, рис. 2.
[202] *Кропоткин В. В., Соловьева Г. Ф.* К вопросу о производстве, распространении и датировке стеклянных браслетов древней Руси // КСИИМК. 1953. XXIX. С. 21 и след.
[203] *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 224, 225, табл. II, *5*; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 158, 160, табл. II, *11*.
[204] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия... С. 119, рис. 5.
[205] *Угрелидзе Н. Н.* Раскопки мастерской VII—VIII вв. у Орбети.—Доклад на сессии ИИМК, 54, 1959 г.
[206] *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 224, 225, табл. 2.

[207] *Ковалевская В. Б.* Производство и импорт средневековых бус Дагестана/МАД. Махачкала, 1973. Т. 3, С. 78.
[208] Там же. С. 70—71.
[209] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия... С. 121.
[210] *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 158, 160, табл. 2.
[211] *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 224—225, табл. 2.
[212] *Исаков М. И.* Археологические памятники Дагестана // С. 206.
[213] Там же.
[214] *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. С. 64, табл. IX; *Давидович Е. А.* Стекло Нисы. С. 380—381, табл. III; *Шишкин В. А.* Варахша. С. 79, рис. 33, 12; *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А.* Стеклоделие Средней Азии... С. 95—158, рис. 11.
[215] *Фоменко В. П.* Стеклянные изделия средневекового городища Оренкала XI—XIII вв. // Археологические исследования в Азербайджане. С. 161 и след.; *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник. С. 109, табл. 2, *2*.
[216] *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 219, табл. 1, *2*; *Она же.* Стеклянные изделия... С. 161—171; *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник... С. 109, табл. 2, 1.
[217] *Вяткин В. Л.* Городище Афрасиаб. С. 64, табл. IX.
[218—221] *Бусятская Н. Н.* Стеклянные изделия городов Поволжья (XIII—XIV вв.) // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976. С. 67, табл. VII, *4, 6*.
[222] Стеклянные браслеты древнего Новгорода // МИА. 1963. 117. С. 169; *Равдина Т. В.* Стеклянные браслеты Серенска // КСИА. 1978. 155. С. 76.
[223] *Фоменко В. П.* О технике изготовления... С. 225, 226, табл. 2, *9*; *Османов Ф. Л.* Стеклянные изделия... С. 160, табл. II, *9*.
[224] *Вактурская Н. Н.* Раскопки городища Ургенч в 1952 г. // Тр. ХАЭЭ. М., 1958. Т. 2. Рис. 9.
[225] *Львова З. А.* Стеклянные браслеты... С. 325; *Артамонова О. А.* Могильник Саркела — Белой Вежи // МИА. 1963. 109. С. 66, рис. 50, *10 а—д*; *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966. С. 74.
[226] *Щапова Ю. Л.* Стеклянные изделия... С. 172—173; *Арциховский А. В.* Курганы Вятичей. М., 1930. С. 34, рис. 31; *Фехнер М. В.* К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1959. Рис. 5, *10*; 6, *7* (Тр. ГИМ. Вып. 33).
[227] *Ковалевская В. Б.* Производство и импорт средневековых бус... С. 78.
[228] *Бутков П. Г.* Записка персидского похода 1796 г., или Все, что я видел, слышал, узнал // Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. СПб., 1869. Т. 2. Прил. С. 580—581.
[229] История агван Моисея Каганкатваци, писателя X века/Пер. К. Патканьяна. СПб., 1861. С. 105.
[230] *Аполлов Б. А.* Каспийское море и его бассейн. М., 1956. С. 76.
[231] *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни Дербентской крепости // Архитектурное наследство. 1964. 17. С. 127.
[232] *Хилаль ас-Саби.* Вузара. С. 217; *Бартольд В. В.* Дербент // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 422.
[233] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 422.
[234] *Ниберг Г. С.* Материалы по истолкованию пехлевийских надписей Дербенда // Изв. ООИА. Баку, 1929. № 3. С. 30—31.
[235] *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 352.
[236] *Щеблыкин И. П.* Остатки крепостных стен Кабалы // Докл. АН АзССР. Баку, 1945. Т. 1, № 2. С. 90; *Он же.* Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами. Баку, 1943; *Аракелян Б. Н.* Гарни I. С. 39; *Исмизаде О. Ш.* Кабала — столица древней Кавказской Албании // Вопросы истории Кавказской Албании. Баку, 1962. С. 59—62; *Леквинадзе В. А.* О древнейших оборонительных сооружениях Археополиса-Неокалакеви // СА. 1959. № 3. С. 144; *Он же.* Материалы по истории и архитектуре Апсарской крепости // Византийский временник. 1961. XX. С. 232; *Чилашвили Л. А.* Городище Урбниси. С. 162; История искусства народов СССР. М., 1973. Т. 2. С. 256.

[237] *Гиршман Р.* Раскопки французской экспедиции города Шапура в Фарсе // КСИИМК. 1947. XV. С. 43; *Ильин Г. Ф.* Древний индийский город Таксила. М., 1958. С. 68; *Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б.* Оборонительные сооружения городища Кей-Кобад-шах // КСИИМК. 1956. 64. С. 77.
[238] *Репников Н. И.* Остатки укреплений Эски-Кермана. Готский сборник // Изв. ГАИМК. 1932. Т. 12, вып. 1/8. С. 206; *Блаватский В. Д.* Материалы по античной фортификации в Северном Причерноморье // Изд. МГУ. Вып. 143. С. 135; *Гайдукевич В. Ф.* Итоги археологических исследований 1948—1953 гг. // МИА. 1958. 85. С. 162; *Якобсон А. Л.* Раннесредневековый Херсонес. С. 70; *Он же.* О средневековых крепостных стенах Мангупа // КСИИМК. 1949. 62 и след.; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 539—542; *Веймарн Б. В.* История и археология средневекового Крыма. М., 1958. С. 7; *Он же.* О двух неясных вопросах средневековья Юго-Западного Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. С. 47—61.
[239] *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни... С. 125, 127.
[240] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 288.
[241] *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии. С. 147—149.
[242] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* и др. Новые данные... С. 13—14; *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии. С. 148.
[243] *Хан-Магомедов С. О.* Ворота Дербента // АН. 1972. 20. С. 141.
[244] Там же.
[245] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели древнего Дербента // АО, 1973 г. М., 1974. С. 114.
[246] *Ибн ал-Факих.* Книга о странах/Пер. Н. А. Караулова // СМОМПК. Тифлис, 1902. XXXI. С. 25.
[247] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели... С. 114; *Он же.* Раскопки в Дербенте // АО, 1972 г. М., 1973. С. 132; *Он же.* Работы Дербентской экспедиции // АО, 1976 г. М., 1977. С. 106.
[248] *Хан-Магомедов С. О.* Джума-мечеть в Дербенте // СА. 1970. № 1. С. 205—211, рис. 3—5, 6б, 9.
[249] *Ибн ал-Факих.* Книга о странах. С. 25.
[250] *Хан-Магомедов С. О.* Стены и башни... С. 126, рис. 6; *Он же.* Ворота Дербента. С. 130—131, рис. 3.
[251] *Ибн ал-Факих.* Книга о странах. С. 25; *Бартольд В. В.* Дербент. С. 422.
[252] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 422; *Хан-Магомедов С. О.* Ворота Дербента. С. 130—135, рис. 3, 7.
[253] *Ибн ал-Факих.* Книга о странах. С. 25.
[254] *Веймарн Б. В.* Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. М., 1948. С. 18.
[255] *Ахраров И., Ремпель Л.* Резной штук Афрасиаба. Ташкент, 1971. С. 29.
[256] История Дагестана. М., 1967. Т. 1. С. 221.
[257] *Дибиров П. М.* Архитектурная резьба Дагестана. М., 1966; История Дагестана. Т. 1. С. 221.
[258] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели... С. 114; *Он же.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106.
[259] *Кудрявцев А. А.* Итоги первых раскопок в древнем Дербенте // Материалы сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований в Дагестане в 1971—1972 гг. Махачкала, 1974.
[260] Там же.
[261] Там же.
[262] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели. С. 114; *Он же.* Раскопки средневековых ханских дворцов в Дербенте // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. в Дагестане в 1973—1975 гг. Махачкала, 1976. С. 12.
[263] *Шишкин В. А.* Варахша. С. 166—185; рис. 81, 93—97.
[264] *Ахраров И., Ремпель Л.* Резной штук Афрасиаба. С. 95—111, рис. 72, 73, 75, 86, 88.
[265] *Веймарн Б., Каптерева Т., Подольский А.* Искусство арабских народов. М., 1960. С. 43; *Веймарн Б. В.* Архитектурно-декоративное искусство Узбекистана. С. 17.
[266] *Фрай Ричард.* Население Ирана. М., 1972. Рис. 111, 113; История искусства народов СССР. Т. 2. С. 288.

[267] История искусства народов СССР. Т. 2. С. 288; *Дибиров П. М.* Архитектурная резьба... С. 25—33; История Дагестана. Т. 1. С. 221.
[268] *Дибиров П. М.* Архитектурная резьба... С. 25 и след.; История Дагестана. Т. 1. С. 221.
[269] *Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В.* Профессиональные звания зодчих и мастеров архитектурного декора по данным строительной эпиграфики Азербайджана // Эпиграфика Востока. 1960. 13. С. 18—25.
[270] *Шихсаидов А. Р.* Надписи рассказывают. Махачкала, 1969. С. 72—73.
[271] *Бретаницкий Л. С., Саламзаде А. В.* Профессиональные звания... С. 25—26.
[272] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1968. Ч. 2. С. 25; *Шихсаидов А. Р.* Надписи... С. 73, 75.
[273] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники... Ч. 2. С. 25.
[274] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа. М., 1966. Ч. 1. С. 64.
[275] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники... Ч. 2. С. 27.
[276] Там же. С. 26.
[277] Там же. С. 25.
[278] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. М., 1963. С. 163—167.
[279] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 98.
[280] *Винокурова М. П.* Ткани из замка на горе Муг // ИООН АН ТаджССР. Душанбе, 1957. Вып. 14. С. 17—32.
[281] *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник // МАД. Махачкала. 1961. Т. 2. С. 263; *Иерусалимская А. А.* Ткань с Бахрамом Гуром из могильника Мощевая Балка // Тр. ГЭ. 1961. 5. С. 40—50; *Она же.* Археологические ткани как датирующий материал // КСИА. 1979. 158. С. 114—120; *Кузнецов В. А., Рунич А. П.* Погребение аланского дружинника IX в. // СА. 1974. № 3. С. 196—203.
[282] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б.* Из истории среднеазиатского шелкоткачества // СА. 1961. № 2. С. 66—78.
[283] *Ал-Истахри.* Книга путей и царств / Пер. В. Ф. Минорского // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. С. 168.
[284] Там же.
[285] *Ibn Haukal.* Viae et regna. P. 242.
[286] Chronique.... T. III. S. 494.
[287] Ibid.
[288] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. Махачкала, 1975. С. 23.
[289] Там же.
[290] Технические культуры / Под ред. И. В. Якушина, В. С. Кузнецова. М., 1955. С. 66.
[291] *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 168; *Ibn Haukal.* P. 281.
[292] *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 168.
[293] Jacut's geographisches Wörterbuch. I. S. 438.
[294] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 20.
[295] Jacut's. I. S. 438.
[296] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 38.
[297] *Саидов М. С.* Творчество дербентского ученого XI в. Абу Бакра Мухаммеда б. Муса б. ад-Фарадж ад-Дербенди // РФ ИИЯЛ. Ф. 3. Оп. 1. Д. 94. С. 5—7; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 124.
[298] Хотя Марко Поло упоминает Железные ворота в разделе о Грузии, нельзя предположить, что речь идет о Дарьяльском ущелье, так как ворота описаны им в теснине «между морем и горами». Следует отметить, что Железными воротами Дербент в XIII—XV вв. именуют европейские путешественники Рубрук, Клавихо и др.
[299] *Марко Поло.* Путешествие / Пер. И. П. Минаева; коммент. К. И. Кунира. Л., 1940. С. 19—23.
[300] Там же. С. 19.
[301] Там же. С. 20.
[302] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131—1153 гг.) / Публ. О. Г. Большакова; коммент. А. Л. Монгайта. М., 1971. С. 50 и след.

[303] *Барбаро Иосафат.* Путешествие // Путешественники об Азербайджане / Сост. З. И. Ямпольский. Баку, 1961. С. 74; *Контарини Амброзио.* Путешествие // Там же. С. 93.
[304] *Бутков П. Г.* Выдержки из «Проекта отчета о Персидской экспедиции в виде писем» // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. / Под ред. М. И. Косвена, Х. М. Хашаева, М., 1958. С. 202.
[305] *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник. С. 130.
[306] *Маргграф О. В.* Очерк кустарных промыслов Северного Кавказа с описанием техники производства. М., 1882. С. 144.
[307] Подробную типологическую и хронологическую классификацию см.: *Кудрявцев А. А.* Великий город на Каспии. С. 140—152.
[308] *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели Дербента // АО 1980 г. М., 1981. С. 106; *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* Ремесленное производство средневекового Дербента по материалам раскопок 1980—1981 гг. // Материалы сес., посвящ. итогам экспедиц. исслед. Ин-та ИЯЛ в 1980—1981 гг. Махачкала, 1982. С. 8—9.
[309] *Атаев Д. М.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. Махачкала, 1962. С. 221—226.
[310] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана... С. 10.
[311] *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания... С. 79.
[312] Там же.
[313] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* и др. Новые данные... С. 13—14.
[314] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 69—70.
[315] *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* Ремесленное производство... С. 8; Подробнее о металлообрабатывающих мастерских города см.: *Кудрявцев А. А.* Металлообрабатывающее производство средневекового Дербента (VI — середина XIII в.) // Древние промыслы, ремесло и торговля в Дагестане. Махачкала, 1984. С. 92—95.
[316] *Смирнов К. Ф.* Грунтовые могильники... С. 213—215, рис. 38, 39.
[317] *Кудрявцев А. А.* Первые исследования... С. 144.
[318] *Магомедов М. Г.* Верхнечирюртовский курганный могильник // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. С. 16, 29, рис. 4, 9.
[319] Там же. С. 24, рис. 7, 23.
[320] *Атаев Д. М.* Археологические исследования в Дидо // СА. 1961. № 1. С. 286. рис. 3; *Казиев С. М.* О некоторых типах оружия из Мингечаура // МКА. Баку, 1951. Т. 2. С. 17, 19, 29, табл. IV, V; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 76, 78, рис. 44.
[321] *Атаев Д. М.* Археологические исследования в Дидо. С. 286, рис. 3; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история Карачаево-Черкессии. М., 1971. С. 321, 323, рис. 20 б, 21 б; *Якобсон А. Л.* Археологические исследования... С. 19, рис. 9.
[322] *Магомедов М. Г.* К вопросу о происхождении культуры Верхнечирюртовского курганного могильника // Археологические памятники раннесредневекового Дагестана. С. 40—43; рис. 15.
[323] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 77—78, рис. 46.
[324] *Магомедов М. Г.* К вопросу о происхождении... С. 46.
[325] *Якобсон А. Л.* Археологические исследования... С. 19, рис. 9.
[326] Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 583; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 77, рис. 45.
[327] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие // САИ. Е1-36. М., 1966. С. 83 (тип. 90); С. 153, табл. 21.
[328] *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 241, 244, рис. 18, 24.
[329] *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история... С. 333, рис. 27 б; С. 341, рис. 32 б; *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник. С. 72, рис. 8.
[330] *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище Орен-кала в 1953—1955 гг. // МИА. 1959. 67. С. 142, рис. 111.
[331] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков // САИ. Е1-19. М., 1973. С. 77, табл. 29; С. 78, табл. 30; С. 88, табл. 38; С. 87, табл. 33.

[332] *Мажитов Н. А.* Южный Урал в XII—XIV вв. М., 1977. С. 198, табл. 1.
[333] *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие. С. 83, 153, табл. 21; *Халикова Е. А.* Билярские некрополи // Исследования великого города. М., 1976. С. 116, рис. 63.
[334] *Смирнов К. Ф.* Вооружение савроматов // МИА. 1961. 101. С. 73.
[335] *Атаев Д. М.* Археологические исследования в Дидо. С. 286, рис. 3; *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные о средневековых памятниках горного Дагестана // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 277, рис. 6.
[336] *Якобсон А. Л.* Археологические исследования... С. 19, рис. 9.
[337] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков. С. 51, табл. 3; С. 63, табл. 15; С. 69, табл. 17; С. 66, табл. 18; С. 71, табл. 23; С. 75, табл. 27 и др.; *Она же.* От кочевий к городам. М., 1967. С. 159—160, рис. 43.
[338] *Тереножкин А. И.* Холм Ак-Тепе близ Ташкента // Тр. ИИА АН УзССР. Ташкент, 1948. Т. 1; *Деревянко Е. И.* К вопросу о вооружении мохэского воина // Археология Северной и Центральной Азии. Новосибирск, 1975. С. 195, рис. 2.
[339] *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия племен Восточной Европы в раннем средневековье // СА. 1955. № 23. С. 165.
[340] *Магомедов М. Г.* К вопросу о происхождении... С. 42.
[341] *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия... С. 134.
[342] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 157.
[343] *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 232, рис. 8; *Он же.* Нагорный Дагестан в раннем средневековье. С. 166.
[344] *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки на городской стене... С. 163, рис. 18; *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 142, рис. 111, *Он же.* Археологические исследования... С. 19, рис. 9; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история... С. 339, табл. 31.
[345] *Плетнева С. А.* Древности Черных Клобуков. С. 51, табл. 3; С. 52, табл. 4; С. 66, табл. 18 и др.
[346] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 160.
[347] *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 241, рис. 20, *11.*
[348] *Якобсон А. Л.* Археологические исследования... С. 19, рис. 9.
[349] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 167, рис. 46, *1—3.*
[350] *Мерперт Н. Я.* Из истории оружия... С. 142.
[351] *Ал-Бируни.* Минералогия. М., 1963. С. 231.
[352] *Post P.* Orientalische Einflüsse auf die europäische Panzerung des Mittelalters.— ZWK, NF, Bd. II, H. 9. Berlin, 1928, S. 239.
[353] *Boecheim W.* Handbuch der Waffenkunde. Leipzig, 1890. С. 130; *Ал-Бируни.* Минералогия. С. 231.
[354] Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 50; *Тизенгаузен В.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. 2. С. 137.
[355] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. М., 1948. С. 231—233; *Медведев А. Ф.* К истории кольчуги в Древней Руси // КСИИМК. 1953. Вып. 49. С. 26—31; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие // САИ. Е1-36. Л., 1971. Вып. 3. С. 7—21.
[356] *Arwidsson G.* Valsgärde S. Kobenhavn, 1954, S. 41, 47—50; Oakeshott R. E. The archeology of weapons. London, 1960, p. 153.
[357] *Масуди.* Мурудж ад-Дзахаб. Гл. XVII/Пер. В. Ф. Минорского // *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 203.
[358] *Кудрявцев А. А.* Металлообрабатывающее производство... С. 111—112, табл. XII.
[359] *Гордеев Н. В.* Русский оборонительный доспех // Государственная Оружейная палата Московского Кремля. М., 1954. С. 64; *Колчин Б. А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси // МИА. 1953. 32. С. 150—151; *Кирпичников А. Н.* Древнерусское оружие. С. 13.
[360] *Рыбаков Б. А.* Ремесло Древней Руси. С. 23—32; *Колчин Б. А.* Черная металлургия... С. 150—152.
[361] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 47.
[362] *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания... С. 92, 93, табл. VII.
[363] *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 104.
[364] Там же. С. 104, рис. 65; *Минкевич-Мустафаева Н. В.* Раскопки на городской стене... С. 163, рис. 18; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история...

С. 334—337, рис. 28 а, 28 б, *12*, 29 б, *9*; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 499.
[365] *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.). М., 1976. С. 135, рис. 82; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 73, 74, рис. 42.
[366] Очерки истории СССР III—IX вв. С. 645, 718, 851.
[367] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана... С. 11.
[368] *Плетнева С. А.* От кочевий к городам. С. 152—153, рис. 41.
[369] История Дагестана. Т. 1. С. 134—136; *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана... С. 10—11.
[370] История Дагестана. Т. 1. С. 177—178; *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана... С. 11.
[371] История Дагестана. Т. 1. С. 134.
[372] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 50.
[373] *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие и застройка средневекового Дербента в свете новых археологических данных // Материалы сес., посвящ. итогам полевых работ в Дагестане в 1978—79 гг. Махачкала, 1980. С. 10—11.
[374] История Дагестана. Т. 1. С. 224—226.
[375] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана... С. 12.
[376] К подобным центрам можно отнести Урцеки, Аркас, Бежта, Кубачи, Гоцатль и др.
[377] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана... С. 12.
[378] *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие... С. 10; *Он же.* Металлообрабатывающее производство... С. 102—117.
[379] История Дагестана. Т. 1. С. 153.
[380] *Маммаев М. М.* Ремесло Дагестана... С. 12.
[381] История Дагестана. Т. 1. С. 224.
[382] Там же.
[383] *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник. С. 259, рис. 9, *11*; С. 261, рис. 11, *1*; *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 144, рис. 113; *Он же.* Археологические исследования... С. 19, рис. 9; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 525; *Фоменко В. П.* Раскопки мавзолея и некрополя близ городища Орен-кала в 1958 г. // МИА. 1965. 133. С. 52, рис. 5, *3*; *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 232, рис. 8; *Он же.* Археологические исследования в горном Дагестане осенью 1962 г. // МАД. Махачкала, 1973. Т. 3. С. 53—54, рис. 4, *6*.
[384] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 85, рис. 52; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19, *14—16*; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 107, рис. 60.
[385] *Фронджуло М. А.* О раннесредневековом ремесленном производстве... С. 150, рис. 15.
[386] *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 232, 241, рис. 8, *19*; 20, *11*; *Он же.* Археологические исследования в Дидо. С. 53, 54, рис. 3—6.
[387] *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 144, рис. 113; *Он же.* Археологические исследования... С. 19, рис. 9; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 639.
[388] *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 109, рис. 62; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 88, рис. 54; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19.
[389] Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 723; *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 233, 241, рис. 10, *2*; 18, *9*; *Он же.* Археологические исследования в Дидо. С. 55, рис. 7, *4*; *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник. С. 258, рис. 8, *9*.
[390] *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 144, рис. 113 ж; *Алексеева Е. П.* Древняя и средневековая история... С. 328, 329, рис. 24, 25, 33а; *Кузнецов В. А.* Змейский катакомбный могильник. С. 120, табл. IX, *2*; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 291, 616.
[391] Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 546; *Махнева О. А.* О плитовых могильниках средневекового Крыма // Археологические исследования средневекового Крыма. С. 161—163, рис. 7, 9.
[392] *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 107, рис. 60, *12—17*; *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 85, рис. 52; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19, *13*, *39*.

393 *Спицын А. А.* Бухарский клад и Мономахова шапка // МАК. СПб., 1909. Вып. 29. С. 73, 74 и след., табл. I—IV.
394 *Кондаков Н.* Русские клады. СПб., 1896. Т. 1. С. 56, 58; рис. 30, 35; *Махнева О. А.* О плитовых могильниках... С. 162—164, рис. 8.
395 Там же.
396 *Котович В. Г., Мунчаев Р. М., Путинцева Н. Д.* Некоторые данные... С. 276, рис. 5, *2, 3*; *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 241, рис. 20, *10*; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 107, рис. 60; *Левина Л. М.* Керамика... С. 79, рис. 19.
397 *Путинцева Н. Д.* Верхнечирюртовский могильник. С. 257, 258, 261, рис. 7, *20*; 8, *7*; 11, *3*; *Атаев Д. М.* Некоторые средневековые могильники... С. 233, рис. 10, *5—7*; *Он же.* Археологические исследования в Дидо. С. 55, рис. 7, *3*.
398 *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 78, рис. 53; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 609.
399 *Кудрявцев А. А.* Территориальное развитие... С. 10—11; *Он же.* Металлообрабатывающее производство... С. 95, 117.
400 *Киласов Р.* Из истории торговли в Дагестане // Вопросы истории и этнографии Дагестана. Махачкала, 1974. Вып. 5. С. 157.
401 *Маркс К.* Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 46, ч. 1. С. 470.
402 *Якубовский А. Ю.* Главные вопросы изучения истории развития городов Средней Азии // Тр. Тадж. ФАН СССР. 1951. Т. 39. С. 13; *Лавров В. А.* Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950. С. 60; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 351.
403 *Каждан А.* Византийские города в VII—XI вв. // СА. 1954. №21. С. 187; *Пигулевская Н.* Города Ирана в раннем средневековье. М.; Л., 1956. С. 5, 267.
404 *Апакидзе А. М.* Результаты археологического изучения античных городов Грузии // Античный город. М., 1963. С. 151; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 274—277.
405 *Болтунова А. И.* Античные города Грузии и Армении // Античный город. С. 163; *Арутюнян В. М.* Градостроительная культура средневековой Армении // Ист.-филос. журн. Ереван, 1963. № 2. С. 100; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 499.
406 *Пахомов Е. А.* Пайтаракан — Байлакан — Орен-кала // МИА. 1959. 67. С. 24; *Якобсон А. Л.* Раскопки на городище... С. 104; *Ашурбейли С. Б.* Очерки истории средневекового Баку. Баку, 1964. С. 59, 78; Очерки истории СССР, III—IX вв. С. 534.
407 *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 168; p. 242; *Петрушевский И. П.* Хамдаллах Казвини как источник по социально-экономической истории Восточного Закавказья // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1937. №4. С. 908; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. С. 179—183; История Дагестана. Т. 1. С. 136—137.
408 *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 31; *Он же.* Средневековый город Дагестана и его связь с сельским хозяйством // Ближний и Средний Восток: Товарно-денежные отношения при феодализме. М., 1980. С. 231—237.
409 *Баладзори.* Книга завоевания стран / Пер. П. К. Жузе. Баку, 1927. С. 5; Jakut's. I. S. 437—442.
410 *Пигулевская Н. В.* К вопросу о городах Ирана в раннем средневековье // СВ. 1955. № 6. С. 72; *Она же.* Города Ирана... С. 267.
411 Jakut's. I. S. 438.
412 *Пигулевская Н.* Города Ирана... С. 208—209.
413 Там же. С. 216—218; *Дьяконов М. М.* Очерк истории древнего Ирана. М., 1961. С. 310.
414 *Баладзори.* Книга завоевания стран. С. 17—18.
415 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 46.
416 Там же. С. 78.
417 Там же. С. 47, 52, 53, 62, 74, 75 и др.
418 История Дагестана. Т. 1. С. 132.
419 Derbend-Nâmeh, P. 582.
420 *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 168.
421 *Dorn B.* Beitrage..., S. 417—505; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 17.

422 *Ibn Haukal.* С. 242; Jacut's I. S. 236.
423 *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 17.
424 *Петрушевский И. П.* Хамдаллах Казвини... С. 908.
425 *Кучкин В. А.* «Сказание о Железных воротах» // АЕ, 1964. М., 1965. С. 276.
426 *Вильгельм де Рубрук.* Путешествие в восточные страны / Пер. А. И. Малейна. СПб., 1911. С. 170.
427 *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели... С. 114.
428 Derbend-Nâmeh, p. 583.
429 *Кудрявцев А. А.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106.
430 История агван Моисея Каганкатваци. С. 5.
431 *Левиатов В. Н.* Археологические раскопки 1945 г. при дворце ширваншахов в г. Баку // Изв. АН АзССР. Баку, 1948. №1. С. 122; *Ашурбейлин С. Б.* Очерк истории... С. 59; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 36; *Кудрявцев А. А.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106.
432 Huduod-al-Alam / transl. and explained by V. Minorsky // E. J. W. Gibb. Memorial series, new series, XI. London, 1937. P. 142—145.
433 *Золотов К. П.* Роль охоты и животноводства в хозяйственной жизни народов Дагестана // МАД. Махачкала, 1961. Т. 2. С. 288—290.
434 *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 39—40.
435 История Дагестана. Т. 1. С. 132.
436 *Гаджиева С. Ш., Османов М. О., Пашаева А. Г.* Материальная культура даргинцев. Махачкала. 1967. С. 39.
437 Там же.
438 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 73, 74.
439 Там же. С. 73.
440 Там же. С. 74.
441 История Дагестана. Т. 1. С. 156.
442 Там же. С. 132.
443 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 168.
444 История Дагестана. Т. 1. С. 132.
445 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 168.
446 Там же. С. 70, 75.
447 *Саидов М.-С.* Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5—7; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 124.
448 *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 289.
449 Там же. С. 289—290.
450 *Ал-Бируни.* Минералогия. С. 85.
451 *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 290.
452 Там же.
453 *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 38.
454 *Бутков П. Г.* Выдержки из «Проекта отчета...». С. 202.
455 *Саидов М.-С.* Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5—7.
456 *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 289.
457 Там же.
458 История Дагестана. Т. 1 С. 132.
459 *Бутков П. Г.* Выдержки из «Проекта отчета...». С. 200.
460 *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город... С. 290.
461 *Саидов М. -С.* Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5—7.
462 *Кудрявцев А. А.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106.
463 *Масуди.* Мурудж ад-Дзахаб. Гл. XVII. С. 199.
464 *Ленин В. И.* Развитие капитализма в России // Полн. собр. соч. Т. 3. С. 329.
465 *Страбон.* География. XI, 5, 8.
466 *Кудрявцев А. А.* Развитие торговли в Дербенте в VI — первой половине XIII в. // Ближний и Средний Восток. С. 108—116.
467 *Пигулевский Н. В.* Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. 1939. №1. С. 114, 115; *Она же.* Сирийские источники по истории народов СССР. М.; Л., 1941. С. 148 и след.; *Клавдий Элиан.* О животных. XVII. 32; *Заходер Б. Н.*

Каспийский свод сведений... С. 115—116, 167—168; История Дагестана. Т. 1. С. 138.

468 *Кудрявцев А. А.* Развитие торговли в Дербенте... С. 100; *Он же.* Древний Дербент. М., 1982. С. 115.

469 История Дагестана. Т.1. С. 138.

470 *Кудрявцев А. А.* Развитие торговли в Дербенте... С. 110; *Он же.* Древний Дербент. М., 1982. С. 114.

471 Из северных мехов, которые ал-Истахри и Ибн Хаукал называли «хазарскими», особенно ценились шкурки черных лисиц, достигавшие, согласно данным Масуди, «цены в 100 динаров или даже больше. Арабские и персидские цари гордились черными мехами... и немыслимо [было], чтобы царь не имел кафтана или шубы, подбитых этими черными лисицами буртаси». См.: *Масуди.* Мурудж ад-Дзахаб. Гл. XVII. С. 196.

472 *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 168; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений... С. 168.

473 Худуд ал-'алем/Рукопись Туманского: Введ. и указ. В. Бартольда. Л., 1930; *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 168; Viae et regna. Description ditionis moslemicae auctore Abu'l-Kasim Ibn Haukal // BGA. II. Lugduni Batavorum, 1873. S. 281.

474 Annales Quos scripsit Abu Djafar Mohammed ibn Djarir at-Tabari, cum allis edidit M. J. de Goeje. Lugduni Batavorum. 1879. Ser. 1, P. 438.

475 Там же.

476 BGA. I.192, 217—226; *Бунятов Зия.* Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965. С. 166—170; *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений... С. 179—183.

477 *Бартольд В. В.* Дербент. С. 419.

478 *Масуди.* Мурудж ад-Дзахаб. II. 61; см. также: *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений... С. 160.

479 См. подробно об этом в разделе «Ткацкое производство».

480 Chronique de Abou-Djafar-Mohammed ben Djarir ben Jesid Tabari, traduite sur la version persane d'Abou-Ali Mohammed Belami.../par M. H. Zotenberg. P., 1867—1874. T. 3. P. 494.

481 *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 168.

482 *Ibn Haukal.* С. 282.

483 *Бартольд В. В.* Дербент. С. 424.

484 *Ал-Истахри.* Книга путей и царств. С. 168.

485 *Ibn Haukal.* С. 281.

486 BGA. I, 226, 227; *Бартольд В. В.* Дербент. С. 419.

487 *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания... С. 78, 99; *Он же.* Развитие торговли в Дербенте... С. 112—113; *Он же.* Древний Дербент. С. 137—138.

488 Там же.

489 *Кверфельдт Э. К.* Керамика Ближнего Востока. С. 26.

490 *Кудрявцев А. А., Гаджиев М. С., Гамзатов Г. Г.* и др. Новые данные... С. 14.

491 *Джанполадян Р.* Сфероконические сосуды из двинских раскопок // Тр. ГИМА. Ереван, 1950. Т. 3. С. 166; *Шелковников Б. А.* Керамика и стекло из раскопок города Двина // Там же. 1952. Т. 4 С. 33—34; *Ахмедов Г. М.* Неполивная керамика... С. 225.

492 *Кудрявцев А. А.* О численности населения средневекового Дербента // VIII Крупновские чтения: (Тез. докл.). Нальчик, 1978. С. 86—88.

493 История Дагестана. Т. 1. С. 177, 178.

494 Там же. С. 179, 181.

495 Там же. С. 176, 181.

496 Там же. С. 216, 224, 225; *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Маммаев М. М.* Раскопки Нижнечуглинского городища // АО, 1975 г. М., 1976. С. 117, 118.

497 Там же. С. 179—180, 223—224; С. 117—118.

498 *Абакаров А. И.* Сосуды с надписями из Нижнечуглинского городища; Археология Северного Кавказа: VI Крупновские чтения в Краснодаре. М., 1976. С. 4.

499 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 50 и след.

500 *Кудрявцев А. А.* Раскопки богатого здания... С. 81, 92, 103; *Он же.* Развитие торговли в Дербенте... С. 114.

501 *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели древнего Дербента. С. 114; *Он же.* Раскопки богатого здания... С. 81, 99.

502 *Кудрявцев А. А.* Раскопки в цитадели древнего Дербента. С. 114; *Он же.* Исследования в древнем Дербенте // АО 1975 г. С. 134; *Он же.* Работы Дербентской экспедиции. С. 106; *Он же.* Развитие торговли в Дербенте... С. 114.

503 Там же.

504 Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати... С. 26.

505 Там же. С. 50.

506 История Дагестана. Т. 1. С. 216, 224, 225; *Гаджиев М. Г., Абакаров А. И., Маммаев М. М.* Раскопки... С. 117, 118.

507 *Пахомов Е. А.* О Дербентском княжестве XII—XIII вв. // Изв. АзГНИИ. Баку, 1930. Т. 1, вып. 2. С. 3—13; *Исаков М. И.* Археологические памятники... С. 205—206; История Дагестана. Т. 1. С. 214; *Кудрявцев А. А.* Развитие торговли в Дербенте... С. 114.

508 *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 163.

509 *Джанашиа С. Н.* Труды. Тбилиси, 1949. Т. 1; 1952. Т. 2. На груз. яз.; *Еремян С. Т.* О рабстве и рабовладении в древней Армении // ВДИ. 1950. № 1; *Он же.* Опыт периодизации истории Армении периода феодализма // ВИ. 1951. № 7; *Он же.* О развитии городов и городской жизни в древней Армении // ВДИ. 1950. № 1; *Он же.* Проблема падения рабовладельческого общества и зарождения феодальных отношений в древней Армении // Доклады советской делегации на XXIII Международном конгрессе востоковедов. М.; Л., 1954; Очерки истории СССР, III—IX вв.; История СССР с древнейших времен до наших дней. М., 1966. Первая серия. Т. I—IV; *Саркисян Г. Х.* Тигранакерт. М., 1960; *Он же.* О путях социально-экономического развития древней Армении. Ереван, 1961. На арм. яз. Рез. на рус. яз.; *Сукиасян А. Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма. Ереван, 1963.

510 *Манандян Я. А.* Феодализм в древней Армении. Ереван, 1934. На арм. яз.; *Он же.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен. Ереван, 1954; *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959; *Он же.* Политическое объединение феодальной Грузии и некоторые вопросы развития феодальных отношений в Грузии. Тбилиси, 1973; *Он же.* К вопросу о характере древних закавказских и средневековых горских северокавказских обществ // История СССР. 1975. № 6; *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972; *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма в странах Закавказья. М., 1980; *Акопян С. Е.* История армянского крестьянства. Ереван, 1957. Т. 1. На арм. яз.; *Мамедова Ф.* «История албан» Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании. Баку, 1977.

511 *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма... С. 186—207.

512 Там же. С. 189.

513 История Дагестана. Т. 1. С. 144.

514 *Якубовский А. Ю.* Об испольных арендах в Ираке в VIII в. // СВ. 1947. 4. С. 171—180.

515 *Петрушевский И. П.* Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII—XIV веков. М.; Л., 1960. С. 308—313.

516 *Али-Заде А. А.* Социально-экономическая и политическая история Азербайджана XIII—XIV вв. Баку, 1956. С. 76—77; *Бунятов Зия.* Азербайджан в VII—IX вв. С. 128.

517 *Меликишвили Г. А.* К вопросу о характере... С. 90; *Робакидзе А. И.* Некоторые черты горского феодализма на Кавказе // Генезис, основные этапы, общие пути и особенности развития феодализма у народов Северного Кавказа: Регион. науч. конф. Махачкала, 1980. С. 3—5.

518 *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма... С. 173.

519 *Пигулевская Н.* Города Ирана... С. 267.

520 Там же.

521 *Баладзори.* Книга завоевания стран. С. 7; Ибн ал-Факих. Книга о странах. С. 17; *Кудама.* Книга о харадже/Пер. Н. А. Караулова. // СМОМПК. Тифлис, 1903, XXXII. С. 33.

522 *Пигулевская Н.* Города Ирана... С. 272.

523 Там же. С. 272—273.

524 Там же. С. 272.

[525] Там же. С. 276.
[526] *Кудрявцев А. А.* Древний Дербент. С. 112—113.
[527] *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма... С. 185.
[528] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 75, 164.
[529] *Саидов М.-С.* Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 6—7.
[530] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники... Ч. 1 С. 74; *Шихсаидов А. Р.* Надписи... С. 72—73.
[531] *Кудрявцев А. А., Шихсаидов А. Р.* Опыт периодизации экономического развития Дербента. Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979. С. 136—137; *Кудрявцев А. А.* Основные этапы развития ремесленного производства Дербента VI—XIII вв. С. 45—47; *Он же.* Территориальное развитие... С. 10—11; *Он же.* Древний Дербент. М., 1982. С. 155—163.
[532] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 75, 164.
[533] Там же. С. 163.
[534] *Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. С. 51.
[535] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 67—70, 73—77, 163.
[536] *Ашурбейли С. Б.* Очерки истории... С. 101; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 164.
[537] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 73, 74, 167.
[538] Там же. С. 68, 72, 73 и др.
[539] Там же. С. 72.
[540] *Якубовский А. Ю.* Феодализм на Востоке. Л., 1932. С. 4—5.
[541] *Бейлис В. М.* Из наблюдений над текстом и терминологией сборника рассказов, стихов и песен Масуда ибн Намдара (ок. 1111 г.) // Письменные памятники Востока, 1968. М., 1970. С. 19; *Аракелян Б. Н.* Развитие ремесла... С. 120—121, 146.
[542] *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма... С. 183.
[543] *Дьяконов М. М.* Очерк истории... С. 311—312.
[544] *Егише.* О Вардане и войне армянской.../Пер. И. А. Орбели. Ереван, 1971. С. 53.
[545] *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма... С. 197.
[546] Там же.
[547] Там же. С. 197—198.
[548] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 38.
[549] *Масуди.* Мурудж ад-Дзахаб. С. 208.
[550] *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма... С. 187.
[551] Там же.
[552] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 165.
[553] Там же.
[554] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 425.
[555] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 163.
[556] Там же. С. 68.
[557] Там же. С. 68—77.
[558] Там же. С. 164.
[559] Derbend-Nâmeh. P. 135; *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 165.
[560] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 118.
[561] *Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С.* Из истории... С. 48.
[562] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 74.
[563] Там же. [564] Там же. С. 75. [565] Там же. С. 57, 74. [566] Там же. С. 57, 74, 75. [567] Там же. С. 74. [568] Там же. С. 76.
[569] *Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С.* Из истории... С. 14—37; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 61—85.
[570] *Якубовский А. Ю.* Феодализм на Востоке. С. 4; *Он же.* Вопросы периодизации... С. 36; *Петрушевский И. П.* Очерки истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI—начале XIX в. Л., 1949. С. 153—157; *Он же.* Земледелие и аграрные отношения... С. 256—269; *Али-Заде А. А.* Социально-экономическая... С. 169—185; *Пигулевская Н. В.* Зарождение феодальных отношений на Ближнем Востоке // УЗ ИВ. 1958. Т. 16. С. 16—19; *Надирадзе Л. И.* Проблема государственной собственности в халифате в VII—VIII вв. // Арабские страны: История экономики. М., 1970. С. 183.

[571] *Магомедов Р. М.* История Дагестана. Махачкала, 1961. С. 115.
[572] *Новосельцев А. П.* Пути развития и особенности феодальной формации в странах Закавказья: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1973. С. 34—35.
[573] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 63.
[574] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 64.
[575] Там же. С. 62. [576] Там же. С. 46. [577] Там же. С. 79.
[578] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 68—69.
[579] *Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны/Пер. и коммент. З. М. Буниятова. Баку, 1973. С. 221.
[580] Подробно о дийа в Дагестане см.: *Алиев Б. Г., Ахмедов Ш. М., Умаханов М.-С.* Из истории... С. 19—24.
[581] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 47, 53, 57, 62, 74.
[582] Там же. С. 157—158.
[583] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 72—73.
[584] *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути... С. 120.
[585] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 75.
[586] Derbend-Nâmeh. P. 590, 592—593.
[587] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 163.
[588] Там же. С. 70, 75, 79.
[589] Там же. С. 75.
[590] *Якубовский А. Ю.* Ирак на грани VIII—IX вв. // Тр. I сессии арабистов. М.; Л., 1937. С. 46.
[591] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. М., 1956. С. 154.
[592] *Заходер Б. Н.* Каспийский свод сведений... С. 160.
[593] *Рашид ад-Дин.* Сборник летописей. М., 1946. Т. 3. С. 118.
[594] *Якубовский А. Ю.* Феодализм на Востоке. С. 6. [595] Там же.
[596] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 122.
[597] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 167.
[598] Там же. С. 73, 167.
[599] *Бейлис В. М.* Из наблюдений над текстом и терминологий... С. 19.
[600] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 73, 78.
[601] История Армении Фавстоса Бузанда/Пер. М. А. Геворгяна. Ереван, 1953. С. 14.
[602] *Новосельцев А. П.* Генезис феодализма... С. 202.
[603] История Армении... С. 14.
[604] *Егише.* О Вардане и войне армянской. С. 169—170.
[605] История агван Моисея Каганкатваци. С. 90.
[606] Там же. С. 131; История Дагестана. Т. 1 С. 164.
[607] История агван Моисея Каганкатваци. С. 280.
[608] *Кудрявцев А. А.* О христианстве в Дербенте // X Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. М., 1980. С. 48—51.
[609] *Артамонов М. И.* Древний Дербент // СА. 1946. №8. С. 141—143; *Кудрявцев А. А.* О христианстве в Дербенте. С. 49—50.
[610] История агван Моисея Каганкатваци. С. 261.
[611] *Дьяконов М. М.* Очерк истории... С. 285.
[612] *Артамонов М. И.* Древний Дербент. С. 142—143; *Хан-Магомедов С. О.* Джума-мечеть в Дербенте. С. 211—214, 220.
[613] *Дьяконов М. М.* Очерк истории... С. 286.
[614] Тарихи Дербенд-наме. Тифлис, 1898. С. 78—79.
[615] История агван Моисея Каганкатваци. С. 261.
[616] *Магомедов Р. М.* Дагестан. Махачкала, 1971. С. 64.
[617] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники Северного Кавказа X—XX вв. М., 1980. Ч. 3. С. 17, 19, 27.
[618] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 78; *Саидов М.-С.* Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 6—7 и след.; *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники. Ч. 3. С. 17, 27.
[619] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 68—69.
[620] *Лавров Л. И.* Эпиграфические памятники... Ч. 3. С. 17, 27.
[621] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 46, 48, 65, 68, 70, 163.

[622] Там же. С. 46—47, 65, 68, 70 и др.
[623] Там же. С. 65. [624] Там же. С. 46.
[625] *Баладзори.* Книга завоевания стран. С. 20.
[626] Derbend-Nâmeh. P. 590, 592.
[627] Ibid., P. 592-593.
[628] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 47.
[629] Там же. С. 51, 61, 67, 70, 73, 78 и др.
[630] Там же. С. 68. [631] Там же. С. 68—69. [632] Там же. С. 165.
[633] *Якубовский А. Ю.* Феодализм на Востоке. С. 27.
[634] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 168.
[635] История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970. С. 356.
[636] *Шихсаидов А. Р.* Дагестан в X—XIV вв. С. 168.
[637] *Саидов М.-С.* Творчество дербентского ученого XI в. ... С. 5—7.
[638] Там же.
[639] *Бертельс Е. Э.* История персидско-таджикской литературы. М., 1966. С. 523.
[640] *Бертельс Е. Э.* Суфизм и суфийская литература. М., 1965. С. 41.
[641] Derbend-Nâmeh. P. 591.
[642] *Ibn al-Athiri.* Chronicon quod perfectissimus inscribitur/C. J. Tornberg // Upsaliae et Legduni Batavorum, 1851—1876. Vol. VIII. P. 376.
[643] *Бартольд В. В.* Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // Соч. М., 1963. Т. 2, ч. 1. С. 682.
[644] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 53.
[645] Там же. С. 55. [646] Там же. С. 55—57, 72—73, 79.
[647] *Тихомиров М. Н.* Древнерусские города. С. 215.
[648] Там же.
[649] *Маркс К.* Китайские дела // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 15. С. 529.
[650] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 45—46.
[651] Там же. С. 67—79. [652] Там же. С. 68. [653] Там же. С. 67—68.
[654] Там же. С. 73. [655] Там же. С. 73—74. [656] Там же. С. 76.
[657] Там же. С. 166—167.
[658] Там же. С. 66, 68—69, 72, 73—79.
[659] Там же. С. 67,70,72, 73—75 и след.
[660] *Бартольд В. В.* Дербент. С. 421.
[661] Тарихи Дербенд-наме. С. 78—79.
[662] *Сухарева О. А.* Квартальная община позднефеодального города Бухары. М., 1976. С. 17.
[663] *Lapidus I. M.* Muslim cities and Islamic socientis // Middle Eastern cities/Lapidus. Berkeley, 1969. P. 47—79.
[664] *Косвен М. О.* Семейная община и патрономия. М., 1963. С. 190—194; *Исламмагомедов А. И.* Материальная культура аварцев. Махачкала, 1967. С. 117—118.
[665] *Гордлевский Вл.* Государство сельджукидов Малой Азии. М.; Л., 1941. С. 125; *Петрушевский И. П.* Городская знать в государстве Хулагуидов // СВ. 1948. 5. С. 37—38.
[666] *Бартольд В. В.* Соч. М., 1966. Т. 6. С. 157.
[667] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 52, 62, 68, 72, 77.
[668] Там же.
[669] *Магомедов Р. М.* Дагестан. С. 65; *Шихсаидов А. Р.* Дагестан. С. 141.
[670] *Минорский В. Ф.* История Ширвана и Дербенда. С. 166.
[671] Там же. С. 68. [672] Там же. С. 69. [673] Там же. [674] Там же. С. 72, 77.
[675] *Кудрявцев А. А.* Интерпретация сведений «Тарих Баб ал-абваб» по исторической топографии средневекового Дербента в свете археологического изучения города // Источниковедение и текстология Ближнего и Среднего Востока. М., 1984. С. 48—49.
[676] *Кудрявцев А. А.* О численности населения... С. 86—88.
[677] *Бутков П. Г.* Выдержки из «Проекта отчета...». С. 202; *Симонович Ф. Ф.* Описание Южного Дагестана // История, география и этнография Дагестана XVIII—XIX вв. М., 1958. С. 143.
[678] *Хан-Магомедов С. О.* Дербент. М., 1958. С. 29.
[679] *Кудрявцев А. А.* О численности населения... С. 88.
[680] *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город. С. 263.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЕ — Археографический ежегодник
АзГНИИ — Азербайджанский государственный научно-исследовательский институт
АН — Архитектурное наследство
АО — Археологические открытия
ВДИ — Вестник древней истории
ВИ — Вопросы истории
ВОРАО — Труды Восточного отделения Российского археологического общества
ВУА — Военно-ученый архив (в Центральном гос. Военно-историческом архиве)
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ — Труды Государственного Исторического Музея
ГИМА — Труды Государственного исторического музея Армении
ГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ДС — Дагестанский сборник
ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
ИИ — Труды Института истории АН АзССР
ИИАЭ — Труды Института истории, археологии и этнографии АН КазССР
ИМКУз — История материальной культуры Узбекистана
ИООН — Известия Отделения общественных наук АН ТаджССР
ИФЖ — Историко-филологический журнал
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МАГК — Материалы по археологии Грузии и Кавказа
МАД — Материалы по археологии Дагестана
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МКА — Материальная культура Азербайджана
ОНУз — Общественные науки в Узбекистане
ПИМК — Проблемы истории материальной культуры
ПК — Памятники культуры
РФ ИИЯЛ — Рукописный фонд Института истории, языка, литературы (Дагест. фил. АН СССР)
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СВ — Советское востоковедение
СГЭ — Сообщения Государственного Эрмитажа
СМОМПК — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа
СЭ — Советская этнография
ХАЭЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ЮТАКЭ — Труды Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции
ТОВЭ — Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа
УЗ АзГУ — Ученые записки Азербайджанского государственного университета
УЗ ИВ — Ученые записки Института востоковедения АН СССР
УЗ МГУ — Ученые записки Московского государственного университета
BGA — Bibliotheca geographonum arabicorum
BSOAS — Bulletin of the School of Oriental and African Studies of University of London
FHG — Fragmenta historicorum graecorum
JA — Journal Asiatique. Paris
JESHO — Journal of the Economic and Social History of Orient. Leiden
MA — Mélagnes Asiatique. Paris
REI — Revue des études islamiques. Damas
RSO — Rivista degli Studi Orientali. Roma

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

Глава первая
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ РАЗВИТИЯ ДЕРБЕНТА 13

Возникновение Дербента 13
Сасанидское завоевание и этапы фортификационного строительства 18
Дербент под властью арабских халифов 31
Дербентский эмират 37

Глава вторая
СЛОЖЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ДЕРБЕНТА 47

Структура и застройка города в VI—начале VIII в. 48
Формирование топографии Дербента в VIII—X вв. 65
Территориальный рост и развитие города в X—середине XIII в. 76

Глава третья
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕРБЕНТА В VI—СЕРЕДИНЕ XIII В. 95

Ремесленное производство города и периодизация его развития 95
Гончарное производство 97
Стеклоделие 134
Строительное дело и камнеобработка 153
Ткацкое производство 164
Металлообработка 169
Обработка цветных металлов и ювелирное дело 178
Обработка кости 182
Роль сельского хозяйства в экономике средневекового Дербента 184
Земледелие 184
Животноводство 187
Ремесла, связанные с переработкой продуктов сельского хозяйства 189
Торговля в Дербенте в VI—первой половине XIII в. 193
Социальный строй Дербента VI—середины XIII в. 249
Социальная структура дербентского общества VI—первой половины XIII в. 251

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 280

ПРИМЕЧАНИЯ 288

Список сокращений 319